

№20(217), вып. 34
Декабрь 2015
НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета**
Философия Социология Право

Основан в 1995 г.
Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской
Федерации, в которых рекомендуется
публикация основных результатов
диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук

Belgorod State University
Scientific bulletin
Philosophy Sociology Law

Учредитель:
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего проф-
фессионального образования «Белгородский
государственный национальный исследова-
тельский университет»

Издатель:
НИУ «БелГУ»
Издательский дом «Белгород»

Адрес редакции, издателя, типографии:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массо-
вой информации ПИ № ФС 77-63053 от 10
сентября 2015 г.

Выходит 4 раза в год.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

О.Н. Полухин,
ректор НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,
проректор по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Научный редактор

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой
экономики НИУ «БелГУ»,
доктор географических наук

Ответственный секретарь:

О. В. Шевченко
зам. начальника УНИИ НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

В.П. Римский
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ», БГИИК)

Заместители главного редактора

В.П. Бабинцев
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Е.Е. Тонков

доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Ответственный секретарь

С.С. Почепцов
кандидат философских наук
(НИУ «БелГУ»)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Религиозно-дуалистическая интерпретация идеи сверхчеловка в философии В.С. Соловьева: между богочеловеком и антихристом.

Д.А. Беляев 5

От Сковороды до Эрна: контроверзы русской религиозной философии.

В.В. Варавя 11

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Социальные методы системы управления знаниями. **Л.Я. Дятченко, М.М. Озерова 15**

Актуализация исследования проблемы взаимодействия муниципальной власти и местного сообщества. **Р.И. Мельникова, И.А. Мельников 19**

Управление рисками в процессе инновационного развития вуза.

И.Э. Надуткина, С.А. Шовгеня, Я.И. Серкина 23

Аттестация государственных гражданских служащих: проблемы правоприменения. **И.И. Худобин 27**

Информационная сфера как современный приоритет среды обитания человека. **И.С. Шаповалова 30**

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Институты гражданского общества в современной России.

В.Ю. Голубовский, И.Ю. Никодимов, Т.Н. Синюкова 43

Музыкальная культура Белгородского края (музыкально-краеведческий аспект). **И.Н. Карачаров, Т.И. Карачарова 51**

Принцип толерантности в теории и практике оказания социальной помощи. **К.Ю. Королева, О.В. Ковальчук 55**

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

К вопросу изучения религиозных культур в рамках современного российского школьного образования. **Т.А. Кильдяшова, Ю.А. Сибирцева 60**

Проблема веротерпимости в отечественной литературе начала XX века (российское законодательство о расколах и ересях). **Н.М. Маркова 65**

Духовная связь поколений через ценности православия.

И.М. Невлева 68

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Актуальные вопросы выявления начала истечения сроков исковой давности в отношении ничтожных сделок. **О.В. Батова, Н.В. Козяр 73**

Происхождение права и государства в учении Т. Гоббса в русле постнеклассической науки. **В.П. Иванский 78**

Базовые основы теоретических построений в криминалистике. **И.М. Комаров, Е.Е. Тонков 84**

Члены редколлегии

Г.А. Борисов,
доктор юридических наук,
профессор (НИУ «БелГУ»)

С.Н. Борисов,
доктор философских наук,
профессор (БГИИК)

О.А. Волкова,
доктор социологических наук,
профессор (НИУ «БелГУ»)

С.А. Никольский,
доктор философских наук,
профессор (Институт философии РАН)

Ю.А. Зубок,
доктор социологических наук,
профессор (ИСПИ РАН)

С.М. Климова,
доктор философских наук, профессор
(НИУ ВШЭ, НИУ «БелГУ»)

Е.А. Кожмякин,
доктор философских наук,
доцент (НИУ «БелГУ»)

Л.Г. Королева,
доктор философских наук, профессор
(Курский государственный университет)

Ю.Н. Стариков,
доктор юридических наук, профессор
(Воронежский государственный
университет)

А.Д. Майданский,
доктор философских наук,
профессор (НИУ «БелГУ»)

М.В. Мархгейм,
доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Г.К. Кудышева,
доктор юридических наук, профессор
(Ошский государственный университет)

М.Д. Розин,
доктор философских наук, профессор
(СКНЦ ВШ при ЮФУ)

В.Б. Тарабаева,
доктор социологических наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

С.В. Тычинин,
доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

С.Ф. Шумилин,
доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Статьи публикуются в авторской редакции

Оригинал-макет: *С.С. Почепцов*,
Л.П. Котенко

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
pochepstov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 11.12.2015
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 23,5
Цена свободная
Тираж 1000 экз.
Заказ 252
Дата выхода журнала 30.12.2015

Подписной индекс в Объединённом каталоге
«Пресса России» – 81462

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в издательском доме «Белгород» НИУ «Бел-
ГУ»
Адрес издателя и издательства:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Представительство как форма реализации права на квалифицированную юридическую помощь в российском конституционном судопроизводстве. **Н.А. Косолапова 88**

Принцип территориальной целостности через призму решений Конституционного суда Российской Федерации. **А.Н. Нифанов, Е.Е. Новопаевская 93**

Пределы договорного регулирования корпоративных отношений. **В.С. Серищева 102**

Судебно-фармацевтическая криминалистика в работе правоохранительных органов Украины, Российской Федерации и Великобритании по борьбе с наркопреступностью и каннабисной наркоманией. **В.В. Шаповалов 107**

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Терроризм как война «под условием». **А.В. Артюх, С.Н. Борисов 117**

Правовые основания устойчивого развития как стратегии сохранения биосферы. **Ф.Э. Гирусов 124**

Нравственное значение ужаса. **А.А. Гришин 128**

Тёмный человек мрачного тысячелетия: образ преступника европейского Средневековья. **Э.Н. Гуцин 133**

Специфика социальной и профессиональной адаптации студентов экономических специальностей. **И.А. Коленко 142**

Православный патриотизм А.С. Хомякова: философско-культурологические и богословские контексты. **Т.И. Литич, С.И. Рубежанский 147**

Н.В. Философский идеал и творчество В.С. Соловьева. **В.В. Лыткин, М.А. Артамонов 154**

Этика contra идеология: опыт советской философии. **А.В. Ляхов 166**

Л.Н. Толстой: нравственные основания культуры. **Е.Д. Мелешко, И.А. Рождественская 170**

«Экономика знаний» и «Общество знаний»: некоторые дискуссионные проблемы. **В.И. Соловьёва, Н.Н. Шамардин 174**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

Организация Объединённых Наций: прошлое, настоящее, будущее (обзор материалов международной научно-практической конференции, посвящённой 70-летию принятия устава ООН). **Е.Е. Тонков, М.В. Мархгейм, Л.А. Пожарова 179**

Сведения об авторах 186

**№20(217) Issue34
December 2015**

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod State National Research University»

Publisher:

Belgorod State National Research University
Belgorod Publishing House

Address of editorial office, publisher, letterpress plant: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate
ПИ № ФС 77-63053 September 10, 2015
Publication frequency: 4 / year

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,

Rector of Belgorod National Research State University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,

Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod State National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Scientific Editor

V.M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department of Belgorod State National Research University, Doctor of Geographical Sciences

Assistant Editors

Shevchenko O. V.,

Deputy Head of Scientific and Innovative Activity Department of Belgorod State National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Chief editor

V.P. Rimskiy

Doctor of philosophy, professor (Belgorod State National Research University, Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev

Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State National Research University)

E.E. Tonkov

Doctor of law, Professor (Belgorod State National Research University)

Responsible secretary

S.S. Pocheptsov

Candidate of philosophy (Belgorod State National Research University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГОРОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Философия Социология Право**

CONTENTS

**HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES**

Religious-dualism interpret the idea of overman in philosophy of V.S. Solovoyov: between the god-man and the antichrist. **D.A. Belyaev 5**

From Skovoroda to Ern: controversies of russian religious philosophy. **V.V. Varava 11**

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Social methods of knowledge management system. **L.Y. Dyatchenko, M.M. Ozerova 15**

The actualization of investigation of municipal authorities and local community cooperation. **R.I. Melnikova, I.A. Melnikov 19**

Risk management in the process of innovation development of high school. **I.E. Nadutkina, S.A. Shovgenya, Y.I. Serkina 23**

Attestation of civil officers: the problems in law enforcement. **I.I. Hudobin 27**

Information sphere as a modern priority human environment. **I.S. Shapovalova 30**

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

Institutions of civil society in modern Russia. **V.Yu. Golubovskiy, I.Yu. Nikodimov, T.N. Sinyukova 43**

Musical culture of the Belgorod region (musical-regional aspect). **I. Karacharov, T. Karacharova 51**

The principle of tolerance in the theory and practice of social assistance. **K.Y. Koroleva, O.V. Kovalchuk 55**

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

To the issue of studying of religious cultures in modern russian school education. **T.A. Kildyashova, Yu.A. Sibirtseva 60**

The problem of religious tolerance in russian literature in the beginning of XX century (russian legislation about schisms and heresies). **N.M. Markova 65**

Spiritual connection generation through values of orthodoxy. **I.M. Nevleva 68**

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

N.B. Topical issues of determination of the beginning of period of limitation of actions on void transactions. **O.V. Batova, N.V. Kozyar 73**

The origin of the justice and the state in the doctrine of Hobbes within the frames of postnonclassical science. **V.P. Ivanskiy 78**

The basic foundation of theoretical constructs in criminalistic. **I.M. Komarov, E.E. Tonkov 84**

Representation as a form of realization of the right to qualified legal assistance in the russian constitutional legal proceedings. **N.A. Kosolapova 88**

Principle of territorial integrity through the decisions of the Constitutional court of the Russian Federation. **A.N. Nifanov, E.E. Novopavlovskaya 93**

Members of editorial board

G.A. Borisov,

Doctor of law, Professor (Belgorod State National Research University)

S.N. Borisov,

Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State institute of arts and culture)

O.A. Volkova,

Doctor of sociology, Professor (Belgorod State National Research University)

S.A. Nikolskiy,

Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok,

Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

S.M. Klimova,

Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State National Research University)

E.A. Kozhemyakin,

Doctor of philosophy, associate Professor (Belgorod State National Research University)

L.G. Korolyova,

Doctor of philosophy, Professor (Kursk State University)

Y.N. Starilov,

Doctor of law, Professor (Voronezh State University)

A.D. Maydanskiy,

Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State National Research University)

M.V. Marhgeim,

Doctor of law, Professor (Belgorod State National Research University)

G.K. Kuldysheva,

Doctor of Law, professor (Osh State University)

M.D. Rozin,

Doctor of philosophy, Professor (North-Caucasian Science Centre of High School, South Federal University)

V.B. Tarabaeva,

Doctor of sociology, Associate professor, Dean of the faculty of management and entrepreneurship (Belgorod State National Research University)

S.V. Tychinin, Doctor of law, Professor

(Belgorod State National Research University)

S.F. Shumilin, Doctor of law, Professor

(Belgorod National Research University)

The articles are given in authors' editing

Dummy layout by S.S. Pocheptsov, L.P. Kotenko

e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru;

pocheptsov@bsu.edu.ru

Passed for printing 11.12.2015

Format 60×84/8

Typeface Georgia, Impact

Printer's sheets 23,5

Order 252

Price free

Circulation 1000 copies

Date of publishing 30.12.2015

Subscription reference in The Russian Press common catalogue – 81462

Dummy layout is replicated at Belgorod National Research University Publishing house "Belgorod"

Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

Limits of contractual regulation of corporate relations.

V.S. Serishcheva 102

Forensic and pharmaceutical criminalistics in policing of Ukraine, Russian Federation and the United Kingdom against drug criminality and drug addiction of cannabis. **V.V. Shapovalov 107**

THESIS

Terrorism as a war "under condition". **A.V. Artyuch, S.N. Borisov 117**

Legal grounds for sustainable development as a conservation strategy biosphere. **F.E. Girusov 124**

Moral significance of horror. **A.A. Grichin 128**

The dangerous man of the dark Millennium: a criminal of the European medieval Ages. **E.N. Gushchin 133**

The specificity of social and professional integration of economic specialties students. **I.A. Kodenko 142**

The orthodox patriotism of A. S. Khomyakov: philosophical cultural and theological contexts. **T.I. Lipich, S.I. Rubezhansky 147**

N.B. The philosophical ideal and the works of V. S. Solovyov. **V.V.**

Lytkin, M.A. Artamonov 154

Ethics contra ideology: the experience of soviet philosophy.

A.V. Lyahov 166

L. Tolstoy moral foundations of culture. **Ye.D. Meleshko,**

I.A. Rozhdestvenskaya 170

"Knowledge economy" and "Knowledge society", some controversial issues.

V.I. Solovyova, N.N. Shamardin 174

SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATION

United Nations: past, present and future (review of materials international scientific-practical conference, the 70-th anniversary of the adoption of the UN charter). **E.E. Tonkov, M.V. Markheim, L.A. Pozharova 179**

About authors 186

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 130.2

**РЕЛИГИОЗНО-ДУАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИДЕИ СВЕРХЧЕЛОВЕКА
В ФИЛОСОФИИ В.С. СОЛОВЬЕВА: МЕЖДУ БОГОЧЕЛОВЕКОМ И АНТИХРИСТОМ**

**RELIGIOUS-DUALISM INTERPRET THE IDEA OF OVERMAN IN PHILOSOPHY
OF V.S. SOLOVYOV: BETWEEN THE GOD-MAN AND THE ANTICHRIST**

**Д.А. Беляев
D.A. Belyaev**

*Липецкий государственный педагогический университет, Россия, 398020, Липецк, ул. Ленина, 42
Lipetsk State Pedagogical University, 42 Lenin St, Lipetsk, 398020, Russia*

E-mail: dm.a.belyaev@gmail.com

Ключевые слова: сверхчеловек, Соловьев, Ницше, богочеловек, богочеловечество, бессмертие, София, всеединство, антихрист, андрогин.

Key words: overman, Solovyov, Nietzsche, God-man, divine humanity, immortality, Sofia, vseedinstvo, the Antichrist, androgynе.

Аннотация. Идея сверхчеловека занимает значимое место в философском дискурсе России конца XIX – начала XX века. В статье рассматривается модель интерпретации этой идеи в философии В.С. Соловьева, ставшая магистральной для всей последующей традиции философского говорения о феномене сверхчеловека. Работа базируется на обширном источниковом материале собственно сочинений мыслителя, также привлекается широкий спектр ведущих классических и современных исследований по рассматриваемой теме. Работа основана на методе сравнительного философского анализа, целью которой является аналитическое рассмотрение специфики философско-религиозной интерпретации В.С. Соловьевым идеи сверхчеловека. Особое внимание уделяется заочному диалогу отечественного мыслителя с Ницше по вопросу понимания смысла данного феномена, его антропологическому и аксиологическому измерению. В ходе исследования выделяются два локальных концепта возможной актуализации сверхчеловека – «антихрист» и «богочеловек»; отдельно осуществляется их сравнительный атрибутивный анализ. В итоге делается вывод о дуалистическом понимании отечественным философом идеи сверхчеловека, вбирающим в себя полярные ценностные основания.

Resume. The idea of the overman takes a significant place in the philosophical discourse of Russia in the late XIX – early XX century. In this article we consider a model of the interpretation of the idea of the overman philosophy. V.S. Solovyov, which has become the backbone for all subsequent philosophical tradition of speaking about the phenomenon of overman. The work is based on extensive of the source material actually works V.S. Solovyov also involve a broad range of leading classical and contemporary research on the topic. The article is based on the method of comparative philosophical analysis. Its aim is an analytical review of the specific philosophical and religious interpretation V.S. Solovyov's idea of overman. Particular attention is given to correspondence Solovyov dialogue with Nietzsche on the question of understanding the meaning of the phenomenon of the overman, his anthropological and axiological measurement. In the study, there are two possible updating of the local concept of the superman – «Antichrist» and «God-man». Separately, an attribute is their comparative analysis. As a result, it is concluded dualistic understanding of domestic philosopher, the idea of overman, absorbs polar value grounds.

Концепт «сверхчеловек», концентрирующий в себе предельные антропологические и социокультурные смыслы и ценности, является неотъемлемой частью отечественной культуры. Значительный период времени его культурное бытование носило синкретический и неявный характер, опосредованно выражаясь в былинно-мифологическом и литературно-художественном дискурсах. Только с конца XIX в. в России начинается эксплицитное философское осмысление идеи сверхчеловека. Она становится объектом рассмотрения в творчестве таких мыслителей как Н.Ф. Федоров, Вяч. Иванов, А. Белый, Н.А. Бердяев [См.: Беляев: Религиозно-сциентистский проект... С. 31-33; Беляев: В. Иванов о неорелигиозном прочтении... С. 52-54; Belyaev: N.A. Berdyayev's understanding... P. 145-146].

Все без исключения отечественные мыслители этого периода, размышлявшие о феномене сверхчеловека, неизбежно отправной точкой своих рассуждений имели философию Ф. Ницше. Она стала катализатором и интеллектуальным раздражителем, спровоцировавшим создание дискурса

явного, непосредственного и, что существенно, оригинального философского говорения об идее сверхчеловека. Ю.В. Синеокая справедливо отмечает, что «зачастую сверхчеловек Ницше служил лишь маской, под которой скрывались оригинальные черты своеобразной концепции того или иного автора» [Синеокая: Проблема сверхчеловека у Соловьева и Ницше, с. 70].

В целом общим правилом для отечественного понимания ницшева сверхчеловека стала его трактовка как феномена религиозного сознания. Парадоксально, но эта идея, являющаяся одной из центральных в философии Ницше, через которую, на первый взгляд, постоянно транслировалась антихристианская, антирелигиозная и антиметафизическая позиция, получила именно «религиозно-метафизическую окраску» [Синеокая: Философия Ницше и духовный опыт России..., с. 181]. С.П. Знаменский утверждал, что «создавая сверхчеловека, Ницше хотел найти эквивалент утраченной им веры в Бога» [Знаменский: «Сверхчеловек» Ницше, С. 78], тем самым вводя его в религиозный дискурс. Само понятие обрело множество синонимичных вариантов употребления и автозамещения, которые сами по себе иллюстрируют специфику его бытования в отечественной философской культуре конца XIX – начала XX века. Так, термин «сверхчеловек» в разных интерпретациях авторов мог прямо заменяться или семантически соотноситься с понятиями «богочеловек», «человекобог», «человек Христа», «совершенный человек», «грядущий человек», «последний человек», «антихрист» [См.: Авксентьев: Сверхчеловек. Культурно-этический идеал Ницше, 1906; Ефименко: «Сверхчеловек» и «Последний человек» в учении Ницше, С.231-236; Шулятиков: Новое искусство: мечты о сверхчеловеке, С. 3]. Уже этот приведенный понятийный ряд указывает на неоднозначность семантической транскрипции идеи сверхчеловека.

Среди множества авторов, обращавшихся к рассмотрению идеи сверхчеловека, особняком стоит В.С. Соловьев, который фактически задает рамки всего отечественного религиозно-философского дискурса о данной идее. В своих размышлениях он отталкивался от критического осмысления модели-образа ницшева *Übermensch*. Отечественный мыслитель в целом демонстрирует двойственное отношение к немецкому философу и его интеллектуальному наследию. С одной стороны, Соловьев с иронией называет Ницше «сверхфилологом», мечтавшим стать «сверхчеловеком» [Соловьев: Словесность или истина?, с. 290], возможно, намеренно не упоминает даже его имени в своих академических работах, а философию «базельского профессора» считает по большей части «бессильными словесными упражнениями» [Соловьев: Словесность или истина?, с. 293]. С другой стороны, Соловьев называет философию Ницше в ряду трех «самых модных» [Соловьев: Идея сверхчеловека, с. 295] идей конца XIX в., отмечая, что именно она является самой «интересной», т.к. обращена к будущему человечества, его «послезавтрашнему дню» [Соловьев: Идея сверхчеловека, с. 295]. Также А. Белый, вспоминая свой последний разговор с Соловьевым, отметил «глубокую серьезность» в словах философа, обращенных к Ницше [Белый: Владимир Соловьев. Из воспоминаний, с. 4]. На наш взгляд, отечественный мыслитель, что особенно заметно в его последних работах и письмах, возможно, трагически понял правоту Ницше в его диагнозе духовного состояния европейской культуры, хотя и остался категорически не согласен с путем его преодоления, предложенным «базельским профессором».

При всем изначальном идейном антагонизме Соловьева как христианского мыслителя по отношению к философии Ницше, во многом противостоящей христианству, он пытается найти содержащуюся в ней «непременную истину». И обнаруживает ее Соловьев именно в идее «демонического сверхчеловека», ставшей, по его мнению, «опасным соблазном» [Соловьев: Словесность или истина?, с. 290].

Популярность идеи сверхчеловека он связывает с тем, что в ней заложены глубинные и естественные человеческие устремленности к совершенствованию, преодолению своей наличествующей данности. «Человеку естественно хотеть быть лучше и больше, чем он есть в действительности, ему естественно тяготеть к идеалу сверхчеловека» [Соловьев: Идея сверхчеловека, с. 297]. И последний, в понимании Соловьева, становится собирательной точкой устремленности человека к более совершенному, преображенному состоянию. Вследствие этого идея сверхчеловека изначально укоренена в сознании, природе человека, являясь перспективным горизонтом его антропологической эволюции.

А.Е. Величенко справедливо отмечает, что «для Вл. Соловьева существует два полюса проблемы сверхчеловека – Христос и антихрист» [Величенко: Учение о сверхчеловеке...]. Соловьев формулирует два семантически полярных варианта экспликации идеи сверхчеловека, ее возможной актуализации в социокультурном духовном дискурсе, заключенных в концептах «антихрист» и «богочеловек». Сразу обращает на себя внимание то, что оба локальных концепта являются феноменами религиозного сознания, выступая антропологическими полярностями предельных актуализаций человека.

Итак, в концепте «антихрист» Соловьев сосредотачивает негативное видение сверхчеловека. При этом прямая корреляция понятий «сверхчеловек» и «антихрист», подчас доходящая до тождества, является традиционной для философско-религиозной мысли России конца XIX – начала XX ве-

ка. Например, Е.Н. Трубецкой считал, что «совершенно естественно и понятно, что в противопоставлении себя Богу антихрист заявляет себя *сверхчеловеком*» [Трубецкой: Мирозозерцание В.С. Соловьева, 277]. Это соотнесение во многом основано на ницшеанском творческом наследии, в частности, на названии одной из последних работ немецкого мыслителя – «Антихрист». Соответственно, была выстроена прямая семантическая цепочка – Ницше-сверхчеловек-антихрист.

У Соловьева последний также имеет прямые коннотации именно с ницшевым сверхчеловеком. В.К. Кантор отмечает, что «в создании психологического портрета антихриста философ опирался, прежде всего, на ницшевский образ сверхчеловека» [Кантор, 23]. Фактически антихрист, по Соловьеву, – это «совершенный человек», существующий как атомарно-эгоистическая антропологическая единица, оторванная от Бога, исключая из своего существования его онтологическую данность. Собственно, когда Ницше отвергает божественный Абсолют, он, по мнению отечественного мыслителя, совершает «искажение» перспективы сверхчеловеческого пути. Сверхчеловек вне Бога оказывается в пространстве тотального эгоизма и индивидуализма, теряя положительную связь со всем человечеством и, в конечном счете, противопоставляя себя ему. Тем самым он теряет целостность, становясь дробной, эгоцентричной антропной единицей, концентрирующей все «силовые линии» смыслов только вокруг себя. «Грех эгоизма» является одним из тягчайших в понимании русского философа, т.к. ведет к разделению людей, нарушению Всеединства. Ю.В. Синеокая справедливо отмечает, что «у Соловьева нет и быть не может сверхчеловека как представителя особой породы людей» [Синеокая, 73]. Точнее таковым может быть только «негативный сверхчеловек» – антихрист.

В своей последней работе «Три разговора» Соловьев вступает в заочную полемику с эгоцентричным сверхчеловеком Ницше. Так в «Краткой повести об антихристе» собственно его он называет именно сверхчеловеком [Соловьев: Три разговора, 740]. «Соловьевский антихрист необыкновенно умен, велик, прекрасен, благодарен и всемогущ и, обладая своими достоинствами, видит себя полноправным приемником Христа» [Синеокая, 73]. Антихрист «питает свою самость сознанием сверхчеловеческих добродетелей и дарований» [Соловьев: Три разговора, 741]. Его главными характеристиками оказываются воля к власти и эгоцентризм, вырастающий в «безмерное самолюбие» [Кантор, 23]. Соответственно, антихрист предстает как «идеальный человек», но лишенный положительной сопричастности Богу, сосредоточенный лишь на собственной самости, желающий «стяжать себе божественное величие исключительно дарами человеческого гения» [Трубецкой, 277], и, главное, остающийся смертным. И это для русского философа оказывается решающим фактором, указывающим на «лживость» сверхчеловека-антихриста и ложность (тупиковость) его пути. Здесь Соловьев, во-первых, прямо связывает бессмертие и божественное присутствие, первое как атрибут сопричастности человека к Богу; во-вторых, понимает факт смертности как проявление человеческой ограниченности, ущербности. И поэтому *настоящий* сверхчеловек, прежде всего, видится победителем смерти.

Положительную идею сверхчеловека Соловьев раскрывает в концептах «богочеловек» и «богочеловечество». Их семантика инкорпорирована в систему его философии положительного Всеединства. «Богочеловек» – это образ совершенного человека, «софийного всечеловека». В данном случае София является неким идеальным, совершенным человечеством, сосредоточенным в обоженном человеческом существе. И именно оно является соловьевским бого(сверх)человечеством [Синеокая, 73]. «Каждое человеческое существо существенно и действительно коренится и участвует в универсальном или абсолютном человеке. ... все человеческие элементы образуют такой же цельный, вместе универсальный и индивидуальный организм – организм всечеловеческий, то есть Софию, каждый из этих элементов которого – вечная необходимая составная часть вечного богочеловечества» [Соловьев: Чтения о богочеловечестве, 126-127]. В этом смысле сверхчеловек для русского философа возможен только как часть всеобщего богочеловечества. При этом Соловьев совмещает единство множественности в Софии с личной индивидуальностью отдельного субъекта. «Когда мы говорим о вечности человечества, то разумеем вечность каждой отдельной особи, составляющей человечество. Без этой вечности само человечество было бы призрачно» [Соловьев: Чтения о богочеловечестве, 127]. Ю.Б. Мелих справедливо отмечает, что, «идея сверхчеловека принимается Вл. Соловьевым только в контексте личности Христа» и «в контексте проблем бессмертия, жертвы и любви» [Мелих, 99].

Отечественный мыслитель выводит «великую истину», доказывающую необходимость «человеческого бессмертия» [Соловьев: Чтения о богочеловечестве, 127]. Вследствие этого одной из основных характеристик бого(сверх)человека Соловьев считает, вслед за Н.Ф. Федоровым [См.: Беляев: Религиозно-сциентистский проект..., 31-33], бессмертие. То есть размышления о сверхчеловеке вновь приводят философа к понятию смерти как обязательному атрибуту настоящего (сегодняшнего) человека и желанию его преодоления на пути эволюции к «совершенному» человеку – сверхчеловеку. Собственно поэтому первым «подлинным “сверхчеловеком”» он считает Христа как «действительно-победителя смерти» [Соловьев: Идея сверхчеловека, 300].

Само обретение атанасии Соловьев стремится включить в некий глобальный эволюционный контекст развития природы. «Если природа в биологическом процессе стремится все более и более ограничивать закон смерти, то не должен ли человек в историческом процессе совершенно отменить этот закон?» [Соловьев: Смысл любви, 522]. При этом философ неоднократно подчеркивает, что под бессмертием он понимает прямое, биологическое, а не только духовное. Однако вопрос о путях его достижения мыслитель специально не рассматривает.

Между тем Соловьева, судя по всему, больше волнует не то, как человек достигнет бессмертия, а *каким* он в него войдет. Тем самым он выделяет «сопутствующую сверхчеловеческую атрибутику». Так, например, мыслитель прямо утверждает, что «бессмертие совершенно несовместимо с пустотой нашей жизни» [Соловьев: Смысл любви, 520]. «Для большинства человечества жизнь есть только смена тяжелого механического труда и грубочувственных, оглушающих сознание удовольствий. А то меньшинство, которое имеет возможность деятельно заботиться не о средствах только, но и о целях жизни, вместо этого пользуется своей свободой от механической работы главным образом для бессмысленного и безнравственного времяпровождения» [Соловьев: Смысл любви, 520]. Но жизнь даже «великих» людей – художников, политиков, полководцев, писателей – не достойна, чтобы длиться ее вечно. Все эти занятия быстро исчерпаемы и абсурдны в контексте бесконечности их длительности. Единственное, что может наполнить «абсолютным содержанием нашу жизнь» и оправдать бессмертие – это «истинная любовь», ведущая к Всеединству. Именно нахождение в состоянии абсолютного духовного принятия Любви и растворения своей самости в Софии позволит человеку *адекватно* принять бессмертие.

Помимо этого Соловьев делает некоторые антропологические «наброски» этого бого(сверх)человека, в которых чувствуется определенная двойственность, а также сохранившийся остаточный интерес мыслителя к естествознанию, когда «величайшим предметом его любви были палеозавры и мастодонты» [Соловьев: Идея сверхчеловека, 294]. Как следствие, концепт богочеловека у русского мыслителя вбирает в себя идеалистически-духовную и материалистически-физиологическую атрибутику, понятую в модусе «софийного всеединства».

Например, сначала Соловьев склоняется к необходимости физиологической трансформации человеческого существа для достижения им нового, высшего состояния. Так в работе «Смысл Любви» философ утверждает необходимость обретения человеком некой целостной формы, в которой исчезают гендерные отличия, и все люди сочетают в себе одновременно мужское и женское начала, становясь подобием андрогинных существ. «В эмпирической действительности человека как такового вовсе нет – он существует лишь в определенной односторонности и ограниченности, как мужская и женская индивидуальность... Но истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих» [Соловьев: Смысл любви, 513].

Вообще феномен андрогина занимает особое место в философской антропологии Соловьева. Именно в нем, по мысли Н.К. Бонецкой, мыслитель видит «грядущее восстановление человеческой природы» [Бонецкая, 84]. Соловьев по-новому переосмысливает платоновский миф об андрогине, христианизировав его и вводя в дискурс собственной «софийной антропологии сверхчеловека». Андрогин оказывается актуальным воплощением лучшего/истинного антропологического существа и средоточием положительной сверхчеловеческой атрибутики, в котором сочетаются бессмертие, антропное двуединство и скрепляющая их Любовь. Н.К. Бонецкая отмечает, что «представление об *андрогине* в сочинениях Соловьева 1890-х гг. выступает в качестве альтернативы *сверхчеловека* философии Ницше» [Бонецкая, 83].

На наш взгляд, в этой идее явно выражена тяга к устранению любых оснований, могущих привести к «дробности» человека. Тотальность антропологической целостности оказывается фактором и характеристикой *лучшего, совершенного* человеческого состояния.

Однако позднее Соловьев пересматривает эту идею андрогинности сверхчеловека и начинает склоняться к мысли, что достижение бого(сверх)человеческого состояния возможно без фундаментальных антропологических изменений. Теперь он выделяет человека из естественно-животной среды и законов природной эволюции. Все биологические формы за исключением человека, по мнению философа, совершенствуются в процессе эволюции за счет постепенного выработки «*новых телесных форм*» [Соловьев: Идея сверхчеловека, 298]. Но с появлением человека в мир вступает «такая животная форма, которая благодаря особенно развитому в ней нервно-мозговому аппарату не требует более новых существенных перемен в телесной организации, потому что эта самая форма, сохраняя все свои типичные черты, оставаясь существенно тою же, *может* вместить в себе *беспредельный* ряд степеней внутреннего – душевного и духовного – возрастания: от дикаря-полузверя, который почти лишь потенциально выделяется из мира прочих животных, и до величайших гениев мысли и творчества» [Соловьев: Идея сверхчеловека, 298]. То есть русский философ видит путь совершенствования

человека не в физиолого-морфологических изменениях, а в изменении «способа его функционирования» в уже заданных природой формах [Соловьев: Идея сверхчеловека, 299]. Это совершенное, новое состояние, по мнению Соловьева, возможно через достижение человеком Всеединства, т.е. равноценного сочетания в его духовной и душевной конституции Истины, Добра и Красоты, соединенных христианской Любовью и целостно воплощенного в Софии божественной волей. Примечательно, что этот *положительный* сверхчеловек в перспективе устраняет антропологическую поляризацию духа и тела, оказываясь субъектом созидания софийно преображенного бытия.

В заключение можно констатировать тот факт, что сверхчеловек представлялся Соловьеву как определенный предел современной духовной культуры и антропологии и одновременно выход за ее границы в пространство посясторонней инобытийности, т.е. воспринимался как трансгрессивный антропный субъект, но обязательно в модусе божественно-религиозной сопричастности. В целом дуалистическое видение философом моделей актуализации сверхчеловека стало переходным звеном в генезисе его интерпретации в отечественной интеллектуальной традиции конца XIX – начала XX вв., где присутствовал как вариант его полного отрицания и неприятия, так и эстетически-неоязыческого полубожествления. Итак, Соловьев зафиксировал семантические коннотации между понятиями «сверхчеловек» и «богочеловек», которые были в дальнейшем усилены и развиты в философских и литературно-художественных работах Вяч. Иванова, Д. Мережковского, А. Белого и Н.А. Бердяева. Одновременно антропологический идеал русского философа выходит за рамки собственно религиозной дискурсивности. В частности, он находит свое преломление, в трудах К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского [См.: Лыткин, 63-64]. Все это позволяет говорить о том, что Соловьеву удалось создать актуальную и многомерную модель видения сверхчеловека как горизонта антропологической перспективы.

Список литературы References

1. Беляев Д.А. Религиозно-сциентистический проект сверхчеловека в «философии общего дела» Н.Ф. Федорова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 8. – Часть 2. – С. 31-33.
Belyayev D.A. Religiozno-stsiyenticheskiy proyekt sverkhcheloveka v «filosofii obshchego dela» N.F. Fedorova // Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2011. – № 8. – Chast' 2. – S. 31-33.
2. Беляев Д.А. В. Иванов о неорелигиозном прочтении ницшеанской идеи сверхчеловека // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. 26-27 апреля 2013 г. – Липецк: ЛГПУ, 2013. – С. 52-54.
Belyayev D.A. V. Ivanov o neoreligioznom prochtenii nitssheanskoy idei sverkhcheloveka // Gumanitaristika v usloviyakh sovremennoy sotsiokul'turnoy transformatsii: Materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 26-27 aprelya 2013 g. – Lipetsk: LGPU, 2013. – S. 52-54.
3. Belyayev D.A. N.A. Berdyaev's understanding of the Übermensch concept: The Synergy of Creativity and Religion // Intellectual and Moral values of the Modern Society. – B&M Publishing, San Francisco, California, USA, 2013. – P. 145-146.
Belyayev D.A. N.A. Berdyaev's understanding of the Übermensch concept: The Synergy of Creativity and Religion // Intellectual and Moral values of the Modern Society. – B&M Publishing, San Francisco, California, USA, 2013. – P. 145-146.
4. Синеокая Ю.В. Проблема сверхчеловека у Соловьева и Ницше // Вопросы философии. – 2002. – № 2. – С. 69-80.
Sineokaya YU.V. Problema sverkhcheloveka u Solov'yeva i Nitsshe // Voprosy filo-sofii. – 2002. – № 2. – S. 69-80.
5. Синеокая Ю.В. Философия Ницше и духовный опыт России (конец XIX – начало XXI веков): Дисс. ... докт. филос. наук. – М., 2009.
Sineokaya YU.V. Filosofiya Nitsshe i dukhovnyy opyt Rossii (konets XIX – nachalo XXI vekov): Diss. ... dokt. filosa. nauk. – M., 2009.
6. Знаменский С. «Сверхчеловек» Ницше // Вера и разум. – 1909. – № 3/4. – С. 67-79.
Znamenskiy S. «Sverkhchelovek» Nitsshe // Vera i razum. – 1909. – № 3/4. – S. 67-79.
7. Авксеньев Н. Сверхчеловек. Культурно-этический идеал Ницше. – СПб.: Север, 1906.
Avksen't'yev N. Sverkhchelovek. Kul'turno-eticheskiy ideal Nitsshe. – SPb.: Sever, 1906.
8. Ефименко А. «Сверх-человек» и «Последний человек» в учении Ницше // Вестник и библиотека самообразования. – 1905. – № 8. – С.231-236.

- Yefimenko A. «Sverkh-chelovek» i «Posledniy chelovek» v uchenii Nitsche // Vestnik i biblioteka samoobrazovaniya. – 1905. – № 8. – S.231-236.
9. Шулятиков В. Новое искусство: мечты о сверхчеловеке // Курьер. – 1900. – № 29. – С. 3.
Shulyatikov V. Novoye iskusstvo: mechty o sverkhcheloveke // Kur'yer. – 1900. – № 29. – S. 3.
10. Соловьев В.С. Словесность или истина? // Ницше: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 290-293.
Solov'yev V.S. Slovesnost' ili istina? // Nitsche: pro et contra. – SPb.: RKHGI, 2001. – S. 290-293.
11. Соловьев В.С. Идея сверхчеловека // Ницше: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 294-302.
Solov'yev V.S. Ideya sverkhcheloveka // Nitsche: pro et contra. – SPb.: RKHGI, 2001. – S. 294-302.
12. Белый А. Владимир Соловьев. Из воспоминаний // Русское слово. – 1907. – № 277. – С. 4.
Belyu A. Vladimir Solov'yev. Iz vospominaniy // Russkoye slovo. – 1907. – № 277. – S. 4.
13. Величенко А.Е. Учение о сверхчеловеке: диалог Востока и Запада // Paradigma. – URL: <http://paradigma.narod.ru/03/velichenko.html>
Velichenko A.Ye. Ucheniye o sverkhcheloveke: dialog Vostoka i Zapada // Paradigma. – URL: <http://paradigma.narod.ru/03/velichenko.html>
14. Трубецкой Е.Н. Миросозерцание В.С. Соловьева. В 2 т. – Т. 2. – М.: Медиум, 1995.
Trubetskoy Ye.N. Mirosozertsaniye V.S. Solov'yeva. V 2 t. – T. 2. – M.: Medium, 1995.
15. Кантор В.К. Антихрист, или Ожидавшийся конец европейской истории // Вопросы философии. – 2002. – № 2. – С. 14-27.
Kantor V.K. Antikhrist, ili Ozhidavshiysya konets yevropeyskoy istorii // Voprosy filosofii. – 2002. – № 2. – S. 14-27.
16. Соловьев В.С. Три разговора // Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 635-762.
Solov'yev V.S. Tri razgovora // Sochineniya v 2 t. – M.: Mysl', 1988. – T. 2. – S. 635-762.
17. Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве // Собрание сочинений в 10 т. – СПб.: Просвещение, 1912. – Т. 3. – С. 3-187.
Solov'yev V.S. Chteniya o bogochelovechestve // Sobraniye sochineniy v 10 t. – SPb.: Prosveshcheniye, 1912. – T. 3. – S. 3-187.
18. Мелих Ю.Б. Утверждение и осуждение индивидуализма у Фридриха Ницше и Владимира Соловьева // Вопросы философии. – 2002. – № 2. – С. 97-101.
Melikh YU.B. Utverzhdeniye i osuzhdeniye individualizma u Fridrikha Nitsche i Vladimira Solov'yeva // Voprosy filosofii. – 2002. – № 2. – S. 97-101.
19. Соловьев В.С. Смысл любви // Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 493-547.
Solov'yev V.S. Smysl lyubvi // Sochineniya v 2 t. – M.: Mysl', 1988. – T. 2. – S. 493-547.
20. Боневская Н.К. Андрогин против сверхчеловека // Вопросы философии. – 2011. – № 7. – С. 81-95.
Bonetskaya N.K. Androgin protiv sverkhcheloveka // Voprosy filosofii. – 2011. – № 7. – S. 81-95.
21. Лыткин В.В. Основания космической антропологии в трудах К.Э. Циолковского как вариант «философии жизни» // Наука. Искусство. Культура. – 2014. – Вып. 4. – С. 55-64.
Lytkin V.V. Osnovaniya kosmicheskoy antropologii v trudakh K.E. Tsiolkovskogo kak variant «filosofii zhizni» // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. – 2014. – Vyp. 4. – S. 55-64.

УДК 101.1

ОТ СКОВОРОДЫ ДО ЭРНА: КОНТРОВЕРЗЫ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ FROM SKOVORODA TO ERN: CONTROVERSIES OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY

В.В. Варава
V.V. Varava

*Воронежский государственный университет, Россия, 394000, Воронеж, Пр. Революции, 24
Voronezh State university, 24, Prospect Revolution, Voronezh, 394000, Russia*

E-mail: vladimir_varava@list.ru

Ключевые слова: русская религиозная философия, ортодоксия, свободная мысль, тревога, Эрос и Логос философии, христианство.

Keywords: Russian religious philosophy, orthodoxy, free thought, anxiety, Eros and Logos of philosophy, Christianity.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о становлении русской философии как философии, независимой от ортодоксальности. В этом контексте исследуется оценка философского наследия Григория Сковороды русским философом Владимиром Эрном. Раскрываются различно понимание религиозности.

Resume: This paper addresses the issue of the formation of Russian philosophy as independent from orthodoxy. In this context, we investigate the estimation of the philosophical heritage of Hryhoriy Skovoroda by Russian philosopher Vladimir Ern. Discloses different understanding of religion.

Неуспокоенность, крайняя напряженность и какой-то бесконечный болезненный психологизм – вот как может быть описана ситуация с русской философией. Что-то сурово сопротивляется в самой русской среде русской философии. И сегодня, несмотря на возвращение практически всего наследия отечественной философской мысли, сама эта мысль во многом еще неизведанный материк, своего рода «ничейная земля». По мнению М. Н. Громова, выразившегося весьма академически полнокорректно: «уже два столетия идет полемика по поводу периодизации русской философии, ее начала и основных стадий эволюции, включенности в европейское и мировое мыслительное пространство» [Громов, с. 155]. Скорее всего, этот процесс не будет завершен никогда, и полемика по поводу «начал» русской философии и ее принадлежности к «мировой философии» будет со временем лишь обостряться; если конечно останутся еще философские пассионарии, готовые насмерть биться за честь своего мундира.

В некотором смысле принципиальная неопределимость и фатальная неопределяемость русской философии – залог ее жизнестойкости, открытости к вопрошанию, поскольку вопрошание и есть самый важный нерв философии. В этом смысле русское философствование совпадает с самой философией в каком-то наиболее важном пункте. Один из наиболее проблемных вопросов русской философии – это *вопрос о ее религиозности*. Существует бесчисленное количество апологий русской религиозной философии, в которых религиозность, понимаемая в христианском духе, определяется как несомненное достоинство и даже своеобразие русской мысли.

При этом нужно иметь в виду, что термин «религиозный» может трактоваться, по крайней мере, в двух смыслах – в конфессиональном и неконфессиональном. Между ними значительное расхождение. Так, например, Н. Зернов видит философскую миссию представителей русского религиозного возрождения в следующем: «В их лице русское православие вышло из изоляции и распространило свое благотворное влияние по всему христианскому миру. ...его представители дали убедительное изложение традиционного православного вероучения на языке и в понятиях современной культуры и сохранили для России историческую преемственность в то время, когда она систематически уничтожалась на их родине» [Зернов, с. 329]. Эта философская миссия в действительности является религиозно-культурной, связанной исключительно с христианской апологетикой. Религиозная философия мыслится здесь как наиболее эффективный (по сравнению с богословием) апологетический инструмент, не имеющий в сущности своего собственного метафизического содержания.

А вот, когда Н. Бердяев говорит об *исконной религиозности русской мысли и национального духа*, то здесь, очевидно, речь идет о несколько ином понимании религиозности. В работе о Хомякове он пишет: «Славянофилы определили русскую мысль как религиозную по преимуществу. ... Славянофилы впервые ясно формулировали, что центр русской духовной жизни – религиозный, что русская тревога и русское искание в существе своем религиозны. И до наших дней все, что было и есть оригинального, творческого, значительного в нашей культуре, в нашей литературе и философии, в нашем самосознании, все это – религиозное по теме, устремлению, по размаху» [Бердяев, с. 231]. Ре-

лигиозность вообще связывается Бердяевым с проявлением русского гения. Но важен здесь акцент на «русской тревоге» и «русских исканиях», которые религиозны в бердяевском, но отнюдь не в конфессиональном смысле. В. В. Розанов как бы поясняет и углубляет эту мысль Бердяева, когда в «Уединенном» пишет: «Православие в высшей степени отвечает гармоничному духу, но в высшей степени не отвечает потревоженному духу» [Розанов, с. 254].

«Потревоженный дух» и есть истинный дух русской философии, которая раз и навсегда оказалась потревоженной высшим и предельным, «бездной», что многие связывают с открытиями Достоевского. Вячеслав Иванов сказал, что Достоевский есть «великий зачинатель и предопределятель нашей культурной сложности». «До него, – продолжает русский философ, – все в русской жизни, в русской мысли было просто. Он сделал сложным нашу душу, нашу веру, наше искусство... поставил будущему вопросы, которые до него никто не ставил, и нашептал ответы на еще непонятные вопросы. Он как бы переместил планетарную систему: он принес нам откровение личности. ... Достоевский был змий, открывший познание путей отъединенной, самодовлеющей личности и путей личности, полагающей все и вселенское бытие в Боге. Так он сделал нас богами, знающими зло и добро, и оставил нас, свободных, выбирать то или другое, на распутье» [Иванов, с. 165].

Таким образом, *русские гениальность, религиозность, искание и тревога* оказываются неким целостным феноменом, с помощью которого представляется возможным описать наиболее сущностные черты проявления русской философии. И сразу нужно сказать, что это действительно своеобразие русской философии как философии неконфессионального свойства. Более того, во многом оригинальность русской философии и проявляется в противостоянии с ортодоксией. Наиболее очевидно это произошло, с нашей точки зрения, в оценке Григория Сковороды, которую осуществил В. Ф. Эрн в известной работе. Весьма примечательны все эти, граничащие с гениальностью, характеристики Сковороды, данные Эрном, в которых, с одной стороны, раскрывается субъективный аспект личного восприятия одного русского философа другим; с другой, выявляется магистральный путь русской философии, контрверзы русской мысли, которая мучительно обретает свою независимость в непрекращающейся полемике с православным богословием.

Примечательна, прежде всего, высшая оценка Сковороды как «родоначальника русской философской мысли», которую дает ему Эрн. Так, он пишет: «Природность Сковороды, его глубокая и благочестивая верность своей натуре украсила его духовный облик не только чертами творческой оригинальности и подлинного своеобразия, но и сделала его родоначальником русской философской мысли, духовным зачинателем и основоположником всех крупных последующих умственных течений в русском обществе» [Эрн, с. 580-581]; «В лице Сковороды происходит рождение философского разума в России; и в этом первом лепете звучат новые, незнакомые Европе ноты, объявляется определенная вражда рационализму, складываются основы совершенно иного самоопределения философского разума» [Эрн, с. 582]; «Сковорода стоит у самого порога русской мысли. Он первый творчески начинает то, что потом гениально растет, множится и цветет» [Эрн, с. 598].

Более того, Сковорода, согласно Эрну, имеет значение не только для России, но и для всего человечества: «фигура Сковороды – одна из самых замечательных на протяжении всей истории человеческой мысли, и жизнь его есть одна из тех редких, чистых и благородных жизней, которыми по справедливости может гордиться человечество» [Эрн, с. 579]. Отчасти, можно сказать, это компенсация той системной несправедливости в отношении Сковороды, которая не только недооценивала значимость мыслителя, но унижала его. Об этом Эрн пишет с горечью и негодованием. И в то же время, нельзя не признать объективную правоту Эрна, весьма точно раскрывшего сущностные черты русской философии, увидев их проявления в философии Григория Сковороды.

Так, Эрн находит такие черты глубокого духовного родства между Сковородой и последующей русской мыслью как *странничество, символизм, антропологизм, целостность, принцип сродности, протест против идола научности, вечная женственность*. Нам представляется, что странничество и антропологизм являются наиболее характерными чертами русской философии, в которых отразились специфические духовные свойства русского ума. Эрн говорит об «огромном факте *странничества внутреннего*, которым проникнута вся творческая русская мысль». Речь, по сути дела, идет об *эсхатологизме русской философии*, который во многом определил ее уникальное место в мировой философии. Эрн пишет: «Тревожность мысли Гоголя, Соловьева и особенно Достоевского – непревзойденной вершины нашего самосознания – совершенно нова для современной Европы. Эта специфическая русская тревога в своих высших явлениях ощущает с силою исторический ход времени, эпох, сознает страннический, переходный и преходящий характер всей земли, всего мира и начинает чувствовать Апокалипсис, как живую книгу Истории, которая перелистывается на наших глазах [Эрн, с. 583-584].

И конечно, антропологизм как задача «внутреннего, метафизического изучения человека», которая «с непревзойденной гениальностью разрешается в русской художественной литературе». Эрн

говорит о неразрывности русской мысли с художественным творчеством, о «вечной и благодатной спайке разума поэтического и разума философского в русской мысли». Действительно, философичность русской литературы является, по мнению многих авторитетных исследователей наиболее показательным и оригинальным ее свойством.

Важно то, что все эти особенности Эрн усматривает в философском наследии Сковороды, которое перестает быть лишь фактом истории, становясь плодотворным творческим началом для дальнейшего философского развития.

При этом, Эрн говорит о «бессознательном отталкивании Сковороды от Церкви». Это, можно сказать, главный полемический тезис одного философа против другого. Эрн мучим этим вопросом: «Что же держит Сковороду в несомненном отдалении от Церкви? Почему он, принципиально не враждующий с Церковью, тем не менее находится к Ней в какой-то глухой, бессознательной оппозиции?» [Эрн, с. 576].

Стремясь прояснить ситуацию, Эрн критикует, даже судит в некотором роде Сковороду за нецерковность, показывая его как бы неполноценность, тем самым, снимая все его заслуги «родоначальника», о которых он сам с таких искренних пафосом говорит. Это явное противоречие: с одной стороны Сковорода для Эрна – самый высший и единственный; но с другой, он явно обладает некоторой духовной неполноценностью, поскольку чего-то не понимал, не дошел, не видел, Сковороде свойственна слепота и хаотичность и т.д. Эта исключительная фигура для 18 века (да и всего человечества, по словам же Эрна) вдруг оказывается ниже множества монахов, церковных книжников, просто верующих, которые Истину знают лучше, чем он.

У Эрна при всем его гениальном проникновении в самое сокровенное у Сковороды, налицо ортодоксальное осуждение свободной философской мысли, которое именно в Сковороде и проявилось и расцвело самым пышным и благоуханным цветом. Эрн критикует в Сковороде то, за что его больше всего и ценит как первого, высшего, «божественного» и т.д. Если бы Сковорода был стопроцентным ортодоксальным философом-книжником, то он не был бы Сковородой, тем самым свободным и оригинальным мыслителем, который так дорог Эрну.

При этом у Эрна глубочайшие интуиции относительно Сковороды, когда он пишет, что тот «...смутными, но страстными словами начинает говорить о своей запредельной таинственной родине» [Эрн, с. 580]. В некотором роде, это сближает мысль Эрна, как ни странно с рассуждениями Хайдеггера о сущности философии. Немецкий философ приводит слова Новалиса о философии: «Философия есть, собственно, ностальгия, тяга повсюду быть дома», комментируя их следующим образом: «Останемся при своем и спросим: в чем тут дело – философия – ностальгия? Новалис сам поясняет: «тяга повсюду быть дома». Подобной тягой философия может быть только когда мы, философствующие, повсюду *не* дома. По чему тоскует тоска этой тяги? Повсюду быть дома – что это значит? ... Нас всегда зовет Нечто как целое. Это «в целом» есть мир» [Хайдеггер, с. 330].

Все это очень близко к тому, что Эрн усматривает у Сковороды. А усматривает он ни что иное, как *философскую ностальгию*, это «повсюду не дома» Хайдеггера и Новалиса. Эрн пишет: «Сковорода первый снимается с насиженных мест новоевропейской истории, первый устремляется в будущее, первый исходит из Египта материальной механической цивилизации и отдается поискам Нового, Вечного, Непреходящего» [Эрн, с. 584]. По сути дела, Сковорода первый русский философ в том смысле, что он опознал фундаментальную тягу как исконную мету философствования как такового. Отсюда его странничество (и внутреннее и внешнее) и «специфически русская тревога», которую тонко подмечает Эрн, находя ее у многих русских философов.

Главная коллизия русской религиозной мысли заключается в этом столкновении свободного философского духа (ностальгии) с теми формами религиозности, которой отмечена отечественная культура. Эрн все очень точно и глубоко объяснил у Сковороды, но как бы не захотел принять собственное открытие о нем, испугался, что оно не соответствует ортодоксальности и умалил Сковороду, возвеличив его. Таков путь русской мысли, о котором сам же Эрн говорит: «Бессознательное отталкивание Сковороды от Церкви, стоящее в противоречии с высшим разумом его же собственного мировоззрения, повторяется в невысказанной трагедии жизни Толстого. Этот великий гений внутренне надламывается от того же самого, что удерживало Сковороду от высшего просветления и не давало ему окончательно вспыхнуть и загореться вселенским светом» [Эрн, с. 589].

Парадокс Сковороды в том, что он навсозвон пронизан христианством, но это не то христианство, это христианство, с помощью которого мыслитель отрывается от «насиженных мест» отчей духовности и отправляется уже в собственное странствие с неизведанным и неизвестным исходом. Может быть, Сковорода и не так оригинален, как мыслитель, но он принципиально важен как фигура, в которой свершается собственная независимая духовная работа, собственный поиск истины. Это не может не вступить в противоречие с господствующей ортодоксальной традицией, о чем с горечью, но с какой-то тайной радостью все же говорит Владимир Эрн.

В образе жизни и образе мысли Григория Сковороды произошло максимальное сближение и такое же максимальное расхождение *национального* и *философского*. Здесь всегда возможны две ошибки: консервация сближения («славянофильство») и консервация расхождения («западничество»). Народная жизнь духа, если таковая вообще существует, не может характеризоваться никакой единой формулой, претендующей на исчерпывающее понимание. Только живая и драматическая *диалектика национального и философского* может отразить некую достоверную самобытность национального самосознания. Путь Сковороды и явил эту живую диалектику.

Если предположить, что философский этос складывается из философского Эроса и философского Логоса, где Эрос – это страсть, самые сильные, темные и бессознательные невербальные интуиции, пронизывающие национальную стихию, а Логос – это уже вербальная выраженность этих идей, то Сковорода и есть назревший, почти прорвавшийся в Логос философский Эрос. Сковорода – первый дает озвучку темному Эросу. И это очень хорошо понял Владимир Эрн.

В дальнейшем, уже собственно крупная самобытная философская мысль в лице Достоевского, Толстого, Розанова, Шестова, Бердяева и многих других шла проторенным путем Сковороды, *путем духовной свободы*, полагания на истину, а ни на авторитет. Это сложный, драматический путь, но именно этим путем и пошла, и следует надеяться, и дальше будет идти русская философская мысль, являя миру высоты нравственной мудрости и метафизической проникновенности.

Список литературы References

1. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М.: АСТ, 2007. 445 с.
Berdjaev N.A. Konstantin Leont'ev. Oчерk iz istorii russkoj religioznoj mysli. Aleksej Stepanovich Homjakov. M.: AST, 2007. 445 s.
2. Громов М.Н. Изборник 70. Тверь: Альфа-пресс, 2013. 560 с.
Gromov M.N. Izbornik 70. Tver': Al'fa-press, 2013. 560 s.
3. Зернов Русской религиозное возрождение XX века. YMCA-PRESS. Paris, 1991. 368 с.
Zernov Russkoj religioznoe vozrozhdenie XX veka. YMCA-PRESS. Paris, 1991. 368 s.
4. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли. М.: Книга, 1990.
Ivanov Vjach. Dostoevskij i roman-tragedija // O Dostoevskom. Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoj mysli. M.: Kniga, 1990.
5. Розанов В.В. Уединенное // Розанов В.В. Том 2. М.: Правда, 1990. С. 195-277.
RozaNov V.V. Uedinennoe // RozaNov V.V. Tom 2. M.: Pravda, 1990. S. 195-277.
6. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С.327-345.
Hajdegger M. Osnovnye ponjatija metafiziki // Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija. M.: Respublika, 1993. S.327-345.
7. Эрн В. Борьба за Логос. Г. Сковорода. Жизнь и учение. Мн. Харвест, М.: АСТ, 2000. 592 с.
Jern V. Bor'ba za Logos. G. Skovoroda. Zhizn' i uchenie. Mn. Harvest, M.: AST, 2000. 592 s.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 658.3

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ

SOCIAL METHODS OF KNOWLEDGE MANAGEMENT SYSTEM

Л.Я. Дятченко, М.М. Озерова
L.Y. Dyatchenko, M.M. Ozerova

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: djatchenco@bsu.edu.ru; ozerovamargarita@rambler.ru

Ключевые слова: обмен знаниями, управление знаниями, наставничество, сторителлинг, человеческий фактор.

Key words: knowledge-sharing, knowledge management, mentorship, storytelling, human factor.

Аннотация. В статье рассматривается проблема влияния человеческого фактора на обмен знаниями между сотрудниками. Наиболее эффективными методами организации процесса обмена знаниями, по нашему мнению, являются наставничество и сторителлинг. Использование социальных методов в процессе управления знаниями необходимо сочетать с личным контактом. При помощи новых технологий и учёта человеческого фактора возможно создать информационную среду, в которой сотрудники смогут беспрепятственно обмениваться необходимой информацией, накопленными знаниями, профессиональным опытом и корпоративными ценностями.

Resume. The article considers the problem of the influence of the human factor in the process of knowledge exchange between employees. The most effective methods of organizing the process of knowledge sharing, in our opinion, are mentoring and storytelling. The use of social practices in the management of knowledge must be combined with a personal contact. Through new technologies and taking into account the human factor is possible to create an information environment where employees can freely exchange the necessary information, knowledge, professional experience and corporate values.

Современные организации всё больше внимания уделяют сфере профессионального обучения, но, несмотря на то, что образовательный процесс предусматривает использование высокопрофессиональными специалистами актуальной информационной базы и разнообразных практических методик, обучающие программы на практике оказываются недостаточно эффективными. Это происходит вследствие того, что многие руководители игнорируют человеческий фактор, оказывающий огромное влияние на процесс взаимного обмена опытом и знаниями. Несмотря на большое количество возможностей, такое игнорирование представляет основное затруднение в процессе обмена знаниями между сотрудниками. Специалисты не делятся опытом вследствие многих причин: дефицит времени, боязнь утраты профессионального статуса или рабочего места, кроме того в качестве такой причины также может выступать и отсутствие желания. Знания и их менеджмент на сегодняшний момент обретают всё большую популярность, а сама передача и обмен знаниями носит больше технический, чем творческий характер. Существует множество механизмов осуществления передачи знаний, все они представляют лишь рабочие инструменты, так как решающую роль в процессе успешной передачи знаний играет человеческий фактор. Как отмечает в монографии «Системы управления знаниями» А.Ф. Тузовский, «знания движутся в форме человеческого капитала при перемещении рабочей силы, при оказании или получении консалтинговых услуг, а также в виде интеллектуальных продуктов» [Тузовский А.Ф., 2005, с. 28]. При формировании благоприятных отношений в коллективе применяются различные инновационные технологии, самыми популярными из которых является использование электронных или виртуальных коммуникаций.

В настоящее время разнообразные компьютерные технологии глубоко внедрились в деятельность современных организаций. Электронные коммуникации – интранет-порталы, электронная почта, сервисы для мгновенного обмена сообщениями – прочно вошли в профессиональную жизнь и стали неотъемлемой её частью благодаря очевидным преимуществам: доступности, оперативности, простота использования. Корпоративный портал – мощный инструмент повышения эффективности работы организации, который позволяет сформировать единую для всех работников информационную среду. Кроме того такой портал может способствовать прямому и беспрепятственному обмену не только значимой информацией, но и профессиональными знаниями. А.Л. Гапоненко в своей книге

«Управление знаниями» отмечает, что «существенным становится процесс не только создания новых знаний, но и их передачи, тиражирования, трансформации и использования. В новых условиях начинают по-новому действовать коммерческие предприятия, государственные и общественные учреждения и организации, т.е. все участники процесса создания, трансформации и использования знаний» [Гапоненко А.Л., 2001, с. 2]. Информация как средство для получения знаний находится в свободном доступе, и получить её в настоящее время не представляется трудной задачей. В данной ситуации центральной фигурой становится личность, которая, используя полученную информацию, перерабатывает, анализирует и сопоставляет её с собственным опытом, благодаря чему информация становится знанием. Таким образом, на первый план выдвигается человеческий фактор, который игнорируется многими организациями, что представляет угрозу для свободного обмена как информацией, так и накопленными знаниями.

Передача знаний может проходить как при помощи формализованных механизмов (документы, базы данных, интранет), так и при неформальном общении сотрудников, которое способствует более открытому диалогу. Кроме того такая передача может осуществляться и косвенно – на опыте окружающих. Таким образом, передача знаний может осуществляться и неосознанно. Тем не менее, процессы социализации и интернализации при передаче знаний, безусловно, следует поощрять, создавая необходимые для этого предпосылки, в качестве которых могут выступать специальные «комнаты для бесед» различные корпоративные мероприятия или конкурсы. Также в качестве способов организации обучения могут выступать различные программы стажировок, обмена, корпоративного обучения, тренинги, групповая работа над проектами. Каждый из приведённых примеров представляет собой эффективный инструмент межфункционального обмена опытом и знаниями, расширения корпоративных каналов и формирования открытого образовательного пространства при обмене знаниями. Но, на наш взгляд, наиболее эффективными социальными методами для обмена знаниями, способствующими оказать воздействие на социальные интересы сотрудников для активизации плодотворной деятельности, являются наставничество и сторителлинг.

Наставничество – метод развития персонала, основанный на взаимоотношениях, в которых опытный и осведомлённый сотрудник помогает в работе менее опытному или менее осведомлённому. «Наставничество – это неформальный процесс обмена знаниями, социальным опытом и психологическая поддержка, получаемая обучаемым в работе, карьере и профессиональном развитии. Наставничество включает неформальные коммуникации, обычно между двумя людьми, в длительном периоде, между сотрудником, имеющим большой объём актуальных знаний, мудрости и опыта, и сотрудником, который обладает ими в меньшей степени» [Daloz L.A., 1990, P. 2].

К стратегически важным организационным задачам наставничества относятся следующие:

- Улучшение качества подготовки как новых, так и опытных сотрудников.
- Упрощение и ускорение в освоении норм и правил корпоративной культуры, формирование лояльности благодаря большому вниманию к новым работникам.
- Обеспечение преемственности корпоративных стандартов.
- Снижение текучести кадров вследствие качественной подготовки новых сотрудников.
- Создание сплочённого коллектива.
- Увеличение продуктивности деятельности.

К преимуществам такого способа неформального обучения можно отнести:

- Непосредственное обучение на рабочем месте.
- Персонификация обучения, позволяющая учитывать индивидуальные особенности обучаемого.
- Ускорение процесса адаптации новых сотрудников.
- Распространение корпоративных ценностей и традиций среди обучающихся сотрудников.
- Повышение мотивации обучающихся.
- Улучшение межличностного и профессионального взаимодействия сотрудников и, как следствие, формирование устойчивого благоприятного социально-психологического климата в коллективе.

Несмотря на большое количество плюсов, при использовании наставничества существуют и недостатки:

- Снижение эффективности у сотрудника-наставника.
- Неструктурированное получение информации.
- Отсутствие алгоритмов обучения.
- Затратность (материальное стимулирование сотрудников-наставников, учебная и методическая литература).
- Длительность процесса обучения.
- Отсутствие у сотрудника-наставника преподавательских качеств.

Большую роль в процессе наставничества играют, на наш взгляд, следующие факторы.

1. Готовность и стремление к обучению. Предполагает наличие базовых знаний и опыта для более эффективного усвоения знаний, получаемых от наставника. Необходим также общий контекст, объединяющий наставника и обучаемого для того, чтобы информация трансформировалась в знание. Кроме того, важным моментом является получение реальных практических навыков, которые представляются достаточно важным при развитии опыта и профессиональных умений обучаемого.

2. Самоконтроль. Кроме осознания и оценки обучаемым своих собственных действий, большое значение имеет метапознание, которое понимается Дж. Флейвеллом как «система знаний человека об особенностях собственной познавательной сферы и способах её контроля» [Flavell J.H., 1976]. Автором выделяется четыре компонента метапознания: метакогнитивные знания, опыт, цели и стратегии. Благодаря знаниям и опыту человек может саморегулировать свою интеллектуальную деятельность, и формировать цели и стратегии дальнейших действий для осуществления познавательного процесса и его оценки, контроля и корреляции с полученными знаниями.

3. «Кнут и пряник». Любое обучение предполагает обратную реакцию наставника, которое может выражаться в наказании или поощрении. Обратная связь представляет собой особую важность в процессе обучения, но важным моментом является обратная связь, сфокусированная на конкретной задаче, а не на личности обучаемого. Сотрудник-наставник является примером для подражания у обучаемого, так называемым модератором корпоративного поведения, благодаря которому и происходит, чаще всего неосознанно, неформальное обучение.

Исходя из приведённой выше информации, можно говорить о том, что метод наставничества представляется востребованным при профессиональном обучении и развитии сотрудников, благодаря высокому образовательному эффекту при низких затратах. При помощи наставничества можно решать большой спектр разнообразных задач и целей организации, представляющих интерес с практической точки зрения.

Следующий метод неформального обучения сотрудников заключается в создании корпоративных историй о полученном практическом опыте в организации – (от англ. story – история, tell – рассказать) сторителлинг. Такие истории связаны с какими-либо событиями или конкретными сотрудниками и чаще всего передаются по неформальным каналам коммуникации. В качестве типов подобных корпоративных рассказов можно выделить истории о несоблюдении правил, начальстве, сложности в преодолении карьерной лестницы, боязнь увольнения, социально-психологическую помощь, способы разрешения кризисных ситуаций. Применение сторителлинга позволяет сформировать такое корпоративное пространство, в котором сотрудники смогут почувствовать себя частью единой команды, а также сформировать идентичность с организацией, понять преобладающие и поощряемые корпоративные ценности. Стоит отметить, что не любое обучение возможно при помощи сторителлинга, именно поэтому данный метод относится к неформальным методам, так как усвоение конкретных форм знаний либо формирование каких-либо навыков возможно лишь благодаря формальному обучению, ученичеству или наставничеству, различным программам по обучению и самообучению. Сторителлинг является прекрасным методом в том случае, если необходимо передать и сформировать знания об общих системах управления, отношению руководства к своим сотрудникам, ценностях и правилах корпоративного этикета. Таким образом, передача знаний происходит с помощью конкретных историй, которые легко увязать с собственным опытом. В качестве преимуществ в процессе обучения при помощи сторителлинга можно выделить следующие:

- Простота в восприятии. Интерация передаваемой информации с уже полученными знаниями и опытом позволяет намного проще и легче усвоить новый материал. Сторителлинг представляет собой совокупность визуальной и вербальной информации, так как простая в понимании и логичная история способствует созданию визуальных образов, дополняющих рассказ и повышающих вероятность запоминания. В данном случае сторителлинг выполняет мнемоническую функцию, которая при помощи создания ассоциаций и связей способствует облегчённому запоминанию необходимой информации.

- Ясность в представлении. Воспоминания о событиях, непосредственным участником которых являлся конкретный человек, представляются всегда намного эффективнее и отчётливее. Здесь большое влияние имеет человек-рассказчик и его ораторские навыки, способность к убеждению и вдохновению, благодаря которым возможно будет создать отчётливое и ясное представление и косвенно пережить рассказанную историю.

В качестве инструментов сторителлинга могут выступать не только корпоративный кодекс, сайт или печатное издание, но, например, конкурс на корпоративном мероприятии, заключающийся в рассказе лучшей истории с конкретной моралью из жизни коллектива, тренинги по командообразованию, связанные с воспоминаниями различных событий, или различные сценки во время корпора-

тива. Такие инструменты позволят объединить фрагментарные и субъективные знания сотрудников в единый контекст корпоративного мировоззрения организации.

Метод сторителлинга выполняет ряд функций:

- 1) Агитационная. Корпоративная история выступает в качестве инструмента убеждения, способного вдохновить и воодушевить сотрудников, что укрепит командный дух и сплотит коллектив.
- 2) Объединяющая. Общие истории представляют собой инструмент, способствующий формированию благоприятной корпоративной культуры.
- 3) Коммуникационная. Истории из жизни коллектива благоприятствуют повышению эффективности как формального, так и неформального общения среди сотрудников разного уровня.
- 4) Стимулирующая. Использование сторителлинга в деятельности организации позволяет увеличить арсенал мотивационных инструментов и укрепить статус как руководства, так и неформальных лидеров.
- 5) Прагматическая. Сторителлинг – достаточно простой способ донести до сотрудников значимую информацию, связанную с содержанием и постановкой задачи или проекта.

При овладении методом сторителлинга необходимо знать основные механизмы и придерживаться определённых правил при создании таких рассказов. Ключевыми параметрами истории выступают основная идея, герой, сюжет, связанность, стиль изложения. История должна быть короткой и однозначной в интерпретации, иметь акцент на ценностных ориентирах организации и завершаться выводом, моралью. Такая история должна быть призывом к определённому действию, вызовом к сопереживанию слушателей. Несмотря на положительный эффект при применении данного метода, сторителлинг, к сожалению, не является универсальным управленческим инструментом обучения персонала требуемым компетенциям, но позволяет настроить коллектив на рабочий лад и подготовить к переменам, что особенно актуально во время кризисных ситуаций.

Подводя итог, следует отметить, что в процессе обмена знаниями использование технологий всегда необходимо сочетать с человеческим фактором и личным контактом. Современные технологии позволяют находить большой объём разнообразной информации, но следует отметить, что технологии являются инструментом, а личный контакт – базисом эффективного обмена знаниями и информацией. Так, при помощи новых технологий и учёта человеческого фактора возможно создать информационную среду, в которой сотрудники смогут беспрепятственно обмениваться необходимой информацией, накопленными знаниями, профессиональным опытом и корпоративными ценностями.

Список литературы References

1. Гапоненко А.Л. Управление знаниями. – М.: ИПК Госслужбы, 2001. – 52 с.
Gaponenko A.L. Upravleniye znaniyami. – M.: IPK Gossluzhby, 2001. – 52 s.
2. Тузовский А.Ф., Чириков С.В., Ямпольский В.З. Системы управления знаниями (методы и технологии). – Томск: Изд-во НТЛ, 2005 – 260 с.
Tuzovskiy A.F., Chirikov S.V., Yampol'skiy V.Z. Sistemy upravleniya znaniyami (metody i tekhnologii). – Tomsk: Izd-vo NTL, 2005 – 260 s.
3. Daloz L.A. Effective teaching and Mentoring. – San Francisco: Jossey Bass, 1990. – 20 p.
4. Flavell J.H. Metacognitive aspects of problem solving // The nature of intelligence. Hillsdale / Ed. by L.B. Resnick. – NJ. – 1992. – pp.231-236.

УДК (075) 352+316.3

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА**

**THE ACTUALIZATION OF INVESTIGATION OF MUNICIPAL AUTHORITIES
AND LOCAL COMMUNITY COOPERATION**

**Р.И. Мельникова, И.А. Мельников
R.I. Melnikova, I.A. Melnikov**

*Воронежский институт экономики и социального управления, Россия, 394036, г. Воронеж, ул. Помяловского, 27
Voronezh Institute of Economics and Social Management, 27 Pomyalovsky St, Voronezh, 394036, Russia*

E-mail: viesm@vmail.ru

Ключевые слова: муниципальная власть, местное сообщество, муниципальное управление, местное самоуправление, вопросы местного значения.

Key word: municipal authorities, local community, municipal government, bodies of local self-government, questions of local significance.

Аннотация: В статье обосновывается роль и значение развития взаимодействия муниципальной власти с местным сообществом как субъектом, активно влияющим на развитие местного самоуправления, а также актуальность исследования данной проблемы.

Resume: The article has substantiated the role and significance of the development of cooperation between municipal authorities and local community as a subject influencing on the development of bodies of local self-government. The actuality of the investigation of the problem has also been sound out.

Проблема исследования взаимодействия органов местного самоуправления с местным сообществом, практики организации этой работы сегодня является достаточно актуальной, т.к. связана с развитием и углублением понимания местного самоуправления как такового. Формирование местного самоуправления составляет важный аспект общей работы, связанной с формированием демократических институтов власти и управления в современной России. Идея местного самоуправления входит в круг базовых демократических идей, поэтому она всегда возникает в контексте «демократических проектов и поддерживается демократически настроенными силами» [Леонова И.Г., Редихина В.И., 2000].

Как и все преобразования последних лет, запуск процесса становления института местного самоуправления на начальном этапе осуществлялся «сверху». В соответствии с этим, основные заботы начального этапа его формирования сосредотачивались, главным образом, на создании инфраструктурных предпосылок – правовых и организационных. Законодательное обеспечение местного самоуправления инициировалось с уровня Федерации, его финансово-экономические возможности и отношения с уровнями государственного управления также определялись, в первую очередь, федеральным законодательством и особенностями федерального законотворческого процесса, инициировавшего принятие соответствующих законодательных актов и формирование соответствующих отношений на уровне субъектов Федерации [Мельникова Р.И., 2005, с.189].

Но развитие местного самоуправления невозможно без активного включения в этот процесс самих муниципальных образований, включения «самостоятельного и под свою ответственность», как определено Конституцией Российской Федерации.

Поэтому, по мере того, как оно набирает вес и значение, все более значимыми становятся процессы, протекающие непосредственно на местах. В связи с этим в кругу вопросов, обсуждаемых по проблематике развития местного самоуправления, появляются новые темы, среди которых и вопросы о том, каковы реальные механизмы принятия решений, касающихся тех или иных вопросов жизни местного сообщества, насколько они отвечают интересам людей, живущих на данной территории, какие формы организации управленческой деятельности в состоянии сделать органы местного самоуправления выразителями воли и интересов людей и т.п.

Одним из фундаментальных при этом оказывается вопрос о том, кто является субъектом местного самоуправления. Демократически и нравственно обеспеченный ответ – сообщество людей, проживающих на территории конкретного муниципального образования. Органы местного самоуправления – это рабочие органы, задача которых состоит в служении этому сообществу. Но для того, чтобы понимать это не умозрительно, а практически, такого ответа недостаточно. Мы хорошо пони-

маем, что люди обычно имеют разные интересы и ответить на вопрос, каким образом группы интересов могут быть интегрированы в субъект местного самоуправления, имя которому «местное сообщество», не так-то просто.

Здесь появляется целый спектр сюжетов, связанных с механизмами общественного участия в местном самоуправлении. В частности, – идея территориального общественного самоуправления. Оно провозглашается на уровне местного самоуправления как идея формирования уровня управления – наиболее близкого к людям и непосредственно связанного с их повседневными заботами и интересами. Но такая постановка вопроса не исчерпывает его. Конечно, люди могут жить общими интересами, связанными с подъездом, домом, двором, улицей, но очевидно, что существует масса интересов, выходящих далеко за их пределы и объединяющих людей не по признаку общности, а как-то иначе. Так возникает представление о местных сообществах, как «объединенных не только местом проживания, но и имеющих какие-то общие интересы» [Балобанов А.Е., 2000, с. 11]. При этом по характеру своих интересов такие сообщества не имеют территориальной окраски, но поскольку они живут и действуют на конкретной территории, то у них неизбежно появляются интересы, связанные именно с местом проживания. И такие сообщества представляют безусловный ресурс с точки зрения организации жизни и развития локального сообщества. С ними может быть связан культурный, нравственный и общественно-политический потенциал данного места. Самой своей активностью они во многом складывают ткань развития муниципального образования. Кроме того, они могут выступать как референтные группы при решении многих вопросов, связанных с жизнью муниципального образования, а также связи с идеями, проектами, программами по его развитию. Наконец, при условии их заинтересованности, они могут выполнять и /или организовывать определенные объемы и виды работ, необходимых для жизнеобеспечения и развития места проживания.

Таким образом, можно констатировать, что тема участия местных сообществ в местном самоуправлении имеет потенциал своего развития, по меньшей мере, в трех разных взаимосвязанных горизонтах:

1. Местное сообщество как субъект местного самоуправления, что делает тему синонимичной теме местного самоуправления как такового, дает возможность рассматривать население как единое сообщество, единый коллектив, живущий на данной территории, имеющий собственный территориальный интерес и сознающий его, о чем возможно говорить в социологическом плане только на очень локальных территориях и в рамках очень ограниченных форм деятельности. Говорить же о механизмах волеизъявления, согласования интересов, поиске наиболее эффективных форм организации их совместной деятельности с органами муниципального управления – это и значит говорить об устройстве системы местного самоуправления.

2. Местные сообщества как единицы и организованности социально-политической ткани места, что требует внимательного анализа устройства жизни муниципального образования, какие структуры его формируют, как они возникают, живут, исчезают, как оформляются и взаимодействуют. Все это очень важно для реального понимания жизни места и ответа на вопрос о механизмах адекватных его природе и способных работать на формирование и развитие самих местных сообществ.

3. Формы участия местных сообществ в местном самоуправлении, позволяющие включить интересы и потенциал местных сообществ в процессы принятия управленческих решений, а также организовать профессиональную деятельность муниципального управления применительно к данному предмету: формы и технологии вовлечения местных сообществ в управление воспроизводством и развитием жизнедеятельности места; смысл этого вовлечения, задачи, которые могут решать местные сообщества и т.д.

Однако, как показывает анализ практики, муниципальному управлению пока еще не достает культурно-сообразных форм включения муниципальной власти в организацию активного участия местного сообщества в жизни муниципальных образований. Отсутствует ясное понимание природы местных сообществ, их основных типов, динамических характеристик, владения ограниченным набором инструментов, позволяющих вовлекать их в процессы муниципального управления, в разработку и реализацию стратегий, политик, программ и проектов муниципального развития. В свою очередь, сами общественные организации, действующие на территории одного муниципального образования, не кооперируются друг с другом, а наоборот, зачастую конкурируют. Причем предметом конкуренции, как правило, является муниципальный бюджет и именно с этих позиций выстраивается диалог между ними и органами местного самоуправления.

Как правило, узость горизонта понимания взаимодействия, необходимости его развития приводит к торможению, препятствует реализации основного конституционного принципа местного самоуправления как власти народа, самостоятельного и под свою ответственность принимающего решения по обеспечению развития конкретного муниципального образования.

Все это со всей очевидностью ставит на повестку дня вопрос подготовки как муниципальных служащих, так и представителей местного сообщества к организации совместной деятельности в решении вопросов местного значения, искоренения сложившихся стереотипов и отношений между муниципальной властью и местными сообществами, когда первые привыкли видеть в общественности, в основном, просителей и даже помеху в управлении муниципальным образованием, а вторые часто видят в муниципальных управлениях, главным образом, корыстную бюрократию.

Проведенное сотрудниками муниципального автономного учреждения высшего профессионального образования «Воронежский институт экономики и социального управления» авторское исследование хода реформы местного самоуправления на территории Воронежской области* показало неоднозначность и противоречивость отношений муниципальных служащих к вопросу об участии населения в муниципальном управлении. Так, умение работать с людьми, строить отношения с общественностью, согласовывать интересы различных социальных групп населения занимает пятое место (из 14) в характеристике профессиональных качеств, в наибольшей степени, определяющей успешность муниципального управления.

Одновременно только 13% опрошенных называют активность местных сообществ среди характеристик, обеспечивающих успешность муниципального управления, а 58% указывают среди препятствий на пути развития местного самоуправления непонимание его сущности населением, отсутствие инициативы и пассивность населения, отметив (76%), что в муниципальных образованиях органы местного самоуправления активно ведут работу с населением.

В свою очередь, только 20% населения оценивает положительно взаимодействие с гражданами органов местного самоуправления. Характеризуя взаимодействие с населением, сотрудники органов местного самоуправления считают, что они проявляют существенно большую активность и конструктивность в этом взаимодействии, нежели само население.

При этом у 50% респондентов вызывает затруднения проблема владения инструментарием и механизмами обеспечения взаимодействия с местным сообществом.

Все это, на наш взгляд, требует отработки не только системы взаимодействия муниципальной власти с местным сообществом, но и обеспечения владения основными формами и методами этой работы как со стороны органов местного самоуправления, так и со стороны представителей различных социальных групп местного сообщества. К сожалению, как показал анализ программ дополнительного образования, вопросам обучения по данному направлению в системе повышения квалификации муниципальных служащих уделяется очень незначительное внимание, и оно проходит, как правило, в рамках любой целенаправленной программы повышения квалификации с выделением, в лучшем случае не более двух академических часов. А обучение жителей муниципальных сообществ не проводится ни в одном муниципальном образовании. Поэтому и не удивительно, что системная работа в этом направлении пока не получила своего развития. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что за годы реформирования местного самоуправления практически во всех администрациях муниципальных образований в различных подразделениях введены функции организации взаимодействия с местным сообществом, например, чаще всего – это комитеты по делам семьи и молодежи, иногда – комитеты образования, культуры, социальной защиты; создаются и подразделения по связям с общественностью. Но совершенствование этой работы требует внедрения координирующего начала, развития такой формы как социальное партнерство муниципальной власти и местного сообщества, а это требует наличия специально подготовленных кадров, умеющих применять и разрабатывать различные методы партнерства, которые должны исходить из природы и специфики отечественного общественного движения, российского менталитета, традиционных мотиваций. Ориентирами в подготовке кадров по обеспечению взаимодействия органов местного самоуправления с населением, на наш взгляд, может быть проблематика, направленная на осмысление определенной темы в данном направлении, и овладении технологиями ее реализации, как, например:

- вопросы, связанные с анализом процессов, происходящих в пространстве организации жизни и деятельности местных сообществ, форм и инструментов работы с ними;
- вопросы, связанные с возможностями и горизонтами освоения тематики местных сообществ работниками муниципальных органов управления;
- вопросы, связанные с механизмами общественного участия в местном самоуправлении, и т.д.

Сегодня идет поиск более совершенных форм и методов эффективного взаимодействия власти и общественности, среди которых можно выделить такие, как оптимизация работы различного типа общественных Советов на территории муниципальных образований; совместное учреждений

* Исследование проведено в 2013 г. среди муниципальных служащих Воронежской области в 31 муниципальном районе (N= 364) и среди населения (N= 320) по изучению состояния работы органов местного самоуправления с населением (рук. проф. Мельникова Р.И.).

организаций или программ, специализирующихся на создании условий для партнерского взаимодействия; внедрение и развитие клубных форм, самоуправление в которых предполагает последующее реальное включение в оказание социальных услуг; создание инновационных проектов, участие в процессах перераспределения ресурсов, т.е. использование потенциала общественной активности для развития территории.

Вовлечение населения в систему местного самоуправления законодательно определено такими формами как референдумы, сходы граждан, собрания граждан и другими формами волеизъявления граждан. Следует отметить, что это минимальный обязательный перечень, его можно и нужно оптимизировать и расширять на основе формирования групп, сообществ в качестве стратегических и тактических союзников, партнеров, участников реализации краткосрочных и долгосрочных планов и программ развития муниципальных образований. Способы поиска оптимальных социально-политических технологий и их результативности зависят от объективно сложившихся в муниципальном образовании процессов взаимодействия властных структур с населением [Киричук С.М., 2005, с. 30], которые при всем их разнообразии и уровне развития будут являться в значительной степени определяющими в содержании, темпах и методах становления трех взаимообусловленных процессов: становление местного самоуправления, гражданского общества и социально ориентированного государства.

Список литературы References

1. Леонова И.Г., Редюхина В.И. Социальное партнерство – ресурс взаимодействия им государственных и общественных структур. – М., 2000.

Leonova I.G., Redyukhina V.I. Sotsial'noye partnerstvo – resurs vzaimodeystviya im gosudarstvennykh i obshchestvennykh struktur. – М., 2000.

2. Мельникова Р.И. Реформа местного самоуправления и становление гражданского общества: социальный опыт России. – Воронеж, 2005. – С. 189.

Mel'nikova R.I. Reforma mestnogo samoupravlenii i stanovleniye grazhdanskogo obshchestva: sotsial'nyy opyt Rossii. – Voronezh, 2005. – S. 189.

3. Местные сообщества в местном самоуправлении // Материалы программы «Местное самоуправление» / Под ред. А.Е. Балобанова. – М.: Моск. общ. науч. фонд, 2000. – С. 11.

Mestnyye soobshchestva v mestnom samoupravlenii // Materialy programmy «Mestnoye samoupravleniye» / Pod red. A.Ye. Balobanova. – М.: Mosk. obshch. nauch. fond, 2000. – S. 11.

УДК 316.472

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ В ПРОЦЕССЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ВУЗА

RISK MANAGEMENT IN THE PROCESS OF INNOVATION DEVELOPMENT OF HIGH SCHOOL

И.Э. Надуткина, С.А. Шовгеня, Я.И. Серкина
I.E. Nadutkina, S.A. Shovgenya, Y.I. Serkina

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: nadutkina@bsu.edu.ru, e-mail: shovgenya@bsu.edu.ru, serkina_ya@bsu.edu.ru

Ключевые слова: инновационное развитие, инновационная деятельность вузов, управление рисками, межвузовская конкуренция, репутационные риски.

Key word: innovative development, innovation universities, risk management, intercollegiate competition, reputational risks.

Аннотация: Рассматривается проблема управления инновационным развитием учреждений высшего профессионального образования в условиях риска и управление рисками развития в турбулентной вузовской среде.

Resume: The problem of innovative development of higher education institutions in terms of risk and risk management of high school in a turbulent environment.

Внедрение в вузах страны принципиально новых организационно-экономических, управленческих решений, а также фундаментальных разработок из области науки и техники, по экспертным оценкам, значительно увеличивает степень рисков инновационного развития. Проблема управления инновационным развитием учреждений высшего профессионального образования (ВПО) в значительной степени зависит от того, насколько администрация вузов способна научиться прогнозировать риски, оценивать их и не переходить за допустимые пределы.

Отметим, что человеческая деятельность весьма многообразна, но любому ее виду присущи, в той или иной степени, общие черты: неопределенность, случайность. Известны следующие виды риска: производственный, коммерческий, финансовый. Причем, чем выше уровень риска, тем значительнее в случае успеха будет прибыль. Данные положения вполне соответствуют современному состоянию управляемости вузовской среды. Более того, в современном развитии вузов риски нарастают по экспоненциальной модели, что определяется как внешними, так и внутренними факторами.

Прежде всего, это обусловлено высоким уровнем конкуренции на рынке образовательных услуг. Современным вузам, чтобы выжить в условиях конкуренции, нужно решаться на внедрение и технических и других новшеств, и на смелые, нестандартные действия, а это усиливает риск. Существенное влияние имеет и то, что федеральные органы управления высшим образованием дополнительно стимулируют конкуренцию, введя сложную систему показателей рейтинговой оценки учреждений ВПО. Борющиеся за свои рейтинговые показатели и отстаивающие свои статусные позиции, современные вузы, должны организовать серьезную работу по формированию соответствующего уровня инновационной культуры вуза. Потребность в инновациях, в большинстве случаев должна зарождаться в самом высшем учебном заведении. Инновационное развитие вуза, как конкретной организации, должно предполагать, что вуз сам осуществляет необходимые разработки для удовлетворения собственных потребностей в совершенствовании организации основного вида образовательного, научного и повышения технического уровня. Именно поэтому практика управления инновационными процессами вуза постоянно связана с рисковыми ситуациями.

В новых политических, социально-экономических и социокультурных условиях происходят постоянные изменения в образовательных потребностях; это также требует разработки новых подходов к управлению образованием с учетом возникновения рискованных ситуаций. Региональная система образования будет наименее рискованной и в наибольшей степени отвечать запросам потребителей ее услуг, специфике функционирования, если основные направления ее модернизации реализуются на основе: стратегического планирования, базирующегося на мониторинге ресурсной обеспеченности, актуальных и перспективных потребностях населения в различных формах и услугах.

Сфера высшего образования России, рассматриваемая как система подготовки специалистов, с точки зрения наличия управленческого риска представляет в современных условиях особый иссле-

довательский интерес. В первую очередь управленческие риски связаны с деятельностью вуза в контексте качества образования. Это достаточно специфическая область, для которой характерны свои особые риски, отличные от тех, которые традиционно рассматриваются в теории риск-менеджмента. И проблема управления инновационным развитием учреждений высшего профессионального образования (ВПО) в значительной степени зависит от того, насколько грамотно ведется прогнозирование рисков и управление рисками развития в турбулентной вузовской среде.

Особое значение в данной связи приобретает задача комплексной диагностики рисков, осуществляемая преимущественно социологическими методами. Решению ее способствовал проведенный нами опрос административных работников вузов, среди которых работники ректоратов вузов. Опрошены по вузам представители учебно-организационного управления, управления методической работы и качества образования, управления по развитию персонала и кадровой работе, планово-экономического управления, контрольно-ревизионного отдела, управление научно-исследовательской работы, правовое управление, управление по связям с общественностью и СМИ Белгородского государственного национального исследовательского университета [1]. Отвечая на вопрос: «Вы согласны утверждением, что в современных вузах проявляется значительное сопротивление принимаемым управленческим решениям, связанными с рисками?», только 21,36% респондентов указали: такого сопротивления не видят. Большинство же (50,49%), отметили, что такое сопротивление очевидно, остальные затруднились ответить (24,27%).

Мнения респондентов о причинах сопротивления распределились следующим образом: естественный консерватизм системы управления вузами и несоответствие большинства управленческих решений традициям российского высшего образования, так считают 47,57%; недостаточная информированность работников (22,33%). 22,33% указывают на психологическую неготовность к ситуации постоянного поиска, творческой активности, на отсутствие у работников мотивации к управленческим решениям – 21,36%. Управленцы в вузах, признавая значимость организационных факторов, указывают на отсутствие подготовительной работы к внедрению управленческих решений (19, 42%). Некоторые респонденты считают, что сопротивление связано с недостаточным учетом мнения преподавателей и сотрудников (14,56%). 8,74% полагают, что может сработать инерционность мышления работников, 3,88% – имеет место внутренняя установка на работу с минимальной затратой сил.

Безусловно, многие риски обусловлены процессами реформирования учреждений высшего профессионального образования (ВПО), поскольку они, во-первых, предполагают изменение принципов действия вузов, направленное на реструктуризацию, что, в свою очередь, связано с новыми формами организации труда, снижением издержек, улучшением финансово-экономических результатов деятельности вузов. Во-вторых, реформа связана с мерами государственной поддержки указанных изменений, что в свою очередь предполагает необходимость организации управленческой деятельности на проектной основе, к которой не всегда готовы коллективы [2. С. 65-70].

Для инновационного развития вуза вполне возможен риск неуправляемости инновационными проектами. Это один из видов инновационного риска, обусловленный:

- недостаточной квалификацией и сплоченностью в команде менеджеров вуза, осуществляющих управление разработкой и реализацией проекта;
- несбалансированной структурой и недостаточной квалификацией специалистов, привлекаемых вузом для выполнения этапов проекта и отдельных его работ;
- слабой личной мотивацией управленческого персонала вуза, профессорско-преподавательского состава, студенчества на успешную реализацию проекта.

Разумеется, некоторые действия могут приводить к снижению одних компонентов образовательного процесса и улучшению других. Вопрос о том ухудшает ли конкретное мероприятие в конкретном случае состояние объекта в целом, связан с анализом взаимозаменяемости различных компонентов, что требует дополнительных исследований вузовской среды и выходит за рамки данной работы. Однако отметим, что альтернативой инновации является консервация – сохранение наиболее существенных черт сложившегося положения в сферах деятельности вуза. Соответственно возникает риск консервации. Появление риска консервации связано с тем, что окружающая среда сама по себе постоянно изменяется, и, например, консервативная политика вуза, либо консервативные позиции части высококвалифицированных сотрудников вуза, могут привести к дисгармонии между поставщиками образовательных услуг и потребителями продукции, т.е. между учреждением высшего профессионального образования и его внешней средой.

Таким образом, в проектной работе менеджерам вузов, придется ориентироваться на риски развития в турбулентной вузовской среде. В целом при управлении инновационным развитием вуза следует учитывать следующие риски: капитальный риск (риск потери инвестором капитала при его вложении), селективный риск (риск неправильного выбора), временной риск (риск принятия решений в неудачное время), риск законодательных изменений, кредитный риск (риск того, что эмитент

окажется не в состоянии выплачивать по своим обязательствам), инфляционный риск, процентный риск (риск в связи с изменениями процентных ставок на рынке), отзывной риск (риск потерь для инвестора). Таким образом, управление рисками инновационного развития вуза подвергается воздействию множества факторов, часть из которых зависит от образовательного учреждения, часть не зависит от него.

Высшее вузовское руководство, проводя последовательную политику развития вузовской среды, должно ориентироваться на прогнозирование возможностей управления в рискованных ситуациях. Это предъявляет повышенные требования к уровню профессиональной компетентности лиц, принимающих решения. Они должны быть готовы к работе в условиях нестабильной ситуации, требующей нестандартных подходов и постоянного анализа возможных издержек, далеко не всегда характерных для прошлого.

В частности, важное значение в развитии вузов приобретает репутационный фактор и связанный с ним репутационный риск. В целом риск потери деловой репутации определяется как риск возникновения у организации убытков вследствие неблагоприятного восприятия репутации и имиджа клиентами, контрагентами, акционерами (участниками), деловыми партнерами, главными из которых для вузов, безусловно, являются работодатели.

В настоящее время стремительно растет и развивается современный рынок образовательных услуг, при этом усугубляется демографическая ситуация. В связи с этим, в борьбе за лидерство на рынке образовательных услуг сможет победить тот вуз, который приложит наибольшее количество усилий по завоеванию потребителя. Поэтому улучшение корпоративной репутации вуза является одной из важнейших задач, решение которой возлагается на высшее вузовское руководство, особенно ту его часть, которая непосредственно вступает в тесный контакт с реальными и потенциальными потребителями образовательных услуг вуза [3]. Репутация вуза тесно связана с его корпоративным имиджем, и все более становится существенным компонентом победы конкретного вуза в конкурентной борьбе, поскольку делает его приоритетным объектом для спонсоров, меценатов и прочих инвесторов. Корпоративная репутация современного вуза, безусловно, связана с ценностными характеристиками, вызываемыми корпоративным имиджем вуза, сложившимся у потребителей (реальных и потенциальных) образовательных товаров и услуг [4].

Анализ конкурентной среды и ориентация на прогнозирование управляемости в рискованных ситуациях заставляют изучать проблему репутационного риска. При этом на уровне управления регионом, в том числе и управления в социальной сфере, в частности образовательными системами, должна работать практика привлечения для решения крайне сложных вопросов повышения репутации вузов регионального экспертного интеллектуального сообщества [5].

В современной ситуации приобретает особую актуальность тема брендинга. Бренд – это имя, термин, знак, символ или дизайн или комбинация всего этого, предназначенные для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов, а также для отличия товаров или услуг от товаров или услуг конкурентов. Сильный бренд вуза должен включать в себя не только саму образовательную услугу, но и те ассоциации и характеристики, воспринимаемые потребителями, которые позволят вузу бороться с конкурентами как на российском рынке, так и за рубежом. Для построения бренда особую роль приобретает его продвижение и построение маркетинговых коммуникаций, включающие различные комплексы каналов донесения необходимой информации и ценностей до целевой аудитории. Из всех средств коммуникаций особое значение для вузов приобретает PR-деятельность, направленная в основном на формирование позитивного имиджа вуза, который особенно важен именно на рынке услуг, где такие факторы как доверие и репутация являются определяющими.

Традиционно в качестве компонентов общественной оценки, статуса и образа вуза выделяют, в первую очередь те образовательные услуги вуза, которые связаны с востребованностью предлагаемых специальностей, качеством преподавания, престижностью дипломов, стоимостью предоставляемых услуг, возможностью трудоустройства. Оцениваются профессорско-преподавательский состав вуза, руководители вуза, их внешний облик, социально-демографические характеристики, общий культурный уровень, компетентность. Оценке подвергаются внутренние социально-психологические характеристики вуза. Не менее важны визуальные характеристики вуза: архитектура, дизайн интерьера, элементы фирменного стиля, внешний облик персонала, его социальные характеристики. Существенной составляющей оценки являются сами студенты вуза, их внешний облик, стиль жизни, общий культурный уровень.

Вузу необходимо выживать в агрессивной конкурентной среде, вести борьбу за абитуриентов и при этом вести учебную и хозяйственную деятельность. Перечисленные составляющие значимы для построения адекватной стратегии управления вуза, а так же – для работы по брендированию и снижению репутационного риска вуза.

Таким образом, вузам для достижения своей основной цели, а также удовлетворения требований других заинтересованных в качестве образования сторон необходимо: позаботиться о всестороннем ресурсном обеспечении, то есть, обеспечить на достойном уровне научно-образовательный процесс, привлечь талантливые, высококвалифицированные преподавательские кадры; обеспечить себя финансовыми средствами из разных источников; поддерживать доступ к современным информационным ресурсам, в том числе, иметь необходимый библиотечный фонд с современной материально-технической базой. Важно осуществлять набор абитуриентов с высоким начальным потенциалом; создать условия для активного участия студентов в научно-практической, культурной, спортивной деятельности; установить и поддерживать связи с предприятиями для практической подготовки студентов, для чего сформировать программы практической подготовки в самом вузе.

Все эти составляющие качества подготовки для разных заинтересованных сторон, целей и ситуаций имеют разную степень значимости, но вузу необходимо обеспечить, по возможности, как можно более высокий уровень всех компонентов качества. Инновационное развитие вуза, как конкретной организации, должно предполагать, что учреждение ВПО, как потребитель, само осуществляет необходимые разработки для удовлетворения собственных потребностей в совершенствовании организации основного вида образовательного, научного и повышения технического уровня.

Решение данных проблем особым образом связано с рисковыми ситуациями [6], в связи с этим проблема управления инновационным развитием учреждений высшего профессионального образования в значительной степени зависит от того, насколько в условиях риска администрация вузов, способна прогнозировать риски, объективно оценивать сопротивление принимаемым управленческим решениям, связанными с рисками, и выстраивать необходимую для вузов стратегию овладения технологиями управления рисками инновационного развития.

Список литературы References

1. Социологическое исследование «Риски инновационного развития в вузах: причины, динамика и способы преодоления» проведено «БелГУ» в 2013-2014 г. (рук. – ст.преп. Шовгеня С.А.) среди административных работников вузов методом анкетного опроса (N=103).

Case Study "The risks of innovation in higher education: the causes, dynamics and ways of overcoming them" held "BSU" in 2013-2014, the (leader. – Senior Lecturer. Shovgenya SA) among university administrators by questionnaire (N = 103).

2. Серкина, Я.И. Проектное управление инновационным развитием вуза / Я.И. Серкина // Научные ведомости БелГУ. Серия. Философия. Социология. Право. – 2012. – № 22. – С. 65-70.

Serkin, YI Project management of innovative development of university / YI Serkin // Scientific statements BSU. Series. Philosophy. Sociology. Right. – 2012. – № 22. – S. 65-70.

3. Надуткина И.Э., Шовгеня С.А. Ресурсное обеспечение проектно-инновационной деятельности в регионе / И.Э. Надуткина., С.А. Шовгеня. // Среднерусский вестник общественных наук. – 2011. – № 4. – С. 161-168.

Nadutkina I.E., Shovgenya S.A. Resourcing design and innovation in the region / IE Nadutkina., SA Shovgenya. Srednerussky // Herald of Social Sciences. – 2011. – № 4. – pp 161-168.

4. Шовгеня С.А. Репутационный риск вуза.//II Сборник трудов молодых ученых и специалистов Белгородской области Том 2 – Белгород: ИД «Константа», -2013. С.297-299.

Shovgenya S.A. Reputational risk high school. // II Proceedings of young scientists and specialists of the Belgorod region Volume 2 – Belgorod: ID "constant" -2013. S.297-299.

5. Бабинцев В.П., Надуткина И.Э., Сапрыка В.А. Экспертное сообщество как субъект гражданского участия в регионе//Власть. 2014. №7. С. 3-9.

Babintsev V.P. Nadutkina I.E., Sapryka V.A. The expert community as the subject of citizen participation in the region // Power. 2014. №7. S. 3-9.

6. Шовгеня, С.А. Динамика степени рисков инновационного развития в вузах / С.А. Шовгеня // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социологи. Право» – Белгород: Изд-во БелГУ, 2015. – № 14 (211), вып. 33. – С. 47-52.

Shovgenya, S.A. The dynamics of the degree of risk of innovation development in the universities / SA Shovgenya // Scientific statements Belgorod State University. Series' philosophy. Sociologists. Right " – Belgorod: Publishing house BSU, 2015. – № 14 (211), Vol. 33. – P. 47-52.

УДК 316.472.45

**АТТЕСТАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ****ATTESTATION OF CIVIL OFFICERS: THE PROBLEMS IN LAW ENFORCEMENT****И.И. Худобин
I.I. Hudobin**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: hudobin@belregion.ru

Ключевые слова: государственная гражданская служба Российской Федерации, государственный гражданский служащий Российской Федерации, аттестация.

Key words: civil service in the Russian Federation, civil officer of the Russian Federation, attestation.

Аннотация. На основе анализа законодательства Российской Федерации о государственной гражданской службе Российской Федерации и практики его применения выявлены проблемы реализации правового института аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации; сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Resume. On the basis of analysis of the Russian Federation legislation on civil service in the Russian Federation and the practice of its application, the article exposed the problems of realization of legal institute of attestation of civil officers of the Russian Federation; and formulates the suggestions on modernization of legislation in this sphere.

Развитие института государственной гражданской службы Российской Федерации, несомненно, обусловлено в целом совершенствованием правовой системы государства. В этом плане, конечно же, не является исключением и Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее по тексту – закон) [ФЗ «О государственной гражданской службе», 2004]. В качестве примера рассмотрим совершенствование правового института аттестации гражданских служащих.

В законе аттестации государственных гражданских служащих посвящена статья 48, из которой помимо прочего следует, что по итогам аттестации одним из решений аттестационной комиссии может быть признание соответствия аттестуемого замещаемой должности гражданской службы и рекомендация к включению в кадровый резерв для замещения вакантной должности гражданской службы в порядке должностного роста.

Если обратиться к хронологии внесения изменений в соответствующую статью закона увидим, что приведенное действующее положение в редакции Федерального закона от 7 июня 2013 года № 116-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [СЗ РФ, 2013] по правовым последствиям существенным образом отличается от ранее действовавшей редакции.

В начальной редакции аттестационная комиссия обладала правом принятия решения о соответствии аттестуемого замещаемой должности гражданской службы и рекомендации о включении его в кадровый резерв для замещения вакантной должности гражданской службы в порядке должностного роста в установленном законом порядке.

Представителю нанимателя надлежало в течение одного месяца после проведения аттестации по ее результатам издать правовой акт государственного органа о том, что гражданский служащий подлежит включению в установленном порядке в кадровый резерв для замещения вакантной должности гражданской службы в порядке должностного роста. Вместе с тем на практике реализация соответствующих положений законодательства о гражданской службе была весьма затруднительна, поскольку системное толкование положений закона позволяло сделать следующий вывод:

Во-первых, согласно статье 64 закона кадровый резерв государственного органа формируется на конкурсной основе. В связи с тем, что в возможном по итогам аттестации решении представителя нанимателя включение в кадровый резерв допускалось исключительно «в установленном порядке», это означало неизбежное участие гражданского служащего наравне с другими участниками в процедуре конкурсного отбора;

Во-вторых, законодатель не выделял в качестве преимущества перед другими участниками конкурса, гражданских служащих, в отношении которых представителем нанимателя по итогам аттестации принято решение о включении в установленном порядке в кадровый резерв для замещения вакантной

должности гражданской службы в порядке должностного роста. Такие преференции, например, имели гражданские служащие прошедшие профессиональную переподготовку, повышение квалификации или стажировку, подтвержденные соответствующим документом государственного образца (часть 11 статьи 62 закона);

В-третьих, гражданский служащий изначально наряду с гражданами имеет право на должностной рост на конкурсной основе (пункт 10 части 1 статьи 14 закона), и потому он может самостоятельно принимать решение об участии в конкурсе на включение в кадровый резерв для замещения вакантной должности гражданской службы в порядке должностного роста.

При таких составляющих практическое применение положений закона сводилось к минимуму, а если и имело место то, по сути, являлось формальным.

Исправили ситуацию изменения, внесенные в закон Федеральным законом от 7 июня 2013 года № 116-ФЗ. В новой редакции аттестационной комиссии предоставлено право рекомендовать, а представителю нанимателя включать гражданского служащего в кадровый резерв для замещения вакантной должности гражданской службы в порядке должностного роста.

Представляется, что в данном случае законодатель по результатам аттестации предоставил право представителю нанимателя включать некоторых гражданских служащих в кадровый резерв без процедуры конкурсного отбора в качестве меры поощрения за эффективную трудовую деятельность.

На наш взгляд, действующая правовая конструкция процедуры аттестации государственных гражданских служащих стимулирует гражданских служащих к повышению результативности профессионально-служебной деятельности. Вместе с тем правовой институт аттестации государственных гражданских служащих требует дальнейшего совершенствования, поскольку ряд вопросов, связанных с применением положений закона на практике, не урегулирован.

В частности, законодателем не до конца урегулирован порядок принятия представителем нанимателя решений по итогам аттестации. Так, при существующих четырех возможных решениях принимаемых аттестационной комиссией о том, что гражданский служащий:

- 1) соответствует замещаемой должности гражданской службы;
- 2) соответствует замещаемой должности гражданской службы и рекомендуется к включению в кадровый резерв для замещения вакантной должности гражданской службы в порядке должностного роста;
- 3) соответствует замещаемой должности гражданской службы при условии успешного получения дополнительного профессионального образования;
- 4) не соответствует замещаемой должности гражданской службы.

Представителю нанимателя по итогам аттестации предоставляется право принятия лишь трех вариантов фактического подведения итогов аттестации, формализуемого путем издания правового акта государственного органа о том, что гражданский служащий:

- 1) подлежит включению в кадровый резерв для замещения вакантной должности гражданской службы в порядке должностного роста;
- 2) направляется для получения дополнительного профессионального образования;
- 3) понижается в должности гражданской службы и подлежит исключению из кадрового резерва в случае нахождения в нем.

При этом правовая связь в синхронизированных решениях аттестационной комиссии о соответствии аттестуемого замещаемой должности гражданской службы и допускаемыми решениями представителя нанимателя не прослеживается [Чанов, 2009]. Принятие соответствующего решения аттестационной комиссией не находит вытекающего отсюда отдельного, самостоятельного решения представителя нанимателя, констатирующего факт успешного прохождения аттестации гражданским служащим.

Неурегулированность положений закона не исключает практику порочного правоприменения, например, принятия органами государственной власти решений о включении всех гражданских служащих, успешно прошедших аттестацию, в кадровый резерв. Полагаем, что это создает угрозу частичной подмены конкурсного отбора для включения в кадровый резерв для замещения вакантной должности гражданской службы в порядке должностного роста, который, как уже было сказано выше, в полном объеме распространяется и на гражданских служащих. Аналогичного мнения придерживается и М.В. Пресняков, указывая, что включение гражданского служащего в кадровый резерв в порядке должностного роста по результатам аттестации может оказаться (и, скорее всего, окажется) весьма эффективным способом обхода конкурсных процедур при замещении вакантных должностей государственной гражданской службы [Пресняков, 2007].

Мысль законодателя в данном случае вполне понятна: задача аттестационной комиссии в том и заключается, чтобы выяснить, способен ли гражданский служащий замещать ту или иную должность государственной службы. Однако не следует забывать, что конкурс – это не только «особая процедура подбора кадров на вакантные государственные должности в соответствии с решением государственной конкурсной комиссии» [Ноздрачев, 1999]. Кроме того, конкурс представляет собой «органи-

зационно-правовую форму реализации конституционного права равного доступа граждан к государственной службе, состоящую в особом порядке отбора кандидатур на вакантные должности государственной службы» [Гусев, 2001].

На наш взгляд, выходом из сложившейся ситуации является дополнение части 16 статьи 48 пунктом 1, предоставляющим возможность издания правового акта государственного органа констатирующего факт успешного прохождения аттестации гражданским служащим. Кроме того, очень важно определить критерии для принятия представителем нанимателя решения о включении гражданского служащего в кадровый резерв. Например, в качестве таковых можно рассматривать:

– наличие у гражданского служащего не менее 2 поощрений в аттестационном периоде по результатам профессионально-служебной деятельности;

– имеющийся уровень развития профессиональных компетенций аттестуемого гражданского служащего согласно карте компетенций гражданского служащего относительно профиля компетенций по соответствующей должности достиг максимальное значение, что вполне согласуется с требованиями Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [СЗ РФ, 2012] фактически установившего необходимость внедрения компетентностного подхода на государственной гражданской службе и т.д.

О существующей проблеме в неопределенности карьерно-должностного продвижения в рамках процедуры аттестации государственных гражданских служащих также упоминает И.Н. Сурманидзе [Сурманидзе, 2006].

Кроме того остался открытым и требует урегулирования вопрос относительно того, на какие должности гражданской службы можно включать в резерв по итогам аттестации. Представляется более обоснованным включать в кадровый резерв для замещения вакантных должностей в порядке должностного роста в пределах категории должностей гражданской службы относительно должности, замещаемой аттестуемым. При этом, безусловно, он должен соответствовать квалификационным требованиям, предъявляемым для замещения соответствующей должности гражданской службы.

С позиции практического применения действующего закона, предполагаем, что наиболее востребованным механизм включения в кадровый резерв через процедуру аттестации должен стать, в первую очередь, для гражданских служащих замещающих должности на период отсутствия основного работника.

Список литературы References

1. Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ, 02.08.2004, № 31.
Federal law of 27 July 2004 № 79-FZ «On state civil service of the Russian Federation» // SZ RF, 02.08.2004, № 31.
2. СЗ РФ, 10.06.2013, № 23, ст. 2874
SZ RF, 10.06.2013, № 23, st. 2874
3. СЗ РФ, 07.05.2012, № 19, ст. 2338.
SZ RF, 07.05.2012, № 19, st. 2338.
4. Гусев А.В. Государственная служба Российской Федерации. Юридический словарь-справочник. Екатеринбург: УРАГС; Библиотечка журнала «Чиновник», 2001. С. 44.
Gusev A.V. Gosudarstvennaya sluzhba Rossiyskoy Federatsii. Yuridicheskiy slovar'-spravochnik. Ekaterinburg: UrAGS; Bibliotечka zhurnala «Chinovnik», 2001. S. 44.
5. Ноздрачев А.Ф. Учебник для подготовки государственных служащих. М.: Статут, 1999. С. 386.
Nozdrachev A.F. The textbook for the training of civil servants . М .: Statute , 1999. S. 386 .
6. Пресняков М.В. Конституционное регулирование доступа к государственной гражданской службе: реализация принципов равенства и справедливости. Саратов: Научная книга, 2007.
Presnyakov M.V. The constitutional regulation of access to the civil service : the implementation of the principles of equality and justice. Saratov: Scientific Book 2007
7. Сурманидзе И.Н. К вопросу об аттестации государственных и муниципальных служащих: понятия, сравнительная характеристика, законодательные нововведения. «Юридический мир», 2006, № 8
Surmanidze I.N. On the issue of certification of state and municipal employees : concepts, comparative characteristics , legislative innovations. «Legal World», 2006 , № 8
8. Чанов С.Е. Служебное правоотношение: понятие, структура, обеспечение / под ред. В.В. Володина. М.: Ось-89, 2009. 220 с.
Chanov S.E. Official legal relation : concept, structure , software / ed. VV Volodin . М .: Os-89 , 2009. 220 pp.

УДК 37

**ИНФОРМАЦИОННАЯ СФЕРА КАК СОВРЕМЕННЫЙ ПРИОРИТЕТ
СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА¹****INFORMATION SPHERE AS A MODERN PRIORITY
HUMAN ENVIRONMENT²****И.С. Шаповалова
I.S. Shapovalova**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: shapovalova@bsu.edu.ru

Ключевые слова: среда обитания человека, информационная сфера, виртуализация сознания, коммуникативный капитал, информационные риски.

Key words: human environment, information sphere, virtualization of consciousness, communicative capital, information risks.

Аннотация. В статье рассмотрена нарастающая актуальность и значимость информационной в сферы в современной среде обитания человека с позиции научного дискурса, внимания общественности и диалога международного сообщества. Предложен анализ результатов всероссийского исследования, позволяющий оценить весомость существующих информационных угроз и рисков, в свете существующих тенденций экспансии процессов информатизации. В результате исследования определены наиболее значимые угрозы и риски информационной среды для существующих экономических сфер, обозначены факторные поля, катализирующие реализацию угроз. Определена востребованность управленческих мер и выделены наиболее эффективные меры регулирования информационных рисков среды обитания человека.

Resume. The article describes the growing relevance and significance of information in the sphere in the modern human environment from a position of scientific discourse, dialogue and public awareness of the international community. We propose an analysis of the results nationwide study, allowing to estimate the weight of existing information threats and risks in the light of current trends the expansion of informatization. The study identified the most significant threats and risks to information environment existing economic areas designated field factor catalyzing the implementation of threats. Determined demand management measures, and the most effective measures to control information risks of the human environment.

Информационная сфера, как неотъемлемая часть технического прогресса, занимает ведущее место в конструировании современной среды обитания человека. Являясь элементом техносферы, в силу существующих эволюционных тенденций, она выделяется в самостоятельную среду, имеющую собственную историю и траекторию развития.

Рассматривая информационную сферу и ее процессы как часть техноэволюции [Цветков, 2005], в последнее время все больше исследователей склоняются к восприятию информатизации, как основного процесса инфосферы, в качестве условия эволюции общества, условия его перехода от индустриальной формы организации к информационной [Лонский, 2015]. Ученые, обращающиеся к исследованиям данной сферы, продуцируют теории и предлагают аналитику, демонстрирующую читателю специфические закономерности, сферные тенденции и уникальные риски [Завлин, 2003; Уэбстер, 2004; Шаповалова, 2015 и др.], весомость которых, при воплощении в реальность, способна «сместить полюса» человеческой эволюции, придав техносферным объектам субъектный статус [Шаповалова, Алексеенко, 2015]. Футурологические сценарии экстраполяции современных тенденций информационной сферы широко представлены в работах Н. Бострома, В. Виндж, Э. Тоффлер, Е. Юдковски и др. [Бостром, 2002; Виндж, 2004; Тоффлер, 2008; Юдковски., 2008; и др.].

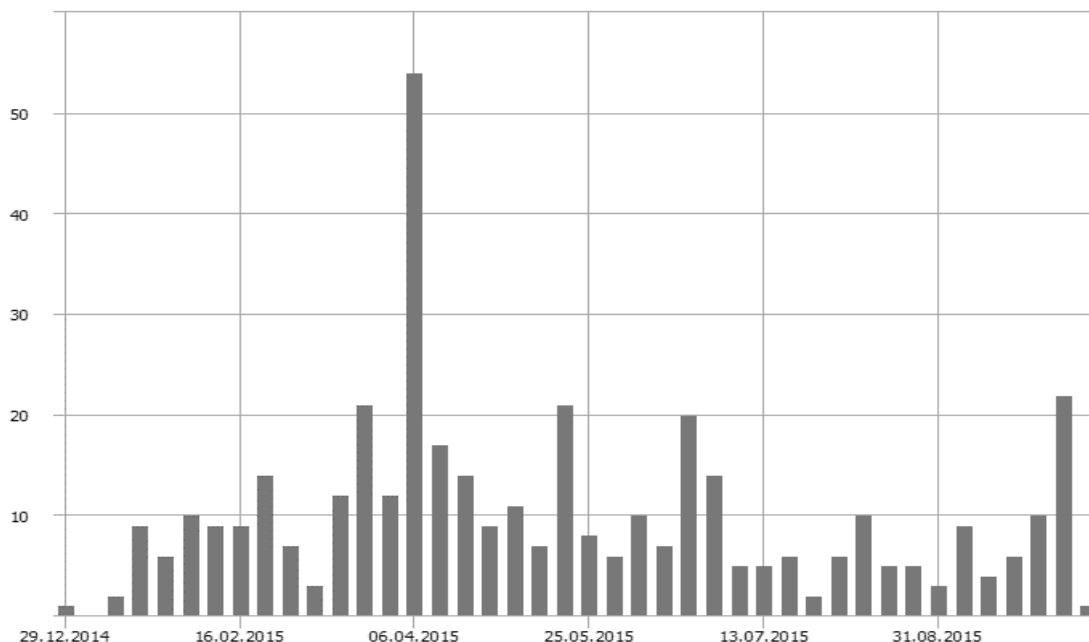
Внимание общества к информационной сфере, ее развитию и рискам, привлекается также посредством средств массовой информации. Только за последний год по данной тематике можно выделить более 400 публикаций, касающихся рисков информатизации (диаграмма 1).

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект №14-38-00047 «Прогнозирование и управление социальными рисками развития техногенных человекомерных систем в динамике процессов трансформации среды обитания человека».

² This research was supported by research grant of Russian Science Foundation, project No 14-38-00047 "Forecasting effort and social risks management of anthropogenic human-caused systems development over time human environment transformation processes".

Диаграмма 1
Diagram 1

Динамика публикаций СМИ по проблемам и рискам развития информационной сферы
The dynamics of media publications on the problems and the risk of development of information sphere

Анализируя тематику выше обозначенных публикаций, можно уточнить, что наибольшее внимание привлечено к темам, связанным с информационными рисками в области социальных отношений (например, информатизации общества и населения, информационное неравенство), политики и государства (информатизация процесса управления, информационные войны), коммерческая деятельность (создание и коммерциализация информационного продукта) и др. (таблица 1).

Таблица 1
Table 1

Тематика публикаций СМИ по проблемам развития информационной сферы
The subjects of media publications on the development of the information sector

Наименование темы	количество
Социальные вопросы	70
Политика и государство	65
Сделки, проекты, инвестиции	62
Госрегулирование	58
Производственная деятельность	53

Информационная сфера, ее проблемы, угрозы и риски становятся темой для обсуждения и международного сообщества, в которое включаются, помимо ученых, представители власти и производства. Так, только за последние несколько лет, проведено большое количество знаковых научно-практических мероприятий, в числе которых можно упомянуть: Генеральная Ассамблея ООН, на которой Россия, Китай, Узбекистан, Таджикистан совместно предложили нормы международных действий в области информационной безопасности (ноябрь, 2011); Международная конференция в Лондоне по вопросам кибербезопасности (ноябрь, 2011); Международная конференция по киберпространству в Будапеште (октябрь, 2012); Международная конференция Международного союза электросвязи (ITU) в Дубае (декабрь, 2012); Международная конференция по кибервопросам в Сеуле (ок-

тябрь, 2013); Net Mundial в Сан-Паулу, Бразилия (апрель, 2014); Всемирная конференция по интернету в г. Вуджень, Китай (ноябрь, 2014).

Несмотря на попытки выработать единый взгляд по вопросам информационной безопасности и регулирования информационной экспансии, до сих пор существует ряд острых моментов, не просто не снижающих напряженности в информационной сфере, но и продуцирующих дополнительные, реальные и потенциальные угрозы данной сферы среды обитания человека. Большая часть таких разногласий отмечается в сфере регулирования информационного (кибер) пространства. Так, позиция США, Европы и Японии склоняется к тому, что государство не должно контролировать киберпространства, сохраняя принципы демократии как *of-lain*, так и *on-lain*. Россия, страны постсоветского пространства и Китай предполагают необходимость государственного регулирования киберпространства, подчеркивая уважение к суверенитету государства в нем. На данный момент трудно прогнозировать, чья позиция приведет к более эффективному итогу и как она трансформируется в общественном устройстве будущего.

В развитие данной темы Центром социологических исследований НИУ «БелГУ» в рамках выполнения проекта Российского научного фонда «Прогнозирование и управление социальными рисками развития техногенных человекомерных систем в динамике процессов трансформации среды обитания человека» был проведен всероссийский экспертный опрос. Исследование проведено сотрудниками совместной научно-исследовательской лаборатории трансдисциплинарных исследований (НИУ «БелГУ», ИСПИ РАН, ЮЗГУ). Целью экспертного опроса стала экспертиза информационных угроз, причин и возможностей предотвращения ситуаций нарушения информационной безопасности в регионах.

Опрос был проведен в период с 30 апреля по 1 июня 2015 г., общее количество экспертов, участвовавших в исследовании составило 120 человек. В качестве критериев отбора экспертов использовались сфера деятельности, опыт работы в сфере, способность (компетентность) оценивать ситуацию и прогнозировать ее развитие. Характеристика экспертной группы – профильные специалисты отраслевых организаций, административные работники и государственные служащие, сотрудники профильных кафедр высших учебных заведений и НИИ, специалисты общественных организаций. В качестве территориальной принадлежности были отобраны 8 регионов, которые были распределены по группам с различным уровнем рискогенности («уровень техногенной безопасности») на основании данных ГУ МЧС России, были выделены регионы РФ с максимальным и минимальным уровнем техногенного риска: Адыгея, Амурская область, Брянская область, Карачаево-Черкессия, Кировская область, Костромская область, Краснодарский край, Нижегородская область, Саратовская область, Тверская область.

Анализ экспертного мнения о вероятности возникновения угроз, связанных с информационными чрезвычайными ситуациями (ИЧС), показывает следующее их распределение по анализируемым территориям (диаграмма 3). В техносфере регионов наиболее часто возникают опасности и угрозы, связанные с нарушением прав интеллектуальной собственности (50,0%), что отражает современные тенденции как повышения значимости интеллектуального продукта, так и правовой грамотности населения. Наиболее редким явлением в современной информационной среде эксперты считают инциденты, связанные с неконтролируемым развитием глобальных информационных систем (так, на отсутствие таких ситуаций указали 65% экспертов).

Расчет индекса вероятности возникновения позволяет ранжировать информационные чрезвычайные ситуации (см. табл. 1)³. В тройку наиболее вероятных ИЧС входят технические сбои в работе каналов передачи информации (индекс вероятности 61,65), нарушение прав интеллектуальной собственности (34,95), незаконное проникновение в информационные системы, в том числе посредством сети интернет (28,35). Наименее вероятные ситуации, по мнению экспертов, связаны с неконтролируемым развитием глобальных информационных систем (-46,6), с авариями и нарушениями в системах хранения информации (-25,9).

Как показал экспертный опрос, в случае ИЧС массового информирования населения практически не осуществляется (17,2%). Чаще всего коммуникации происходят посредством донесения информации до непосредственных участников событий (41,4%) или специалистов (37,9%). Возможно, такие варианты распространения информации являются преимущественными по причине вторичности угроз информационного плана. Информационные угрозы на данный момент являются перспективным полем проблем, чей выход на первый план будет взаимосвязан со скоростью виртуализации массового сознания и кибертуализации социально-экономических процессов.

³ Индекс рассчитывается, как разница между долями встречающихся информационных чрезвычайных ситуаций и долями не встречающихся. При этом, долям ситуаций, часто встречающихся и никогда не встречающихся присваивается коэффициент 1, а встречающимся иногда – коэффициент 0,5.

Диаграмма 3
Diagram 3

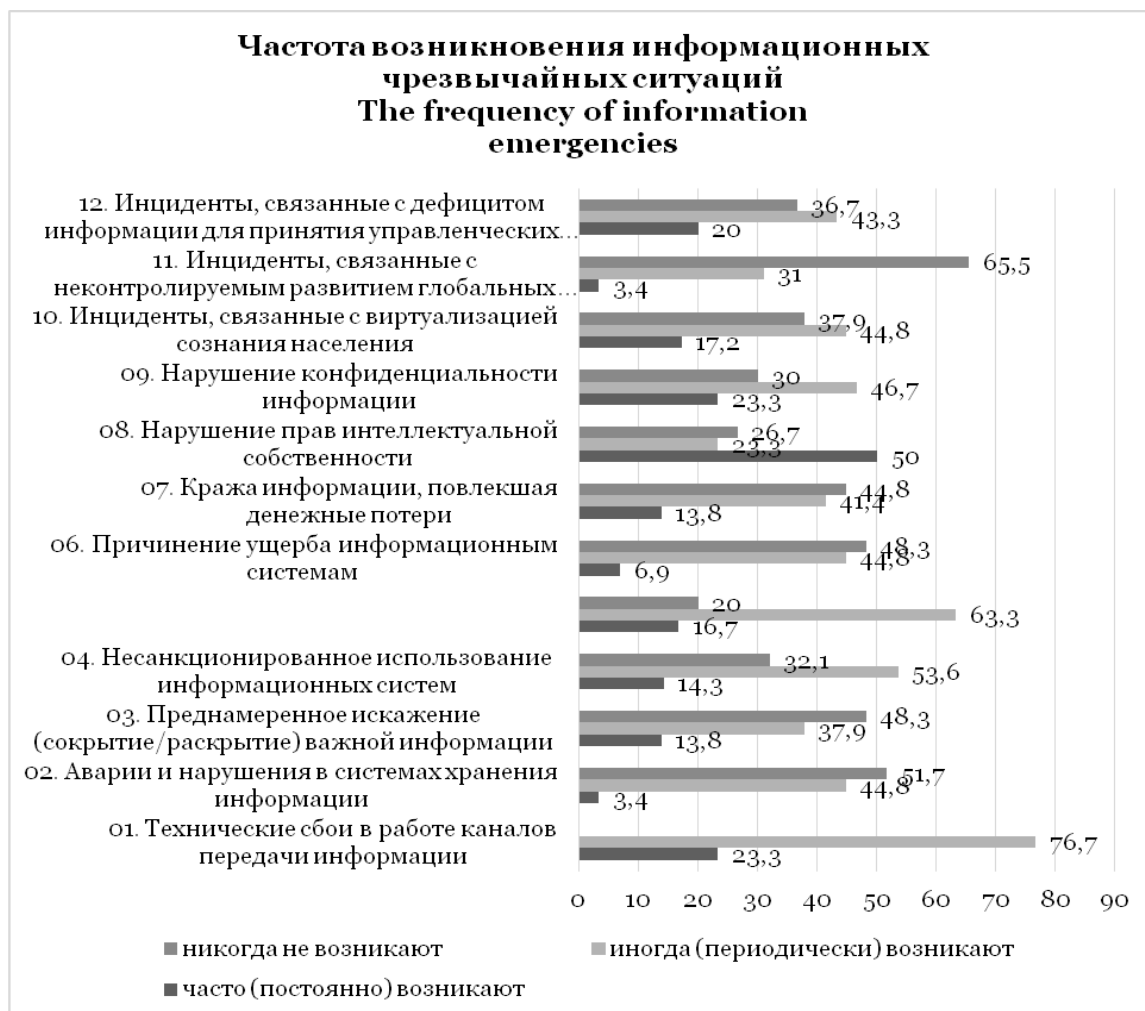

Таблица 2
Table 2

Ранжирование информационных чрезвычайных ситуаций по индексу вероятности их возникновения
Ranking Information emergencies the index of probability of their occurrence

Чрезвычайные ситуации в информационной сфере	Индекс вероятности возникновения	Ранг
Технические сбои в работе каналов передачи информации	61,65	1
Аварии и нарушения в системах хранения информации	-25,9	11
Преднамеренное искажение (сокрытие/раскрытие) важной информации	-15,5	9
Несанкционированное использование информационных систем	9,0	5
Незаконное проникновение в информационные системы, в том числе посредством сети интернет (хакерские атаки)	28,35	3
Причинение ущерба информационным системам	-19,0	10
Кража информации, повлекшая денежные потери	-10,3	8
Нарушение прав интеллектуальной собственности	34,95	2
Нарушение конфиденциальности информации	16,65	4
Инциденты, связанные с виртуализацией сознания населения	1,7	7
Инциденты, связанные с неконтролируемым развитием глобальных информационных систем	-46,6	12
Инциденты, связанные с дефицитом информации для принятия управленческих решений	4,95	6

Оценивая соотношение между допустимым уровнем информационной безопасности и экономическими возможностями его достижения, эксперты сделали выводы о приемлемости существующего в регионах уровня информационных рисков. Так 72,4% посчитали его скорее приемлемым, что совокупно с группой экспертов (10,3%) отметивших его однозначную приемлемость, составляет достаточно высокий показатель удовлетворенности уровнем информационной безопасности – 82,7%. 17,2% указали ту или иную степень неприемлемости существующей ситуации в информационной сфере регионов (диаграмма 4).

Диаграмма 4
Diagram 4

Сопряжение конкретных ИЧС с уровнем их приемлемости (для анализа взяты ситуации, встречающиеся не менее 1 раза в год), показало следующие результаты (диаграмма 5).

Диаграмма 5
Diagram 5

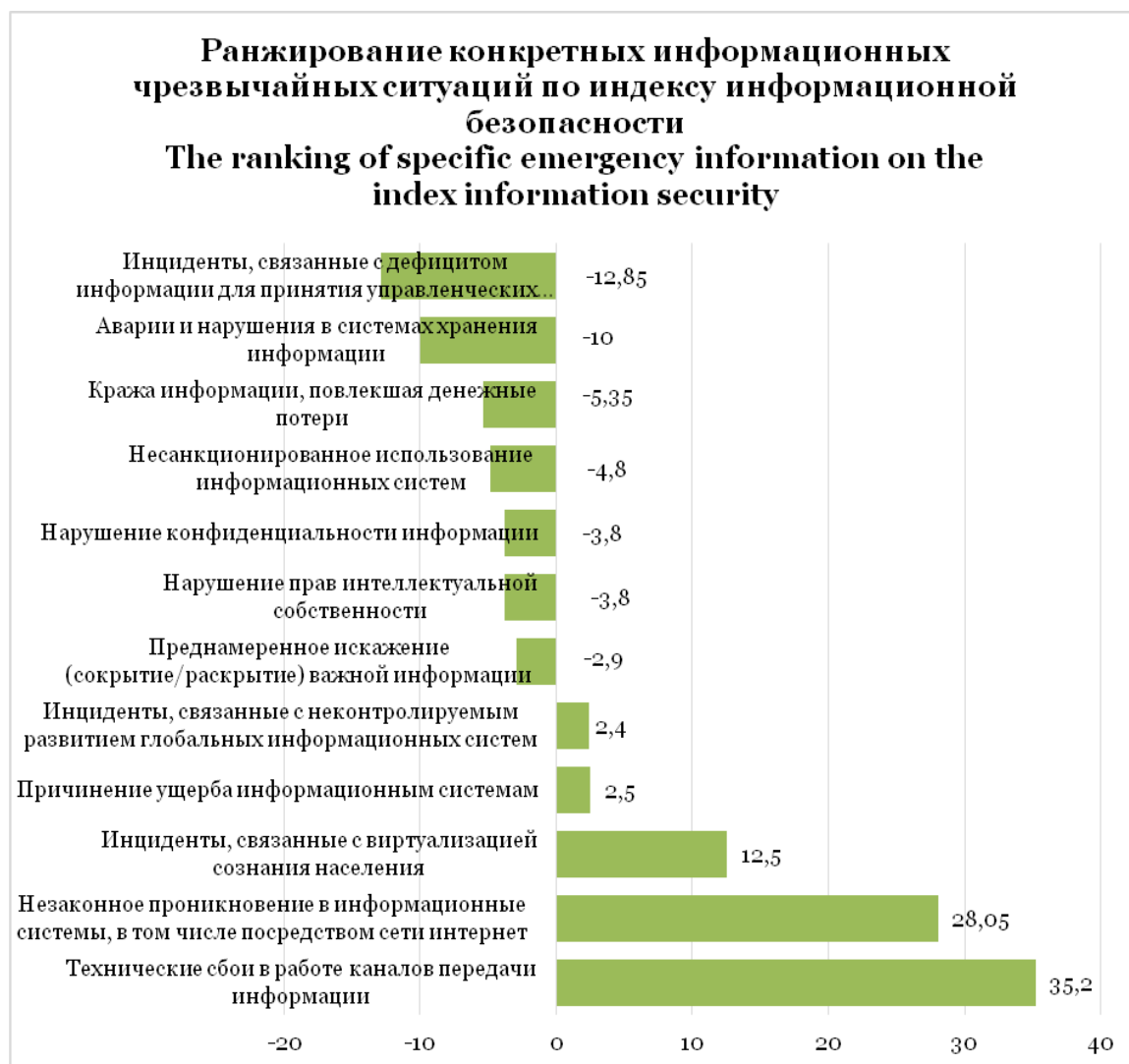

Так, 33,3% экспертов отмечают полную приемлемость с точки зрения информационной угрозы ситуаций, связанных с незаконным проникновением в информационные системы и с техническими сбоями в работе информационных систем. В отношении остальных ИЧС наблюдается та или иная степень приемлемости или ее отсутствие. Чаще других с точки зрения проблем упоминаются ситуации, связанные с нарушением конфиденциальности информации и нарушением прав интеллектуальной собственности (60,0%).

Расчет индекса информационной безопасности для конкретной ЧС, позволяет выделить группы наиболее опасных, с точки зрения частоты и приемлемости риска ситуаций и проранжировать их по этому показателю (диагр. 6).

Согласно показателям индекса, только одна из предложенных экспертам ситуаций может соответствовать приемлемому уровню безопасности – это технические сбои в работе каналов передачи информации (индекс имеет среднее значение 32,5). Также достаточно высокий показатель по индексу имеют ситуации, связанные с незаконным проникновением в информационные системы (28,05). В остальных случаях его можно оценить, как низкий или отрицательный. Наибольший показатель *опасности* наблюдается по инцидентам, связанным с дефицитом информации для принятия управленческих решений (-12,85), с авариями и нарушениями в системах хранения информации (-10,0), с кражами информации, повлекшая денежные потери (-5,35), с несанкционированным использованием информационных систем (-4,8), с нарушением конфиденциальности информации (-3,8), с нарушением прав интеллектуальной собственности (-3,8), с преднамеренным искажением (сокрытие/раскрытие) важной информации (-2,9), с инцидентами, связанными с неконтролируемым развитием глобальных информационных систем (2,4), с причинением ущерба информационным системам (2,5), с инцидентами, связанными с виртуализацией сознания населения (12,5), с незаконным проникновением в информационные системы, в том числе посредством сети интернет (28,05), с техническими сбоями в работе каналов передачи информации (35,2).

Диаграмма 6
Diagram 6

Анализируя представленные в исследуемых регионах сферы и наличие в них конкретных информационных угроз, становится возможным установить связанные группы отрасль-угроза.

1) городской транспорт – инциденты, связанные с дефицитом информации для принятия управленческих решений;

2) легкая и пищевая промышленность, железнодорожный транспорт, автомобильный транспорт, магистральный трубопроводный транспорт, авиационный транспорт – нарушение прав интеллектуальной собственности;

3) строительство и промышленность строительных материалов – инциденты, связанные с дефицитом информации для принятия управленческих решений; несанкционированное использование информационных систем; нарушение прав интеллектуальной собственности;

4) деревообрабатывающая промышленность – нарушение прав интеллектуальной собственности; инциденты, связанные с дефицитом информации для принятия управленческих решений;

5) черная, цветная металлургия, нефтеперерабатывающая, нефтедобывающая, угольная промышленность, электроника, сельское хозяйство и рыболовство, морской транспорт, внутренний водный транспорт – нарушение конфиденциальности информации, нарушение прав интеллектуальной собственности.

Группы проблемных связей позволяют очертить «системные проблемы», характерные для большинства отраслей и регионов. К таковым относятся уже отмеченные ранее нарушение конфиденциальности информации и нарушение прав интеллектуальной собственности.

Диаграмма 7
Diagram 7

Оценивая высокую степень влияния информационных факторов на рискогенные области техносферы, наличие ситуаций информационного риска, эксперты установили, что более всего зависят от ИЧС отрасли, связанные с электроэнергетикой (77,30%), железнодорожный и авиационный транспорт (59,10% и 50,0% соответственно) (диаграмма 7). Менее других зависят от ИЧС сельское хозяйство и рыболовство, лесная и деревообрабатывающая промышленность, внутренний водный транспорт, черная металлургия и угольная промышленность (по 9,10% соответственно). Можно предполо-

жить, что наличие или отсутствие зависимости обусловлено уровнем и этапом информатизации отрасли. Принимая информатизацию одной из ведущих, глобальных, современных тенденций, можно сделать гносеологический вывод о каузальных связях между степенью зависимости отрасли от информационной сферы и уровнем ее прогрессивного развития.

Степень влияния рискогенных факторов информационного локуса среды обитания по оценкам экспертов распределилась по шкале оценки следующим образом (см. табл. 3). Все эксперты наиболее значимой группой признали факторы, связанные с человеком (средняя оценка по семибалльной шкале 5,47) и недостаточное внимание собственника к обеспечению информационной безопасности (5,27). Наименьшее влияние эксперты определили для факторов, связанных с природой и техносферой (2,50 и 2,63).

Таблица 3
Table 3

Оценка влияния рискогенных факторов информационного локуса на возникновение информационных чрезвычайных ситуаций в среде обитания человека
Assessing the impact of risk-taking factors locus information on the occurrence of emergency information in the human environment

Информационные рискогенные факторы	N	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение
Связанные с изменением со временем свойств информационных систем	30	1	7	4,57	1,736
Связанные с появлением новых, неизученных на момент внедрения, свойств информационных систем	30	1	7	4,67	1,845
Связанные с недостатком информации о состоянии безопасности информационной сферы	30	1	7	4,63	1,712
Человеческий фактор	30	1	7	5,47	1,676
Недостаточное внимание собственника к обеспечению информационной безопасности	30	2	7	5,27	1,437
Влияние природных факторов	30	1	6	2,50	1,526
Социокультурные факторы	30	1	7	4,27	1,799
Состояние правовой и законодательной базы по обеспечению информационной безопасности	30	1	7	3,83	2,001
Влияние техносферы	30	1	5	2,63	1,129
Недостатки в управлении	30	1	7	4,07	1,889

Расчет коэффициентов корреляции между влияющими факторами позволяет определить наиболее устойчивые факторные группы (таблица 4):

- Факторы, связанные с изменением со временем свойств информационных систем, объединяются с группой факторов, связанных с появлением новых свойств информационных систем, с человеческим и природным фактором;
- Факторы, связанные с появлением новых, неизученных на момент внедрения, свойств информационных систем, объединяются с группой факторов, связанных с влиянием техносферы, с человеческим и природным фактором;
- Факторы, связанные с недостатком информации о состоянии безопасности информационной сферы, объединяются с группой факторов, связанных с человеческим и социокультурным факторами;
- Факторы, связанные с влиянием природной сферы, объединяются с группой факторов, связанных с состоянием правовой и законодательной базы;
- Социокультурные факторы объединяются с группой факторов, связанных с влиянием техносферы.

Сопряжение оценки значимости рискогенных факторов и возникновения конкретных чрезвычайных ситуаций дает возможность наглядно продемонстрировать каузальные связи и моделировать рискогенное факторное облако каждой из угроз. Для каждой угрозы инфосферы существуют свои информационные риски. Наиболее значимые из них оценены экспертами от 5 до 7 баллов.

Таблица 4
Table 4

Корреляционные связи факторов инфосферы
Correlation factors infosphere

Информационные рискогенные факторы	Изменение со временем свойств информационных систем	Появление новых, свойств ин- формационных систем	Недостаток информации о состоя- нии безопасности информацион- ной сферы	Человеческий фактор	Недостаточное внимание соб- ственника	Влияние природных факторов	Социокультурные факторы	Состояние правовой и законода- тельной базы	Влияние техносферы
Связанные с изменением со временем свойств ин- формационных систем	,717	,718	,285	,723	,283	,497	,356	,272	,415
Связанные с появлением новых, неизученных на момент внедрения, свойств информационных си- стем		,405	,421	,552	,274	,498	,200	,181	,472
Связанные с недостатком информации о состоянии безопасности информационной сферы			,213	,615	,358	,325	,466	,357	,297
Человеческий фактор				,154	,010	,377	,223	,252	,337
Недостаточное внимание собственника к обеспе- чению информационной безопасности					,065	,254	,190	,001	,216
Влияние природных факторов						,337	,363	,647	-,062
Социокультурные факторы							,297	,165	,499
Состояние правовой и законодательной базы по обеспечению информационной безопасности								,441	,212
Влияние техносферы									,204

Рискогенные факторные поля чрезвычайных ситуаций инфосферы представлены в таблице 5. В крайнем ее столбце дан показатель индекса рискогенной уязвимости, рассчитанный как доля совокупного влияния рисков инфосферы от максимально возможного влияния⁴.

Исходя из данных таблицы 5 наиболее обусловлены влиянием информационных рискогенных факторов ситуации, связанные с авариями и нарушениями в системах хранения информации (индекс рискогенной уязвимости 0,85), с преднамеренным искажением важной информации (0,73). Наименее уязвимы к воздействию внешних рискогенных факторов инциденты, связанные с неконтролируемым развитием глобальных информационных систем (0,47).

Оценивая эффективность мер и их использование в обеспечении и повышении уровня информационной безопасности регионов, эксперты определили в качестве наименее используемых мер внедрение рыночных механизмов регулирования инфосферы и совершенствование методов управления информационными рисками в регионе (по 27,6% соответственно) (диаграмма 8).

Чаще всего, в качестве наиболее эффективных, отмечены меры: укрепление кадрами служб информационной безопасности (51,7%) и усиление мер контроля на всех стадиях разработки информационного продукта (48,3%). В качестве не эффективных мер часто упоминаются информирование населения об уровнях и причинах информационных рисков (26,7%).

Для получения более достоверных данных об эффективности предлагаемых к оценке мероприятий, была произведена индексация данных с последующим их ранжированием.

В целом, ранжируя меры по индексу эффективности на территории РФ, можно разделить их на эффективные (индекс 76-100), более эффективные (51-75), менее эффективные (26-50) и неэффективные (отрицательные значения и 0-25)⁵ (диагр. 9).

⁴ Исходя из выделенных 9 факторов риска, максимальная рискогенная уязвимость может быть равна 63 в балльном эквиваленте (что равно единице в доле эквиваленте).

Таблица 5
Table 5

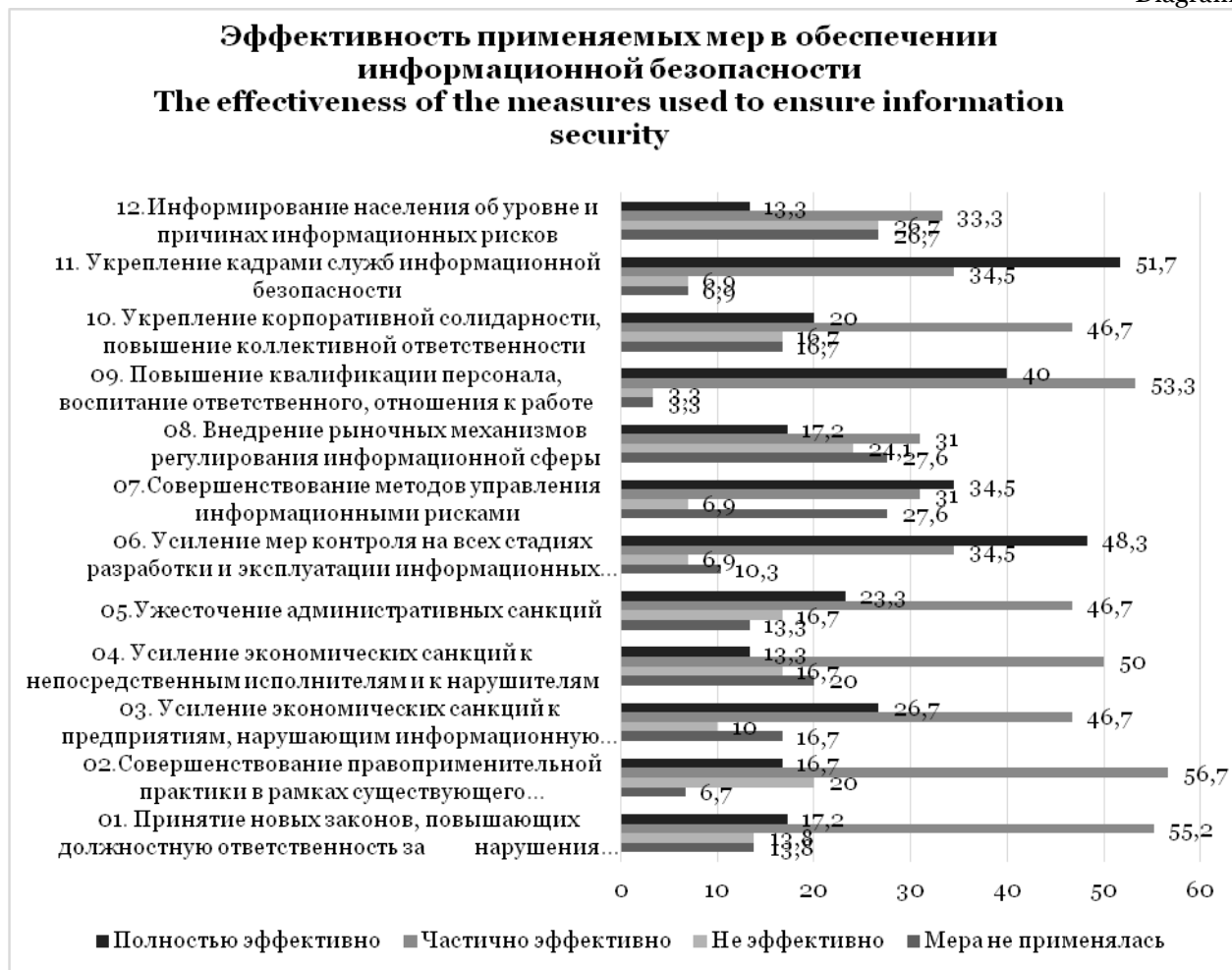
**Рискогенные факторы инфосферы
Risk-taking factors infosphere**

Информационные чрезвычайные ситуации	Изменение со временем свойств информационных систем	Появление новых, свойств информационных систем	Недостаток информации о состоянии безопасности информационной сферы	Человеческий фактор	Недостаточное внимание собственника	Влияние природных факторов	Социокультурные факторы	Состояние правовой и законодательной базы	Влияние техносферы	Недостатки в управлении	ИНДЕКС РИСКОВЕННОЙ УЯЗВИМОСТИ
Технические сбои в работе каналов передачи информации	4,43	5,29	4,57	6,29	5,43	2,71	5,57	4,14	2,43	4,43	0,64
Незаконное проникновение в информационные системы, в том числе посредством сети интернет	5,20	5,20	5,00	5,60	5,40	3,20	5,20	3,60	2,20	3,50	0,55
Инциденты, связанные с виртуализацией сознания населения	4,20	4,20	4,80	5,00	5,60	1,80	4,60	3,80	2,20	4,00	0,57
Причинение ущерба информационным системам	5,50	5,50	4,50	5,50	6,00	1,50	4,50	3,50	1,50	4,00	0,6
Инциденты, связанные с неконтролируемым развитием глобальных информационных систем	3,00	5,00	2,00	6,00	3,00	1,00	3,00	1,00	3,00	6,00	0,47
Преднамеренное искажение (сокрытие/раскрытие) важной информации	6,25	5,25	6,50	5,50	6,25	2,50	5,50	5,25	3,00	5,25	0,73
Нарушение прав интеллектуальной собственности	4,60	4,80	4,53	5,93	5,07	1,73	4,40	3,87	2,27	4,14	0,59
Нарушение конфиденциальности информации	5,00	5,14	4,71	6,57	4,71	2,14	5,00	5,00	2,57	4,57	0,64
Несанкционированное использование информационных систем	5,00	5,00	4,75	6,00	6,00	1,25	4,50	3,25	1,50	3,67	0,58
Кража информации, повлекшая денежные потери	4,50	5,25	4,25	6,50	5,25	2,50	5,00	4,25	2,50	3,75	0,62
Аварии и нарушения в системах хранения информации	7,00	7,00	7,00	7,00	5,00	3,00	7,00	6,00	4,00	7,00	0,85
Инциденты, связанные с дефицитом информации для принятия управленческих решений	5,00	4,17	6,00	4,83	5,17	2,33	4,00	5,33	2,67	4,00	0,62

По результатам индексации и ранжирования мер к группе эффективных мероприятий могут быть отнесены повышение квалификации персонала, воспитание ответственного, отношения к работе (индекс 63,35), укрепление кадрами служб информационной безопасности (62,05), усиление мер контроля на всех стадиях разработки и эксплуатации информационных систем (58,65). К самым неэффективным мерам могут быть определены информирование населения об уровне и причинах информационных рисков (3,25), внедрение рыночных механизмов регулирования информационной сферы (8,6).

⁵ Индекс рассчитывается как разница между долей эффективны и относительно эффективных мер и мер неэффективных, при этом доля относительно эффективных мер умножается на 0,5, а доля неиспользованных мер не учитывается в расчете.

Диаграмма 8
Diagram 8

Таким образом, результаты анализа проведенного исследования акцентируют наше внимание на том, что наибольшей информационной опасностью, продуцируемой информационной сферой, для нас становится нарушение конфиденциальности информации и ущемление авторских прав на интеллектуальную собственность. Актуальность данных угроз подтверждается и активной законодательной деятельностью не только в России, но и в других странах. Эта насущная проблема, видимая невооруженным глазом обычному пользователю, полностью затмевает перспективные угрозы футурологического толка – неконтролируемое развитие информационной сферы и связанные с этим уменьшение коммуникативного капитала, виртуализацию сознания, возникновение альтернативной реальности и др.

Хотя информационная сфера по праву занимает главенствующее положение в среде обитания человека, ее угрозы и опасности не воспринимаются как массовое бедствие и не относятся к разряду катастроф. Информационная безопасность и ее контроль привлекают внимание общественности скорее с позиции новостной информации, нежели с позиции жизнеопределяющего фактора. В целом, несмотря на существующие тревожные мировые тенденции (информационный терроризм, информационные войны, кибершпионаж и т.д.), эксперты говорят о том, что уровень информационной безопасности в России можно охарактеризовать как приемлемый, с локализацией проблем в зоне принятия управленческих решений и хранения информации.

Мероприятия, предпринимаемые для нивелирования рисков и ингибирования угроз, которые можно условно считать наиболее эффективными, относятся скорее к группе локальных мер, в то время как их глобализация не находит отражение в комплексе информационной безопасности.

Сравнивая результаты диагностики угроз и рисков информационной сферы с другими компонентами среды обитания (природная сфера, социокультурная сфера, техносфера), создается ощущение видимого благополучия и нематериальности существующих угроз. Но, одновременно с этим, возникает понимание стохастичности развития информационных процессов. Реализация футурологиче-

ских прогнозов, даже в самом благоприятном их варианте, диктует необходимость углубленной диагностики рискогенных полей трансформации информационной сферы.

Диаграмма 9
Diagram 9

Список литературы References

1. Виндж В. Технологическая сингулярность // Компьютерра. 2004.
Vindzh V. Tekhnologicheskaya singulyarnost' // Komp'yuterra. 2004.
2. Завлин П. Н. Некоторые проблемы инновационного развития // Инновации. Проблемы и опыт. 2003. № 5. URL: <http://www.mag.innov.ru> (дата обращения: 15.09.2015).
Zavlin P.N. Some problems of innovative development // Innovatsii. Problemy i opyt. 2003. №. 5. URL: <http://www.mag.innov.ru> (accessed 15.09.2015).
3. Лонский И.И. Информатизация и эволюция общества // Перспективы Науки и Образования. 2015. № 2. С. 29-35.
Lonskii I.I. Informatization and the evolution of society // Perspectives of Science & Education. 2015. № 2. P. pp. 29-35.
4. Тоффлер Э. Шок будущего. М. 2008.
Toffler E. Shok budushchego. M. 2008.
5. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М. 2004.
Uebster F. Teorii informatsionnogo obshchestva. Moscow, 2004.
6. Цветков В.Я. Глобализация и информатизация // Информационные технологии. 2005. № 2. С. 2-4.
Tsvetkov V.Ia. Globalization and Informatization // Informatsionnye tekhnologii. 2005. №. 2, pp. 2-4.

7. Шаповалова И.С. Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 148-151.

Shapovalova I.S. Vliyanie internet-kommunikacij na povedenie i intellektual'noe razvitie molodezhi // Sociologicheskie issledovaniya. 2015. № 4. pp. 148-151.

8. Шаповалова И.С. Алексеенко А.И. Проблемы новых форм взаимодействия человека и техносферы // Социология религии в обществе Позднего Модерна. Белгород. 2015. С. 113-121.

Shapovalova I.S. Alekseenko A.I. Problemy novyh form vzaimodejstviya cheloveka i tekhnosfery // Sociologiya religii v obshchestve Pozdnego Moderna. Belgorod. 2015. pp. 113-121.

9. Юдковски Е. Систематические ошибки в рассуждениях, потенциально влияющие на оценку глобальных рисков. Новые технологии и продолжение эволюции человека? // Трансгуманистический проект будущего. М. 2008.

Yudkovski E. Sistematicheskie oshibki v rassuzhdeniyah, potencial'no vliyayushchie na ocenku global'nyh riskov. Novye tekhnologii i prodolzhenie ehvolyucii cheloveka? // Transgumanisticheskij proekt budushchego. M. 2008.

10. Bostrom N. Existential Risks: Analyzing Human Extinction Scenarios and Related Hazards // the Journal of Evolution and Technology. Vol. 9. 2002.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 323.21

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

INSTITUTIONS OF CIVIL SOCIETY IN MODERN RUSSIA

В.Ю. Голубовский, И.Ю. Никодимов, Т.Н. Синюкова
V.Yu. Golubovskiy, I.Yu. Nikodimov, T.N. Sinyukova

*Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского,
 Россия, 109004, Москва, ул. Земляной вал, 73*
*Moscow State University of Technologies and Management named after K.G. Razumovskiy,
 73 Earth wall St, Moscow, 109004, Russia*

E-mail: ktiigp@mgutm.ru

Ключевые слова: гражданское общество, социальные институты, системный подход, трехсекторная теория.
Key words: civil society, social institutions, systems approach, three-sector theory.

Аннотация. Одной из важнейших практических и теоретических проблем в сегодняшней реальной действительности является проблема гражданского общества. Без становления и развития этого субъекта общественно-политических и социально-экономических процессов невозможно рассчитывать на вывод страны из кризиса и на скорейшее возрождение России.

Resume. One of the major theoretical and practical problems in today's reality is that of civil society. Without the formation and development of the subject of socio-political and socio-economic processes, it is impossible to rely on the country out of crisis, and a speedy revival of Russia.

Идеи индивидуальной свободы, обеспечения интересов личности и частной собственности исторически лежат в основе концепции гражданского общества. На наш взгляд, оно представляет собой некую субстанцию, в которую вплетены исторические, правовые, идеологические и прочие традиции [Голубовский, Синюкова: 22]. Основным элементом гражданского общества выступает личность, но его несущие конструкции – это все те социальные институты, которые призваны содействовать всеобщей реализации индивида, его прав, интересов, целей, устремлений.

Одним из аспектов нашего исследования является рассмотрение основных институтов, структуры гражданского общества. Структура – внутреннее устройство чего-либо [Ожегов, Толковый словарь русского языка], а структура гражданского общества – это совокупность элементов, которые его составляют и взаимосвязи между ними. Проблема строения гражданского общества актуальна в связи с необходимостью выявления механизма его функционирования. Значение и сложность этого вопроса заключается в том, что в данный момент отсутствует какое-либо единое мнение относительно того, что относится к структурам гражданского общества, и каким образом они связаны между собой.

В исследовательской литературе, на наш взгляд, можно выделить четыре основных подхода к структурированию (систематизации) гражданского общества: институциональный, системный, секторный и комплексный.

Распространенным подходом является институциональный взгляд на систему гражданского общества. Подробно этот вопрос изучен М.Б. Глотовым, где автор рассматривает понятие «социального института». В отличие от юридических институтов, которые представляют собой совокупность установленных законом норм и правил взаимоотношений между членами общества, социальные институты – это формы существования социальных общностей, призванные организовывать и управлять процессами совместной жизнедеятельности людей в различных сферах и отраслях общества [Глотов, 13-19].

Автор выделяет четыре основные группы социальных институтов: социальные институты сфер материального и духовного производства, политической и бытовой сфер.

В соответствии с данным подходом в качестве структур гражданского общества можно выделить следующие институты:

– негосударственные социально-экономические отношения и институты (собственность, труд, предпринимательство);

– совокупность независимых от государства производителей (например, частные фирмы);

- общественные объединения и организации;
- политические партии и движения;
- сфера воспитания и негосударственного образования;
- система негосударственных средств массовой информации;
- семья;
- церковь и т.д. [Демидов, Долгов, Малько: 2004].

Достоинством институционального подхода следует признать то, что он позволяет выделить и описать отдельных субъектов гражданского общества, реализующих те или иные его интересы, описать количественно – качественные показатели. Однако, этого явно недостаточно для комплексного анализа его структуры [Здоров, 336]. Справедливо то, что предложенные представителями институционального анализа схемы строения социального института не отражают его структуры и представляют собою порой произвольный набор элементов.

Значим, на наш взгляд системный подход структурирования гражданского общества. Следует отметить, что зачастую само понятие «структура» употребляется в качестве синонима «система».

Интересна работа А. К. Жаровой «Гражданское общество: системный подход», где обосновывается позиция: гражданское общество можно признать системой на том основании, что она обладает всеми ее признаками: делимостью, сложностью, наличием взаимосвязей, наличием цели функционирования [Ван Гиг: 336]. Гражданское общество состоит из систем и множества различных локальных подсистем, имеющих «свои» цели и «свои» ценности, образующих структуру общества. Автор выделяет пять основных систем: социальная, экономическая, политическая, духовно – культурная, информационная.

Социальная система охватывает совокупность объективно сформировавшихся общностей людей и взаимоотношений между ними.

Экономическая система представляет собой совокупность экономических институтов и отношений, в которые вступают люди в процессе реализации отношений собственности, производства, распределения, обмена и потребления общественного продукта.

Политическую систему составляют целостные саморегулирующиеся элементы – государство, политические партии, общественно-политические движения, объединения и отношения между ними. Индивид политически выступает в качестве гражданина, депутата, члена партии, организации.

Духовно-культурная система образуется из отношений между людьми, их объединениями, государством и обществом в целом по поводу духовно-культурных благ и соответствующих материализованных институтов, учреждений (образовательных, научных, культурных, религиозных), через которые реализуются эти отношения.

Информационная система в настоящем времени, отражающем процесс глобализации, является одной из наиболее значимых, объединяющих вышеперечисленные системы. Данная система складывается в результате общения людей друг с другом непосредственно и через средства массовой информации, через электронные каналы связи. Эта система поглощает реальный мир и переводит в виртуальный. Моделью этой системы стал Интернет [Жарова: 5].

Говоря о системном подходе, мы понимаем, что каждую систему можно разбить на подсистему в соответствии с их функциями и т.д. [Жарова: 5].

Мы считаем, что данный подход не может описать главные черты, дух гражданского общества (качества граждан) – самодеятельность, инициативу, свободу, сотрудничество, солидарность и др. Необходимо изучить другие подходы для исследования гражданского общества.

Структура гражданского общества может быть рассмотрена с точки зрения трехсекторной теории. В этой связи представляет практический и научный интерес исследование А. Ю. Сунгурова. Автор рассматривает гражданское общество в двух плоскостях: в горизонтальной и вертикальной. Горизонтальное деление включает в себя: политическое сообщество, экономическое сообщество и некоммерческие организации, так называемый третий сектор (неприбыльный). Первые два сектора – это совокупность государственных институтов и деловых частных организаций и предприятий. Третий сектор рассматривают как сферу активности, развиваемой между семьей и более широкими секторами прибыльного бизнеса и правительства. Главной функцией таких организаций является, в той или иной степени, расширение свободы и наделение населения властью, вовлечение в процесс социальных изменений, в развитие социальной защиты [Сунгуров: 16-17]. В идеале, в нормальном демократическом обществе, эти три сектора взаимодействуют, оказывают друг на друга соответствующее взаимное влияние. В ходе переговоров и происходит решение всех основных вопросов, которые есть в государстве. Вертикальное – это уровень гражданской активности (собственно гражданского общества) и уровень негражданского (криминализованного) сообщества.

Под гражданским обществом, понимается совокупность свободных ассоциаций граждан (и многообразных связей между ними), уважающих законы государства, права человека и не позволяющих вмешиваться в свою деятельность.

Под "негражданским обществом", понимается совокупность ассоциаций людей, не уважающих и не соблюдающих законы государства.

Такой подход, на наш взгляд, многоаспектен и охватывает не только горизонтальные и вертикальные связи институтов гражданского общества и государственных структур, но и частично касается вопроса об их предназначении.

Существует комплексный подход, предложенный А. Г. Здравым, где модель гражданского общества находится в срединном (посредническом) положении между деятельностным уровнем формализованных отношений и частных отношений граждан, выступая в роли своеобразного медиатора [Здоров: Модель структуры гражданского общества].

Согласно предлагаемой модели в системе гражданского общества автор выделяется политическую, экономическую, социальную, духовную и правовую подсистемы, определяющиеся средой развития гражданского общества и исполняемые им функции.

На фоне данных подсистем действуют институты гражданского общества, которые можно подразделить на три сферы их активности – политическую, экономическую и “третий сектор” в соответствии с приоритетом своего создания и представления соответствующих интересов общества перед государством.

Автор предлагает использовать понятие пограничных, или гибридных, форм, к которым он относит политические партии, бизнес-сообщества, средства массовой информации и т.д. К той же пограничной сфере относит и органы местного самоуправления, выражающие «низовые» интересы и занимающие промежуточное место между органами государственного самоуправления и общественной самоорганизацией.

Анализируя вышеизложенное, мы делаем вывод, что каждый из подходов имеет свои плюсы и минусы, но так как структура имеет свойство к видоизменению в зависимости от уровня своего развития, от стоящих перед обществом целей и задач, от складывающихся отношений внутри, то для того чтобы оценить текущее состояние гражданского общества нужен анализ количественно – качественных параметров его элементов (в первую очередь, институтов гражданского общества), которые являются важнейшим признаком его существования. Следовательно, секторный и комплексный подходы наиболее приемлемы для сегодняшних реалий.

В структуре гражданского общества институтам отведено центральное место, к их числу можно отнести довольно много ассоциаций, сообществ, союзов самого широкого спектра деятельности. Мы будем понимать, что институты гражданского общества – это добровольное, саморегулируемое объединение граждан в определенные группы, общества, союзы, организации, не зависящие от государства, но тесно взаимодействующие с ним, основной задачей которого является реализация гражданских инициатив, направленных на удовлетворение различных социально – экономических, политических, нравственных, этических и иных потребностей и интересов.

Очень важно, на наш взгляд, выделить две основные трактовки строения гражданского общества: широкую и узкую. При широкой – многие исследователи данного феномена [Бажинов: 82-90], его институтами считают следующие организации, явления и процессы;

1) добровольные, саморегулируемые общности людей некоммерческого и коммерческого характера: – партии, иные общественные организации, в том числе профессиональные, творческие, ветеранские, культурные, спортивные, этнические, конфессиональные, женские, молодежные, экологические, экспертные;

– группы интересов [Красильщиков: 194-195];

– потребительские и производственные кооперативы, хозяйственные общества и товарищества;

– казачьи общества [Никодимов, Рожкова, Лаптева: 47];

– общественное (местное) самоуправление;

2) не публично-властные экономические, социальные, культурные, духовно-нравственные и прочие отношения, прямо и косвенно обусловленные частной хозяйственной и нехозяйственной жизнедеятельностью граждан, урегулированные не правовыми нормами, закрепленными законами, иными нормативными правовыми актами, а моралью, обычаями, традициями;

3) независимые адвокатура, средства массовой информации, частная военная и правоохранительная деятельность [Новикова: 68-69];

4) официальное признание и надлежащая правовая охрана демократических ценностей, основных прав и свобод человека и гражданина, социально-ориентированного рыночного уклада в экономике, гражданских инициатив, благотворительности;

5) гражданская культура, основанная на демократической политической культуре.

На наш взгляд, безусловно, в широкой трактовке авторы стремятся раскрыть как можно больше явлений и процессов, имеющих непосредственное отношение к гражданскому обществу, и в этом ее достоинство. Так, авторы пишут, что наиболее востребованным в современной России структурным элементом (институтом) гражданского общества является гражданская культура.

Позволим себе не согласиться так как, такое мнение исходит из не вполне правильного толкования самого понятия «социальный институт». Если обратиться к определению данного понятия, то социальный институт – «это устойчивая форма социальной практики, включающая совокупность ценностей, норм, статусов, социальных связей, организаций, с помощью которых организуется общественная жизнь и обеспечивается стабильность общества» [Курганов: 192]. Любой институт характеризуется как внешней (учреждения, организации), так и внутренней (ценности, нормы, стандарты поведения) стороной. Поэтому представляется не совсем корректным в связи с этим выделять гражданскую культуру в виде института гражданского общества.

При узкой трактовке гражданское общество, «представляет собой автономную от государства сферу самоорганизации граждан, ...включает в себя два типа институтов: группы интересов и политические партии. Отличие данных институтов заключается в том, что если политические партии образуются вокруг широких социальных интересов с целью их реализации посредством выдвижения своих кандидатов на выборах и возложения на себя ответственности за деятельность правительства, то группы интересов формируются вокруг партикулярных интересов с целью их реализации либо путем самостоятельных действий групп, либо обращения к органам государства» [Габриелян, Гуторов, Кальной и др.: 186].

На сегодняшний день существует огромное множество различных объединений граждан: партии, общественные палаты, общественные организации, общественные объединения (движения), организации общественной самодеятельности и др. Нередко все они охватываются общей дефиницией «общественные организации и объединения».

Впервые общественные объединения и организации стали рассматриваться как результат действия различных групп индивидов в трудах А.Бентли, который в «Процессе управления» вышел за рамки формального, институционального подхода, господствовавшего ранее, и подчеркнул необходимость исследования не только политико-правовых норм и идей, но также групп и организаций, на деле контролирующих публичную власть. Тем самым, было положено начало целому направлению науки, которое исходило из групповой природы политики, включающей взаимодействие государства и гражданского общества. В свою очередь, гражданское общество было представлено не только индивидами, но, в первую очередь, их объединениями, которые могли лоббировать свои интересы и оказывать давление на публичную власть. К сожалению, «интересы нации, социальных групп, личности и их защита часто лишь декларируются в программах и лозунгах различных партий, движений, организаций и т.д., отчасти для идеологического воздействия на сознание людей, а отчасти для успокоения собственного самолюбия» [Остапенко: 3-4].

Классификация общественных объединений и организаций довольно сложна из-за их многообразия, что подтверждается данными статистики (Таблица 1). В наиболее общем виде принято различать: общественные организации; общественные объединения (движения) и учреждения общественной самодеятельности (фонды, клубы, представительства). В соответствии со статьей 7 ФЗ «Об общественных объединениях» общественные объединения могут создаваться в одной из следующих организационно-правовых форм: общественная организация, общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение, орган общественной самодеятельности, политическая партия.

Общественные организации, по общему правилу, должны иметь фиксированное членство, избираемые на форумах (съездах, конференциях) руководящие органы, устав и учреждаются в организационно-правовой форме некоммерческих организаций.

Общественные движения либо не имеют фиксированного членства, либо состоят из коллективных членов – иных общественных объединений и(или) организаций, нередко дополняемых индивидуальными членами (лидерами), которыми могут быть известные общественные и государственные деятели. Они могут иметь устав, руководящие органы, обычно состоящие из лидеров и назначенных на паритетных началах представителей коллективных членов.

Как институт гражданского общества общественные объединения являются формой обеспечения баланса публичных, корпоративно-групповых, частных и др. интересов на основе динамического взаимодействия с властными институтами. Роль государства в данном контексте, как отмечает А.В. Павроз, «сводится к функции независимого и незаинтересованного арбитра, призванного поддерживать "правила игры", сохранять равновесие среди соперничающих групп, обеспечивать им равный доступ к процессам выработки политики и фиксировать в своих решениях достигнутый баланс интересов; что позволяет общественным объединениям стать гарантом их признания, обеспечения, реализации и защиты» [Павроз: 44].

Таблица 1
Table 1

**Общее число общественных объединений, политических партий
и некоммерческих организаций, зарегистрированных в Российской Федерации
на 1 января 2014 г. [По данным Минюста России]**
The total number of public associations, political parties and non-profit organizations registered
in the Russian Federation on January 1, 2014

	Всего зарегистрировано	В том числе зарегистри- ровано в 2013 г.
Общественные объединения – всего	103325	6086
в том числе:		
<i>общественные организации</i>	53655	4340
из них благотворительные	1603	70
<i>общественные движения</i>	1739	136
из них благотворительные	10	4
<i>общественные фонды</i>	5158	207
из них благотворительные	1990	65
<i>общественные учреждения</i>	915	94
из них благотворительные	4	-
<i>органы общественной самодеятельности</i>	212	51
<i>иные виды общественных объединений</i>	41646	1258
из них:		
профессиональные союзы	30059	336
национально-культурные автономии	1014	94
Политические партии	76	28
<i>Некоммерческие организации – всего</i>	89617	8347
в том числе благотворительные фонды	6560	889
Филиалы и представительства международных организаций, иностраннных и некоммерческих неправительственных органи- заций	204	7

Так, массовые общественные объединения, как правило, непосредственно участвуют в политической жизни, в частности, выдвигают своих кандидатов на общегосударственных и местных выборах. Они не ставят своей целью извлечение прибыли, однако могут заниматься предпринимательством, иной не запрещенной законом деятельностью исключительно для обеспечения своих нужд. Основная цель таких организаций – удовлетворение и защита социальных, профессиональных, экономических, культурных и иных интересов их членов. Осуществляя соответствующие функции, некоторые массовые объединения граждан находятся в диалоге с государством по поводу решения значимых проблем (борьба с терроризмом, экстремизмом, коррупцией), а также оказывают давление на публичную (государственную, местную) власть, в том числе путем организации демонстраций, забастовок, пикетирования.

Более точное представление о характере общественных организаций и объединений дает их практическая деятельность, но и она бывает противоречивой поскольку ситуации, с которыми сталкиваются эти институты гражданского общества, вызывают необходимость в компромиссах и разного рода поворотах в их стратегии и тактике. Сущность общественной организации (объединения) определяется по тому, как в действительности она решает конкретные вопросы, затрагивающие жизненные интересы различных социальных слоев и групп, прежде всего, тех, которые данная общественная организация официально представляет. Ее название, программа, численный и социальный состав, персональный состав лидеров, другие параметры и характеристики являются лишь дополнительными критериями при определении сущности общественной организации.

Что касается партий, то, являясь «самой политической из всех общественных организаций», она до сих пор выступает предметом дискуссий по вопросам ее происхождения и роли в политическом процессе. Спорным остается вопрос относительно того, включать ли партии в структуру институтов гражданского общества или нет. С этих позиций, к гражданскому обществу должно быть отнесено все то, что не имеет политического характера [Философский словарь. под ред. Фролова: 97]. Однако с такой точкой зрения сложно согласиться. В противном случае, как отмечалось, и общественные организации нельзя отнести к гражданскому обществу, так как и все они при определенных условиях могут быть политизированы.

С учетом вышеизложенного вызывает интерес вопрос о взаимодействии данных институтов гражданского общества с государством. Ключевой идеей, необходимой для формирования и эффективного сотрудничества государства и общества, по мнению А. Аузана, является договороспособность [Аузан: Общественный договор...].

Кроме того, Л.И. Никольская считает, что рассматривать государство и гражданское общество исключительно с антагонистических, конфликтных позиций нельзя. Как полагает автор, именно сотрудничество, взаимный консенсус становятся приоритетными характеристиками гражданского общества, способствующих установлению «обратной связи для взаимодействия с государством» [Никольская: 74].

Справедливо отмечает В. В. Путин, что «нельзя прожить особняком, не помогая слабым, не расширяя ответственность за пределы своей семьи либо профессиональной группы или ассоциации. Сегодня это понимает все большее и большее число граждан. Идет становление гражданской активности. Люди начинают соотносить свою собственную жизнь с заботами об окружающих, с устремлениями всего народа и интересами государства ... Именно в гражданской ответственности, в патриотизме вижу консолидирующую базу нашей политики». «Мы должны поддержать растущее стремление граждан, представителей общественных и профессиональных объединений, политических партий, предпринимательского класса участвовать в жизни страны. В том числе мы должны поддержать гражданскую активность на местах, в муниципалитетах, чтобы у людей была реальная возможность принимать участие в управлении своим поселком или городом, в решении повседневных вопросов, которые на самом деле определяют качество жизни» [Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 года].

Все выше изложенное свидетельствует о том, что сегодня даже при всех публикациях, можно констатировать – данная тематика актуальна и востребована не только со стороны ученых, исследователей политиков, но и граждан России. Изучение институтов гражданского общества находится на начальном этапе и полагаем, что наши выводы найдут теоретическое и практическое применение в понимании этого феномена. Итак, мы считаем:

1. В исследовательской литературе выделяют четыре основных подхода к структурированию (систематизации) гражданского общества: институциональный, системный, секторный и комплексный. Проанализировав мы делаем вывод, что каждый из подходов имеет свои плюсы и минусы, но так как структура имеет свойство к видоизменению в зависимости от уровня своего развития, от стоящих перед обществом целей и задач, от складывающихся отношений внутри, то для того чтобы оценить текущее состояние гражданского общества нужен анализ количественно – качественных параметров его элементов и, в первую очередь, институтов гражданского общества, которые являются важнейшим признаком его существования. Следовательно, секторный и комплексный подходы наиболее приемлемы для сегодняшних реалий.

2. Мы будем понимать, что институты гражданского общества – это добровольное, саморегулируемое объединение граждан в определенные группы, общества, союзы, организации, не зависящие от государства, но тесно взаимодействующие с ним, основной задачей которого является реализация гражданских инициатив, направленных на удовлетворение различных социально – экономических, политических, нравственных, этических и иных потребностей и интересов.

3. Существует огромное множество различных общественных организаций, что дает достаточно оснований считать, что институты гражданского общества существуют и, более того, достаточно успешно функционируют, защищая разнообразные интересы и объединяя граждан для достижения общих целей. С их помощью общество приобретает четкую институциональную структуру. Способствуя решению злободневных социальных проблем.

4. Предполагаем, что необходимо развивать концепции взаимодействия (сотрудничества) государства и институтов гражданского общества в условиях сегодняшних реалий, которые должны строиться прежде всего на согласии, договоренности и включать: правовое оформление и систематизацию разнообразных форм взаимодействия институтов гражданского общества и органов государственной власти, совершенствование механизмов общественного контроля и мониторинга, привлечение институтов гражданского общества к выработке и реализации государственной политики, повышение уровня правовой культуры и правосознания в обществе.

5. На наш взгляд, важным инструментом эффективной политики, реализации функций институтов гражданского общества и достижение наиболее главных стратегических и тактических целей является формирование позитивного имиджа институтов гражданского общества и власти. Поскольку именно имидж часто оказывается ответственным за определенные международные решения в отношении той или иной политической ситуации в какой-либо стране.

Список литературы References

1. Аузан А. Общественный договор: взгляд из 2009 года. Электронный ресурс: <http://polit.ru/article/2009/05/25/auzan/>
Auzan A. Obshchestvennyy dogovor: vzglyad iz 2009 goda. Elektronnyy resurs: <http://polit.ru/article/2009/05/25/auzan/>
2. Бажинов М.А. Гражданское общество и местное самоуправление: опыт концептуального анализа. Вестник МГУ. Сер.12. Политические науки. 2002. №4. С. 82-90.
Bazhinov M.A. Grazhdanskoye obshchestvo i mestnoye samoupravleniye: opyt kontseptual'nogo analiza. Vestnik MGU. Ser.12. Politicheskiye nauki. 2002. №4. S. 82-90
3. Ван Гиг. Д. Н. Прикладная общая теория систем. Кн.1. М., 1981. С. 336.
Van Gig. D. N. Prikladnaya obshchaya teoriya sistem. Kn.1. M., 1981. S. 336.
4. Габриелян О.А., Гуторов В.А., Кальной И.И., Колесников В.В., Лопушанский И.Н. и др. Гражданское общество: истоки и современность. С-Пб., 2006. С. 186.
Gabrielyan O.A., Guturov V.A., Kal'noy I.I., Kolesnikov V.V., Lopushanskiy I.N. i dr. Grazhdanskoye obshchestvo: istoki i sovremennost'. S-Pb., 2006. S. 186.
5. Глотов М.Б. Социальный институт: определение, структура, классификация. Социологические исследования. 2003. № 10. С. 13-19.
Glotov M.B. Sotsial'nyy institut: opredeleniye, struktura, klassifikatsiya. Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2003. № 10. S. 13-19.
6. Голубовский В.Ю., Синюкова Т.Н. К вопросу современного толкования понятия «гражданское общество». Федеральный научно-практический журнал «Платон». С-Пб., 2015. №1. С. 22.
Golubovskiy V.YU., Sinyukova T.N. K voprosu sovremennogo tolkovaniya ponyatiya «grazhdanskoye obshchestvo». Federal'nyy nauchno-prakticheskiy zhurnal «Platon». S-Pb., 2015. №1. S. 22.
7. Демидов А.И., Долгов В.М, Малько А.В. Политология. М.: Гардарики, 2004. 397с.
Demidov A.I., Dolgov V.M, Mal'ko A.V. Politologiya. M.: Gardariki, 2004. 397s.
8. Жарова А. К. Гражданское общество: системный подход. Электронный ресурс. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Zharova_gr_ob.pdf. С. 5.
Zharova A. K. Grazhdanskoye obshchestvo: sistemnyy podkhod. Elektronnyy resurs. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Zharova_gr_ob.pdf. S. 5.
9. Здоров Г.А. Модель структуры гражданского общества. Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. Электронный ресурс. 06.02.2011. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2011/polit2.html>.
Zdorov G.A. Model' struktury grazhdanskogo obshchestva. Zhurnal nauchnykh publikatsiy aspirantov i doktorantov. Elektronnyy resurs. 06.02.2011. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2011/polit2.html>.
10. Здоров Г.А. Модель структуры гражданского общества. Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. Электронный ресурс. 06.02.2011. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2011/polit2.html>.
11. Здоров Г.А. Модель структуры гражданского общества. Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. Электронный ресурс. 06.02.2011. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2011/polit2.html>.
12. Красильщиков А.В. Политический капитал экономических организаций современной России. Бизнес в законе. 2008. №1. С.194-195.
Krasil'shchikov A.V. Politicheskiy kapital ekonomicheskikh organizatsiy sovremennoy Rossii. Biznes v zakone. 2008. №1. S.194-195.
13. Курганов С.И., Кравченко А.И. Социология для юристов. М., 1999. С. 192.
Kurganov S.I., Kravchenko A.I. Sotsiologiya dlya yuristov. M., 1999. S. 192.
14. Ненашев М.П. Гражданское общество России и роль в его становлении общественных объединений: Автореф. дис ... канд. полит. наук. М., 2001.
Nenashev M.P. Grazhdanskoye obshchestvo Rossii i rol' v yego stanovlenii obshchestvennykh ob'yedineniy: Avtoref. dis ... kand. polit. nauk. M., 2001.
15. Никовская Л.И. Конфликтные аспекты взаимодействия государства и гражданского общества в России: состояние и особенности развития в регионах. Материалы научного семинара. 2003. №2. С. 74.
Nikovskaya L.I. Konfliktnyye aspekty vzaimodeystviya gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v Rossii: sostoyaniye i osobennosti razvitiya v regionakh. Materialy nauchnogo seminar. 2003. №2. S. 74.
16. Никодимов И.Ю., Рожкова Л.П., Лаптева Е.В. О некоторых страницах истории казачества. Мир экономики и права. 2011. №4. С. 47.

Nikodimov I.YU., Rozhkova L.P., Lapteva Ye.V. O nekotorykh stranitsakh istorii kazachestva. Mir ekonomiki i prava. 2011. №4. S. 47.

16. Новикова Д.О. Проблема использования частных военно-охранных компаний при проведении военных операций США. Мир и согласие. 2010. №1(42). С.68-69.

Novikova D.O. Problema ispol'zovaniya chastnykh voyenno-okhrannykh kompaniy pri provedenii voyennykh operatsiy SSHA. Mir i soglasiye. 2010. №1(42). S.68-69.

17. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. <http://www.ozhegov.org/words/34838.shtml>.

Ozhegov S.I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. <http://www.ozhegov.org/words/34838.shtml>.

18. Остапенко А.С. Общественные объединения в контексте «демократии участия»: диалог гражданского общества и государства. Государственная власть и местное самоуправление. 2010. №8. С.3-5.

Ostapenko A.S. Obshchestvennyye ob'yedineniya v kontekste «demokratii uchastiya»: dialog grazhdanskogo obshchestva i gosudarstva. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye. 2010. №8. S.3-5.

19. Павроз А.В. Группы интересов и лоббизм в политике. С-Пб., 2006. С.44.

Pavroz A.V. Gruppy interesov i lobbizm v politike. S-Pb., 2006. S.44.

20. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2012 года. Рос. газ. 2012; Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 года. Рос. газ. 2013.

Poslaniye Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii ot 12 dekabrya 2012 goda. Ros. gaz. 2012; Poslaniye Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii ot 12 dekabrya 2013 goda. Ros. gaz. 2013.

21. Сунгуров А.Ю. Гражданское общество и его развитие в России. Уч. Пос. С-Пб., 2007. С.16-17.

Sungurov A.YU. Grazhdanskoye obshchestvo i yego razvitiye v Rossii. Uch. Pos. S-Pb., 2007. S.16-17.

22. Философский словарь. Под ред. И. Т. Фролова. С. 97.

Filosofskiy slovar'. Pod red. I. T. Frolova. S. 97.

УДК 78.01

**МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛГОРОДСКОГО КРАЯ
(МУЗЫКАЛЬНО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ)****MUSICAL CULTURE OF THE BELGOROD REGION
(MUSICAL-REGIONAL ASPECT)****И.Н. Карачаров, Т.И. Карачарова
I. Karacharov, T. Karacharova**

*Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, 7
Belgorod state Institute of arts and culture, 7 Korolev St, Belgorod, 308033, Russia*

E-mail: ikaracharov@yandex.ru

Ключевые слова: музыкальная культура, народная музыка Юга России, профессиональная музыка, Белгородская государственная филармония, Белгородский государственный институт искусств и культуры.

Key words: musical culture, the folk music of the South of Russia, professional music, Philharmonic, Belgorod state Institute of arts and culture.

Аннотация. Музыкальная культура Белгородского края явление сложное и многоплановое. Двумя большими разделами в ней является народная и профессиональная музыка. Народная музыкальная культура Белгородчины представлена, прежде всего, песенной и инструментальной традицией, которые имеют свои особенности в характере и формах бытования, музыкальной стилистике, особенностях исполнения. Профессиональная музыка исторически связана с именами выдающихся белгородцев – В.Ф. Трутовского, Г.Я. Ломакина, С.А. Дегтярева, М.Г. Эрденко и др. Современный этап развития музыкальной культуры Белгородчины характеризуется наличием местной композиторской школы, филармонии и института искусств и культуры.

Resume. Musical culture of the Belgorod region the complex and multidimensional phenomenon. Two large sections in it is the folk and professional music. Folk musical culture of the Belgorod region is presented, primarily, singing and instrumental tradition, which have their own characteristics in the nature and forms of existence, a musical style, features performance. Professional music is historically linked with the names of prominent Belgorod – Trutovsky, Lomakin, Degtyarev and others. The current stage of development of the musical culture of the Belgorod region is characterized by the presence of local composers school, the Philharmonic hall and Institute of arts and culture.

Современный этап духовного развития общества характеризуется непосредственным интересом к истории страны, ее культуре, в том числе музыкальной. Воссоздание сводной панорамы музыкальной культуры государства невозможно без проведения музыкально-краеведческих исследований. Изучение местных музыкально-исторических материалов помогает воссоздать наиболее полную и объективную картину развития музыкальной жизни России в целом.

«Всеобщая история музыкальной культуры страны еще не написана» [1], – это высказывание Б.С. Штейнпресса в предисловии к первой серьезной работе, посвященной музыкальной жизни периферийных центров, актуально и сегодня.

Понимая, что музыкальная культура – это явление сложное, многоуровневое, мы в рамках данной статьи обратимся к двум ее основным составляющим – народной музыкальной культуре, ведущей свое начало с древних времен и профессиональной музыкальной культуре, которая начала формироваться в XVIII веке.

Народная музыкальная культура Белгородского края, ведущая свое происхождение от музыкальных традиций древних славян, сложилась в основном в XVII-XVIII столетиях в среде защитников южных рубежей Московского государства и их потомков.

Впервые системное описание стилистических признаков южнорусской народной музыкальной культуры (составной частью которой являются народные музыкальные традиции Белгородского края) дал профессор Московской консерватории им. П.И. Чайковского В.М. Шуруп [2]. Существенные уточнения, касающиеся одной из ее частей (Белгородско-Курского региона), были сделаны одним из авторов данной статьи – И.Н.Карачаровым в монографии «Народная музыкальная культура бассейна реки Псёл» [3].

Характеризуя основные черты местной народной музыкальной культуры, следует отметить в ней главенствующую роль сезонных хороводных песен, которые отличаются довольно строгой приуроченностью к определенному времени года. Типичным для южнорусских хороводных песен является наличие асемантического припева «лѐли, лѐли». Наиболее яркими местными хореографическими формами являются танки и карагоды. Танки – это хороводы преимущественно

некруговой формы (линиями, змейкой и т.д.), характерные для северо-западных районов Белгородчины. Карагоды распространены на всей территории Юга России и представляют собой движение пляшущих по кругу.

Большое значение в народной музыкальной культуре Белгородчины имеют песни, сопровождавшие традиционный свадебный обряд. Кроме собственно обрядовых песен, сопровождавших основные моменты свадьбы (приезд жениха, выкуп невесты, отъезд невесты из дома и пр.) важную роль в ней играли яркие, темпераментные плясовые песни, которые создавали бодрое, приподнятое настроение у присутствующих. Недаром некоторые исследователи называют южнорусскую свадьбу «свадьбой-весельем».

Протяжные лирические песни Белгородчины имеют свой неповторимый облик. Рожденные в среде воинских, служилых людей, они отличаются четкой метрической основой, ясностью музыкальной формы, энергичной ритмикой, красотой многоголосного распева. Большое количество южнорусских протяжных песен исполняются от лица мужчины, имеют ярко выраженную мужскую тематику.

Особый облик народной музыкальной культуре Белгородчины придает традиционная инструментальная музыка. Специфически местными являются такие инструменты как кугиклы (флейта Пана), дудки, одинарная и двойная жалейки, калюка (обертоновая флейта), скрипка, которая, по мнению ученых, заменила исчезнувший древний скомороший инструмент – гудок. Важной чертой местного инструментального исполнительства является наличие устойчивых коллективных форм музицирования. Ярким примером традиционной ансамблевой формы исполнительства может служить местный музыкальный «оркестр» Белгородско-Курского региона, нередко аккомпанирующий большим карагодам, собиравшим на важные годовые праздники по несколько сотен участников.

Особые характерные черты народной музыкальной культуры Белгородчины наиболее полно проявляются в особенностях музыкальной стилистики песен и инструментальных пьес.

Абсолютное большинство традиционных песен имеет слоговую ритмику, основанную на пропевании силлабического (постоянно цезурованного) стиха. Важной особенностью местных слогоритмических структур в большинстве традиционных песенных жанров (прежде в хороводном и свадебном) является их декламационная (строгослоговая) форма с простым соотношением длительностей и ограниченным количеством слоговых распевов. Стабильная активная ритмика пляски, сопровождающая песню, является ее ритмическим стержнем и создает благоприятные условия для возникновения прихотливых ритмических рисунков в напеве.

Важной стилевой особенностью народных песен Белгородчины является характер многоголосной фактуры. Песни традиционных обрядовых жанров имеют, как правило, гетерофонную основу – от простых до сложных насыщенных форм. Для данного стиля также характерным является народное полифоническое трехголосие, реализованное в узком звуковом диапазоне.

Певческая исполнительская манера Белгородчины – яркая, полетная, звонкая, открытая. Несколько резкая и энергичная подача звука обусловлена спецификой исполнения песен на открытом пространстве. Общий характер местной песенной культуры отличается экспрессивностью, темпераментностью, большой непосредственностью в выражении чувства.

Профессиональная музыкальная культура Белгородчины представлена именами многих известных и талантливых людей, которые оставили неизгладимый след в истории русской культуры.

Прежде всего, это имя Василия Федоровича Трутовского (ок. 1740 – ок. 1810) – собирателя народных песен, исполнителя на гусях, певца. Уроженец слободы Ивановской (ныне Борисовский район Белгородской области) прославился тем, что издал первый сборник «Собрания русских простых песен с нотами», многие из которых были использованы композиторами в своем творчестве, а также собиратели народной музыки, такими как И. Прач и Н.А. Римский-Корсаков. Кроме того, Трутовский писал и клавирные произведения (к примеру, известны два набора вариаций для клавесина на темы русских народных песен, одна из них «Во лесочке комарочков много уродилось»).

Имя Степана Аникиевича Дегтярёва (1766 – 1813) – дирижёра, педагога, композитора, уроженца слободы Борисовка (ныне районный центр Белгородской области) широко известно в России. Воспитанник капеллы графа Шереметьева, он учился профессии у итальянских мастеров А. Сапиенцы и Дж. Сарти и стал впоследствии известным хормейстером, дирижёром оркестра и композитором. Он перевёл с итальянского, дополнил и издал «Правила гармонические и мелодические для обучения всей музыке...» В. Манфредини. Его перу принадлежит первая оратория на национальный сюжет «Минин и Пожарский или Освобождение Москвы» и более 150 хоровых сочинений крупной формы.

Весьма значимым для музыкальной культуры Белгородчины и всей России является имя Ломакина Гавриила Якимовича (1812 – 1885) – музыкального общественного деятеля, хорового педагога, дирижёра и композитора. Он родился в Борисовке в семье крепостных крестьян. Пел в

Шереметьевской капелле с 10 лет, в 19 стал её регентом. Занимался преподавательской деятельностью в Смольном и Екатерининском институтах, в Училище правоведения и Театральном. Был главным учителем пения Придворной певческой капеллы с 1848 по 1859 годы, а также был одним из создателей первой в России Бесплатной музыкальной школы. Ему принадлежат больше 10 изданий учебно-методических пособий по пению, примерно 40 песен и романсов, сборник светских хоров и обработок русских народных песен, большое количество духовных произведений.

С белгородской землей связаны и другие имена – великие и значительные для судьбы русской музыкальной культуры в целом. Прежде всего, следует сказать о Петре Ильиче Чайковском, который дважды (1891 и 1893 г.г.) приезжал в поместье своего старшего брата Николая в с. Уколово Губкинского уезда бывшей тогда Курской губернии.

Автор знаменитого «Соловья», Александр Алябьев в 1819 года посещал в Валуйках своего однопольчанина, отставного майора Н.Я. Давыдова, возможно, именно здесь он написал такие произведения, как «Погасло дневное светило», «Прощание гусара».

Оставил заметный след в истории музыкальной культуры Белгородчины и Н.Б. Голицын (1794 – 1866) – князь, офицер, меценат, историк, богослов-католик, литератор, тонкий ценитель искусств, музыкальный критик, прекрасный музыкант, был незаурядной личностью и пользовался широкой известностью в России. Он по праву считается одним из основателей русской школы игры на виолончели. Родовое имение Голицыных находилось в селе Богородское Новооскольского уезда Курской губернии. Здесь Голицын около жил около 30 лет. Именно Николай Борисович дал первый толчок, вызвавший появление целого ряда поздних сочинений Л.-В. Бетховена – квартетов op. 127, 130, 132, известных под названием «голицынских».

Значительный вклад в музыкальную культуру нашего края внес Михаил Гаврилович Эрденко, уроженец с. Бараново Старооскольского уезда Курской губернии (1885 – 1940) – педагог и скрипач, заслуженный деятель искусств РСФСР, музыкант-просветитель, композитор.

Народная артистка СССР И.К. Архипова, выдающаяся певица (меццо-сопрано), солистка Большого Театра, не раз приезжала на родину своих предков (дедушки, бабушки, мамы) в село Николаевка Вейдевского района. В начале 1990-х годов прошли концерты певицы в Белгороде, здесь по ее инициативе был проведен благотворительный концерт, средства от которого пошли на строительство храма Петра и Павла на Прохоровском поле.

Современную композиторскую школу Белгородчины представляет, прежде всего, региональное отделение Союза композиторов России, где объединились талантливые музыканты, работающие в различных жанрах. Среди них – фольклорист, заслуженный работник культуры Российской Федерации Иван Иванович Веретенников (р. 1944 г.), Александр Тихонович Бердышев – ответственный секретарь местного отделения Союза композиторов (р. 1947 г.), Николай Георгиевич Бирюков (р. 1962 г.) и Елена Юрьевна Латыш-Бирюкова (р. 1964). Председателем Белгородского регионального отделения Союза композиторов является Юрий Леонидович Мишин (р. 1965 г.). Деятельность Белгородского Союза композиторов представлена также творчеством Юлия Семёновича Горяйнова (р. 1937 г.) – музыковеда, заслуженного работника культуры РФ, члена Союза композиторов России. Во многом благодаря его настойчивости и исследовательскому таланту, музыкальная культура России вновь обрела почти забытые имена Г.Я. Ломакина и С.А. Дегтярева. Музыкальная панорама Белгородчины не была бы полной без упоминания о творчестве ряда популярных самодеятельных композиторов – В.Н. Шувалова, А.Н. Балбекова, Е.А. Рыбкина и др.

Важнейшей составляющей современной музыкальной культуры Белгородского края является профессиональное исполнительское искусство, которое представлено, прежде всего, солистами и концертными коллективами Белгородской государственной филармонии. Высокий исполнительский уровень филармонических музыкантов подтвержден их многочисленными победами на международных и всероссийских конкурсах. Особой гордостью белгородцев является симфонический оркестр филармонии, объединивший высококлассных музыкантов [4].

Говоря о профессиональной составляющей музыкальной культуры Белгородчины, нельзя не упомянуть Белгородский государственный институт культуры и искусств с губкинским и белгородским им. С.А. Дегтярева колледжами в своем составе, готовящий в своих стенах музыкантов исполнителей и педагогов. Подготовкой музыкантов в институте занимаются два факультета – музыкального творчества и исполнительский. Факультет музыкального творчества объединяет кафедры общего фортепиано, музыкального образования, искусства народного пения и кафедру музыкального искусства эстрады и звукорежиссуры. Исполнительский факультет ведет подготовку музыкантов на кафедрах вокального искусства, фортепиано, хорового дирижирования, теории музыки, народных инструментов, оркестровых инструментов и струнно-смычковых инструментов.

Значительный вклад в формирование культурной среды современной Белгородчины вносят творческие коллективы института, такие как эстрадно-джазовый оркестр «Биляр-Бэнд», ансамбль

барабанщиков «Драмания», академический хор, студенческий духовой оркестр, оркестр народных инструментов «Велес», ансамбль песни и танца «Везелица», фольклорные ансамбли «Млада» и «Раздолье» и другие. Большинство коллективов – лауреаты международных и российских конкурсов. Коллективы выполняют не только учебную задачу, они активно концертируют, принимая неизменное участие в наиболее значимых творческих событиях города и области.

Хочется отметить, что музыкальная культура Белгородчины – явление сложное, многоплановое, для ее целостного системного изучения требуется большая кропотливая музыкально-краеведческая работа. В рамках данной статьи мы постарались осветить несколько важных с нашей точки зрения составляющих музыкальной культуры Белгородчины. Думаем, что весьма перспективными в этом плане будут исследования, посвященные становлению и развитию духовно-религиозной музыки, связанные с историей крепостных театров Белогорья, учебных заведений и отдельных персоналий (музыкантов-исполнителей и педагогов).

Список литературы References

1. Штейнпресс Б.С. Вопросы материальной культуры в музыке. – М., 1931 – 285 с.
Shteynpress B.S. Voprosy material'noy kul'tury v muzyke. – M., 1931 – 285 s.
2. Щуров В.М. Южнорусская песенная традиция. – М.: Советский композитор, 1987. – 320 с.
Shchurov V.M. Yuzhnorusskaya pesennaya traditsiya. – M.: Sovetskiy kompozitor, 1987. – 320 s.
3. Карачаров И.Н. Песенная традиция бассейна реки Псел (Белгородско-Курское пограничье). – Белгород: Крестьянское дело, 2004. – 422 с.
Karacharov I.N. Pesennaya traditsiya basseyna reki Psol (Belgorodsko-Kurskoye pogranich'ye). – Belgorod: Krest'yanskoye delo, 2004. – 422 s.
4. Карачарова Т.И., Барбар Л.Н. Деятельность симфонического оркестра белгородской государственной филармонии как критерий качества музыкальной культуры региона // Наука. Искусство. Культура. – 2014. – №3 с. 42-50.
Karacharova T.I., Barbar L.N. Deyatel'nost' simfonicheskogo orkestra belgorodskoy gosudarstvennoy filarmonii kak kriteriy kachestva muzykal'noy kul'tury regiona // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. – 2014. – №3 s. 42-50.

УДК 364(075.32)

**ПРИНЦИП ТОЛЕРАНТНОСТИ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ
ОКАЗАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ****THE PRINCIPLE OF TOLERANCE IN THE THEORY AND PRACTICE
OF SOCIAL ASSISTANCE****К.Ю. Королева, О.В. Ковальчук
K.Y. Koroleva, O.V. Kovalchuk**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород,
ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: Korolyova@bsu.edu.ru, Kovalchuk@bsu.edu.ru

Ключевые слова: принцип толерантности, толерантность как социокультурный феномен, толерантность в сфере социальной работы, социальные услуги.

Key words: the principle of tolerance, tolerance as a sociocultural phenomenon, tolerance in the field of social work, social services.

Аннотация. В статье раскрываются теоретические и практические аспекты применения принципа толерантности как идеи уважения человеческого достоинства, социальной ответственности, открытости в сфере социальной работы с целью обеспечения равного доступа граждан к социальному обслуживанию, поскольку равенство условий доступа к социальным услугам является важной характеристикой эффективности системы социальной защиты.

Resume. The article describes the theoretical and practical aspects of the practical application of the principle of tolerance as the respect for human dignity, social responsibility, openness in social work with the aim of ensuring equal access of citizens to social services, as the equality of conditions of access to social services is an important characteristic of the effectiveness of the system of social protection.

Равный, свободный доступ граждан к социальному обслуживанию вне зависимости от их пола, расы, возраста, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений и принадлежности к общественным объединениям является основополагающим принципом реализации социального обслуживания [3]. Потенциальные клиенты социальных служб находятся в социально опасном, нестабильном по сравнению с другими социальными субъектами положении. С одной стороны, объективные условия жизни, ограниченные социальные и экономические ресурсы, незнание основ законодательства, способов решения своей жизненной проблемы не позволяют им самостоятельно справиться с возникшими трудностями, с другой стороны, жесткая регламентация и бюрократизация процедур получения социальной поддержки изначально ставят их в зависимое от работников социальных служб положение.

В статье 3 Декларации принципов толерантности Юнеско говорится о том, что «особое внимание следует уделять социально наименее защищенным группам, находящимся в неблагоприятных социальных или экономических условиях, с тем, чтобы предоставить им правовую и социальную защиту, в частности в отношении жилья, занятости и охраны здоровья, обеспечить уважение самобытности их культуры и ценностей и содействовать, в особенности посредством образования, их социальному и профессиональному росту и интеграции» [1]. В этих условиях профессиональная компетентность, личностные качества социальных работников и служащих учреждений социальной защиты и социального обслуживания, прежде всего, их ориентация на благо другого, уважение права быть иным, отсутствие оценочного подхода во взаимоотношениях с клиентами, ориентация на полноценное партнерство («вместе против проблем») становятся неотъемлемой частью системы социальной работы. Именно поэтому исследования феномена толерантности применительно к сфере социальной работы приобретают особую остроту и практическую значимость.

Толерантность представляет собой многогранный социальный и культурный феномен, структурные и ценностно-смысловые компоненты которого формируются и трансформируются под влиянием конкретных исторических, социально-экономических и политических условий. Этимологический анализ слова в разных языках позволяет подчеркнуть культурно обусловленные нюансы интерпретации: от принятия другого образа мыслей и действий до снисхождения (подразумевающего доминирование позиции), от способностей терпеть, мириться с чем-либо, быть выдержанным, до сострадания и милосердия, предполагающих отнюдь не дистанцирование, а скорее «переживание» со-

стояния другого и сочувствие. Вызовы современности, характеризующиеся обострением вопросов глобального экономического неравенства, ожесточением борьбы за сферы влияния и ресурсы, интенсивными миграционными потоками, провоцируют новые очаги социальной напряженности, экстремизма в широком смысле слова и порождают новые социальные проблемы, которые люди не могут решить без внешней помощи. Они показывают нам как далеки декларативные призывы к проявлению толерантности от реальных условий жизнедеятельности и насколько разнятся смыслы, вкладываемые участниками социальных взаимодействий, в данный термин.

Все это в очередной раз подталкивает ученых и политиков к переосмыслению идей уважения человеческого достоинства, социальной ответственности, открытости, к конвенциональному принятию и институционализации принципов толерантности на различных уровнях. Динамично меняющаяся социальная реальность не позволяет выработать общую концептуальную модель толерантности, по-прежнему можно наблюдать две основные стратегии изучения толерантности: как *поведенческой диспозиции* – активный диалог, горизонтальные солидарности, понимание и принятие многообразия, как свобода самовыражения и действия, как воспитание умения жить в согласии с собой и другими, и как *гарантированного правопорядка* – ценность и норма гражданского общества, право быть иным, проявление активной гражданской позиции (цивильности) как уважения и нацеленность на предотвращение конфликтов [11]. Объединяющей идеей для обеих стратегий исследования является понимание того, что толерантность как социокультурный феномен предполагает наличие в обществе согласованного идейного и ценностно-нормативного ядра – «доминирующего культурного кода», применяя терминологию П.Бурдьё, символической системы координат действия, которая обеспечивает непротиворечивость институциональных ценностей, лежащих в основе деятельности различных социальных институтов общества. Именно эта символическая система позволяет социальным субъектам находить легитимные с точки зрения формальных и неформальных норм способы достигать свои цели, не нарушая права и не ограничивая своим поведением свободу других людей.

В процессе повседневной активности индивиды на основе знаний, опыта, интуиции переживают окружающий мир, культуру, и этот редуцированный в сознании, сконструированный интересубъективный мир является основой для взаимного понимания, взаимодействия индивидов [15]. Связь между социальными институтами и легитимирующей символической системой конструирует институциональный порядок посредством когнитивно-нормативного комплекса – упорядоченной совокупности всех индивидуальных знаний об окружающей действительности, правил, ценностей, установок, верований, способствует его сохранению и трансляции, через подтверждение в символах и деятельности [5]. Символическая матрица значений накладывается на индивидуальные представления и практики в процессе интернализации – усвоения, объективирования социального опыта, и результируется в формировании типизированной ролевой системы. В процессе индивидуальной деятельности через взаимодействие с социальной средой формируется субъективная реальность – база построения социальной идентичности, которая, в конечном счете, и задает координаты социальной активности индивида, определяет его адаптивные возможности и жизненные стратегии, отношения с другими [5].

Реальность плюралистична, т.е. одновременно сосуществуют несколько символических подсистем, и в открытом обществе индивид сам выбирает «поле» своей игры, имея возможность регулировать степень оказываемого на него давления. Отечественные и зарубежные исследования показывают, чем стабильнее и благополучнее общество в социально-экономических аспектах, тем сильнее желание поддерживать существующий баланс интересов, избегать конфликтов. Справедливы и обратные тенденции: отсутствие разделяемого большинством ценностного ядра, четких и понятных всем правил игры приводит к росту нетерпимости [7;11;12;14]. Вариативность ценностно-нормативных систем в российском обществе, как справедливо отмечают многие исследователи, во многом является следствием радикальных социально-экономических и политических трансформаций 90х годов и последующего кризисного реформирования: изменение социальных групп, распад традиционных каналов социальной мобильности, нарастание имущественной дифференциации, модификация оснований выстраивания собственной идентичности привели к разрушению привычных социальных связей и отношений, нивелированию культурных ценностей солидарности. Социальные конфликты современности, являющиеся отголосками системного кризиса, вызваны дезинтеграцией российского общества, характеризуются размыванием ценностных ориентиров и тотальным падением доверия общественным институтам.

Успешное функционирование социальных институтов, уровень их развития находится в прямой зависимости от наличия ресурсов. Низкий уровень доверия в российском обществе приводит к затруднению координации использования ограниченных ресурсов и ведет уже к снижению уровня материального благосостояния граждан. Аномия делает затруднительными поиски компромиссов, среди поведенческих диспозиций доминируют враждебность и агрессия, нетерпимость, а толерантность скорее нехарактерна для россиян [6;8;9;10;13;14]. В этих условиях отрасль социальной работы

обретает значимость социального посредника (медиатора) между различными социальными субъектами – индивидами и социальными группами, помогая находить точки соприкосновения интересов, развивая экономические и социальные практики общественной солидарности, способствуя удовлетворению базовых потребностей и решая наиболее острые проблемы – проблемы неравенства.

Толерантность в сфере социальной работы обретает как формы гарантированного правопорядка, основанные на реализации международных нормативно-правовых актов о правах человека, так и проявляется на уровне поведенческих диспозиций субъектов социальной работы. Так Конституция Российской Федерации говорит о том, что в нашей стране право человека на жизнь реализуется через ряд мер по охране здоровья и труда, государственную поддержку семьи и детства, социально уязвимых категорий граждан и лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию. В данном ключе толерантность выступает имманентным свойством социального государства, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (Статья 7, п. 1)» [2]. Формирование идеи общества всеобщего благосостояния, изменение требований к качеству жизни тесно связаны с уровнем развития технологий и общества. Очевидно, что субъективные и объективные показатели оценки жизненных условий меняются в зависимости от конкретно исторических условий. Стандарты социального обслуживания постоянно дорабатываются и уточняются с учетом изменения образов приемлемого, как минимально необходимого, и желаемого, как оптимального с точки зрения удовлетворения индивидуальных потребностей, уровня жизни. Создание гармоничного солидарного сообщества возможно только там, где предоставляются равные стартовые возможности для всех граждан, и социальные гарантии дают свободу от нищеты. Именно эти условия и должна в идеале обеспечить система социальной защиты.

Равенство условий доступа к социальным услугам является важной характеристикой эффективности системы социальной защиты, «социальное обслуживание основывается на соблюдении прав человека и уважении достоинства личности, носит гуманный характер и не допускает унижения чести и достоинства человека» [3]. Однако ограниченные ресурсы не позволяют реализовывать заявленные меры социальной защиты в полной мере, применение декларируемых принципов на практике натывается на барьеры субъективного характера.

Практики взаимодействия клиентов и специалистов социальных служб являются отражением существующих социальных отношений, структурных и институциональных конфликтов социума. Признание и принятие разнообразия образов жизни легко дается на бумаге, но не в жизни. Тяжело отстраниться от этической оценки различных жизненных укладов и ориентаций с точки зрения их «правильности» и «неправильности», соответствия и несоответствия образов жизни доминирующей картине мира, особенно, когда приходится иметь дело с различными формами девиантного и делинквентного поведения. Внешнее принятие и сдержанность в общении с клиентами при внутреннем неприятии ситуации оборачиваются проблемами профессионального выгорания. Доминирование предвзятого отношения ставит вопрос о том, достоин ли помощи обращающийся, и ущемляет его права на получение помощи. В условиях незавершенности стандартизации и разработки регламентов оказания социальных услуг это становится серьезной проблемой. Влияние роли социальных работников – «субъективного фактора» на реализацию мер социальной защиты достаточно велико, именно они несут ответственность за принятие решения о назначении. Профессионально-этический кодекс социального работника России закрепляет этические обязательства не практиковать любые формы дискриминации, основанной на национальности, сексуальных отношениях, возрасте, вероисповедании, семейном статусе, политической ориентации, умственных или физических недостатках, привилегиях, персональных характеристиках. Более того, профессиональная цель социальной работы – бороться с такой дискриминацией всеми доступными средствами [4]. Но отечественные исследования рынка социальных услуг показывают, что доступность различных видов социальной поддержки, в существенной степени зависит от включенности в социальные сети (начиная с личных знакомств) нежели от формальных регуляций. В результате значительная часть потенциальных клиентов социальных служб склонна воспринимать социальных работников не как источник помощи, а скорее как препятствие на пути к ее получению.

Преодолеть возможное негативное влияние субъективных факторов в социальной работе способна формализация процедур контроля оказания услуг (оценка не процессов осуществления поддержки, а изменения личной ситуации клиента), а также прозрачность критериев оценки обстоятельств и степени нуждаемости в различных видах социальной поддержки, которые являются основанием для оказания либо отказа в услугах.

Еще одна возможность состоит в развитии социальных сетей и горизонтальной кооперации в решении проблем социально уязвимых категорий граждан. Мы уже наблюдаем постепенный отказ от доминирования государства в системе социальной защиты населения во всех ее формах (социальная помощь, социальное обеспечение, социальное страхование) в направлении диверсификации

субъектов с передачей полномочий многочисленным негосударственным, общественным, частным, добровольческим образованиям. Подобная тенденция характерна для всех стран и объясняется тем, что неформальные сети гибче и динамичнее реагируют на разнообразные и зачастую специфичные социальные противоречия, по сравнению с формальными государственными структурами, а также расширяют возможности индивидуального выбора стратегии преодоления кризисных ситуаций. С одной стороны включенность в разветвленные горизонтальные связи и кооперация, активная гражданская позиция, волонтерская деятельность расширяют доступ граждан к различным ресурсам, увеличивают их конвертацию, с другой, запускаются механизмы взаимозависимости на уровне повседневных практик, которые побуждают людей действовать согласовано [9]. И в этом контексте толерантность выступает уже не как ценность или добродетель, но как способ выстраивания социальных отношений [12, С. 98 – 112] и обретает конкретное практическое значение в сфере социальной работы. Оказание добровольной, бескорыстной и безвозмездной помощи другим людям является практикой солидарности и содействует формированию толерантного отношения к проявлениям отличительного. Таким образом, общественные, волонтерские организации, действующие в сфере социальной работы решают как непосредственные задачи по оказанию необходимой помощи нуждающимся в ней людям, так и содействуют интеграции общества.

Список литературы

References

1. Декларации принципов толерантности Юнеско (принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года) [Электронный ресурс] // Сайт Юнеско. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml
The Declaration of principles of tolerance of UNESCO (adopted by the resolution 5.61 of General conference UNESCO on 16 November 1995) [Electronic resource] // Site of UNESCO. URL: http://www.un.org/EN/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml
2. Конституция РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/>
The Constitution of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://www.constitution.ru/>
3. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Сайт Российской Газеты. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/30/socialka-dok.html>
Federal law of the Russian Federation of December 28, 2013 No. 442-FZ "About bases of social servicing of citizens in the Russian Federation" [Electronic resource] // Rossiyskaya Gazeta. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/30/socialka-dok.html>
4. Профессионально-этический кодекс социального работника России. [Электронный ресурс] URL: <http://belsoc.narod.ru/socrab.html>
Professional ethical code of social worker of Russia. [Electronic resource] URL: <http://belsoc.narod.ru/socrab.html>
5. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
Berger, P., Luckmann, T. the Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge / P. Berger, T. Lukman. – М.: Medium, 1995. – 323 p.
6. Галкин, А.А., Красин, Ю.А. Культура толерантности перед вызовами глобализации / А.А. Галкин, Ю.А. Красин // Социологические исследования. – 2003. – № 8. – С.64-74
Galkin A. A., Krasin, Y. A. Culture of tolerance facing the challenges of globalization / A. A. Galkin, Yu. a. Krasin // Sociological researches. – 2003. – № 8. 8. – P. 64-74
7. Могилевич, Б.Р. Толерантность в контексте межкультурной коммуникации / Б.Р. Могилевич // Психология и экономика. – 2009. – Т. 2. – № 2. – С. 129-131.
Mogilevich B. R. the Tolerance in the context of intercultural communication / B. R. Mogilevich // Psychology and Economics. – 2009. – Т. 2. – No. 2. – P. 129-131.
8. Победа, Н.А. Толерантность: содержательные смыслы и социологическая интерпретация / Н.А. Победа // Социологические исследования. – 2007. – №6. – С. 13-28.
Pobeda, N.A. Tolerance: substantial ideas, and sociological interpretation / N. And. Win // Sociological researches. – 2007. – No. 6. – P. 13-28.
9. Сикорская, Л.Е. Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы / Л.Е. Сикорская // Социологические исследования. – 2007. – № 9. – С. 52-58.
Sikorska, L.E. Tolerance to the views of young Russian and German volunteers social work / L. E. Sikorska // Sociological researches. – 2007. – No. 9. – P. 52-58.

10. Соколов, В.М. Толерантность: состояние и тенденции / В.М. Соколов // Социологические исследования. – 2003. – № 8. – С.54-63.

Sokolov, V. M. Tolerance: status and trends / V. Sokolov // Sociological researches. – 2003. – № 8. – P. 54-63.

11. Хабермас, Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий / Ю. Хабермас // Социологические исследования. – 2006. – №1. – С. 45-53.

Habermas, J. When should we be tolerant? Competition of world visions, values and theories / J. Habermas // Sociological researches. – 2006. – No. 1. – P. 45-53.

12. Хомяков, М.Б. Толерантность: парадоксальная ценность / М.Б. Хомяков // Журнал социологии, социальной антропологии. – 2003. – Том IV. – № 4. – С. 98 – 112.

Khomyakov, M. B. Tolerance: the paradoxical value / M.B. Khomyakov // Journal of sociology and social anthropology. – 2003. – Vol. IV. – No. 4. – P. 98 – 112.

13. Шереги, Ф.Э. Этническая и религиозная толерантность молодежи / Ф.Э. Шереги // Мониторинг общественного мнения №4(98). Март-апрель 2010. – С. 20-39.

Sheregi, F. E. Ethnic and religious tolerance of young people / F.E. Sheregi // Monitoring of public opinion №4 (98). March-April 2010. – P. 20-39.

14. Шипилов, А.В. Демократия и толерантность / А.В. Шипилов // Социологические исследования. – 2005. – № 3. – С. 38-44.

Shipilov, A. V. Democracy and tolerance / A.V. Shipilov // Sociological research. – 2005. – № 3. – P. 38-44.

15. Щюц, А. Формирование понятия и теории в общественных науках / А. Щюц // Американская социологическая мысль: Тексты / Под В. И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 481-496.

Shuc, A. Formation of concepts and theories in the social Sciences / A. Shuc // American sociological thought: Texts / Under the V. I. Dobrenkov. – Moscow: MSU Publishing house, 1994. – P. 481-496.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 291.16

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР В РАМКАХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

TO THE ISSUE OF STUDYING OF RELIGIOUS CULTURES IN MODERN RUSSIAN SCHOOL EDUCATION¹

Т.А. Кильдяшова, Ю.А. Сибирцева
Т.А. Kildyashova, Yu.A. Sibirtseva

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Россия, 163002, Архангельск, наб. Северной Двины, 17
Northern Arctic Federal University, 17 Severnaya Dvina Emb, Arkhangelsk, 163002, Russia*

E-mail: t.kildyashova@narfu.ru, yu.sibirtseva@narfu.ru

Ключевые слова: религиозное образование, преподавание религиозных культур, изучение духовно-нравственных основ культур народов России.

Key words: religious education, teaching of spiritual and moral bases of cultures of the peoples of Russia, teaching of religious cultures, religious and cultural studies.

Аннотация. Статья посвящена вопросам связанным с внедрением в школьную программу курсов «Основы религиозных культур и светской этики» и «Духовно-нравственные основы культур народов России». Обращается внимание на особенности реализации курсов, связанных с преподаванием религиозных культур.

Resume. Article investigates issues connected with inclusion of the courses "Bases of Religious Cultures and Secular Ethics" and "Spiritual and Moral Bases of Cultures of the Peoples of Russia" in the school curricula. The attention is focused on features of implementation of the courses connected with teaching of religious cultures.

Для второй половины XX – начала XXI века характерна амбивалентность цивилизационных процессов: с одной стороны, очевидна тенденция к унификации, усиливаются глобализационные тенденции, а с другой – курс на сохранение этнокультурного своеобразия народов.

В таких условиях успешной стратегией является интеграция, сохранение собственной религиозной, культурной идентичности наряду со знакомством, пониманием особенностей религии и культуры других народов. Так возникает потребность в новых аспектах образования, способствующих воспитанию высококультурных личностей с мышлением, направленным не только внутрь общества, но и вне его. Как следствие – возможность жить и работать в поликонфессиональной и полиэтнической среде, уважение не только своей религии и культуры, но и культуры других этнических групп, способность сочетать национальные и интернациональные интересы, стремление к межрелигиозному диалогу. В этой связи перед обществом встала проблема формирования личности, способной успешно функционировать в условиях многонациональной и поликонфессиональной среды.

Как отмечают исследователи в современном российском обществе интерес к изучению религии постоянно растет, это связано, прежде всего, с тем, что религия становится неотъемлемой частью жизни общества в целом, причем речь идет не только о его политической составляющей, но о необходимости поиска духовно-нравственных оснований. Религия в этом контексте рассматривается как неотъемлемая часть национальной культуры и в связи с этим знакомство с религиозной культурой, религиозными традициями того или иного народа воспринимается как важнейшая составляющая развития и становления личности, сохранения духовного и культурного наследия, процесса формирования толерантного сознания.

Вопрос определения понятия «религиозное образование» сегодня стоит достаточно остро и связано это, главным образом, с внедрением в школьную программу таких курсов как «Основы религиозных культур и светской этики» и «Основы духовно-нравственной культуры народов России»

На сегодняшний день в законодательстве РФ существует несколько понятий в сфере получения знаний о религии. В частности в федеральном законе «Об образовании» выделяются – «изучение

¹ Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-23-06002

основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации», «религиозное образование (религиозный компонент)», «теологическое образование» [1].

Целью изучения духовно-нравственных культурных основ является «формирование и развитие личности в соответствии с семейными и общественными духовно-нравственными и социокультурными ценностями» [1], для этого «в основные образовательные программы могут быть включены, в том числе на основании требований соответствующих федеральных государственных образовательных стандартов, учебные предметы, курсы, дисциплины (модули), направленные на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, о нравственных принципах, об исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий), или альтернативные им учебные предметы, курсы, дисциплины (модули)» [1].

Под «религиозным образованием (религиозным компонентом)» понимается «образовательные программы в части учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), которые утверждаются соответствующей религиозной организацией или централизованной религиозной организацией» [1].

Что касается теологического образования, то речь идет об имеющих государственную аккредитацию основных образовательных программах, реализуемых образовательными организациями высшего образования «по направлениям подготовки в области теологии» (статья 87, пункт 4.) [См.:1]. При этом в законе подчеркивается (статья 87, пункт 5), что «учебные предметы, курсы, дисциплины (модули) в области теологии преподаются педагогическими работниками из числа рекомендованных соответствующей централизованной религиозной организацией» [1].

В ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 02.07.2013) введены два понятия описывающих данный процесс: «религиозное образование» и «обучение религии» [2]. По мнению ряда исследователей, первое понятие «является по отношению к последнему родовым» [См.: 3, с.19]. То есть в случае с обучением религии речь идет о формах включения в ту или иную религиозную традицию, погружение непосредственно в религиозную культуру. Религиозное же образование, будучи более широким по своему значению, помимо этого, включает в себя религиоведческо-культурологическое направление, определяющее своей целью распространение научных знаний о религии как социокультурном явлении.

Таким образом, на сегодняшний день в вопросах изучения религии, можно выделить две тенденции. Первое это собственно религиозное образование, в его узком значении, подразумевающее сознательное вхождение в жизнь религиозной организации, включающее в себя изучение основ веры, знакомство с обрядами и объяснение их значений, пробуждение чувства сознания принадлежности к религиозной общине. Сюда же можно отнести изучение богословских дисциплин и выполнение религиозных обрядов. Такого рода образование осуществляется представителями религиозной конфессии, на основе реализации религиозного подхода.

Вторая тенденция, куда следует отнести изучение духовно-нравственных культурных основ, – это изучение религии как неотъемлемой части национальной культурной традиции, духовной основы развития той или иной культуры. В рамках такого подхода религия рассматривается в контексте ее исторического, культурного развития, акцент делается на ее нравственной составляющей. Реализация такого изучения религии ведется исключительно на основе религиоведческого и культурологического подходов. Тот факт, что согласно федеральному закону «Об образовании» (статья 87, пункт 6), «к учебно-методическому обеспечению учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), направленных на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, о нравственных принципах, об исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий), привлекаются соответствующие централизованные религиозные организации» [1], говорит о том, что представители религиозных организаций могут привлекаться к обеспечению данных курсов, но в рамках заявленного религиоведческо-культурологического подхода.

Обучение же религии (т.е. религиозное образование в его узком понимании) в государственных или муниципальных образовательных организациях возможно только по письменной просьбе родителей или лиц, их заменяющих, и с согласия детей, обучающихся, «указанные образовательные организации на основании решения коллегиального органа управления образовательной организации по согласованию с учредителями могут предоставлять религиозной организации возможность обучать детей религии», но только вне рамок образовательной программы (Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 02.07.2013) (Статья 5, пункт 4) [1].

В системе школьного образования России осуществляется ряд мер, направленных на изучение духовно-нравственных основ культуры народов России и формирования, привития и воспитания толерантности. Реализующийся в полную силу с сентября 2012 года комплексный курс «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) также нацелен на решение этой задачи.

Появление курса «Основы религиозных культур и светской этики» – это лишь часть тех глобальных перемен, которыми ознаменованы изменения в системе образования. По сути дела это по-

пытка ответить на серьезные вызовы современности. В рамках данного курса осуществляется знакомство российских школьников 4 класса с историческими и культурными основами религий: православия, ислама, буддизма, иудаизма, составляющих фундамент тысячелетней культуры нашей страны, с духовными и этическими традициями.

Цель курса заключается в формировании у школьников знаний о культурных и религиозных традициях, уважение к ним, а также в развитие способности к диалогу с представителями других культур и разных религиозных мировоззрений.

Все модули нового курса носят светский, культурологический характер и преподавание его возложено (в соответствии с нормативными документами) на учителей общеобразовательных школ.

Термин «светский» означает неуправляемый церковью, религиозными организациями и не финансируемый ими. «Светский» означает «неклерикальный». Все шесть модулей курса – светские, а не только «Курс светской этики».

Принципами реализации курса ОРКСЭ являются принципы свободы совести и вероисповедания, учет разнообразия мировоззренческих подходов в содержании образования, содействие реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений [7].

На сегодняшний день выделяется ряд подходов к преподаванию основ религиозной культуры. В частности, А. В. Левитский выделяет следующие: феноменологический, религиозоведческий, инструментально-развивающий, диалогический, интерпретационный [4, 7]. Феноменологическая модель основана на принципе, согласно которому, ученик, приступая к изучению религиозной культуры, должен оставить в стороне свои личные религиозные (или нерелигиозные) взгляды и предпочтения. В рамках данной модели акцент делается на приобретении знаний о роли и влиянии религии на мировую культуру, способность понимать смысл религиозной веры и культовой практики, а также знать контекст и уметь ориентироваться в религиозной проблематике. Главное в рамках данного подхода – это приобретение навыков рефлексивного диалога с «живыми религиозными традициями с целью интерпретации» [4, 8].

Религiovедческая модель предполагает акцент на знаниевый компонент, на приобретение навыков использования компаративного метода в изучении различных религиозных традиций. В отличие от двух выше названных подходов развивающая инструментальная модель реализуется на двух уровнях. На первом уровне ученик приобретает определенные знания о религии (исторического, философского, культурологического плана), а на втором – обращается с вопросами к себе с целью субъективной и внешней (объективной) оценки религиозных ценностей, практик и верований.

В рамках диалогической модели охватывается множество вопросов, таких как смысл жизни и смерти, этические проблемы справедливости и мира. Несмотря на широкий спектр тем, основная идея состоит в том, чтобы взглянуть на эти проблемы глазами людей, придерживающихся различных взглядов и верований, обозначить многие сходства и различия в религиозном понимании, и попытаться объяснить, почему при очевидном разнообразии и сложности идей между ними все равно существует определенное единство. В интерпретационной модели обучение состоит не просто в анализе и обмене личными мнениями. Ученики должны стать исследователями в классе и соисследователями вместе с учителем. Одной из главных задач подхода является формирование у учащихся духовно-нравственных ценностных установок [4, 10].

При краткой характеристике подходов преподавания религиозных культур, хотелось бы обратить внимание на то, что ни один из представленных подходов не может считаться самодостаточным и здесь многое зависит от учителя.

В «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» сказано, что «духовно-нравственное воспитание личности гражданина России – педагогически организованный процесс усвоения и принятия обучающимся базовых национальных ценностей, имеющих иерархическую структуру и сложную организацию» [6, 9]. Таким образом, образованию, и прежде всего школьному образованию отводится важнейшая роль в духовно-нравственном воспитании – «именно в школе должна быть сосредоточена не только интеллектуальная, но и гражданская, духовная и культурная жизнь обучающегося. Отношение к школе как единственному социальному институту, через который проходят все граждане России, является индикатором ценностного и морально-нравственного состояния общества и государства» [6, 12].

При этом основным субъектом, который призван реализовать цели духовно-нравственного просвещения, определяющим непосредственные пути и методы их достижения на основе опыта и традиций отечественной педагогики является педагогический коллектив общеобразовательного учреждения: «содержание духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся, деятельность педагогических коллективов общеобразовательных учреждений должны быть сфокусированы на целях, на достижение которых сегодня направлены усилия общества и государства» [6, 16].

И здесь большая часть ответственности ложится на плечи педагога, именно он становится тем проводником, который транслирует духовные основания и непреходящие нравственные ценности. В рамках курсов, модулей ориентированных на изучение духовно-нравственных основ культур народов России базовыми принципами деятельности учителя становятся сотрудничество, сотворчество и диалог. В содержательном плане такого рода курсы должны быть, прежде всего, нацелены на формирование стремления к духовному и нравственному развитию; изучению нравственных основ той или иной религиозной традиции, понимание их значения в выстраивании семейных и общественных отношений; освоению базовых представлений о религиозных традициях, их роли в культуре России.

В основании реализации курса ОРКСЭ лежит религиоведческо-культурологический подход, способствующий формированию у младших школьников первоначальных представлений о культуре традиционных религий народов России (православия, ислама, буддизма, иудаизма), российской светской (гражданской) этике, основанной на конституционных правах и свободах человека и гражданина в Российской Федерации. В рамках религиоведческо-культурологического подхода школьники осознают религиозные реалии, традиции, ценности как формы выражения культуры, определяют религию как часть мировой культуры.

ОРКСЭ разделен на шесть модулей: «Основы православной культуры», «Основы исламской культуры», «Основы буддийской культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы мировых религиозных культур», «Основы светской этики». Концепция построения модулей курса ОРКСЭ, комплексное освещение исторических, культурологических и нравственных аспектов каждой религии и этики базируются на принципе общеобразовательного, светского характера курса.

Предполагаемые составителями курса результаты, которые должен показать школьник при адекватном наполнении и функционировании образовательной среды, составляют важную часть межконфессиональных и этнокультурных компетенций личности:

- понимание учащимися того, что конфессиональное разнообразие является непреходящей ценностью, залогом устойчивого развития человечества, что его уважение является фактором развития демократических и гражданско-правовых основ жизни российского общества;
- понимание учащимися, что их поведенческие модели – одни из равноправных моделей поведения, в основе которых лежат некоторые конфессиональные принципы; носители различных моделей поведения должны взаимодействовать между собой на основе «золотого правила нравственности»: не делай другому того, чего не желаешь себе;
- потребность в общении с представителем иной религиозно-культурной традиции, стремление интегрировать усилия в решении общих социально значимых задач;
- мотивация учащихся к осмыслению неожиданных для них поведенческих реакций, рассмотрение их в контексте ценностей, символов и смыслов породившей их религиозно-культурной традиции;
- стремление предотвращать и умение избегать конфликтных ситуаций, навыки находить компромиссные решения, выходы из конфликтов, обусловленных мировоззренческими, религиозными, культурными различиями, толерантное отношение к другим людям, одноклассникам.

Учитель должен точно, корректно и интересно представить учащимся многообразие религий, существующих в мире, осветить особенности учений различных религий, описать религиозную традицию, культуру, а также искусство [7].

Конечно, говорить о результатах включения курса ОРКСЭ в образовательную систему школ пока что рано, однако некоторые выводы уже можно сделать [8].

Как правило, большинство учащихся (более 50 %) осваивают модуль «Основы светской этики», 1/3 часть изучают «Основы православной культуры», замыкает тройку выбранных модулей «Основы мировых религиозных культур». Подавляющее большинство положительно относятся к введению нового курса.

Положительное значение введения курса видят в расширении кругозора детей, их нравственном, духовном и культурном развитии, формировании уважительного отношения к различным религиям и религиозным убеждениям, формировании патриотизма и гражданской солидарности, уважительного отношения к старшим.

Таким образом, в последние два десятилетия произошли изменения в оценке роли религии в межнациональном взаимодействии, выраженном как в выстраивании культурного диалога, так и нарастании конфликтных тенденций. Также была признана необходимость выстраивания системы изучения религиозных традиций как духовно-нравственной основы культур народов России и роль такого рода образования в разрешении национальных, культурных и религиозных конфликтов и напряженности. Изучение особенностей разных религиозных культур позволяет раскрыть их возможности в построении мира и толерантности в современном обществе как в России, так и за ее пределами.

На настоящий момент понимание этих вопросов сопровождается разного рода сложностями и может повернуть устремления учащихся в строго противоположную сторону. Подготовка квалифицированных кадров – религиоведов, культурологов – может повысить уровень компетентности в преподавании такого рода курсов, а значит, и приобщить учащихся к национальным, духовным и нравственно-этическим ценностям культуры народов России.

Список литературы References

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/2974>

The federal law «About Education in Russian Federation» (Federal Law 29.12.2012 № 273-ФЗ) // [An electronic resource] <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/2974>

2. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 02.07.2013) "О свободе совести и о религиозных объединениях" (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013) // [Электронный ресурс] www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/

Federal Law «On Freedom of Conscience and on Religious Associations» 26.09.1997 № 125-ФЗ (edition of 02.07.2013) (with amendment and additional, coming into force from 01.09.2013) // [An electronic resource] www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/

3. Илакавичус М.Р., Якушкина М.С. Построение эффективных образовательных практик современного религиозного образования // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология 2013. – Вып. 4 (31). – С. 18-25.

Ilakavichus M.R., Yakushkina M.S. Construction of effective educational practices of modern religious education // The Herald of Saint Tikhon's Orthodox university IV: Pedagogy. Psychology. – 2013. – 4(31). – p.18-25.

4. Левитский А.В. Методологические особенности преподавания комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». Учебно-методическое пособие. – Екатеринбург, 2011. – 71 с.

Levitsky A.V. Methodological features of teaching a complex training course "Bases of religious cultures and secular ethics". – Yekaterinburg, 2011. – 71 p.

5. Инструктивно-нормативное письмо «Об обучении основам религиозных культур и светской этики (ОРКСЭ) в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации» для учителей и организаторов введения курса // [Электронный ресурс]: http://www.educom.ru/ru/news/detail/29_08_2012/meth_aug_2012.pdf

The instructive and standard letter "About training in bases of religious cultures and secular ethics (ORKSE) in educational institutions of the Russian Federation" for teachers and organizers of introduction of a course // [An electronic resource]: http://www.educom.ru/ru/news/detail/29_08_2012/meth_aug_2012.pdf

6. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. – М., Просвещение. – 2009. – 24 с.

Danilyuk A.Ya., Kontakions A.M., Tishkov V.A. Concept of spiritual and moral development and education of the identity of the citizen of Russia. – M, Education. – 2009. – 24 p.

7. Инструктивно-нормативное письмо «Об обучении основам религиозных культур и светской этики (ОРКСЭ) в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации» для учителей и организаторов введения курса // [Электронный ресурс]: http://www.educom.ru/ru/news/detail/29_08_2012/meth_aug_2012.pdf

The instructive and standard letter "About training in bases of religious cultures and secular ethics (ORKSE) in educational institutions of the Russian Federation" for teachers and organizers of introduction of a course // [An electronic resource]: http://www.educom.ru/ru/news/detail/29_08_2012/meth_aug_2012.pdf

8. На материалах мониторинга городов Северо-Запада.

On materials of monitoring of the Northwest cities

УДК 291.16

**ПРОБЛЕМА ВЕРОТЕРПИМОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА
(РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О РАСКОЛАХ И ЕРЕСЯХ)¹****THE PROBLEM OF RELIGIOUS TOLERANCE IN RUSSIAN LITERATURE IN THE BEGINNING
OF XX CENTURY (RUSSIAN LEGISLATION ABOUT SCHISMS AND HERESIES)****Н.М. Маркова
N.M. Markova**

*Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
Россия, 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, 87 Gorky St, Vladimir, 600000, Russia*

E-mail: natmarkova@list.ru

Ключевые слова: ересь, еретик, сектантство, раскол, раскольник, веротерпимость, Православная церковь.
Keywords: heresy, heretic, sectarian split, schism, schismatic, tolerance, the Orthodox Church.

Аннотация. В статье рассматривается проблема восприятия инакомыслия накануне принятия Указа о веротерпимости, на примере отношения российского правительства к расколам и ересям. Уделяется внимание вопросу интерпретации терминов «ересь», «раскол» в различные исторические периоды. Автор указывает на ряд законодательных актов, принятых российским правительством в свете проведения политики веротерпимости при неоспоримом главенстве Православной церкви.

Resume. In the article we can see the problem of perception to nonconformity before the adoption of the Decree on religious tolerance, as an example the relationship of the Russian government to heresies and schisms. The attention is paid to the question of interpretation of the terms "heresy", "split" in different historical periods. The author points to a number of legislative acts adopted by the Russian government during the policy of religious tolerance in the undisputed primacy of the Orthodox Church.

Вопрос веротерпимости был одним из основных вопросов на протяжении всей истории Российского государства и остается таковым по сегодняшний день. В современной поликонфессиональной и многонациональной России остро стоит проблема формирования толерантных установок среди представителей различных мировоззренческих и конфессиональных традиций, при этом особенно значим диалог приверженцев Русской Православной Церкви (Московского Патриархата), составляющих большинство в стране, с последователями неправославных вероисповеданий.

Исторически российская государственность со времен князя Владимира, крестившего Русь, стала опираться на избранную княжескую «Вѣру» и, в соответствии с известным принципом византийского императора Юстиниана «одна страна, один закон, одна религия», защищало позиции «Церкви Христовой». Взятие Казани, покорение Сибири, старообрядческий раскол и возникновение Российской империи привели к новой ситуации, когда население государства перестало быть однородным в вероисповедальном отношении, что требовало и соответствующего законодательного урегулирования.

В начале XX века был принят известный императорский указ Сенату 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», тем не менее, веротерпимость признавалась возможной только при сохранении господствующей роли Православной Церкви: «...Не должно быть поколеблено устанавливаемое основными Законами Государства положение, признающее первенствующую и господствующую в Российской империи Веру Христианскую Православную Кафолическую Восточного исповедания. Значение уз, исторически скрепивших воедино судьбы Государства русского и Православной поэтому неизменно подлежат сохранению и на будущее время преимуществ, главным образом придающие Православной Церкви значение господствующей...» [2, 12].

Провозглашая главенство Православной Церкви, государственная власть настаивала на осуществлении веротерпимой политики по отношению ко всем неправославным конфессиям, при этом, как отмечал М.Красножен, «...охранение господствующей Православной веры и полное невмешательство во внутреннюю религиозную жизнь иноверцев – были теми началами, которыми руководилось русское церковное и светское правительство в своих отношениях к «иностранным вероисповеданиям» на всем пространстве истории русского государства» [6, 10]. Под «иноверцами» понимались все нехристианские и неправославные исповедания, при этом особое место отводилось отношению к расколам и ересям.

¹ Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-23-06002

Еще святой Василий Великий (IV в.) разделил всех «неправославных» (не принимающих «Никейский символ веры») на три основных разряда: «на еретиков, раскольников и составляющих самочинные сборища» [6, 20]. Под еретиками подразумевались те, кто «отчуждал себя» от Церкви, подрывал ее основания, но делал это по собственной воле, поскольку «название ереси, говорит Тертулиан, происходит от греческого слова, означающего выбор, потому что еретик действительно выбирает то учение, какое вымышляет» [6, 20]. К раскольников относились те, чьи взгляды разнились с официальной Церковью лишь по каким-либо частным вопросам, «в которых заблуждение не делает существенного вреда вере и спасению и легко может быть исправлено» [6, 21]. Под самочинными сборищами понимались не противящиеся вере или учению Церкви люди, а те, кто противился церковной власти и ее постановлениям «например когда бы священнослужитель, подвергшийся запрещению священнодействия за свои пороки, не уважив этого запрещения дерзнул в каком либо месте священнодействовать и собрал себе защитников из подобных себе людей, или когда бы народ, отложившись от своих законных пастырей, не хотел иметь к ним послушания, а стал бы сам себе избирать властей, или требовать постановления других, вместо данных ему высшею властью, пастырей, что в древние времена нередко случалось» [6, 21] или другими словами, самочинными сборищами именовались, с точки зрения древних отцов Церкви «собрания, составляемые непокорными пресвитерами или Епископами, и ненаученным народом» [6, 21].

Согласно II Константинопольскому (381г.) и Трулльскому (692г.) соборам «неправославные» стали разделяться на две категории. К первой относились схизматики или раскольники, которые не причиняли существенного вреда Церкви и полностью не отвергали основные догматы веры, поэтому принимались в лоно Православной Церкви без повторного крещения. Ко второй категории относились собственно еретики, именуемые язычниками, которые отвергали основные догматы веры и «уничтожали их» [6, 22], поэтому принимались в православие только через повторное крещение.

В отечественной литературе XIX века создано много богословских трудов, посвященных расколу, сектантству и старообрядчеству, при этом под «расколом» понималось явление, возникшее в XVII в., т.е. разрыв с «никонианами», с возглавляемой патриархом Никоном церковью. Раскол возник в результате отделения от «Никонианской Церкви», в результате расхождений с ней в догматическом и обрядово-культурном плане: «При правильном воззрении на раскол можно ограничиться тем, что это домашний враг Церкви, получивший свое бытие просто из-за вражды к ней, и эту вражду он возвел в систему дальнейшего своего существования» [4, 4]. Примерно похожие определения раскола мы находим и в церковном словаре XVIII века: «раскольник – который чуждается соединения с православною церковью; держится же особенных толков обрядов церковных» [8, 379]. На протяжении долгого периода времени «раскол» в России не признавался самостоятельным вероисповеданием, поэтому принципы веротерпимости на них не распространялись «ибо в убеждении как Церкви, так и Правительства, они являлись нарушителями усвоенного русским народом начала единого Православного Государства, а потому раскол и не был признаваем самостоятельным вероучением» [2, 36]. Под понятие «раскольники» подводились все отпавшие от Православной Церкви «в ереси и расколы» [2, 38], в том числе представители рационалистических и мистических сект.

В середине XIX века (1842 г.) все секты были разделены на три группы: вреднейшие, вредные и менее вредные. Данное деление было обусловлено необходимостью распределения сил для борьбы с сектами «для того, чтобы относительно более вредных из них принимать и более энергичные меры борьбы» [2, 38]. Впоследствии (1864 г.) все секты и толки были разделены уже на две группы: более вредные и менее вредные. К первым относились «не признающие пришествия в мир Сына Божия, господя нашего Иисуса Христа, не признающие никаких таинств и никакой власти Богопоставленную, допускающие, при наружном общении с церковью, человекообожание, посягающие на оскотление себя или других, отвергающие молитву за Царя и отвергающие брак» [2, 38], остальные секты и толки относились к менее вредным.

Отношение к самому сектантству также было неоднозначно, когда, к примеру, народников обвиняли в симпатии к сектантам: «с точки зрения предзанятой народнической идеи, на сектантство посмотрели, как на продукт самостоятельной творческой деятельности духа народного, как на выражение того процесса творческой деятельности, который незримо совершается в тайниках народного духа служит речательством самостоятельного, самобытного развития народа» [7, 3]. Такое отношение народников к сектантам сточки зрения представителей духовной мысли было результатом модного «увлечения народом», которое охватило российское высшее общество в 60-х годах XIX века. Ошибочность народнической позиции с точки зрения официальных властей заключалась в том, что «наблюдение над жизнью сектантов – дело очень трудное, т.к. сектанты скрытны и крайне лицемерны, и в этом случае легко можно обмануться и впасть в ошибку» [7, 4], что, как утверждалось, и произошло с представителями народнической мысли, увидевшими в сектантстве светлое начало, идеализировавшими его, в то время как сектантство, на взгляд консервативных кругов, «явление по суще-

ству своему болезненное, нездоровое» [7, 3], поэтому при общении с сектантами «необходимо иметь наготове тексты, утверждающие православное вероучение и обличающие лжеучение сектантов» [5, 1].

К категории менее вредных сообществ было отнесено старообрядчество, именуемое также «беглопоповским» [3, 7], староверческим или старолюбечским [1, 3] движением. Еще в начале XX в. Указом от 12 декабря 1904 г. была введена новая классификация всех направлений и толков, отступивших от Православной Церкви и, именуемых до этого общим термином «раскольник», где они разделялись на три группы. К первой группе относились старообрядческие согласия, т.е. «последователи толков и согласий, которые приемлют основные догматы веры Православной, но не признают некоторых принятых ею обрядов и отправляют свое богослужение по старопечатным книгам» [2, 46]. Ко второй группе относилось сектантство, т.е. последователи рационалистических и мистических сект. К третьей и совершенно нетерпимой группе относились последователи «изуверных учений, сама принадлежность к коим наказуема в уголовном порядке» [2, 46].

Провозглашая политику веротерпимости, российское правительство наряду с Православной Церковью находилось на страже основных традиционных устоев общества. Воспринимая расколы и ереси как опасные, чуждые, враждебные явления, власть, с одной стороны, стремилась осуществлять строгий контроль за деятельностью этих направлений и, с другой, предоставлять им некоторые приемлемые «свободы»: «Предохраняя православных христиан от возможных опасностей со стороны еретиков, Православная Церковь никогда не допускала нетерпимости по отношению к иноверцам, религиозной вражды, презрительного и злобного от них отчуждения, но внушала, сохранять и к ним братские чувства, как заповедал Апостол» [2, 66]. Только бурные события 1917 года уравнили всех граждан как наделенных свободой не только вероисповедания, но и любого отношения к религии – ортодоксального, сектантского, иноверного, еретического или атеистического.

Список литературы References

1. Документы разрядного, посольского, новгородского и тайного приказов о раскольниках в городах России. 1654-1684гг. – М.: Ин-т истории СССР АН СССР – 1990 – 147 с.
Documents of ambassadorial, Novgorod and secret orders about schismatics in Russian cities. 1654-1684. – М.: Institute of History of the USSR Academy of Sciences of the USSR – 1990 – 147 p.
2. За первый год вероисповедной свободы в России (Бесплатное приложение к журналу «Мисс. Обзор.» за 1907г.) – 249 с.
During the first year of religious freedom in Russia (free supplement to the magazine "Miss. Overview." for 1907.) – 249 p.
3. Метельников Ф.Е. Безотрадное положение беглопоповства (разложение беглопоповского пастырства). – М.: Типография Т-ва Рябушинских – 1915 – 62 с.
F.E. Melnikov. Cheerless situation of beglopovstva (decomposition of beglopovstva`s pastoral). – М.: Typography T-va Ryabushinskys – 1915 – 62 p.
4. Обзорение раскола в Саратовской епархии. – Саратов: Типография Губернского Земства – 1892 – 155 с.
Review of a schism in the Saratov diocese. – Saratov: Typography provincial zemstvos – 1892 – 155 p.
5. Памятная книжка Противосектантского Миссионера. – Астрахань: Типография И.Л. Росликова – 1895 – 103 с.
The memorial book anti sectarian missionaries. – Astrakhan: Printing I.L. Roslikova – 1895 – 103 p.
6. Проф. М. Красножен. Иноверцы на Руси. Т.1. Положение неправославных христиан в России. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1903. – 197 с.
Prof. M. Krasnozhen. Gentiles in Russia. T.I. The position of non-Orthodox Christians in Russia. – Yuryev: Typography C. Matthiessen – 1903. – 197 p.
7. Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды. Братский труд членов IV Всероссийского Миссионерского Съезда (с портретами сектантов и картинами сектантских радений) – Одесса: Типография Е.И. Фесенко – 1911 – 336 с.
Russian sects, their doctrine and cult propaganda methods. Fraternal labor members of IV All-Russian Congress of Missionary (with portraits and paintings of sectarian sectarian rites) – Odessa: Printing EI Fesenko – 1911 – 336 p.
8. Церковный словарь или истолкование речений славенских древних, також иноязычных без перевода положенных в Священном Писании и других церковных книгах, сочиненный Московского Архангельского собора протоиереем, и московской духовной консистории членом Петром Алексеевым. Печатано при Императорском Московском Университете. – 1775 – 397 с.
Church dictionary or interpretation of the Slavonic ancient sayings, foreign language without translation position in the scriptures and other religious books, penned by the Moscow cathedral's archpriest, and the Moscow Spiritual Consistory member Peter Alexeyev. Prints of the Imperial Moscow University. – 1775 – 397 p.

УДК 37.013

ДУХОВНАЯ СВЯЗь ПОКОЛЕНИЙ ЧЕРЕЗ ЦЕННОСТИ ПРАВОСЛАВИЯ

SPIRITUAL CONNECTION GENERATION THROUGH VALUES OF ORTHODOXY

И.М. Невлева
I.M. Nevleva

*Белгородский университет кооперации, экономики и права, Россия, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, 116а
Belgorod University of Cooperation, Economics & Law, 116a Gardening St, Belgorod, 308023, Russia*

E-mail: kaf-srp@bukep.ru

Ключевые слова: православие, ценности, религиозность, русская культура, традиция.

Key words: Orthodox, values, religion, Russian culture, tradition.

Аннотация. Ядром русской культуры были всегда православные устои и традиции народной жизни. Для того чтобы общество могло выжить и сохранить свою уникальную культуру, должна быть передача тех духовных, ценностных ориентиров, на которых держалось общество на протяжении сотен лет. Говоря о православии, надо понимать, что речь идет о воспитании и образовании духовно-нравственной личности, идентичной национальной культуре, сыгравшей ключевую роль в возникновении и развитии государства Российского. Традиционная культура, основанная на ценностях православия, – это не пережиток прошлого и не антинаучный вымысел, а условие выживания нации. Невозможно привить любовь к Родине, не зная ее истории, не зная национальных корней.

Resume. The core of Russian culture have always been Orthodox foundations and traditions of the people's life. In order for society to survive and preserve their unique culture, should be the transfer of the spiritual values, which keep the society for hundreds of years. Speaking of Orthodoxy, we must understand that we are talking about education and formation of spiritual and moral personality, identical to the national culture, which played a key role in the origin and development of the Russian state. The traditional culture based on the values of Orthodoxy – this is not a relic of the past and not anti-scientific fiction, and the condition of the nation's survival. It is impossible to instill a love for the country, not knowing its history without knowing the national roots.

Стержнем любой цивилизации является религия. Каждое новое поколение молодежи, вступая в жизнь, ориентируется на ценности и традиции сложившиеся в обществе.

Россия никак не может выбраться из болота “стихийных рыночных отношений”, в которое продолжают все больше погружаться духовность и нравственность нашего народа. Каковы же реальные пути выхода, которые позволят России встать на путь добра и высокой духовности? Реальным ориентиром является высокодуховная православная культура, ее нравственные ценности. Особенно это стало возможно сейчас, когда в условиях жесткой конкурентной борьбы, глобализации и прочих особенностей современного бытия, вечные человеческие ценности потеснили лженаучные инновации.

Выдающийся русский философ Николай Бердяев писал: “Хлеб для меня – это материальная забота, а хлеб для моего ближнего – забота духовная”.

Важно нам, ученым, преподавателям вузов искать новые пути воздействия на уже взрослого человека, пути к слагаемым образ, воспитывать любовь к ближнему, милосердие, высокую духовность, добро и сострадание. “Сегодня наука все больше обращается к богословию, а богословие овладевает научной методологией. Православие, как культуuroобразующая религия России, имеющая тысячелетнюю историю, всегда способствовало творческому диалогу науки и богословия, формированию духовно-нравственных личностей – патриотов нашего Отечества, просвещающих мир светом Христовой истины” (Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II).

Одна из наиболее известных работ, направленных на выявление традиционных установок русской культуры, бесспорно, принадлежит русскому философу XX века Н.О. Лосскому.

В своей книге “Характер русского народа” Лосский выделяет:

– религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра и смысла жизни;

– способность к высшим формам опыта, особенно заметная в области нравственного опыта, в общении.

И если попытаться обобщить и выделить установки, которые являются характерными для русской культуры, по мнению большинства исследователей это православие, духовность и русский патриотизм. Бездуховный путь развития – это трагедия общества.

П.А. Сорокин отметил, “самое страшное, когда умирают божественные ценности во мнении публики”.

Именно традиционные духовные ценности и нравственные идеалы являются заслоном бездуховности и нравственной деградации.

В своем выступлении “Восстановим единство духовного и светского начала” Архимандрит Иоанн (Экономцев), ректор Российского православного университета, председатель отдела катехизации и религиозного образования Московской патриархии, подчеркнул: “Беда в том, что вместе с такими понятиями как “Бог”, “Церковь”, “Молитва” из программ вузов, а особенно и из жизни большого числа молодых людей выпадает понимание данного человеку свыше нравственного закона, представление о том, ради каких ценностей он живет, трудится, овладевает профессией. Сознание человека теряет цельность, гармонию, становится расщепленным. Нравственные ценности в нашем обществе, особенно среди молодежи, существенно сместились в сферу переживания собственной неудачи измеряемой сухим практикумом, опирающимся на бездушный рационализм. В результате этого усиливается разобщенность людей, рушатся духовно-нравственные принципы семьи, криминализируется сознание, расширяется социальная среда девиантного поведения (наркомания, алкоголизм, половая распущенность, бродяжничество). Такие негативные процессы создают реальные предпосылки духовно-нравственной деградации общества”.

Деятельность носителей культуры должна стать реализацией духовного измерения экономики, только когда эта деятельность станет служением Богу, приобретет ярко выраженное духовное измерение.

Большим поучительным смыслом наполнены слова святителя Василия Великого, “бытие христианина – это зла отчуждение, языка воздержание, гнева отвращение, похотей отлучение, многоглаголания, лжи и клятвы воздержание”.

Это особенно важно помнить в наше время, вызовы которого зачастую оставляют молодого человека без возможности выбора между добром и злом, без понимания – что есть добро и зло.

Современная система ценностей, побуждающая человека к приложению все больших усилий для постоянного повышения уровня личного потребления материальных благ, является греховной и порочной. Опираясь на духовный опыт христианства, нравственные и исторические ценности своего народа, накопленные в православии, личность ярче и полнее раскрывается для общества.

Зависть, зло возникают в мире в результате отклонения людей от Божественного добра. Главный источник зла – своевольное неподчинение человека Божественному Промыслу. Инструментом нравственной оценки человеческих поступков является совесть, которую Бог дал всем людям.

Мерилом каждого человеческого делания и поступка должна быть наша человеческая совесть, данная нам Богом, сделать качественно, честно, значить сделать по-совести.

В Белгородском университете потребительской кооперации студенты проявляют глубокий интерес к изучению культуры православия. Мы видим единую задачу духовного и светского воспитания в раскрытии красоты, богатства содержания православия и привитии студентам высоких общечеловеческих ценностей.

Церковь учит, что требовать совершенного или хотя бы удовлетворительного, с точки зрения нравственности, поведения других, не предъявляя подобных требований к себе самому – фарисейство. Поэтому главным в нравственном климате общества является стремление каждого к совершенству, к умению сделать добро ближнему.

С христианской точки зрения стремление к совершенству есть усилие человека, направленное к уподоблению себя Богу: “Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный”.

Православные ценности являлись всегда методологической основой сложившегося в обществе института помощи. История развития человеческого общества немыслима вне института помощи.

Хочется подчеркнуть, что без собственного волевого усилия человек не может даже начать “внутреннее делание”. И здесь ему на помощь приходят подвижники, уже накопившие опыт борьбы со страстями. Особенно преуспевших из них называют преподобными, то есть уподобившимися Спасителю в высшей, превосходной степени. Таковым является высокодуховный жизненный подвиг Иоасафа Епископа Белгородского.

Девизом его жизненного пути
 Было с любовью к Богу
 И ближним идти.

В центре философского осмысления мира всегда стояла проблема человека. Проблема человека и его будущего предполагает особую роль философии при обращении к анализу сущности и существования человека, к развитию его творческих способностей, его социальной реализации, к миру его нравственной жизни, гуманистическим принципом всей системы человеческой деятельности.

В истории философии, четко просматривается мысль, что человек – не чистый лист бумаги, на котором культура пишет свои письма: он существо наделенное энергией и определенным образом организованное, умеющее соответствующе реагировать на внешние условия.

В философии существует некоторая традиция, преемственность взглядов на сущность человека. Аристотель считал, что человек не только природный дар но и результат его же деятельности. В процессе деятельности раскрываются новые побудители человеческих возможностей, создаются условия, реализуются возможности. Демокрит рассматривал человека как часть космоса, характеризовал его как отражение Вселенной, её символ. Христианство основало свою идеологию на дуализме души и тела, утверждая в качестве главного мотива любовь к Богу, раскрывающаяся через милосердие, сострадание, вспомоществование.

Христианство выдвинуло главным признаком человека – любовь. Любовь как единственная и подлинная сила, которая вместе с верой, надеждой способна двигать горы.

Отличительными признаками философии русской культуры являются такие черты, пришедшие из православия, как соборность, вселенскость, общинность.

Действительно славянофильство – это первая попытка русской мысли сформулировать, что такое русский человек.

Русские философы развивали эту мысль, дополняя и обогащая свое историческое видение. Славянофилы стремились к созданию русской философии, отражающей исконно русские духовные идеи.

А.Ф. Лосев писал, что “славянофилы выросли на русской почве, они сотворены из русской земли, они наполнены основательным, непреклонным духом земли, они прочно связаны с землей, их нельзя от нее отделить, не повредив их существа”.

Подражая духовным писателям Древней Руси, славянофилы видели в религии важнейшее проявление человеческого духа. Славянофилы действительно искали правду жизни, пытались найти её в достойной для народа философии и религии, а именно – в христианской духовности. Славянофилы утверждали преимущества коллективной, общинной, кооперативной общности людей. Славянофилы превозносили духовную культуру православия, признавая добрые задачи человеческой природы, отбрасывая зло, творимое человеком в этом мире.

Славянофилы ностальгически относились к духовным ценностям прошлого. Н.А. Бердяев отмечал, что славянофильство принадлежало к мировому потоку, который вел все народы к национальному самосознанию, к органичности, к историзму. Они плоть от плоти и кровь от крови русской земли, русской истории, русской души; живой источник их самосознания национального и религиозного представляла русская община и православие.

В.В. Зеньковский высоко оценил особенности философских идей славянофилов за их подлинно русский, самобытный, национальный характер, за их верность православной культуре, при этом подчеркивал, что каждый из них был яркой индивидуальностью, развитие которой было вполне и до конца индивидуально.

Славянофилы признавали особый образ жизни в России, подчеркивая единение сословий, соборность и моральное доверие между государством и народом. Их объединяла ориентация на учение православной церкви, на верование и идеалы русского народа.

Русское философское сознание проникнуто глубоким чувством общинности, ему чуждо индивидуалистическое толкование этики, оно ратует за жизнь всего человечества, оно ищет пути спасения и преобразования мира, ответственности каждого человека за все несовершенства жизни. Славянофилы называли это общинное чувство соборностью. Соборность означает сочетания единства и свободы многих лиц на основе их общей любви к Богу и всем абсолютным ценностям.

Духовность оказывает преобразующее воздействие на общество и проявляется в виде общечеловеческих духовных ценностей. По мнению Н.О. Лосского, “вся жизнь движется любовью к ценностям”.

В целом духовная история Российской культуры имеет свои особенности – это поиски правды, смысла земного существования, обращения к небесному царству Святого Духа. Собрав в единое целое духовные силы – чувственный опыт, рациональное мышление, нравственный опыт и религиозное сознание – человек начинает понимать истинное бытие мира.

Русский философ П.А. Флоренский считал, что достижения науки не могут формировать душу человека, что накопление знания ещё не создают богатый мир личности, что самое страшное для человека – это бездуховность. По мнению ученого, сила религиозных обрядов проявляется в том, что формирует у человека его душу, культуру общения и духовный мир личности.

Раскрывая содержание социальной среды как определяющего фактора развития личности, необходимо выделить из неё “микросреду”, как среду ближайшего окружения личности.

Социальная среда может значительно отличаться по объему и содержанию от “среды личности”. Понятие социальной среды составляет совокупность всех общественных отношений, включая материальные и духовные компоненты, которые по отношению к личности существуют объективно, то есть идейная среда личности есть объективный фактор ее формирования. Духовная атмосфера общества складывается из различных факторов, включая состояние общественного сознания, его содержание и

формы, средства и методы воздействия на человека в системе обучения и воспитания, средства массовой коммуникации, а также психологию коллектива, в котором личность живет, работает, учится, те нормы и системы ценностей, которыми регулируется поведение людей в этих коллективах.

Русский писатель Ф.М. Достоевский сказал, что красота спасет мир, подразумевая красоту внутреннего духовного мира личности. Вселенский учитель Василий Великий писал: “Следует в пост воздержаться от пищи, нравственной пост же в поступках ищи”.

В этом раскрывается смысл человеческой жизни – делать добро, учиться у православной церкви выполнять свой нравственный долг: любовь к ближнему, помощь обездоленному, сострадание, милосердие, вспомоществование.

Ядром структуры личности является мировоззрение. Индивидуальное мировоззрение – это свойство личности как социального и мыслящего существа. Каждое мировоззрение выявляет единство своего содержания охватывая определенный круг вопросов: что такое вне нас существующий мир? Разделен ли он на материю и дух? Как дух соотносится с сознанием? Что такое человек, и каково его место во всеобщей взаимосвязи явлений мира? Какова природа человеческого разума? Как человек познает окружающий мир и самого себя?

Мировоззрение человека – это его взгляд на окружающий мир: на явления природы, общества и самого себя, его убеждения, социальные, нравственные и эстетические ценности, принципы познания и оценки материальных и духовных событий.

Существует ряд общезначимых норм, действительных для всех времен. Это простейшие требования нравственности – не лги, не воруй, не чини насилия, которые человек возводит в свой императив поведения. Действительно только на нравственном базисе утверждается личностная независимость индивидуума, развивается его умение руководить своей деятельностью, строить свою жизнь осмысленно и ответственно.

Нравственность является не только средством общественного регулирования индивидуально-поведения, но и средством духовно-персонального выживания человека.

Поиск смысла жизни – одна из сложных задач, стоящих перед личностью. Самореализоваться, развернуть свой талант можно только в обществе. Человеку заданы предпосылки и задатки.

Философская концепция смысла человеческой жизни исходит, прежде всего, из ее самоценности и самоцельности, при этом важно не только видеть смысл жизни человека в самой жизни, но и отвечать на вопрос: “Для чего жить?”. Такое научное понимание жизни человека органически соединяется с ценностным подходом. Человеческая жизнь оказывается не случайной и бессмысленной, поскольку личность рассматривается как часть целого человеческого общества.

Процесс формирования духовной культуры длительный и сложный. Исторически меняется социально-экономическая структура общества, ценностные же ориентации людей, однако нравственные принципы доброты, справедливости являются абсолютными.

Обращение к идеалам и мыслям отцов церкви, их добрым и ярким суждениям раскрывает сущность православного нравственного опыта.

Святые угодники прошли путь послушания, земного общения, духовного подвига во имя высшей нравственности. Великий русский писатель Ф.М. Достоевский писал, что “Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества”. В основе общечеловеческих ценностей лежат принципы православия, это идеи сострадания, милосердия, вспомоществования, любви к ближнему, бескорыстной помощи бедному, нуждающемуся. Примером высшего гуманного служения людям являются деяния Иоасафа Епископа Белгородского:

Любвеобильный пастырь был:
Народ церковный свято чтит.
Как мог, он людям помогал,
Но в строгой тайне все держал.

Он был бесребреником
В жизни и смерти,
Ушел, не оставив наследства поверьте,
Другое наследство он нам завещал:
Он дух благодатный народу давал.

Жизнь Иоасафа – это
Нравственная чистота,
Правдивость, ревность о святости,
И пастырская доброта.

О, Русь Великая Святая,
Своих паломников ты чти,
И веру, свято соблюдая,
О благодати их моли.

Богopodobие человека реализуется в труде, в творчестве, в культуре и истории, ибо человек призван быть на земле “соразработником” самого Творца. Через культуру человек движется по пути духовного восхождения. Путь святости и путь культуры здесь сближаются, просветляя, освящая порывы духа и обыденную, повседневную жизнь.

Главное назначение великих подвижников и святых вести человека к Богу.

Жертвенный подвиг святых – это главное, что Церковь несет людям, пример творения культурных ценностей – подвиг Иоасафа Белгородского. Святые несут на себе печать иного мира, одаренные таинственным избытком жизненной силы, без которой невозможно преображение нации и культуры.

В “духовном полете” святых формируется культурная элита – “ядро, совесть, самосознание любой нации”.

Источником традиции в России было то, что разошлись пути святости, церковной власти, светской власти и культуры. Но все же русская культура во многом осталась религиозной.

Творцы культурных ценностей в России часто обращаются к Слову Божию как источнику обновления жизни.

Нравственный долг людей становится решающим фактором во всех сферах жизни. Нравственное оздоровление должно сыграть немалую роль в семейных, национальных отношениях, в этике труда, хозяйстве, экологии, милосердии. Хочется верить в победу разума, свободы, человечности. Нравственность есть часть культурной традиции, которая связывает личность с духовным наследием народа и человечества, помогает осознать и осмыслить духовный опыт.

Согласно православной культуры у Вселенной и у человека есть цель – приближение к своему Первообразу, к Творцу. Эта цель достигается на путях любви к Богу и к людям. Апостол Павел говорил, если человек познал все тайны, совершил немыслимые подвиги, но, не имея любви, он – “медь звенящая”.

Обращение к великому учению отцов церкви, примеру их бескорыстного Служения Богу, чистоте их помыслов, благородству де и поступков делает человека чище, обогащает духовно.

Список литературы References

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М., 1993.
Berdyayev N.A. O naznachanii cheloveka. – M., 1993.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. – М., 1990.
Berdyayev N.A. Sud'ba Rossii. – M., 1990.
3. Зеньковский В.В. История русской философии. – Ленинград, 1991.
Zen'kovskiy V.V. Istoriya russkoy filosofii. – Leningrad, 1991.
4. Лосский Н.О. История русской философии. – М., 1991.
Loskiy N.O. Istoriya russkoy filosofii. – M., 1991.
5. Невлева И.М. История русской философии: Монография. – Харьков, 2003.
Nevleva I.M. Istoriya russkoy filosofii: Monografiya. – Khar'kov, 2003.
6. Невлева И.М. Русская философия: Монография. – Белгород, 2001.
Nevleva I.M. Russkaya filosofiya: Monografiya. – Belgorod, 2001.
7. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. – М., 1978.
Sorokin P.A. Chelovek, tsivilizatsiya, obshchestvo. – M., 1978.
8. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. – М., 1914.
Florenskiy P.A. Stolp i utverzhdeniye istiny. – M., 1914.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 347.0

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЫЯВЛЕНИЯ НАЧАЛА ИСТЕЧЕНИЯ СРОКОВ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ В ОТНОШЕНИИ НИЧТОЖНЫХ СДЕЛОК

TOPICAL ISSUES OF DETERMINATION OF THE BEGINNING OF PERIOD OF LIMITATION OF ACTIONS ON VOID TRANSACTIONS

О.В. Батова, Н.В. Козяр
O.V. Batova, N.V. Kozyar

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*
Belgorod State National Research University, 85, Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: batova@bsu.edu.ru, kozyar@bsu.edu.ru

Ключевые слова: исковая давность, ничтожная сделка, законодательство, судебная практика.
Key words: limitation of action, void transaction, prospective legislation, court practice.

Аннотация. Настоящая статья посвящена актуальным вопросам российского гражданского законодательства – определению начала течения срока исковой давности по ничтожным сделкам. Авторы обозначают проблемы законодательства и правоприменительной практики в сфере рассматриваемого вопроса, а также предлагают механизмы их решения, ссылаясь при этом как на доктринальные источники, так и на положения судебной практики. В статье обращается внимание на существующую в нормах действующего гражданского законодательства проблему незащищенности прав и законных интересов лиц, не являющихся сторонами сделки, однако чьи права и законные интересы были затронуты данной сделкой по причине установленного действующим правовым регулированием срока исковой давности.

Resume. This article is devoted to topical issues in Russian civil law: the definition of the beginning of the limitation period for insignificant transactions. The authors refer to problems of legislation and law enforcement practice in the matter under consideration and also provides a mechanism to address them, citing both the doctrinal sources and the provisions of jurisprudence. The article draws attention to the existing rules in the current civil law problem of insecurity of the rights and legitimate interests of persons who are not parties to the transaction, but whose rights and legitimate interests have been affected by this transaction because of the legal regulation established by the applicable statute of limitations.

Настоящая статья посвящена отдельным актуальным вопросам, возникающим в судебной практике, по поводу определения начала течения срока исковой давности по требованиям, вытекающим из недействительности ничтожных сделок. Авторы ставят перед собой задачу дать правовую оценку наиболее проблемным аспектам рассматриваемого института в целях недопущения неправильного толкования норм гражданского законодательства, регулирующих определение момента, с которого в соответствии с законом срок исковой давности должен начать исчисляться. Как справедливо отмечает А.К. Селезнев, наиболее сложным вопросом в применении и исчислении сроков исковой давности является правильное определение начала их течения [Селезнев, 18].

Действующее гражданское законодательство, регулирующее вопросы начала течения срока исковой давности, сочетает в себе два критерия: объективный (который связан с конкретным юридическим фактом, при наступлении которого начинает течь исковая давность) и субъективный (который связан с моментом, когда управомоченное лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права).

Общее правило определения момента начала течения срока исковой давности подчинено субъективному критерию и закреплено в п. 1 ст. 200 ГК РФ, согласно которому течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Однако отдельные закрепленные в законе специальные правила определения момента начала течения срока исковой давности руководствуются объективным критерием. Подобное правило, в частности, закреплено п. 1 ст. 181 ГК РФ, который устанавливает, что течение срока исковой давности по требованиям о применении последствий недействительности ничтожной сделки начинается со дня, когда началось исполнение сделки. Как справедливо отмечает Федеральный арбитражный суд Волго-Вятского округа [Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 24.12.2010 по делу № А82-9/2010],

законодателем в п. 1 ст. 181 ГК РФ предусмотрена специальная норма, в соответствии с которой течение указанного срока по данным требованиям определяется не субъективным фактором – осведомленностью лица о нарушении его прав, а объективными обстоятельствами, характеризующими начало исполнения сделки.

В правоприменительной практике часто возникают вопросы, связанные с определением момента течения срока исковой давности по требованиям о применении последствий недействительности ничтожной сделки, а также требованиям о признании ничтожной сделки недействительной. Следует обратить внимание на то, что в законодательстве не урегулирован вопрос о возможности определения момента течения срока исковой давности по требованиям о признании ничтожной сделки недействительной, в связи с чем часто возникал вопрос, с какого момента исчислять исковую давность по указанным требованиям. Пленум Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации разъяснили, что споры по требованиям о признании недействительной ничтожной сделки подлежат разрешению судом в общем порядке по заявлению любого заинтересованного лица. При этом следует учитывать, что такие требования могут быть предъявлены в суд в сроки, установленные п. 1 ст. 181 ГК РФ [Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда № 8 от 01.07.1996]. Следовательно, данные требования должны исчисляться со дня, когда началось исполнение оспариваемой сделки.

В целях правильного определения начала течения исковой давности по требованиям о признании ничтожной сделки недействительной и о применении последствий недействительности ничтожной сделки представляется необходимым конкретизировать понятие «исполнение сделки». В частности, возникает вопрос, должна ли сделка быть исполнена обеими ее сторонами, либо достаточно исполнения одной из сторон. Подобные ситуации в практике возникают нередко, например, в случае, если между субъектами заключен договор купли-продажи, покупатель совершил полное либо частичное исполнение сделки (т.е. передал денежные средства за товар либо их часть), а продавец уклоняется от передачи товара покупателю. В большинстве случаев суды в подобных ситуациях приходят к выводу, что течение срока исковой давности по требованию о признании сделки ничтожной начинается не после полного исполнения обязательств, которые стороны полагали возникшими из ничтожной сделки, а с момента начала исполнения сделки, т.е. с момента совершения, по крайней мере, одной из сторон сделки действий, направленных на ее исполнение [Постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 04.08.2011 по делу № А41-30287/10].

Представляется целесообразным отметить, что определение момента начала исполнения сделки необходимо в целях правильного исчисления срока исковой давности. По этому вопросу можно выделить несколько подходов. Если сделка представляет собой гражданско-правовой договор, из содержания которого следует, что обязательства должны быть исполнены путем составления акта приема-передачи, то в большинстве случаев момент начала исполнения сделки привязывают к дате составления акта приема-передачи имущества [Постановление Президиума ВАС РФ от 16.06.2009 № 998/09 по делу № А68-9648/07-413/4]. В остальных случаях определение момента начала течения срока исковой давности исчисляется с момента начала совершения любых действий, направленных на исполнение сделки. Представляется обоснованной позиция К.Ю. Лебедевой, которая отмечает, что установить момент начала исполнения сделки достаточно просто, поскольку исполнение чаще всего подтверждается какими-либо документами – передаточными актами, распоряжениями, платежными поручениями, расписками в получении денег или иного имущества и т.п. [Лебедева, 2003]. Вместе с тем данная позиция не является бесспорной. В судебной практике встречаются случаи, когда момент начала исполнения сделки, направленной на отчуждение недвижимости (в тех случаях, когда в соответствии с законом данная сделка подлежит государственной регистрации), отождествляют с моментом государственной регистрации сделки в соответствующем компетентном органе [Постановление ФАС Уральского округа от 20.12.2006 по делу № Ф09-11162/06-С6]. С нашей точки зрения, судам следует исчислять исковую давность, основываясь на представленных стороной по делу надлежащих доказательствах, подтверждающих любые действия, направленные на начало исполнения сделки.

В правоприменительной практике при применении объективного критерия определения начала течения срока исковой давности возникает немало проблем. Еще В.А. Тархов в одном из своих научных трудов высказывался, что право на иск возникает не с момента юридического факта, а с момента его познания «вопреки логике» [Тархов, 71]. В частности, представляет интерес вопрос об определении начала течения срока исковой давности по требованиям третьих лиц, не являющихся сторонами сделки, не знающих и не имеющих возможности знать о ее совершении, однако чьи права и законные интересы были затронуты данной сделкой. В силу п. 1 ст. 181 ГК РФ срок исковой давности должен исчисляться по объективному критерию, т.е. с момента, когда началось исполнение сделки одной из сторон. Однако в обозначенной ситуации третьи лица фактически оказываются в худшем правовом положении, чем стороны по сделке, и не обладают всем объемом эффективных средств за-

щиты своих гражданских прав посредством правосудия. Данная проблема может встать для конкретного третьего лица весьма остро, если стороны совершили сделку, направленную на незаконное ограничение либо лишение прав третьих лиц на принадлежащее им имущество, а заинтересованное третье лицо узнало об этой сделке по не зависящим от воли указанного лица причинам по истечении трех лет с момента, когда началось ее исполнение.

Ранее, до принятия Федерального закона от 21.05.2005 № 109-ФЗ «О внесении изменения в статью 181 Гражданского кодекса Российской Федерации», в ст. 181 ГК РФ срок давности по указанным требованиям устанавливался в 10 лет, что могло в большей степени гарантировать законные интересы третьих лиц. Нормы же действующего гражданского законодательства предусматривают общий трехлетний срок исковой давности. Государственная Дума Российской Федерации в пояснительной записке от 17.05.2005 отмечает, что «статья 181 ГК РФ используется в целях передела собственности, т.е. противоречит целям признания сделок недействительными – защите законных интересов физических и юридических лиц. Все это негативно отражается на инвестиционном климате и экономическом развитии страны. Установление общего трехлетнего срока исковой давности по недействительным сделкам будет способствовать стабильности гражданского оборота, защите инвестиций и во многом лишит смысла попытки использования недобросовестными лицами положений ГК РФ для экономического захвата имущества».

Следует отметить, что снижение срока исковой давности по указанным требованиям с 10 до 3 лет критикуется отдельными учеными-цивилистами. Так, В.Н. Уруков в одной из своих работ отмечает, что введение в действие Закона № 109-ФЗ лишило огромную часть участников оборота права на судебную защиту. Аналогичной позиции придерживаются и иные авторы [Чернышов, Лавров, Костенко, 2005].

Обозначенная проблема получила широкое отражение в правоприменительной практике и отражена в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 08.04.2010 по делу № 456-О-О, в котором Конституционный Суд Российской Федерации разъясняет, что положение п. 1 ст. 181 ГК РФ является универсальным и для сторон сделки, и для третьих лиц. Позиция Конституционного Суда представляется обоснованной, поскольку, применив субъективный критерий к указанным требованиям, законодатель будет препятствовать достижению одной из фундаментальных целей гражданского законодательства – обеспечению стабильности гражданского оборота. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации [Определения КС РФ от 14.12.1999 № 220-О; от 15.07.2008 № 563-О-О; от 05.03.2009 № 253-О-О], регулирование сроков для обращения в суд, включая их изменение и отмену, относится к компетенции законодателя и установление этих сроков обусловлено необходимостью обеспечить стабильность гражданского оборота и не может рассматриваться как нарушение права на судебную защиту [Уруков, 2007].

Несмотря на изложенную позицию Конституционного Суда Российской Федерации, возникает обоснованный вопрос о применении норм действующего гражданского законодательства как эффективного механизма защиты прав лиц, не являющихся сторонами сделки, в приведенной выше ситуации (на что также обращалось внимание в одном из приведенных выше Определений Конституционного суда Российской Федерации). Так, согласно ст. 205 ГК РФ, в исключительных случаях, когда суд признает уважительной причину пропуска срока исковой давности по обстоятельствам, связанным с личностью истца (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п.), нарушенное право гражданина подлежит защите. Данная норма содержит открытый перечень обстоятельств, которые могут послужить основанием для восстановления срока исковой давности, и не конкретизирует, какие именно обстоятельства следует понимать "связанными с личностью истца". Возникает обоснованный вопрос, имеются ли правовые основания у лица, которое не является стороной сделки, не знало и не могло знать о ее совершении, заявить о восстановлении пропущенного срока исковой давности, сославшись на то, что оно не знало и не могло знать о совершении незаконной и неизвестной ему сделки, и может ли подобная причина пропуска срока быть расценена судом применительно к положениям ст. 205 ГК РФ как уважительная. Представляется, что ответ на этот вопрос будет скорее отрицательным, поскольку неосведомленность заинтересованного лица по смыслу не согласуется с тем примерным перечнем обстоятельств, связанных с личностью истца, которые законодатель приводит в ст. 205 ГК РФ.

Следует отметить, что в науке гражданского права предпринимаются попытки расширить круг правоотношений, к которым следует применять институт восстановления исковой давности. Так, в п. 7.4 Концепции развития гражданского законодательства [Вестник ВАС РФ. 2009. № 11] отражено, что можно предусмотреть восстановление срока исковой давности для граждан и юридических лиц, если предъявлению иска препятствовало такое обстоятельство, как неизвестность или неопределенность личности ответчика, дополнив ст. 205 ГК РФ соответствующим положением. Предложенное Научно-консультативным советом при Президенте Российской Федерации изменение законодатель-

ства в наибольшей степени по сравнению с действующим правовым регулированием позволит применять институт восстановления срока исковой давности к обозначенной проблеме, однако полностью не решит ее.

По мнению автора, в целях обеспечения права указанных лиц на судебную защиту и в то же время недопущения дестабилизации гражданского оборота необходимо конкретизировать данный вопрос на законодательном уровне либо на уровне акта официального толкования, применительно к положениям ст. 205 ГК РФ, разъяснив, что неосведомленность лица о совершении сделки, если при этом заинтересованное лицо предприняло все разумные меры для того, чтобы узнать о ее совершении, должна также рассматриваться в качестве основания для восстановления срока исковой давности. Вместе с тем отсутствие разъяснения указанного вопроса приводит к его разрешению усмотрением конкретного суда, что может способствовать нарушению единообразия в толковании и применении судами норм права и, как следствие, являться основанием для отмены судебного постановления в порядке надзора в соответствии с п. 3 ст. 391.9 ГПК РФ либо подп. 3 п. 1 ст. 304 АПК РФ.

В настоящий момент Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства разработан проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором анализируемая в настоящей статье проблема получает адекватное разрешение. В указанном законопроекте п. 1 ст. 181 ГК РФ излагается в следующей редакции: «Срок исковой давности по требованиям о применении последствий недействительности ничтожной сделки и о признании такой сделки недействительной составляет три года. Течение срока исковой давности по указанным требованиям начинается со дня, когда началось исполнение этой сделки, а в случае предъявления иска лицом, не являющимся стороной сделки, – со дня, когда это лицо узнало или должно было узнать о начале ее исполнения. При этом срок исковой давности для лица, не являющегося стороной сделки, во всяком случае не может превышать 10 лет со дня начала исполнения сделки».

Приведенная редакция законопроекта позволяет устранить существующую в нормах действующего законодательства и анализируемую в настоящей статье проблему незащищенности прав лиц, не являющихся сторонами сделки, однако в целях его успешной реализации Федеральному Собранию Российской Федерации необходимо, во-первых, придать ему статус федерального закона, т.е. принять его в установленном законом порядке, а во-вторых, предусмотреть обратную силу данной нормы законопроекта в отношении сделок, совершенных до вступления закона в силу. Последний аргумент представляется правильным, в т.ч. потому, что ранее законодатель, изменяя Федеральным законом № 109-ФЗ редакцию п. 1 ст. 181 ГК РФ и сокращая рассматриваемый срок с 10 до 3 лет, в п. 2 ст. 2 данного Закона предусмотрел обратную силу закона и применение его к правонарушениям, по которым не истек ранее установленный десятилетний срок исковой давности.

С нашей точки зрения, обозначенные действия способствуют обеспечению стабильности гражданского оборота в той мере, в какой это не затрагивает конституционного права на судебную защиту лиц, не являющихся сторонами по сделке и не знающих по не зависящим от них причинам о начале ее исполнения.

Кроме того, в целях устранения спорных вопросов о начале исчисления срока исковой давности, обозначенных в настоящей статье, и правильного применения норм закона целесообразно конкретизировать на законодательном уровне либо на уровне акта официального толкования, что следует понимать под исполнением сделки.

Совокупность изложенных действий способствует устранению существующих проблемных вопросов гражданского законодательства, регулирующего исчисление срока исковой давности по ничтожным сделкам, и обеспечению законности осуществления правосудия по гражданским делам.

Список литературы References

1. П. 32 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

P. 32 Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii № 6, Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda № 8 ot 01.07.1996 «O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s primeneniym chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii».

2. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 24.12.2010 по делу № А82-9/2010.
Postanovleniye FAS Volgo-Vyatskogo okruga ot 24.12.2010 po delu № А82-9/2010.

3. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 04.08.2011 по делу № А41-30287/10, оставленного без изменения Постановлением ФАС Московского округа от 31.10.2011.

Postanovleniye Desyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 04.08.2011 po delu № А41-30287/10, ostavlennogo bez izmeneniya Postanovleniyem FAS Moskovskogo okruga ot 31.10.2011.

4. Постановление Президиума ВАС РФ от 16.06.2009 № 998/09 по делу № А68-9648/07-413/4, Постановлении ФАС Поволжского округа от 26.02.2009 по делу № А49-3816/2008 и ряде иных.

Postanovleniye Prezidiuma VAS RF ot 16.06.2009 № 998/09 po delu № А68-9648/07-413/4, Postanovlenii FAS Povolzhskogo okruga ot 26.02.2009 po delu № А49-3816/2008 i ryade inykh.

5. Постановление ФАС Уральского округа от 20.12.2006 по делу № Ф09-11162/06-С6.

Postanovleniye FAS Ural'skogo okruga ot 20.12.2006 po delu № F09-11162/06-S6.

6. Определения КС РФ от 14.12.1999 N 220-О; от 15.07.2008 N 563-О-О; от 05.03.2009 № 253-О-О.

Opredeleniya KS RF ot 14.12.1999 № 220-О; ot 15.07.2008 № 563-О-О; ot 05.03.2009 № 253-О-О.

7. Лебедева К.Ю. Исковая давность в системе гражданско-правовых сроков: Дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003.

Lebedeva K.YU. Iskovaya davnost' v sisteme grazhdansko-pravovykh srokov: Dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 2003.

8. Селезнев А.К. Исковая давность в хозяйственных взаимоотношениях социалистических организаций. М., 1977. С. 18.

Seleznev A.K. Iskovaya davnost' v khozyaystvennykh vzaimootnosheniyakh sotsialisticheskikh organizatsiy. M., 1977. S. 18.

9. Тархов В.А. Гражданские права и ответственность. Уфа, 1966. С. 71.

Tarkhov V.A. Grazhdanskiye prava i otvetstvennost'. Ufa, 1966. S. 71.

10. Уруков В.Н. Вопросы применения срока исковой давности по ничтожным сделкам // Право и экономика. 2007. № 2.

Urukov V.N. Voprosy primeneniya sroka iskovoy davnosti po nichtozhnym sdelkam // Pravo i ekonomika. 2007. № 2.

11. Чернышов Г., Лавров Д., Костенко А. Неупорядоченный порядок // ЭЖ-Юрист. 2005. № 31.

Chernyshov G., Lavrov D., Kostenko A. Neuporyadochennyu poryadok // EZH-Yurist. 2005. № 31.

УДК 340.1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА В УЧЕНИИ Т. ГОББСА В РУСЛЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ**THE ORIGIN OF THE JUSTICE AND THE STATE IN THE DOCTRINE OF HOBBS WITHIN THE FRAMES OF POSTNONCLASSICAL SCIENCE****В.П. Иванский
V.P. Ivanskiy***Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо–Маклая, 6
Peoples' Friendship University of Russia, 6 Miklukho–Maklaya St, 6, Moscow, 117198, Russia**E-mail: ivansky_valera@mail.ru*

Ключевые слова: государство, право, декогеренция, народ, информация, правосознание, паттерн, квазисистема «Я».

Key words: the state, the justice, the decoherence, the people, the information, law and order, the pattern, "Self" quasi-system.

Аннотация. Статья, состоящая из двух частей, посвящена исследованию учения Т. Гоббса сквозь призму параметров постнеклассической науки. В первой части описываются истоки происхождения естественного права и закона, а во второй – государства. Базисным элементом указанной эпистемологической программы являются саморазвивающиеся нелинейные информационные образования человека, представленные «Я»-квазипаттерном, «я»-протопаттерном и «я»-паттерном. В процессе научной рефлексии автором выявлено, что, во-первых, основу естественного права в учении английского мыслителя составляют положения: а) двухуровневая структура естественного права конституируется «Я»-квазипаттерном и «я»-протопаттерном; б) Гоббс различает естественное право и естественный закон. Во-вторых, для предотвращения состояния «bellum omnium contra omnes» и соблюдения естественных законов люди вынуждены были заключить общественный договор, представляющий собой результат фиксации определенного состояния правосознания индивидуумов. В-третьих, в целях поддержания порядка и контроля за соблюдением договора, люди передают свою свободу единому лицу (собранию лиц), в котором и состоит сущность государства – «смертного бога Левиафана».

Resume. The article consists of two parts, devoted to the Hobbes' doctrine through the light of parameters of postnonclassical science. The first part describes the origins of natural justice and the law, and the second part – a state. A basic element of the given epistemological program is nonlinear Self-developing informational human entities provided by "Self" quasi-pattern, the "Self" protopattern, the "Self" pattern. In the process of scientific reflection the author found that, firstly, the basis of natural justice in the doctrine of English thinker constitute provisions: i). two-tier structure of natural justice is constituted by "Self" quasi-pattern and the "Self" protopattern; ii). Hobbes distinguishes between natural justice and natural law. Secondly, in the order to prevent condition «bellum omnium contra omnes» and observance of the natural laws people were forced to enter into a social contract, which is a result of fixing a certain condition of individuals' justice. Thirdly, in the aim of maintain the law and order and enforcement of the treaty, people transfer their freedom to a single person (assemblage of people), which is the essence of the state – "mortal god Leviathan".

Абрис научно-правовой проблемы исследования. До сих пор российская юридическая наука в преобладающем своем большинстве изучает право и государство в рамках материалистического подхода, что значительно сужает исследовательское поле познания таких ипостасей бытия права и государства как непроявленных, которые являются не только источником позитивного права и государства, но и определяют вектор их развития. В связи с этим, заслуживает тщательного внимания поиск научной методологии и концепции для исследования невидимых пластов генезиса права и государства. Иначе говоря, для реинтерпретации учения Т. Гоббса о государстве и праве требуется набор такого методологического инструментария, с помощью которого можно было бы осуществить срез тонкоматериальной материи, а также необходим понятийно-категориальный аппарат, посредством которого можно было бы описать и зафиксировать результаты процесса познания.

Изложение основного материала. Со второй половины XX столетия начался процесс перехода науки к постнеклассической стадии развития [например: Деникина, 2010; Кешикова, 2012], который создал предпосылки объединения представлений о трех основных сферах бытия – неживой природы, органического мира и социальной жизни в единую научную картину мира. Фундаментом интеграции указанных сфер выступают базисные принципы, имеющие междисциплинарный и общенаучный статус.

Одной из эпистемологических линий постнеклассической науки является информационно-квантовая концепция, базис которой составляет человек как многоуровневая данность, имманентно связанная с формированием права и государства. Поэтому происхождение права и государства в учении Т. Гоббса нами исследуется как раз под срезом основных параметров постнеклассической науки: 1) обращение первоочередного внимания не к внешнему, а к внутреннему процессу формирования права и государства; 2) сосредоточение основного фокуса познания на постижение саморазвивающихся информационных образований *homo sapiens* – юридического паттерна, правовых протопаттерна и квазипаттерна, а также рассмотрение народа (нации) в качестве эмерджентной системы – государства; 3) осуществление поиска процессуальных факторов, влияющих на происхождение и становление права и государства; 4) изучение права и государства на основе знаний, полученных из различных отраслей науки; 5) расширение эпистемологического горизонта в познании новых качеств права и государства через квантовые состояния правосознаний индивидуумов социоисторических организмов – этноса, народа и нации; 6) осмысление права и государствообразующего народа (нации) как результата диалога (коммуникации) индивидуумов, проживающих на определенной территории; 7) исследование нелинейных связей между взаимодействующими субъектами как характеристика бессознательной сферы государствообразующего народа (нации) и права; 8) рассмотрение процесса развития государства и права в контексте ценностных ориентаций коллективного правосознания; 9) применение «нетрадиционного» методологического инструментария для постижения (рефлексии) картины бытия права и государства с использованием соответствующего этим исследовательским техникам понятийного аппарата.

Выдающийся английский философ, политический мыслитель Томас Гоббс (1588–1679) был одним из ярких теоретиков естественного права и представителем договорной теории происхождения государства [Гоббс, 2001].

Концепция государства и права в доктрине Т. Гоббса строится на основе специфического понимания человеческой природы. С одной стороны, на пьедестале конструктов философской мысли Гоббса стоит метафизика человека, а с другой стороны, новое понимание его научной дефиниции. Последнее проявилось у мыслителя при изучении человека в том, что «мысль устремилась не столько на обнаружение того, что есть некоторое целое, но почему оно есть» [Кассирер, 2004].

Несмотря на разнообразную палитру теорий возникновения права и государства в рамках классической и постклассической науки, все они фундированы на базе позитивистской методологии. Автор предпринимает попытку описать причины возникновения права и государства в учении Гоббса, но в русле постнеклассического типа научной рациональности.

1. Учение Т. Гоббса о праве в русле информационно-квантового подхода. Он строил свое учение на исследовании «падшей» природы человека и его страстей в естественном состоянии: «Люди от природы подвержены жадности, страху, гневу и остальным животным страстям» [Гоббс, 1991]. Вместе с тем, с когнитивной точки зрения, речь идет в учении Гоббса об искусственном состоянии – сформированных информационно-квантовых структурах («я»-паттернах). Собственно говоря, именно «я»-паттерны выступают базисом для различных страстей индивида. Эти страсти делают людей врагами – «*homo homini lupus est*» («Человек человеку – волк» [Гоббс, 1989]). Поэтому, на наш взгляд, английский философ описывал род человеческий, который находился не в естественном, а в переходном к искусственному состоянию, где на первых этапах пока еще не было власти, державшей людей в страхе, где они находятся в состоянии «*bellum omnium contra omnes*» («война всех против всех» [Гоббс, 1989, с. 280]), которое понуждает людей искать путь к его прекращению. Этот путь, по мнению Гоббса, указывают предписания разума, фундаментом которых выступает правовой «я»-протопаттерн человека, выражаемые в форме естественных законов, понимаемых как найденное разумом общее правило, запрещающее любому человеку делать что-либо пагубное для его жизни. Гоббс рассматривает естественный закон как «некое извечное требование человеческого разума» [Гоббс, 1965, с. 196], не совпадающее с естественным правом.

Посему сохранение человека и государства возможно при соблюдении естественных законов, называемых еще моральными принципами. Естественный закон (*lex naturalis*) не следует отождествлять с естественным правом (*jus naturale*). Если *jus naturale* – это свобода, выраженная правовыми «я»-квзипаттерном и «я»-протопаттерном, то *lex naturalis* – это обязательство, сформированное исключительно на уровне «я»-протопаттерна индивида (И. Кант называл такое обязательство «категорическим императивом» [Кант, 1999]), представляющее собой правовую действительность. В русле квантового подхода квазисистема «Я» как один из уровней *jus naturale* способна находиться в квантовых состояниях, получаемых в результате одновременного «наложения» друг на друга двух и более состояний, что именуют в квантовой теории когерентным суперпозиционным состоянием. Иными словами, высшее «Я» представляет собой суперпозицию состояний правовой квазисистемы «Я»,

имеющей два различных состояния в качестве возможных проявлений – правовой «я»-протопаттерн и юридический «я»-паттерн.

В связи с этим, естественное право есть потенциальная («Я»-квазипаттерн) и активизированная на уровне «я»-протопаттерна сознательным аспектом *homo juridicus* свобода. Точнее говоря: «право же есть естественная свобода, не установленная законами, а оговоренная в них» [Гоббс, 1989, с. 415].

Следовательно, естественное право у английского мыслителя представляет собой двухуровневую саморазвивающуюся нелинейную информационную структуру, представленную в виде «Я»-квазипаттерна и «я»-протопаттерна индивида, отражающих соответственно – правовые «Я»-бытие и «я»-действительность.

Квазипаттерн «Я» выражает эманулирующий аспект бытия человека и отражает потенциальность всего того, что может быть. Иными словами, «Я»-квазипаттерн (высшее «Я») – это все еще непроявленное, а значит, непроявленный правовой аспект субъекта. Поэтому высшее «Я» выражается единым бесформенным началом и обладает свойствами самопроявления. Правовой «Я»-квазипаттерн человека можно «почувствовать» только тогда, когда оно принимает форму «я»-протопаттерна – правового эйдоса или юридического «я»-паттерна. Правовой квазипаттерн «Я» человека представляет собой самоорганизующееся нелинейное бытие, которому не присущ когнитивный аспект правообразования. Правовой квазипаттерн «Я» – это целостность, которая является источником конституирования всех форм правового бытия, однако не выступающая в своем качестве ни одной из образованных ее форм. В связи с этим, такую тонкоматериальную субстанцию называют чистым бытием «Я» (высшим «Я»). При этом квазипаттерн «Я» отражает голографическую реальность бессознательной области, пребывающую в целостности и единстве, и не порождает когнитивных конструкций. Итак, суперпозиционное состояние правового бытия высшего «Я» выражает более глубокий и всеобъемлющий уровень пассивно-активной реальности бессознательной области, которая может себя обнаруживать в активизированных подсистемах протопаттернов и паттернов систем «я» субъектов.

Вторым уровнем правовой действительности, отражающим естественное право, является эйдос «я», который выступает когнитивным аспектом *homo juridicus* и выражается в форме саморазвивающегося информационного образования – «я»-протопаттерна. Наполнение эйдоса «я» осознанной правовой информацией (правовыми знаниями) конституирует протопаттерн «я» *homo sapiens*. Правовая информация, формируемая на этом уровне действительности, имеет своим содержанием всеобщие ценности прошлого и настоящего, в том числе и общечеловеческие правовые знания. Фундамент таких знаний составляют справедливость, свобода и равенство, бытие которых не обусловлено правосознанием индивида – юридическим «я»-паттерном.

Французский антрополог Т. де Шарден так описывает протопаттерн «я»: «Разумеется, в глубинах нашего существа мы все чувствуем груз или запас смутных сил, добрых или злых, своего рода определенный и неизменный «квант», полученный раз и навсегда от прошлого. <...> от более или менее искусного употребления нами этой энергии зависит последующее поступательное движение жизненной волны. Как можно в этом усомниться, если непосредственно на наших глазах эти силы по всем каналам «традиции» необратимо накапливаются в самой высшей из форм жизни, доступных нашему опыту, я хочу сказать, в коллективной памяти и коллективном разуме человеческого биота?» [Тейяр де Шарден, 2002, с. 232]. Более того, французский ученый «я»-протопаттерн выражает через коллективную память и коллективный разум, относя их к самой высшей из форм жизни, доступных нашему опыту, что, на наш взгляд, полностью соответствует информационной природе протопаттерна.

Из этого вытекает, во-первых, что естественное право, отраженное на уровне «я»-протопаттерна человека, определяется как объективный стандарт для самоидентификации человека в качестве Бога (естественное состояние) и не охватывает «падшую» природу субъекта. Во-вторых, правовой «я»-протопаттерн, являющийся связывающим звеном квазипаттерна «Я» с юридическим «я»-паттерном индивида, выполняет функцию гармонизации вибрационных частот высшего «Я» с духовным субстратом «я» индивида. В-третьих, правовой «я»-протопаттерн укоренен в природе «я» *homo sapiens* в форме «готовых сосудов», которые со временем наполняются тем или иным содержанием – жизненным правовым опытом человечества. В связи с этим, правовая «я»-действительность в отличие от правового «Я»-бытия, отражает когнитивный аспект естественного права.

Третий план правовой реальности базируется на юридическом «я»-паттерне, отношении к которому у Т. Гоббса имеет неоднозначный характер. С одной стороны, во многих трудах Гоббс отождествляет юридические законы общества, основанные на юридических «я»-паттернах и естественные законы, базирующиеся на правовом «я»-протопаттерне. С другой стороны, в ряде работ он различал эти понятия, что, на наш взгляд, соответствует сути основных положений информационно-квантовой концепции происхождения права и государства: «Существует большое различие между законами и правом, ибо законы – это узы, право же есть свобода, и они противоположны друг другу». Цель зако-

нов не в том, чтобы удерживать от всяких действий, а в том, чтобы дать им правильное направление. Свобода же не может быть понимаема вне причинной необходимости. «Свобода и необходимость совместимы. Вода реки, например, имеет не только свободу, но и необходимость течь по своему руслу. Такое же совмещение мы имеем в действиях, совершаемых людьми добровольно... Так как добровольные действия проистекают из воли людей, то они проистекают из свободы, но так как акт человеческой воли проистекает из какой-нибудь причины, а эта причина – из другой в непрерывной цепи, то они проистекают из необходимости» [Гоббс, 1965, с. 233].

Между тем, на взгляд автора статьи, импульсом, способствующим распаду суперпозиции состояний правового «Я»-квазипаттерна (квазисистемы «Я») и локализации «я»-протопаттерна или «я»-паттерна, является активизация потенциально «свернутой» информации, источником которой выступает коммуникация субъектов. Поэтому в этом коммуникационном контексте *homo sapiens* понимается в качестве самотворящей духовной субстанции, но в рамках определенной нелинейной саморазвивающейся информационной структуры. Из этого вытекает, что взаимодействующие «я» субъекты конструируют общую реальность – ментальную норму права. Однако не любая коммуникация «я» субъектов конституирует должное правило поведения. Для этого необходим еще вибрационный резонанс духовных субстанций «я». Коммуникационная природа права обоснована А.В. Поляковым: «Право невозможно вне социальной коммуникации; условием правогенеза является не возникновение государства, а формирование психосоциокультурных реалий, имеющих коммуникативную направленность» [Поляков, 2002, с. 7].

Вместе с тем, для соблюдения всеми людьми естественных законов нужна внешняя сила, имеваемая государством, которая бы обеспечивала их реализацию.

2. Информационно-квантовая интерпретация концепции государства в учении Т. Гоббса. Как уже было отмечено выше, с точки зрения когнитивно-квантового подхода естественное состояние преобразовалось в искусственное с момента конституирования саморазвивающейся нелинейной информационной структуры – «я»-паттернов *homo sapiens*, которые препятствуют целостному видению мира. Между тем, в русле информационно-квантового подхода, Гоббс описывает не эпоху естественного состояния этноса, а переходный этап трансформации правосознания – от правосознания этноса к правосознанию народа. Как раз в этот период, с одной стороны, люди равны между собой, обладают одними и теми же правами, но, с другой, – у них на уровне сознания зарождается желание (установка) господствовать – паттерн. Поэтому, как отмечалось, «естественное состояние» для Т. Гоббса есть в полном смысле «состояние войны всех против всех» [Гоббс, 1991, с. 95], право каждого делать все для самосохранения, вплоть до убийства другого человека.

В этой ситуации, чтобы не уничтожить друг друга, люди вынуждены взаимно идти на ограничение своей свободы, то есть своих естественных прав, таким образом, заключая соглашение, гарантирующее им безопасность, мир и порядок. Это взаимное самоограничение своих естественных прав называется общественным договором. «Общественный договор, – пишет Т. Гоббс, – больше, чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал каждому другому человеку: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему право управлять собой при условии, что ты таким же образом передашь ему твое право и будешь санкционировать все его действия» [Гоббс, 1965, с. 127]. Результатом этого общественного договора является переход людей из естественного состояния «этнос» в искусственное состояние гражданства – народ. На наш взгляд, заключения общественного договора представляет собой конечный итог фиксации определенного качества правосознания *homo sapiens*, конституированного на основе саморазвивающегося нелинейного информационного образования. Именно юридический паттерн «я» индивидуумов выступает остоном формирования правосознания народа.

Следовательно, с точки зрения Т. Гоббса, люди объединяются для того, чтобы выйти из состояния «войны всех против всех», заключая общественный договор в качестве вынужденной меры [Гоббс, 1991, с. 98-109].

Ограниченная природа правосознания индивидуумов народа вынуждает людей передать свою свободу, выраженную в полномочиях по поддержанию порядка и контроля за соблюдением договора, единому лицу – отдельному человеку или собранию лиц, в котором и состоит сущность государства. Из этого вытекает, что «государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты» [Гоббс, 2001].

Более того, дисгармоничное состояние «войны всех против всех» порождает у индивидуумов страх незащищенности. По этой причине инстинкт самосохранения заставляет людей искать средства для обеспечения их безопасности. Таким механизмом, по мнению Т. Гоббса, является государство –

искусно сконструированный людьми из различных пружин, рычагов, колес, нитей механизм-автомат, называемый «искусственным человеком» [Гоббс, 1991, с. 6-7]. Государство напоминает ему человека огромных размеров, называемого Левиафаном. Левиафан – это морское библейское чудовище, тело которого покрыто чешуйками, каждая из которых символизирует гражданина государства, а в руках – символы государственной власти: «Ибо искусством создан тот великий Левиафан, который называется государством (по латыни *civitas*) и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан» [Гоббс, 1991, с. 6].

Вместе с тем, трактуя государство в качестве «смертного бога Левиафана» [Гоббс, 1991], Т. Гоббс выделяет два состояния правосознания общества – естественное (догосударственное) и гражданское (искусственное). Естественное состояние правосознания этноса – это состояние абсолютной, ничем неограниченной свободы людей, равных в своих правах и способностях, фундаментом которого выступает правовой «я»-протопаттерн человека. Основой другого состояния правосознания народа является юридический «я»-паттерн субъекта. Гражданское общество предполагает отказ человека от части своей свободы в пользу защищенности, которую обеспечивает государство при помощи таких учреждений, как суд, армия, полиция, правительство [Касьянов, 2001, с. 19].

Кроме того, по мнению Т. Гоббса, гражданское общество состоит из народа и толпы. При этом, различая понятия народа и толпы, он отождествляет народ и государство: «Народ есть нечто единое, обладающее единой волей и способное на единое действие» [Гоббс, 1989, с. 395]. И для такого суждения, с точки зрения информационно-квантового дискурса, имеется причина. Правовой «Я»-квазипаттерн, включающий в себя все непроявленные состояния общества, выступает суперпозицией квантовых состояний систем правовых «я»-протопаттернов индивидуумов, аккумулятивно выражающих этнос, и юридических «я»-паттернов субъектов, суммарно отражающих народ. Вследствие этого, можно предположить, что английский философ описывает переходный этап трансформации этноса в народ, при котором этнос выступает у него в качестве толпы.

Выводы. Таким образом, в заключении можно сказать, что:

1) Т. Гоббс полагал, что основным источником конституирования «я»-протопаттерна и «я»-паттерна является правовой опыт человека. По этой причине указанные выше саморазвивающиеся информационные структуры индивида, в отличие от «Я»-квазипаттерна, имеют когнитивный характер;

2) в связи с тем, что основу взаимоотношений людей в социуме составляют «*homo homini lupus est*», то с информационно-квантовых основ концепции права, можно утверждать, что общество находилось не в естественном состоянии, фундамент которого составляет протопаттерн, а на этапе его перехода к формированию паттерна, базисом которого является энергия эго *homo sapiens*;

3) способом прекращения «*bellum omnium contra omnes*» Т. Гоббс видит в предписаниях разума, фундамент которых составляет правовой «я»-протопаттерн, для «я»-реальности индивидуумов, базисом которой является юридический паттерн, выражаемых в форме естественных законов, понимаемых как конституируемых разумом общего правила (установки), запрещающие любому человеку делать что-либо пагубное для его жизни;

4) английский мыслитель выделяет два состояния, в котором пребывает человек: естественное состояние – *status naturalis* и государственное (гражданское) состояние – *status civilis*. По этой причине Гоббс различает естественное право и естественные законы, где основу естественного права выражают два тонкоматериальных плана *homo juridicus* – квазипаттерн «Я» и протопаттерн «я» (эйдос «я»);

5) при этом, естественный закон выступает защитным механизмом человеческой жизни в переходный период – от правового «я»-протопаттерна к юридическому «я»-паттерну. Как справедливо отметил Гоббс, задача законов состоит не в том, чтобы удержать людей от всяких произвольных действий, а в том, чтобы люди не повредили самим себе своими собственными желаниями и неосторожностью;

6) *leges naturalis* являются неотъемлемыми компонентами бессознательной сферы «я» *homo sapiens*, выражающими протопаттерн «я» человека как неизменное и вечное качество его естественного разума. Фундаментом протопаттерна «я» выступает его концепт – естественный закон, который представляет собой определенные заключения разума о том, что необходимо совершать и от чего следует воздержаться;

7) Т. Гоббс рассматривает догосударственное состояние правосознания людей этноса, представляющего собой живой организм, и «смертного бога Левиафана», называя его искусственной субстанцией, выступающей в качестве состояния правосознания народа (государства), как локализацию двух квантовых состояний, полученных в результате декогеренции суперпозиции «общество»;

8) понятие «государство» представляет собой определенное состояние правосознания homo juridicus, фиксируемое посредством общественного договора. Однако не любое состояние правосознания субъектов социума отражает процесс возникновения государства, а только такое, при котором почти полностью утрачивается духовная связь с высшими планами тонкоматериального мира – квазипаттерном «Я» и протопаттерном «я» как высшими формами жизни людей. Именно состояние правосознания народа (нации), базирующееся на юридическом «я»-паттерне, а также конституирование правового эгрегора являются фундаментом образования государства.

Список литературы References

1. Гоббс Т. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 2. М.: Просвещение, 1964. 748 с.
Gobbs T. Izbrannye proizvedeniya: V 2-kh t. T. 2. M.: Prosveshchenie, 1964. 748 s.
2. Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1965. 492 с.
Gobbs T. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. T. 2. M.: Politizdat, 1965. 492 s.
3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 123 с.
Gobbs T. Leviatan, ili Materiya, forma i vlast gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo. M.: Mysl, 2001. 123 s.
4. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 736 с.
Gobbs T. Leviatan, ili Materiya, forma i vlast gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo / Sochineniya v 2 t. T. 2. M.: Mysl, 1991. 736 s.
5. Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 627 с.
Gobbs T. Sochineniya: V 2 t. T. 1. M.: Mysl, 1989. 627 s.
6. Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 731 с.
Gobbs T. Sochineniya: V 2 t. T. 2. M.: Mysl, 1991. 731 s.
7. Деникина З.Д. Неклассическая и постнеклассическая философия права. М.: Изд-во МГОУ, 2010. 230 с.
Denikina Z.D. Neklassicheskaya i postneklassicheskaya filosofiya prava. M.: Izd-vo MGOU, 2010. 230 s.
8. Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1999. 655 с.
Kant I. Kritika chistogo razuma. M.: Nauka, 1999. 655 s.
9. Кассирер Э. Философия Просвещения. М.: РОССПЭН, 2004. 400 с.
Kassirer E. Filosofiya Prosveshcheniya. M.: ROSSPEN, 2004. 400 s.
10. Касьянов, В.В. Социология. Ростов-н/Д: Феникс, 2001. 480 с.
Kas'yanov, V.V. Sotsiologiya. Rostov-n/D: Feniks, 2001. 480 s.
11. Кешикова Н.В. Принципы права в свете постнеклассической юридической рациональности // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 5. С. 109-115.
Keshikova N.V. Printsipy prava v svete postneklassicheskoy yuridicheskoy ratsionalnosti // Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii. 2012. № 5. S. 109-115.
12. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 668 с.
Lokk Dzh. Sochineniya: V 3 t. T. 3. M.: Mysl', 1988. 668 s.
13. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права: Проблемы генезиса и теоретико-правового обоснования: Дис. ... докт. юрид. наук в форме научного доклада. СПб., 2002. 42 с.
Polyakov A.V. Kommunikativnaya kontseptsiya prava: Problemy genezisa i teoretiko-pravovogo obosnovaniya: Dis. ... dokt. yurid. nauk v forme nauchnogo doklada. SPb., 2002. 42 s.
14. Тейяр де Шарден П. Феномен человека: сб. очерков и эссе: пер. с фр. М.: АСТ, 2002. 553 с.
Teuyar de Sharden P. Fenomen cheloveka: sb. ocherkov i esse: per. s fr. M.: AST, 2002. 553 s.

УДК 343.98.06

БАЗОВЫЕ ОСНОВЫ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ THE BASIC FOUNDATION OF THEORETICAL CONSTRUCTS IN CRIMINALISTIC

И.М. Комаров¹, Е.Е. Тонков²
I.M. Komarov, E.E. Tonkov

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

¹Moscow state University. M.V. Lomonosov, 1 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

²Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mai: mgu.ikomarov@mail.ru, etonkov@bsu.edu.ru

Ключевые слова: факт и гипотеза теории, криминалистическая теория.

Key words: facts and hypotheses theory, forensic theory.

Аннотация. В работе обосновывается значение факта и гипотезы для научно-практических криминалистических исследований, на основе традиционной методологии раскрывается содержание факта и гипотезы для теоретической концепции, их значение для формирования содержания как теоретической, так и прикладной части криминалистических исследований.

Resume. The paper substantiates the importance of facts and hypotheses for the theoretical and practical criminological research, based on the traditional methodology disclosed the contents of facts and hypotheses for theoretical concepts, their relevance to the formation of the content of both theoretical and applied part of the forensic investigation.

В последние годы было опубликовано много работ, где авторы обосновывали свои взгляды на актуальные вопросы расследования и предотвращения преступлений. В исследованиях они предлагали практикам криминалистические способы и средства, которые, по их мнению, могли бы оптимизировать как отдельные процессуальные процедуры, так и уголовное судопроизводство по уголовным делам в целом.

Значительная часть этих исследований, безусловно, полезна для правоприменителя в прикладном аспекте. Однако коэффициент практической отдачи мог бы быть значительно выше, а сами рекомендации эффективней и точнее в обстоятельствах их обоснования в соответствии с устоявшейся научной методологией.

Практически все рекомендации для совершенствования практики расследования и предотвращения преступлений представляют собой научно-квалификационные работы как кандидатского, так и докторского уровня. Именно эти работы на основе анализа проблем практики досудебного производства и судебного разбирательства в соответствии с научным обоснованием и позволяют совершенствовать деятельность правоприменителя. Вместе с тем их анализ свидетельствует о том, что авторы не всегда придерживаются традиционной научной методологии опуская в своих исследованиях обоснование таких важных базовых элементов как факт и гипотезу, а начинают разбор проблемы либо с принципов и понятийного аппарата, либо сразу с теоретического построения. Такой подход лишает исследование стройности, а, следовательно, в выводах и рекомендациях могут быть допущены неполнота, неточности и ошибки, что, разумеется, недопустимо. Факт и гипотеза стержневые понятия любого научно-практического построения и их игнорирование в научных исследованиях недопустимо.

В этой связи мы решили еще раз обратиться к этому сложному вопросу и в данной теоретической статье предложить свой взгляд на проблему обоснования в криминалистических исследованиях понятия факта и определения гипотезы в качестве системообразующих элементов криминалистического научного теоретического построения. Объем данной публикации не позволяет провести полное научное обоснование вопроса, однако для специалистов, мы полагаем, наши доводы будут понятны и в тезисном изложении.

Определение факта и гипотезы указанного построения не может произойти по авторскому наитию или на основе умозрительного восприятия объекта и предмета предполагаемого исследования.

Поэтому в научной методологии отправным пунктом в этой связи принята сущность объекта, так сказать его внутреннее содержание.

Раскрытая сущность представляет собой базовое знание в процессе обоснования криминалистического теоретического построения. Своим содержанием она позволяет определить правильное направление изучения и познания объекта.

В методологии науки аксиоматичным является тезис о том, что «теория объекта не может быть построена, если не раскрыта его сущность, а поэтому категория сущности играет в построении теории решающую роль» [Кириллов В.И.: *Логика познания сущности*, с. 152]. Отсюда можно сделать вывод, что сущность объекта криминалистического исследования – исходная категория любого теоретического построения, занимающая в нем ведущую роль. Сущность является средством фиксации некоторого содержания теоретического построения. Она также указывает направление его развития. Справедливость этого тезиса подтверждается исследованием сущности на основе системного подхода, проведенного И.В. Блаубергом и Э.Г. Юдиным. По их мнению, эта категория является «средством организации знания и познания» [Блауберг И.В., Юдин Э.Г.: *Становление и сущность системного подхода*, с. 126].

Вместе с тем, несмотря на значение категории сущности в обосновании теоретических построений в криминалистике, невозможно оставить без внимания ведущую роль фактов в этом процессе. Они являются базой для построения гипотез и превращения их посредством научного доказывания в теоретические построения различных уровней (частные криминалистические теории, теоретические концепции, криминалистические методики и пр.).

Понятие факта в литературе употребляется в самых различных значениях.

Конечно, слово «факт» может быть многозначным, но любая категория логики научного исследования должна иметь строго определенное содержание. «Факт – это форма человеческого знания, которая должна обладать достоверностью» [Логика научного исследования, с. 16]. Это означает правильное, точное, не вызывающее сомнений отображение мыслью предметов, явлений окружающего мира; проверенное практикой знание.

«Факты всегда являются исходным пунктом нашего познания природы, – отмечает Р. Хавеман, – они при всей своей объективности являются, прежде всего, информацией о действительности, но ни в коем случае не всей действительностью» [Хавеман Р.: *Замечания к квантовомеханической дополнителности*, с. 121].

В криминалистике имеется положительный опыт установления научных фактов и их использования для развития теорий. В качестве примера можно привести исследование В.Ф. Орловой о судебно-почерковедческой идентификации. На основе динамического стереотипа ее исследование стало фактом – создана теория судебно-почерковедческой идентификации в криминалистике.

Обоснование нашей позиции удобно интерпретировать устоявшимся в криминалистике теоретическим знанием – основами частной теории криминалистических операций.

Зададим вопрос: какой факт лежит в базе указанной частной теории?

«Мы должны признать, – пишет Н. Бор, – что ни один факт не может быть сформулирован помимо некоторой системы понятий» [Бор Н.: *Атомная физика и человеческое познание*, с. 114], поэтому для ответа на поставленный вопрос первоначально следует обратиться к понятию сущности криминалистических операций.

Взгляд на криминалистические операции средствами абстрактного мышления позволили представить их сущность, по нашему мнению, в качестве комплексного способа (метода познания) практической деятельности следователя в системе досудебного производства.

Вместе с тем реализация любого метода познания основано на определенных знаниях и действиях субъекта, реализующего этот метод в практической деятельности. Следовательно, есть устоявшиеся факторы реализации которых в практике повторяется в зависимости от обстоятельств и является обязательной для достижения поставленной цели. Если это представить в качестве научной мысли для криминалистических операций, то получится понятие – «относительные стереотипы мышления и поведения, обусловленные системной задачей». Допустив, что это факт частной теории криминалистических операций, следует объяснить и описать его со стороны присущих ему признаков [Диалектика процесса познания, с. 146; *Логика научного исследования*].

Первый среди них – признак единичности. В этой связи необходимо определиться, о каком фиксированном классе следует вести речь. Полагаем, что этим классом являются криминалистические способы досудебного производства, к числу которых относятся процессуальные действия следователя и его криминалистические операции.

Любое процессуальное действие в своей основе может иметь определенные стереотипы мышления и поведения, которые использует следователь для его планирования, организации и проведения. Эти процедуры зависят от состояния следственных ситуаций досудебного производства, что делает стереотипы мышления и поведения относительными. Поэтому он как факт может лежать в основе теории любого процессуального действия. Но нет процессуальных действий, которые призваны

решать системные задачи, это присуще только криминалистическим операциям и является их единичным, индивидуализирующим признаком. Этот признак с необходимостью отражается и в факте соответствующей теории, что делает его единичным.

Признак однозначности факта теории основывается на постулате, что «факты не истинны, ни ложны – они существуют, и в соответствии (или в несоответствии) с ними заключается истинность (или ложность) положений теории» [Логика научного исследования, с. 54].

«Относительные стереотипы мышления и поведения, обусловленные системной задачей», на наш взгляд, обладают признаком однозначности, так как лишены логической валентности. Иными словами, факт частной теории криминалистических операций всегда однозначен как информация и в этом смысле достоверен.

«Поскольку факт – это то, с чем сообразуется теория, то важнейшим признаком факта является его инвариантность относительно всех логических преобразований, совершающихся над ним» [Логика научного исследования, с. 54-55].

Для определения инвариантности факта частной теории следует установить системы научного знания, где возможны логические преобразования над ним. Такой системой знания может быть только гуманитарная система научных знаний, юридическая по своему содержанию и криминалистическая по природе. В ней и следует искать доказательства его инвариантности.

В каждой из подсистем системы указанного научного знания факт частной теории криминалистических операций может иметь ту или иную функцию. В зависимости от выполняемой функции «смысловая» нагрузка факта частной теории в подсистемах системы криминалистики неодинакова, но в них существует нечто общее, присущее факту об одном и том же предмете. Это общее обозначается как «базисное фактическое знание (инвариантный фактор – И.К), инвариантное всем потенциально возможным описаниям и объяснениям и представляющее собой множество наиболее существенных признаков (как непосредственно наблюдаемых, так и тех, что установлены теоретически), характеризующих в достаточно полной мере реальный предмет» [Логика научного исследования, с. 55].

Инвариантным фактором факта частной теории криминалистических операций является фактор системности (системы). Именно он инвариантен всем потенциально возможным описаниям и объяснениям «относительных стереотипов мышления и поведения, обусловленных системной задачей», что и придает этому факту свойства инвариантности.

Таким образом, наличие у «относительных стереотипов мышления и поведения, обусловленных системной задачей», признаков единичности, однозначности и инвариантности позволяет их представить в качестве *факта научного знания* соответствующей формирующейся частной криминалистической теории.

Однако факт теоретического построения должен обладать гносеологической природой и тем самым реализовывать свою роль в построении указанной теории.

Данные анализа факта частной теории криминалистических операций свидетельствуют о том, что он не просто фрагмент объективной реальности, а научный факт, так как, отражаясь в сознании, поддается полноценному описанию языком криминалистики и тем самым составляет элемент ее содержания.

Гносеологическая природа научного факта частной теории такова, что он, являясь простейшим видом знания, «схватывающим» бытие криминалистических операций наиболее полно, во множестве их свойств и внешних проявлений, в то же время дает абстрактное неполное и недостаточное отражение. В самой природе данного фактического содержания заложена тенденция к его качественному преобразованию, посредством построения гипотезы и превращения ее в соответствующую частную криминалистическую теорию, что, по сути, отвечает понятию гносеологической роли указанного научного факта.

Это в определенной степени указывает на связь факта частной теории и сущности криминалистических операций, которая, как мы полагаем, представляет собой системный, полифункциональный способ целенаправленной информационно-познавательной и конструктивной деятельности следователя в решении задач досудебного производства. Можно предположить, что факт частной теории реализуется через сущность криминалистических операций и таким образом выполняет свою гносеологическую роль в формировании, становлении и развитии частной теории. Сущность – это как бы оболочка факта частной теории.

Определение факта частной теории и его связь с сущностью криминалистических операций с необходимостью требует формулирования гипотезы данной теории, т.е. формы развития знания, представляющего собой обоснованное предположение, выдвигаемое в целях объяснения существования, свойств и причин исследуемого явления [Старченко А.А.: Гипотеза. Судебная версия, с. 3].

Научные источники свидетельствуют о многозначности термина «гипотеза» [Баженов Л.Б.: Основные вопросы теории гипотезы, с. 34].

К настоящему времени представление о сущности гипотезы не изменилось, но в каждом конкретном случае научного исследования следует обращаться к такому пониманию гипотезы, которое наиболее приемлемо и продуктивно для его результатов.

По нашему убеждению, целям и задачам настоящей статьи отвечает представление о гипотезе как особом своеобразном, умозаключении, «...приеме выдвижения и последующего доказательства некоторого положения...» [Баженов Л.Б.: Основные вопросы теории гипотезы, с. 38]. Эти два момента не следует смешивать друг с другом, но они составляют содержание основных элементов логической структуры любой научной гипотезы, компоненты которой обоснованы А.А. Старченко [Старченко А.А.: Гипотеза. Судебная версия, с. 12].

Следуя ей, на основе уже имеющихся данных настоящей публикации мы с необходимостью придем к выдвижению гипотезы частной теории криминалистических операций досудебного производства.

Факт и сущность при ближайшем рассмотрении их содержания представляют собой определенную систему правил (требований), обращенных к следователю и предназначенных для достижения понимания им непознанного в расследовании преступления, путем использования соответствующих способов.

Проведённое теоретическое обоснование факта и гипотезы на основе привязки этих научных категорий к положениям теории криминалистических операций, на наш взгляд, позволяет конкретно и целенаправленно разрабатывать прикладную часть указанной теории в соответствии с пониманием того, что криминалистические операции являются специальным методом познания преступной деятельности посредством уголовного расследования. Это обстоятельство позволяет разрабатывать типичные криминалистические операции на основе их общей привязки к понятию метода, научной категории, достаточно полно исследованной в науке. Если этот подход будет унифицирован, то сама по себе утратит назначение многолетняя дискуссия о том, что собой представляют криминалистические операции как криминалистическое понятие. Иными словами, правильное использование научной методологии в криминалистических исследованиях позволит в значительной степени сократить число споров о содержании криминалистических терминов и понятий, что в свою очередь только оптимизирует в правоприменении научно-практические криминалистические рекомендации.

Список литературы References

1. Баженов Л.Б. Основные вопросы теории гипотезы. М., 1961.
Bazhenov L.B. Osnovnye voprosy teorii gipotezy. M., 1961. (in Russia)
2. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука. 1973.
Blauberger I.V., Judin Je.G. Stanovlenie i sushhnost' sistemnogo podhoda. M.: Nauka» 1973.
(in Russia)
3. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М.: Иностранная литература, 1961.
Bor N. Atomnaja fizika i chelovechesкое poznanie. M.: Inostrannaja literatura. 1961. (in Russia)
4. Диалектика процесса познания / По ред. М.Н. Алесеева, А.В. Коршунова. М.: Изд-во МГУ, 1985.
Dialektika processa poznaniya / Po red. M.N. Aleseeva, A.V. Korshunova. M.: Izd-vo MGU, 1985.
(in Russia)
5. Кириллов В.И. Логика познания сущности. М.: Высшая школа, 1980.
Kirillov V.I. Logika poznaniya sushhnosti. M.: Vysshaja shkola, 1980. (in Russia)
6. Логика научного исследования. М.: Наука, 1965.
Logika nauchnogo issledovanija. M.: Nauka, 1965. (in Russia)
7. Старченко А.А. Гипотеза. Судебная версия. М.: Изд-во МГУ, 1962.
Starchenko A.A. Gipoteza. Sudebnaja versija. M.: Izd-vo MGU, 1962. (in Russia)
8. Хавеман Р. Замечания к квантовомеханической дополнителности // Вопросы философии. 1958. № 12.
Haveman R. Zamechanija k kvantovomehanicheskoj dopolnitel'nosti // Voprosy filosofii. 1958. № 12. (in Russia)

УДК 342.7

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА
НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ
В РОССИЙСКОМ КОНСТИТУЦИОННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

**REPRESENTATION AS A FORM OF REALIZATION OF THE RIGHT TO QUALIFIED LEGAL
ASSISTANCE IN THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL LEGAL PROCEEDINGS**

**Н.А. Косолапова
N.A. Kosolapova**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mai: kosolapova@bsu.edu.ru

Ключевые слова: право на квалифицированную юридическую помощь, представительство, адвокат, конституционное судопроизводство.

Key words: the right to qualified legal assistance, representation, attorney, constitutional litigation.

Аннотация. В статье рассмотрено представительство как форма реализации права на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судопроизводстве России. Автором дана характеристика требований к специальным субъектам представительства в конституционном судебном процессе, а также обобщена судебная практика в отношении таких требований.

Resume. The article considers the representation as a form of realization of the right to qualified legal assistance in the constitutional proceedings in Russia. The author characterizes the requirements for special subjects of representation in constitutional litigation and summarizes judicial practice in respect of such claims.

Защита прав и свобод человека и гражданина, которая по российской Конституции (далее – Конституция РФ) [СЗ РФ. Ст. 851] является обязанностью всех органов государства, в том числе правоохранительных и судебных, в конечном счете замыкается на Конституционном Суде Российской Федерации [Витрук Н.В.: Конституционное правосудие в России (1991–2001 гг.): Очерки теории и практики, с. 231–277]. Этот орган в соответствии со ст. 1 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации» [СЗ РФ. Ст. 2922] является судебным органом конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющим судебную власть посредством конституционного судопроизводства.

Конституционное судопроизводство отличают от иных видов судопроизводства (гражданского, административного, уголовного), в частности, следующие особенности [Слепченко Е.В.: Конституционное судопроизводство: понятие, особенности]:

1) его предмет – конституционный контроль, выражающийся в проверке и оценке соответствия Конституции РФ законов, иных нормативных актов, которые в случае признания их неконституционными утрачивают силу. Данный вид контроля реализуется в целях защиты конституционного строя, основных прав и свобод личности, обеспечения непосредственного действия Конституции РФ, ее правовой охраны;

2) в его рамках разрешаются исключительно правовые вопросы. Конституционный Суд воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию иных судов или иных органов;

3) оно реализуется исключительно коллегиально посредством пленарных заседаний и заседаний палат, между которыми определенным образом разграничена компетенция Конституционного Суда;

4) принимаемые решения (постановления, заключения, определения) влекут особые правовые последствия.

Вместе с тем, конституционное судопроизводство характеризуют и общие с иными видами судопроизводства черты. В частности, необходимое для реализации принципа состязательности и равенства сторон право на квалифицированную юридическую помощь, оказываемую представителями сторон (ст. 53 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Таким образом, мы указанное законодательное положение (представительство интересов доверителя в конституционном судопроизводстве) интерпретируем как вид квалифицированной юридической помощи, профессионально оказываемой гражданам, организациям, а также

органам власти в защите их прав и интересов [Дидык Э.М.: Понятие и значение института судебного представительства адвокатом интересов доверителя в конституционном судопроизводстве, с. 3-8].

При этом типично право на квалифицированную юридическую помощь употребляется в двух значениях: как объективное право и как субъективное право. В первом смысле – это межотраслевой правовой институт, состоящий из объединенных общими принципами норм различных отраслей права.

В субъективном смысле право на квалифицированную юридическую помощь большинством авторов определяется через «более широкое понятие» – возможность получить юридическое содействие [Яткевич О.Г.: Уровень разработанности понятия «реализация права человека на квалифицированную юридическую помощь», с. 4-8].

Для нашего исследования приемлемо определить право на квалифицированную юридическую помощь как установленную Конституцией РФ и общепризнанными международными актами, а также гарантируемую обществом и государством возможность человека получать, а в необходимых случаях требовать (просить) содействия со стороны компетентных органов или общественных объединений для предупреждения нарушений его прав, устранения препятствий на пути их реализации или их восстановления (подтверждения) в случае нарушения или оспаривания [Миняйленко Н.Н. Право на юридическую помощь и механизм его обеспечения в современной России (теоретико-правовой аспект), с. 50].

Таким образом, в ракурсе заявленного субъективного права на квалифицированную юридическую помощь его адресатами в конституционном судебном процессе являются граждане.

Уточним, что в конституционном судопроизводстве представительство осуществляют профессиональные юристы – адвокаты или лица, которые имеют ученую степень по юридической специальности. Таким образом, конституционное судопроизводство является единственным видом судопроизводства, в котором к представителям сторон императивно предъявляются специальные квалификационные требования. В других видах судопроизводства любое лицо, обладающее дееспособностью и не относящееся к узкому кругу субъектов, которые не могут быть представителями в судах, либо может выступать в качестве представителя без каких-либо ограничений (гражданское, административное судопроизводство), либо может быть привлечено в этом качестве по определению или постановлению суда (уголовное судопроизводство) [Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный)].

Строгость правил представительства в конституционном судопроизводстве России смягчается его факультативностью, т.е. правом граждан, участвующих в конституционном судопроизводстве в качестве заявителей, действовать *pro se* – представлять свои интересы в процессе самостоятельно, без представителя. Однако сложность конституционно-правовой оценки оспариваемых актов не позволяет заявителям защитить свои права должным образом, не прибегая к помощи профессионалов. В конституционном судопроизводстве разрешаются дела, прошедшие многие судебные инстанции, поэтому обеспечение полноценного участия в состязательном процессе, реального и равного доступа к правосудию опосредуют для стороны квалифицированную юридическую помощь в ведении своего дела, юридическое сопровождение.

В конституционном судебном процессе реальное обеспечение равноправия и состязательности сторон возможно при условии, когда сторона, противостоящая органам государственной власти, принявшим нормативный правовой акт, представлена профессиональным адвокатом. Как справедливо отмечается в литературе, правосудие является состязательным, если стороны – участники судебного разбирательства – могут активно и в равных условиях излагать свои доводы, давать собственное толкование фактов, событий, доказательств и тем самым способствовать установлению обстоятельств дела, обеспечивать – вынесение законного, обоснованного и справедливого судебного решения [Марасанова С.В. Практика реализации принципа состязательности в условиях применения нового УПК РФ судами Московской области, с. 24, 25]. На решение этой задачи и направлена деятельность адвоката – представителя.

Подтверждение полномочий представителей граждан, в качестве которых могут выступать адвокаты и лица, имеющие ученую степень по юридической специальности, необходима доверенность. На законодательном уровне не предусмотрено право представляемого лица в устной форме заявить ходатайство об участии в деле его представителя. Полномочия представителя подтверждаются только доверенностью в письменной форме, заверенной в установленном законодательством порядке. Для граждан такой формой является нотариальное заверение.

К нотариально удостоверенным доверенностям приравниваются [Нарутто С.В. Обращение граждан в Конституционный Суд Российской Федерации: научно-практическое пособие, с. 189]:

– доверенности военнослужащих и других лиц, которые находятся на излечении в госпиталях, санаториях и иных военно-лечебных учреждениях, удостоверенные начальником такого учреждения, его заместителем по медицинской части, старшим или дежурным врачом;

– доверенности военнослужащих, а в пунктах дислокации воинских частей, соединений, учреждений и военно-учебных заведений, где нет нотариальных контор и других органов, совершающих нотариальные действия, также доверенности рабочих и служащих, членов их семей и членов семей военнослужащих, удостоверенные командиром (начальником) этих части, соединения, учреждения или заведения;

– доверенности лиц, находящихся в местах лишения свободы, удостоверенные начальником соответствующего места лишения свободы;

– доверенности совершеннолетних дееспособных граждан, находящихся в учреждениях социальной защиты населения, удостоверенные администрацией этого учреждения или руководителем (его заместителем) соответствующего органа социальной защиты населения.

Квалификация представителя в качестве адвоката или лица, имеющего ученую степень по юридической специальности, подтверждается соответственно удостоверением адвоката или дипломом о присуждении ученой степени.

Отметим, что относительно требований, которые предъявляются к представителям сторон, сформировалась практика Конституционного Суда РФ. Так, в Определении от 19 ноября 2002 г. № 302-О [Документ опубликован не был; www.garant.ru] Конституционный Суд РФ распространил на конституционное судопроизводство свои правовые позиции, выработанные в отношении уголовного судопроизводства, а именно: конституционное право граждан на самостоятельный выбор адвоката (защитника) по своему содержанию не означает право выбирать в качестве защитника любое лицо по усмотрению подозреваемого или обвиняемого и не предполагает возможность участия в уголовном процессе любого лица в качестве защитника; закрепленное в ст. 48 (ч. 2) Конституции РФ право пользоваться помощью адвоката (защитника) является одним из проявлений более общего права, гарантированного ст. 48 (ч. 1) Конституции РФ каждому человеку, – права на получение квалифицированной юридической помощи, поэтому положения ч. 2 ст. 48 Конституции РФ не могут быть истолкованы в отрыве и без учета положений ч. 1 той же статьи; критерии квалифицированной юридической помощи устанавливает законодатель путем определения соответствующих условий допуска тех или иных лиц в качестве защитников [Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 1]; при определении требований к представителям сторон в конституционном судопроизводстве учитывается особая правовая природа Конституционного Суда РФ, уполномоченного решать только вопросы права.

Приведенное положение было многократно воспроизведено в последующей практике Конституционного Суда РФ [Документ опубликован не был; www.garant.ru].

Полномочиями представителя стороны определяется его место в процессе. Так, полномочия на ведение дела в конституционном судебном процессе могут быть переданы заявителем в полном объеме, тогда представитель – обязательный участник процесса и практически заменяет заявителя. Ему принадлежит право знакомиться с материалами дела, излагать свою позицию по делу, задавать вопросы иным участникам процесса, заявлять ходатайства, представлять письменные отзывы, знакомиться с отзывами стороны, издавшей оспариваемый акт. Представитель обязан явиться по вызову Конституционного Суда РФ, дать объяснения и ответить на вопросы [Нарутто С.В. Обращение граждан в Конституционный Суд Российской Федерации: научно-практическое пособие, с. 191-192].

Таким образом, в рамках конституционной разновидности судопроизводства субъективное право на квалифицированную юридическую помощь приобретает специфику – реализацию в форме представительства законодательно предусмотренными субъектами (адвокаты и лица, имеющие ученую степень по юридической специальности). Реализация данного субъективного права зависит как от его носителей (наделение представителей различным объемом правомочий), так и непосредственно от специальных субъектов (предоставление документов, подтверждающих статус, профессиональный уровень и др.).

Список литературы References

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 5.02.2014 г. № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.

Konstitucija Rossijskoj Federacii prinjata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrja 1993 g. (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 5.02.2014 g. № 2-FKZ) // SZ RF. 2014. № 9. St. 851.

2. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 04.06.2014 г.) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2014. № 23. Ст. 2922.

Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21 ijulja 1994 g. № 1-FKZ «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii» (red. ot 04.06.2014 g.) // SZ RF. 1994. № 13. St. 1447; 2014. № 23. St. 2922.

3. Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2002 г. № 302-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Токача Олега Леонидовича на нарушение его конституционных прав положением части второй статьи 53 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Документ опубликован не был; www.garant.ru

Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19 nojabrja 2002 g. № 302-O «Ob otkaze v prinjatii k rassmotreniju zhaloby grazhdanina Tokacha Olega Leonidovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav polozheniem chasti vtoroj stat'i 53 Federal'nogo konstitucionnogo zakona «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii» // Dokument opublikovan ne byl; www.garant.ru

4. Определение Конституционного Суда РФ от 20 июня 2006 г. № 237-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горшкова Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав положением части второй статьи 53 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Документ опубликован не был; www.garant.ru

Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 20 ijunja 2006 g. № 237-O «Ob otkaze v prinjatii k rassmotreniju zhaloby grazhdanina Gorshkova Evgenija Nikolaevicha na narushenie ego konstitucionnyh prav polozheniem chasti vtoroj stat'i 53 Federal'nogo konstitucionnogo zakona «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii» // Dokument opublikovan ne byl; www.garant.ru

5. Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 337-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Макарова Владимира Петровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 53, главами VI и VII Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Документ опубликован не был; www.garant.ru

Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 18 ijulja 2006 g. № 337-O «Ob otkaze v prinjatii k rassmotreniju zhaloby grazhdanina Makarova Vladimira Petrovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chast'ju vtoroj stat'i 53, glavami VI i VII Federal'nogo konstitucionnogo zakona «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii» // Dokument opublikovan ne byl; www.garant.ru

6. Определение Конституционного Суда РФ от 21 февраля 2008 г. № 149-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Березовского Олега Вениаминовича и Головина Евгения Иосифовича на нарушение их конституционных прав пунктом 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации, частью второй статьи 20, частью первой статьи 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и частью второй статьи 53 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Документ опубликован не был; www.garant.ru

Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 21 fevralja 2008 g. № 149-O-O «Ob otkaze v prinjatii k rassmotreniju zhaloby grazhdan Berезovskogo Olega Veniaminovicha i Golovina Evgenija Iosifovicha na narushenie ih konstitucionnyh prav punktom 2 stat'i 1070 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii, chast'ju vtoroj stat'i 20, chast'ju pervoj stat'i 134 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii i chast'ju vtoroj stat'i 53 Federal'nogo konstitucionnogo zakona «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii» // Dokument opublikovan ne byl; www.garant.ru

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 1.

Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 28 janvarja 1997 g. № 2-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chasti chetvertoj stat'i 47 Ugolovno-processual'nogo kodeksa RSFSR v svjazi s zhalobami grazhdan B.V. Antipova, R.L. Gitisa i S.V. Abramova» // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. 1997. № 1.

8. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.): Очерки теории и практики. М., 2001.

Vitruk N.V. Konstitucionnoe pravosudie v Rossii (1991-2001 gg.): Oчерki teorii i praktiki. M., 2001.

9. Дидык Э.М. Понятие и значение института судебного представительства адвокатом интересов доверителя в конституционном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2014. № 3.

Didyk Je.M. Ponjatie i znachenie instituta sudebnogo predstavitel'stva advokatom interesov doveritelja v konstitucionnom sudoproizvodstve // Advokatskaja praktika. 2014. № 3.

10. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г.А. Гаджиева. М.: Норма, Инфра-М, 2012.

Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г.А. Гаджиева. М.: Норма, Инфра-М, 2012.

11. Марасанова С.В. Практика реализации принципа состязательности в условиях применения нового УПК РФ судами Московской области // Материалы конференции «Практика реализации принципа состязательности в условиях применения нового УПК РФ судами Московской области» (тезисы докладов). М.: Изд. дом «Новый учебник», 2004.

Marasanova S.V. Praktika realizacii principa sostjazatel'nosti v uslovijah primenenija novogo UPK RF sudami Moskovskoj oblasti // Materialy konferencii «Praktika realizacii principa sostjazatel'nosti v uslovijah primenenija novogo UPK RF sudami Moskovskoj oblasti» (tezisy докладов). М.: Изд. дом «Новый учебник», 2004.

12. Миняйленко Н.Н. Право на юридическую помощь и механизм его обеспечения в современной России (теоретико-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000.

Minjajlenko N.N. Pravo na juridicheskuju pomoshh' i mehanizm ego obes-pechenija v sovremennoj Rossii (teoretiko-pravovoj aspekt): Dis. ... kand. jurid. nauk. SPb: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2000.

13. Нарутто С.В. Обращение граждан в Конституционный Суд Российской Федерации: научно-практическое пособие. М.: Норма, Инфра-М, 2011.

Narutto S.V. Obrashhenie grazhdan v Konstitucionnyj Sud Rossijskoj Federacii: nauchno-prakticheskoe posobie. М.: Norma, Infra-M, 2011.

14. Слепченко Е.В. Конституционное судопроизводство: понятие, особенности // Юридический мир. 2009. № 2.

Slepchenko E.V. Konstitucionnoe sudoproizvodstvo: ponjatie, osobennosti // Juridicheskij mir. 2009. № 2.

15. Яткевич О.Г. Уровень разработанности понятия «реализация права человека на квалифицированную юридическую помощь» // Юрист. 2014. № 4.

Jatkevich O.G. Uroven' razrobotannosti ponjatija «realizacija prava cheloveka na kvalificirovannuju juridicheskuju pomoshh'» // Jurist. 2014. № 4.

УДК 342.1+340.131.5

**ПРИНЦИП ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕШЕНИЙ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****PRINCIPLE OF TERRITORIAL INTEGRITY THROUGH THE DECISIONS
OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION****А.Н. Нифанов¹, Е.Е. Новопавловская²
A.N. Nifanov, E.E. Novopavlovskaya**¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород,
ул. Победы, 85²Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Россия, 308024, Белгород,
ул. Горького, 71*Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry named I.D. Putilin, 71, Gorky St., Belgorod, 308024, Russia**E-mail: nif@list.ru, novopavlovskaya@gmail.com*

Ключевые слова: принципы территории, территориальная целостность, территориальное единство, суверенитет, конституционное судопроизводство, Конституционный Суд Российской Федерации.

Key words: the principles of the territory, territorial integrity, territorial integrity, sovereignty, constitutional proceedings, the Constitutional Court of the Russian Federation.

Аннотация. Статья посвящена проблемам определения понятия и правовой природы феномена территории. На основе обобщения имеющихся доктринальных исследований, анализа международно-правовых документов, норм внутринационального законодательства в статье раскрываются понятие принципа территориальной целостности и его содержание. Авторы обращают внимание на дискуссионность вопроса о соотношении терминов «неприкосновенность» и «целостность» территории. Проведенный мониторинг решений Конституционного Суда Российской Федерации и сформулированных в них правовых позиций, позволяет рассмотреть отдельные аспекты принципа территориальной целостности современной России и проблемы, возникающие в связи с его реализацией.

Resume. The article deals with problems of definition and the legal nature of the phenomenon of the territory. On the basis of consolidating the doctrinal research, analysis of the international legal instruments, norms intra legislation in the article the concept of the principle of territorial integrity and its contents. The authors draw attention to the debatable issue of the relationship between the terms «integrity» and «integrity» of the territory. The monitoring of the Constitutional Court of the Russian Federation and forth in their legal position, allows us to consider some aspects of the principle of territorial integrity of modern Russia and the problems arising in connection with its implementation.

Российская Федерация провозглашена федеративным государством, о чем гласит ст. 1 Конституции Российской Федерации. При этом действующая российская Конституция содержит не только указание на форму государственного (территориального) устройства, но и фиксирует ее основные признаки и принципы. Вместе с тем, следует констатировать, что сегодня не сложилось единства мнений ученых как относительно наименования данного элемента формы государства, так и его содержания. В частности, Л.А. Нудненко, М.Б. Смоленский, М.В. Алексеева, В.И. Фадеев и др. используют термин «государственное устройство». Его определяют как территориальную (национально-территориальную организацию), форму государственных связей между государством в целом и его частями, их конституционно-правовое положение и административно-территориальное деление [21, с. 180]; способ соотношения государства с его внутренними территориями, а также соотношения отдельных территорий между собой [23, с. 217]; устройство территории государства, наличие составных частей и их правовой статус, основы и принципы взаимодействия государства и его территориальных частей [16, с. 96].

Отдельная авторская группа применяет термин «территориальное устройство» [15, с. 308; 19, с. 206]. Например, А.Н. Чертков характеризует территориальное устройство современной России как систему правоотношений в сфере создания, преобразования и упразднения территориальных единиц на территории государства, определения их статуса и соотношения с государством, а также друг с другом [28, с. 39].

Для обозначения данного элемента формы государства в научном обороте конституционалистов используются также дефиниции «государственно-территориальное устройство» [25, с. 165; 30, с. 106], «национально-территориальное» [29, с. 213], «территориально-политическое» [14, с. 276-277], «политико-территориальное» [7, с. 21] устройство и др.

Мониторинг решений Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) и сформулированных в них правовых позиций показывает, что в них также употребляются различные термины, что зависит, прежде всего, от того, идет ли речь о государстве в целом либо о его отдельных субъектах. В частности, применительно ко всей Российской Федерации КС РФ используется термин «государственное» (Постановление КС РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П, Постановление КС РФ от 8 ноября 2012 г. № 25-П) либо «территориальное устройство» (Определение КС РФ от 1 декабря 2005 г. № 365-О). Как указывал еще в 1998 г. КС РФ, законодательные (представительные) органы различных стран идут по пути фиксации некоторых ограничений равного избирательного права «в пользу принципов федерализма». Подобное законодательное регулирование, по мнению КС РФ, осуществляется с учетом особенностей территориального устройства государства и размещения населения, и направлено на сохранение государственного единства, а также стабильности конституционного строя и его основ (Постановление КС РФ от 17 ноября 1998 г. № 26-П).

Касаемо субъектов Российской Федерации, КС РФ пишет либо о «национально-территориальном», либо о «административно-территориальном» устройстве. При этом КС РФ фактически связывает использование обозначенных дефиниций с видом субъекта федерации. Применительно к республикам в составе Российской Федерации используется термин «национально-территориальное» устройство (Определение КС РФ от 1 декабря 2005 г. № 365-О), а к иным субъектам Российской Федерации – «административно-территориальное» устройство (Определение КС РФ от 19 октября 2010 г. № 1426-О-О; Определение КС РФ от 29 января 2009 г. № 51-О-О; Определение КС РФ от 3 апреля 2007 г. № 171-О-П; Постановление КС РФ от 23 марта 2000 г. № 4-П).

Не раскрывая в рамках нашего исследования соотношение обозначенных выше дефиниций и не давая оценку целесообразности их применения относительно конкретного государства, поскольку эти вопросы, бесспорно, могут выступать предметом самостоятельного изучения, признаем, что все они характеризуют государственную территорию и различные критерии, заложенные в основу территориального деления государства.

В современной юридической науке отсутствует единодушие и в вопросе о содержании самого термина «территория». Прежде всего, территория государства трактуется как определенное географическое пространство – часть земного шара, которая принадлежит конкретному государству. Сюда относится не только сухопутная часть, но и водная, и воздушная, протяженность которой в Российской Федерации, в частности, весьма значительна. Только сухопутная территория нашей страны включает в себя сушу, находящуюся в пределах границ, составляющих 17,1 млн. км², а протяженность границ водной территории составляет более 58 тыс. км, из которых примерно 20 тыс. км – сухопутный участок и 38 тыс. км – морской [24, с. 30]. Характеристика территории государства как географического пространства, предполагает изучение размеров территории, ее географической протяженности, особенностей ландшафта, плодородности почвы, населенности территории и др. критериев.

С правовой же точки зрения, территория – это, прежде всего, неотъемлемый признак, атрибут любого государства (причем как федеративного, так и унитарного). Однако, обобщив имеющиеся сегодня авторские позиции, полагаем, что в широком смысле слова феномен территория следует определять не только как признак государства, но и как пределы государственного суверенитета, сферу исключительного государственного ведения, границы юрисдикции государственного механизма, определенный критерий самоидентификации граждан, основы развития этноса и др.

Речь идет и о территории самого государства в целом, и о территории его составных частей, в качестве которых в федеративном государстве выступают его субъекты. В нашей стране их виды и наименования зафиксированы на конституционном уровне (ч. 1 ст. 5, ч. 1 ст. 65 Конституции Российской Федерации). Территория субъекта Российской Федерации, наряду с полномочиями, наличием собственных органов государственной власти, собственной символики и иными элементами, включена в их конституционно-правовой статус. Субъекты Российской Федерации вовсе неоднородны, отличаясь друг от друга в значительной степени по различным критериям. Не составляет исключения и площадь их территории, что подтверждается статистическими данными. Приведем лишь некоторые примеры для наглядности, расположив субъекты Российской Федерации в порядке убывания площади их территории. Три «лидерских» места с максимальной площадью территорий занимают Республика Саха (Якутия) – 3103200 км², Красноярский край – 2339700 км², Хабаровский край – 788600 км². Далее следуют субъекты федерации, площадь которых (относительно указанной выше первой группы) разнится не так значительно: Иркутская область – 767900 км² и два автономных округа – Ямало-Ненецкий (750300 км²) и Чукотский (737700 км²). Замыкают перечень субъектов Российской Федерации с учетом территориального критерия три города федерального значения: Москва (2511 км²), Санкт-Петербург (1399 км²) и Севастополь (864 км²). Причем входят названные города в разные федеральные округа (Центральный, Северо-Западный и Крымский соответственно) [11]. Следует констатировать, что территориальная неоднородность площади субъектов Российской

Федерации не находится в прямой зависимости от вида субъекта федерации и не является уникальной особенностью только нашей страны, поскольку субъекты и других федеративных государств имеют разную площадь территории. Например, в ФРГ самую большую площадь территории занимает Бавария (70549 км²), а самую маленькую – Бремен (404 км²).

Территория, как особый феномен, базируется на определенных принципах, унифицированное понимание сущности и системы которых до настоящего момента отсутствует. В качестве отправной точки полагаем целесообразным считать уровень правовой регламентации принципов территории. В этой связи следует говорить не только о внутригосударственном уровне правового регулирования, но и международном, что продиктовано положениями ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, где общепризнанные принципы, нормы международного права и международные договоры названы составной частью правовой системы Российской Федерации. Более того, из содержания названной конституционной нормы следует и приоритет норм международного договора Российской Федерации относительно установленных законом норм, в случаях их противоречия между собой.

Среди универсальных документов международного уровня, представляющих интерес в рамках проводимого нами исследования, необходимо назвать:

- Устав ООН от 26 июня 1945 г. [1];
- Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, от 24 октября 1970 г. [2] (далее – Декларация);
- Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. [3] и др.

Их значимость неоднократно подчеркивалась в России на государственном уровне. Так, п. 31 Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 г., посвящен верховенству права в международных отношениях. Особо в нем оговорено, что Российская Федерация выступает за укрепление правовых основ международных отношений и добросовестное соблюдение обязательств, установленных на международном уровне. В этой связи наша страна намерена противодействовать попыткам отдельных государств или их групп подвергать ревизии общепризнанные нормы международного права, отраженные в названных универсальных документах.

В перечисленных выше международных документах нашли отражение международные (универсальные) принципы территории. Среди них и принцип территориальной целостности, нерушимости государственных границ. Сделаем акцент и на тот факт, что часть принципов международного права, лишь косвенным образом связаны с феноменом территории. К таковым, в частности, относятся принцип суверенного равенства государств, невмешательства, мирного разрешения споров и др.

В сложившейся сегодня достаточно сложной геополитической ситуации, принцип территориальной целостности нашего государства, как никогда приобретает все большее значение и актуальность. Становление интересующего нас принципа территориальной целостности имеет весьма глубокие исторические корни. Как уже было ранее сказано, он является основным принципом международного права, утвердившимся в связи с принятием Устава ООН, в п. 4 ст. 2 которого говорится о «территориальной неприкосновенности» и «политической независимости любого государства».

Декларация не содержит прямого указания на принцип территориальной целостности. Однако тщательное ознакомление с ее положениями, дает основание признать, что в ней раскрываются различные аспекты исследуемого принципа. Об этом, например, свидетельствует следующая конструкция: государство обязано воздерживаться от действий, которые направлены «на нарушение национального единства и территориальной целостности» другого государства.

В ст. I Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе предусматривается, что:

- государства-участники рассматривают все границы друг друга «как нерушимые»;
- в соответствии с нормами международного права существующие границы территорий государства признаются юридически установленными;
- государства-участники уважают «суверенное равенство и своеобразие друг друга, а также все права, присущие их суверенитету и охватываемые им, в число которых входит, в частности, право каждого государства на юридическое равенство, на территориальную целостность, на свободу и политическую независимость».

Принцип территориальной целостности затрагивается и в документах, регламентирующих вопросы борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, которые, к сожалению, являются глобальными проблемами современности. Так, в п. 2 ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом подчеркивается, что терроризм, сепаратизм и экстремизм представляют угрозу международному миру и безопасности, угрожают территориальной целостности

государства, политической, экономической и социальной стабильности и др. [4]. Как отметил КС РФ, Шанхайская конвенция не препятствует государствам-участникам предусматривать в своем законодательстве положения о более широкой интерпретации экстремизма. Более того, КС РФ подчеркнул, что Шанхайская конвенция в п. 2 ст. 1 и ст. 3 возлагает на ее государств-участников обязанности по принятию мер, необходимых для обеспечения того, чтобы терроризм, сепаратизм и экстремизм не подлежали оправданию по соображениям исключительно политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного характера, и влекли наказание сообразно степени их тяжести (Определение КС РФ от 2 июля 2013 г. № 1053-О).

Принцип территориальной целостности находит свое законодательное отражение и во внутринациональном российском законодательстве, причем не только в законах, но и в подзаконных правовых актах. Так, в п. 21 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. обеспечение данного принципа названо среди иных национальных интересов нашей страны на долгосрочную перспективу [6].

Мониторинг специализированной научной литературы, показывает, что учеными используются различные термины, охватывающие исследуемую нами сферу отношений, в том числе термины «государственная целостность», «территориальная целостность», «территориальная неприкосновенность», «государственное единство», которые зачастую рассматриваются в качестве синонимов.

В Российской Федерации на современном этапе ее государственного строительства предпосылки рассмотрения в связке понятий «неприкосновенность» и «целостность» территории заложены на конституционном уровне (ч. 3 ст. 4 Конституции Российской Федерации). КС РФ неоднократно подчеркивал тот факт, что целостность и неприкосновенность территории Российской Федерации относятся к числу конституционных ценностей на всей территории Российской Федерации. Так, в Постановлении от 19 марта 2014 г. № 6-П, где предметом рассмотрения в порядке превентивного конституционного нормоконтроля выступал не вступивший в силу международный договор, подписанный 18 марта 2014 г. между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов, КС РФ указал, что регулирование вопросов государственной границы Российской Федерации после принятия в состав Российской Федерации Республики Крым направлено на обеспечение целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, а также их защиту на всей территории Российской Федерации, включая вновь образованные субъекты Российской Федерации.

Однако полагаем, что при всей близости обозначенных терминов, необходимо разделять понятия «неприкосновенность» и «целостность» территории. Поскольку в российском законодательстве до настоящего момента определение названных терминов не легализовано, то это создает благоприятную почву для научных дискуссий, причем не только среди юристов, но и политологов, социологов, историков и др. Неприкосновенность государства означает защиту от внешнего вторжения на территорию страны иностранных войск и экономической экспансии. Это является серьезной проблемой для нашей страны, учитывая протяженность границ Российской Федерации, о чем уже шла речь ранее [20, с. 59].

Относительно соотношения дефиниций «государственная» и «территориальная целостность» поясним следующее. Государственная целостность является по своему содержанию более широким термином, включающим в себя различные виды целостности, в том числе территориальную. Трактую территориальную целостность, как принцип международного права, отдельная авторская группа связывает его с категорией «суверенитет». Так, Г.М. Вельяминов называет территориальную целостность одной из «ипостасей» международно-правового принципа уважения государственного суверенитета [9, с. 271]. С.В. Витрянский пишет, что принцип территориальной целостности государства предполагает полный суверенитет над всей территорией государства и является «базисом существующего мирового порядка», направленного на обеспечение международной безопасности, что весьма актуально в условиях усиления международного терроризма [10, с. 141]. Аналогичное мнение высказывалось и О.Е. Кутафиним, определяющим территориальную целостность как «сохранение суверенитета государства над имеющейся у него территорией» [18, с. 98]. Н.В. Остроухов рассматривает территориальную целостность как качественную характеристику государства, которая отражает состояние его безопасности, проявляющуюся в единстве территории, на которую распространяется государственный суверенитет, и «определяемую способностью государства сохранять свою территорию в пределах, установленных в соответствии с международным правом границ, противодействовать внешним и внутренним угрозам, направленным на их изменение» [22, с. 8]. Р.М. Кочкаров связывает территориальную целостность не только с государственным суверенитетом, но и с суверенитетом проживающего в данном государстве «народа, который продолжает оставаться хозяином своей территории, и никто не имеет права распоряжаться ею» [17, с. 13]. Автор предлагает следующую формулировку терри-

ториальной целостности: это принцип, который гарантирует «территориальное верховенство государства от посягательств извне» [17, с. 15].

Следует заметить, что преломление принципа территориального суверенитета имеет особое значение в федеративных государствах, где суверенитет приобретает новое содержание. Нередко предметом научных дискуссий выступает как вопрос о содержании государственного суверенитета, так и о наличии его у субъектов федерации. В настоящее время сформировалось три концептуальных позиции принадлежности суверенитета в федеративном государстве: 1) суверенитет принадлежит только государству; 2) государственный суверенитет делится между федерацией и ее субъектами; 3) носителями суверенитета являются субъекты федерации, обладающие правом сецессии. Определимся сразу, что мы разделяем первый подход, который, как нам видится, имеет под собой законную основу. В частности, ч. 1 ст. 4 Конституции Российской Федерации гласит, что суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию. Представители данного подхода поясняют, что субъекты федерации не могут обладать полнотой власти и полной независимостью во внутренних делах, «субъекты федерации и ее центр на основе зафиксированных договоренностей идут на распределение полномочий» [8, с. 66]. Можно констатировать, что речь идет о делении полномочий, а вовсе не о делении государственного суверенитета.

Обратимся практике конституционного судопроизводства, которая показывает, что КС РФ неоднократно оценивал конституционность различных аспектов федеративных отношений, способствуя воплощению принципов федеративного устройства в жизнь, преодолению правовых коллизий в сфере регламентации различных аспектов федеративных отношений, разрешению возникших (а иногда и в предотвращении возможных) конституционно-правовых споров, что было особенно характерно на начальном этапе конституционно-правового строительства современной России [13, с. 18]. Высказывал свое мнение КС РФ и по вопросу о содержании государственного суверенитета. В частности, КС РФ отмечает, что:

– государственный суверенитет является основой конституционного строя и предполагает верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту государственной власти государства на всей его территории и независимость в международном общении (Постановление КС РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П);

– государственный суверенитет – это необходимый качественный признак Российской Федерации, который характеризует ее конституционно-правовой статус (Постановление КС РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П);

– государственный суверенитет принадлежит только Российской Федерации (Постановление КС РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П);

– употребление термина государственный суверенитет республики в составе Российской Федерации является неправомерным (Постановление КС РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П) и др. Российская Конституция, как указал КС РФ, не предполагает «иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации». КС РФ исключил существование в единой системе государственной власти двух уровней суверенных властей, которые обладали бы верховенством и независимостью. В связи с чем, КС РФ подчеркнул недопустимость существования суверенитета ни республик в составе Российской Федерации, ни иных субъектов федерации. Относительно характеристики конституционно-правового статуса республик в составе Российской Федерации, КС РФ также отметил, что республики не являются суверенными государствами и не вправе на своем конституционном уровне наделять себя свойствами суверенного государства. По справедливому мнению КС РФ, сохранение на конституционном уровне республик норм, провозглашающих их суверенный характер, даже с оговоркой, что их суверенитет выражается в обладании всей полнотой государственной власти вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения, противоречит российской Конституции (Определение КС РФ от 6 декабря 2001 г. № 249-О).

Появление сразу нескольких решений КС РФ с подобного рода формулировками было вовсе не случайным. Оно было продиктовано конституционной практикой, поскольку ряд республик в составе Российской Федерации на своем конституционном уровне провозгласили себя суверенными, объявив себя самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений (например, Республики Алтай, Башкортостан). По данному поводу КС РФ высказался весьма категорично: республики в составе Российской Федерации не вправе выступать самостоятельными участниками международных отношений, а территориальные границы республик (как и других субъектов федерации), являются административными, а не государственными (Постановление КС РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П).

Почва для подобного регионального регулирования была создана самой Конституцией Российской Федерации. Во-первых, в ч. 2 ст. 5 Конституции Российской Федерации использована конструкция «республика (государство)» и установлено право республик (государств) иметь свою консти-

туцию и законодательство. Однако, законодательная конструкция «республика (государство)», как отметил КС РФ, вовсе не означает признания их государственного суверенитета. Она лишь отражает отдельные особенности статуса республик, которые обусловлены историческими, национальными и иными факторами (Постановление КС РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П). Во-вторых, на федеральном конституционном уровне только республики в составе Российской Федерации наделены отдельными правами, например, устанавливать свои государственные языки (ч. 2 ст. 68). Правда, как пояснил по этому поводу КС РФ в Постановлении от 16 ноября 2004 г. № 16-П, российская Конституция признает за республиками право устанавливать свои государственные языки республик в составе Российской Федерации в связи с особенностями их конституционно-правового статуса, что обусловлено факторами исторического и национального характера. Наличие национального языка республики в составе Российской Федерации включает в себя право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения, творчества, право на участие в культурной жизни, на доступ к культурным ценностям и др. (Постановление КС РФ от 27 апреля 1998 г. № 12-П).

Существуют и определения принципа территориальной целостности государства, в которых авторы делают акцент не только на его связь с государственным суверенитетом. Так, А.В. Гудков при характеристике территориальной целостности государства, как элемента государственного единства, обращает внимание на следующие ключевые моменты: территориальная целостность государства предполагает неизбежность государственных границ; территориальное единство и неприкосновенность территории государства, сложившихся исторически; целостность народов, которые проживают на территории государства [12., с. 12].

Весьма развернутое определение принципа территориальной целостности государства предложено в диссертационном исследовании Н.А. Устименко. По мнению диссертанта, данный принцип включает в себя: 1) территориальную неприкосновенность, предполагающую недопустимость посягательства на государственную территорию со стороны иных государств; 2) территориальную неотчуждаемость, означающую невозможность отторжения определенной части территории государства изнутри [26, с. 8].

Нередко ученые при определении сущности принципа территориальной целостности обращаются к таким категориям, как «безопасность» и «обеспечение безопасности». Так, Д.В. Хутаба считает, что территориальная целостность государств обеспечивает безопасность и целостность государства, как на межгосударственном, так и внутригосударственном уровнях. В этой связи автор высказывает предложение о необходимости разграничения элементов исследуемого принципа, принимая во внимание их функциональную направленность. По мнению Д.В. Хутаба, к элементам принципа территориальной целостности, обеспечивающего безопасность и целостность государства на межгосударственном уровне, относятся обязательства государств воздерживаться от:

- вторжения, нападения, захвата, аннексии и оккупации чужих территорий;
- любого рода посягательств (и прямых, и косвенных) на государственную территорию;
- применения силы и угрозы против территориальной целостности государств;
- разжигания пограничных конфликтов, а также осуществления провокаций на пограничных территориях.

В свою очередь, в перечень элементов принципа территориальной целостности, призванного обеспечивать безопасность и целостность государства на внутригосударственном уровне, Д.В. Хутаба включает: уважение целостности территории государства; неприкосновенность границ; недопустимость действий, против территориальной целостности и единства государства, которые не совместимы с целями и принципами, зафиксированными в Уставе ООН [27, с. 9-10].

Принципиально важным моментом, на который, как нам видится следует обратить внимание, является то, что территориальная целостность означает не только сохранение территориального единства, но и недопустимость самостоятельного выхода субъекта федерации из состава государства (односторонней сепарации). Этот факт подчеркнул и КС РФ. Цитируем: «Субъекты Российской Федерации не обладают правом выхода (сепарации) из ее состава» (Постановление КС РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П). Однако российской конституционной практике известно и диаметрально противоположная законодательная регламентация обозначенного вопроса. Ярким историческим примером тому могут выступать положения ст. 1 Конституции (Основного Закона) Республики Тыва, принятой 21 октября 1993 г., где предусматривалось право Республики на выход из состава Российской Федерации, который допускался по результатам всенародного республиканского референдума. Действующая сегодня Конституция Республики Тыва, принятая 6 мая 2001 г., подобным правом республику не наделяет.

Полагаем, что в качестве ключевого критерия для разграничения понятий «неприкосновенность» и «целостность» выступает характер деструктивного вмешательства на территорию государства. В частности, в случаях внешнего вмешательства имеет место нарушение неприкосновенности территории, внутреннего – нарушение территориальной целостности. Обратим внимание, что нару-

шение принципа территориальной целостности возможно не только посредством применения вооруженных сил, так называемое «физическое воздействие». Оно может проявляться и в оказании влияния на внутренние устои и государственную жизнь (например, путем обострения конфликтов, содействия возникновению и распространению вооруженных столкновений и др.). Для примера, в 2013 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации была введена ст. 280.1, предусматривающая уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, которые направлены на нарушение территориальной целостности Российской Федерации [5].

К сожалению, объем проводимого нами исследования не позволяет в полной мере охарактеризовать все аспекты принципа территориальной целостности. Между тем, позволим себе сделать ряд выводов:

1) принцип территориальной целостности государств является одним из основных принципов международного права. Но – это принцип не автономный. Он тесно взаимосвязан и должен рассматриваться в контексте иных основных принципов международного права, в том числе принципов неприменения силы, мирного разрешения споров, невмешательства, сотрудничества, равноправия и самоопределения народов, суверенного равенства государств и др. Только имея в совокупности реализацию названных принципов, можно говорить о создании реальных и эффективных гарантий обеспечения территориальной целостности государства;

2) в современных геополитических условиях, с сохраняющимися территориальными притязаниями сопредельных стран (например, Японии относительно отдельных Курильских островов), обеспечение территориальной целостности продолжает оставаться одной из актуальнейших задач государства. При этом обеспечение реализации данного принципа сегодня, закономерно востребует совокупной консолидации усилий как публичных структур так и институтов гражданского общества.

Список литературы References

1. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14-47.

Ustav Organizatsii Obedinennykh Natsiy (Prinyat v g. San-Frantsisko 26 iyunya 1945 g.) // Sbornik deystvuyushchikh dogovorov, soglasheniy i konventsiiy, zaklyuchennykh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Вып. XII. М., 1956. S. 14-47. (in Russia)

2. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (Принята 24 октября 1970 г. Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1996. С. 2-8.

Deklaratsiya o printsipakh mezhdunarodnogo prava, kasayushchikhsya druzhestvennykh otnosheniy i sotrudnichestva mezhdru gosudarstvami v sootvetstvii s Ustavom OON (Prinyata 24 oktyabrya 1970 g. Rezolyutsiey 2625 (XXV) na 1883-em plenarnom zasedanii Generalnoy Assamblei OON) // Mezhdunarodnoe publichnoe pravo. Sbornik dokumentov. Т. 1. М.: БЕК, 1996. S. 2-8. (in Russia)

3. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Подписан в г. Хельсинки 1 августа 1975 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. М., 1977. С. 544-589.

Zaklyuchitelnyy akt Soveshchaniya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope (Podpisan v g. Khelsinki 1 avgusta 1975 g.) // Sbornik deystvuyushchikh dogovorov, soglasheniy i konventsiiy, zaklyuchennykh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Вып. XXXI. М., 1977. S. 544-589. (in Russia)

4. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Заключена в г. Шанхае 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства российской Федерации. 2003. № 41. Ст. 3947. (in Russia)

Shankhayskaya konventsia o borbe s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom (Zaklyuchena v g. Shankhae 15 iyunya 2001 g.) // Sobranie zakonodatelstva rossiyskoy Federatsii. 2003. № 41. St. 3947.

5. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 433-ФЗ «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства российской Федерации. 2013. № 52 (часть I). Ст. 6998.

Federalnyy zakon ot 28 dekabrya 2013 g. № 433-FZ «O vnesenii izmeneniya v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii» // Sobranie zakonodatel'stva rossiyskoy Federatsii. 2013. № 52 (chast I). St. 6998. (in Russia)

6. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 (ред. от 1 июля 2014 г.) «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 20. Ст. 2444.

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 12 maya 2009 g. № 537 (red. ot 1 iyulya 2014 g.) «O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2009. № 20. St. 2444. (in Russia)

7. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебное пособие: в 2 т. – 4-е изд., перераб. и доп. Т. 2. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. – 928 с.

Avakyan S.A. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnoe posobie: v 2 t. – 4-e izd., pererab. i dop. T. 2. M.: Norma: INFRA-M, 2010. – 928 s. (in Russia)

8. Бурбина Ю.В. Проблемы суверенитета федеративного / Ю.В. Бурбина // Юридический мир. 2009. № 3. С. 65–69.

Burbina Yu.V. Problemy suvereniteta federativnogo / Yu.V. Burbina // Yuridicheskiy mir. 2009. № 3. S. 65–69. (in Russia)

9. Вельяминов Г.М. Международное право: опыты. М.: Статут, 2015. – 1006 с.

Velyaminov G.M. Mezhdunarodnoe pravo: opyty. M.: Statut, 2015. – 1006 s. (in Russia)

10. Витрянюк С.В. Территориальная целостность государств в международном правовом и геополитическом измерениях: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. – 162 с.

Vitryanyuk S.V. Territorialnaya tselostnost gosudarstv v mezhdunarodnom pravovom i geopoliticheskom izmereniyakh: Dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2003. – 162 s. (in Russia)

11. Всемирная география: Площади территорий регионов России. <http://worldgeo.ru/russia/lists/?id=22>

Vsemirnaya geografiya: Ploshchadi territoriy regionov Rossii. <http://worldgeo.ru/russia/lists/?id=22> (in Russia)

12. Гудков А.В. Принцип территориальной целостности государства в решениях судов: на примере Российской Федерации, США, Канады, Турции, Молдовы: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. – 158 с.

Gudkov A.V. Printsip territorialnoy tselostnosti gosudarstva v resheniyakh sudov: na primere Rossiyskoy Federatsii, SSHA, Kanady, Turtsii, Moldovy: Dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2008. – 158 s. (in Russia)

13. Жеребцова Е.Е. Некоторые аспекты федеративных отношений в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / Е.Е. Жеребцова // Право и государство: теория и практика. 2010. № 6 (66). С. 13–18.

Zherebtsova E.E. Nekotorye aspekty federativnykh otnosheniy v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii / E.E. Zherebtsova // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2010. № 6 (66). S. 13–18. (in Russia)

14. Конституционное право России: учебник / [Б.С. Эбзеев и др.]; под ред. Б.С. Эбзеева, А.С. Прудникова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 671 с.

Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik / [B.S. Ebzeev i dr.]; pod red. B.S. Ebzeeva, A.S. Prudnikova. M.: YUNITI-DANA, 2012. – 671 s. (in Russia)

15. Конституционное право: университетский курс: учебник. В 2 т. Т. 1 / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. М.: Проспект, 2015. – 432 с.

Konstitutsionnoe pravo: universitetskiy kurs: uchebnik. V 2 t. T. 1 / pod red. A.I. Kazannika, A.N. Kostyukova. M.: Prospekt, 2015. – 432 s. (in Russia)

16. Конституционное право: учебник / отв. ред. В.И. Фадеев. М.: Проспект, 2014. – 584 с.

Konstitutsionnoe pravo: uchebnik / otv. red. V.I. Fadeev. M.: Prospekt, 2014. – 584 s. (in Russia)

17. Кочкаров Р.М. Конституционные основы суверенитета народов и нации и единство российской государственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. – 24 с.

Kochkarov R.M. Konstitutsionnye osnovy suvereniteta narodov i natsii i edinstvo rossiyskoy gosudarstvennosti: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1997. – 24 s. (in Russia)

18. Кутафин О.Е. Неприкосновенность в конституционном праве. М.: Юрист, 2004. – 407 с.

Kutafin O.E. Neprikosnovennost v konstitutsionnom prave. M.: Yurist, 2004. – 407 s. (in Russia)

19. Нарутто С.В., Таева Н.Е., Шугрина Е.С. Конституционное право России: учебник. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2013. – 432 с.

Narutto S.V., Taeva N.E., Shugrina E.S. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik. M.: RIOR: INFRA-M, 2013. – 432 s. (in Russia)

20. Нифанов А.Н. Территория: конституционно-правовая феноменология государственного атрибута: Монография. Ростов-на-Дону: РостИздат, 2011. – 268 с.

Nifanov A.N. Territoriya: konstitutsionno-pravovaya fenomenologiya gosudarstvennogo atributa: Monografiya. Rostov-na-Donu: RostIzdat, 2011. – 268 s. (in Russia)

21. Нудненко Л.А. Конституционное право России: учебник / Л. А. Нудненко. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2011. – 581 с.
Nudnenko L.A. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik / L. A. Nudnenko. – 2-e izd., pererab. i dop. M.: Izdatel'stvo Yurayt, 2011. – 581 s. (in Russia)
22. Остроухов Н.В. Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации и на постсоветском пространстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. – 62 с.
Ostroukhov N.V. Territorialnaya tselostnost gosudarstv v sovremennom mezhdunarodnom prave i ee obespechenie v Rossiyskoy Federatsii i na postsovetskom prostranstve: Avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2010. – 62 s. (in Russia)
23. Смоленский М.Б. Конституционное право: учебник / М.Б. Смоленский, М.В. Алексева. Ростов н/Д: Феникс, 2013. – 541 с.
Smolenskiy M.B. Konstitutsionnoe pravo: uchebnik / M.B. Smolenskiy, M.V. Alekseeva. Rostov n/D: Feniks, 2013. – 541 s. (in Russia)
24. Территория в публичном праве / И.А. Алебастрова, И.А. Исаев, С.В. Нарутто и др. М.: Норма, Инфра-М, 2013. – 320 с.
Territoriya v publichnom prave / I.A. Alebastrova, I.A. Isaev, S.V. Narutto i dr. M.: Norma, Infra-M, 2013. – 320 s. (in Russia)
25. Умнова И.А. Конституционное право РФ: учебник / И.А. Умнова, И.А. Алешкова. М.: Издательство Юрайт, 2012. – 578 с.
Umnova I.A. Konstitutsionnoe pravo RF: uchebnik / I.A. Umnova, I.A. Aleshkova. M.: Izdatel'stvo Yurayt, 2012. – 578 s. (in Russia)
26. Устименко Н.А. Конституционно-правовые аспекты территориальной целостности Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. – 184 с.
Ustimenko N.A. Konstitutsionno-pravovye aspekty territorialnoy tselostnosti Rossiyskoy Federatsii: Dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2005. – 184 s. (in Russia)
27. Хутаба Д.В. Взаимодействие и реализация международно-правовых принципов равноправия и самоопределения народов и территориальной целостности государств: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011. – 189 с.
Khutaba D.V. Vzaimodeystvie i realizatsiya mezhdunarodno-pravovykh printsipov ravnopraviya i samoopredeleniya narodov i territorialnoy tselostnosti gosudarstv: Dis. ... kand. yurid. nauk. Kazan, 2011. – 189 s. (in Russia)
28. Чертков А.Н. Территориальное устройство Российской Федерации. Правовые основы. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2009. – 344 с.
Chertkov A.N. Territorialnoe ustroystvo Rossiyskoy Federatsii. Pravovye osnovy. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii, 2009. – 344 s. (in Russia)
29. Чиркин В.Е. Конституционное право России: учебник / В. Е. Чиркин. – 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. – 496 с.
Chirkin V.E. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik / V. E. Chirkin. – 6-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2009. – 496 s. (in Russia)
30. Шахрай С.М., Клишас А.А. Конституционное право Российской Федерации. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 656 с.
Shakhray S.M., Klishas A.A. Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. M.: OLMA Media Grupp, 2010. – 656 s. (in Russia)

УДК 346.24

ПРЕДЕЛЫ ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

LIMITS OF CONTRACTUAL REGULATION OF CORPORATE RELATIONS

В.С. Серищева
V.S. Serishcheva

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: sinenko@bsu.edu.ru

Ключевые слова: корпоративный договор, принцип пропорциональности, корпорация, предпринимательский договор.

Key words: corporate contract, the principle of proportionality, the corporation, reform of the civil law.

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты применения корпоративных договоров в гражданском праве. Автором сделан ряд практических выводов, позволяющих определить пределы применения корпоративного договора. Определяются направления дальнейших исследований данной проблематики.

Resume. The article deals with separate aspects of application of corporate contracts in civil law. The author made a number of practical conclusions that allow to define the limits of the corporate contract application in the article. Determines the direction of further research of this problem.

Корпоративные отношения как самостоятельный элемент предмета гражданского права были индивидуализированы сравнительно недавно. Лишь в 2013 году ст. 2 Гражданского кодекса РФ [Собрание законодательства РФ. 1994. №32. Ст. 3301.] (далее – ГК РФ), определяющая предмет гражданско-правового регулирования, была дополнена указанием на «отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения)». Нормы, регулирующие данные отношения, существовали в ГК РФ и ранее, однако с момента нормативного закрепления понятия – «корпоративные отношения», внимание к проблемам их нормативного опосредования вышло на новый уровень. Одной из наиболее актуальных, в этом отношении, является проблема соотношения нормативного и договорного регулирования отношений, связанных с участием в корпоративных организациях или с управлением ими. Наиболее актуальными являются вопросы: 1) о возможности допущения регулирования таких отношений договором и, при положительном ответе на него; 2) определение пределов такого регулирования.

Следует отметить, что с момента вступления части 1 ГК РФ в силу в 1995 году возможности заключения договора об осуществлении корпоративных прав не было предусмотрено. Учредители корпоративной организации могли определять свои взаимоотношения только в рамках учредительных документов (учредительный договор и устав). Однако приток иностранных инвестиций обусловил вопрос о возможности влияния на управление в корпорации с помощью соответствующих соглашений (корпоративных договоров). Вследствие этого, осуществлялись попытки заключения договоров об осуществлении корпоративных прав до официального нормативного закрепления такой возможности. При этом стороны таких соглашений руководствовались принципом свободы договора, содержание которого включает в себя возможность заключения непоименованных договоров, то есть прямо не закрепленных в законе. В настоящее время во многих иностранных правовых системах возможность заключения участниками хозяйственных обществ корпоративных договоров допускается именно в силу принципа свободы договора [Более подробно об этом см.: Алиев: О сущности правовой природы корпоративного договора]. Однако в России действительность таких договоров до момента их нормативного закрепления вызывала сомнения.

Впервые в судебном процессе проблема действительности корпоративного договора рассматривалась в деле по иску об оспаривании акционерного соглашения ОАО «Мегафон» [Постановление ФАС по делу №А75-3725-Г/04-860/2005]. Акционеры в рамках такого договора подчинили правовой статус акционеров и акционерного общества соответствующим нормам шведского права. Предметом акционерного соглашения были: порядок проведения общего собрания акционеров; выборы членом в совет директоров, порядок отчуждения акций. В этом отношении Федеральный арбитражный суд За-

падно-Сибирского округа отметил, что статус и деятельность любого акционерного общества Российской Федерации, права и обязанности акционеров должны регулироваться исключительно положениями российского законодательства и учредительными документами. Соглашения акционеров между собой возможны только по вопросам, касающимся учреждения общества (учредительные договоры). В целом же суд расценил данное соглашение как попытку обойти императивные нормы корпоративного права, что противоречит публичному порядку на территории РФ. Аналогичные решения были вынесены и по ряду иных аналогичных дел.

Правовые нормы, позволяющие участникам корпораций применять корпоративный договор как инструмент для согласованного осуществления своих корпоративных (членских) прав, появились в российском законодательстве сравнительно недавно. Впервые подобного рода нормативные положения были включены в текст ст. 8 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [Собрание законодательства РФ. 1998. №7. Ст. 785.] в виде пункта 3, согласно которому участники общества вправе заключить договор об осуществлении прав участников общества. Такой договор может предусматривать обязательства сторон осуществлять принадлежащие им корпоративные права определенным образом, в том числе, воздерживаться от осуществления таких прав. Вслед за этой новеллой были внесены дополнения в Федеральный закон «Об акционерных обществах» [Собрание законодательства РФ. 1996. №1. Ст. 1.] в виде дополнительной статьи 32.1 «Акционерное соглашение», позволяющей заключать договор об осуществлении прав акционеров согласованным образом. В дальнейшем вопросы заключения корпоративных соглашений нашли свое урегулирование на уровне Гражданского кодекса РФ, в который в 2014 году была введена новая статья 67.2 «Корпоративный договор».

Основная идея данных изменений состоит в том, чтобы предоставить участникам корпораций большую свободу в организации корпоративного управления. Кроме того, фактически к управлению могут быть допущены и иные субъекты, участниками не являющиеся. Так, в силу п. 9 ст. 67.2 ГК РФ «Кредиторы общества и иные третьи лица могут заключить договор с участниками хозяйственного общества, по которому последние в целях обеспечения охраняемого законом интереса таких третьих лиц обязуются осуществлять свои корпоративные права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления». Управление со стороны третьих лиц, в таком случае, имеет опосредованный характер, то есть осуществляется через юридически обязывающий договор с участниками корпорации.

В связи с этим актуализируется вопрос о необходимости установления пределов возможного изменения традиционной системы управления юридическим лицом. При отсутствии такого рода ограничений будет действовать максимальная свобода для участников и иных лиц. Полагаем, что такие пределы, безусловно, необходимы. Причем именно в сфере правового регулирования корпоративного управления. Объяснение этому видится в природе юридического лица, в отношении которого Е.А. Суханов отмечает: «Юридическое лицо – это конструкция, опасная для оборота. Опасна она тем, что реальные физические лица, которые стоят за юридическим лицом, подсовывают своим контрагентам именно этого субъекта, эту фикцию с его имуществом, а личным имуществом по долгам отвечать не хотят. Поэтому законодательное регулирование в отношении юридических лиц необходимо ужесточать, чтобы злоупотреблений с их стороны было как можно меньше» [Суханов: Опасные юридические лица]. В этой связи считаем, что вопросы управления корпорацией не могут быть делом абсолютно частного значения, касающегося только его участников. Данная проблематика имеет и публично-правовое значение, что обуславливает выработку пределов свободы в решении анализируемых вопросов. Исследования в этой области проводятся и в зарубежных странах, начиная с 80-х годов прошлого столетия [Bebchuk: The Debate on Contractual Freedom. P. 1395]. Более того, можно говорить, что ограничение свободы корпоративных договоров – явление обычное для иностранных правовых порядков с достаточно длительным развитием правового регулирования соответствующих отношений. Так, в американской судебной практике судьи, рассматривающие дела об исполнении акционерных соглашений, указывают на то, что такие договоры подлежат исполнению, если не затрагивают прав других акционеров, третьих лиц, не идут вразрез с интересами общества и не нарушают нормы публичного порядка [Molano-Leon: Shareholders' Agreements in Close Corporation, P. 235.].

Необходимость установления пределов содержания корпоративного соглашения подчеркивается и в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации. Так, п. 4.1.11 говорит о целесообразности установления в ГК РФ общих правил о возможности заключения участниками хозяйственных обществ взаимных соглашений. Их предметом могут служить: согласованное голосование участников по каким-либо вопросам, обязанность передавать другим участникам соглашения дивиденды или иные выплаты и др. Вместе с тем указанные соглашения не могут менять корпоративную структуру, порядок принятия корпоративных решений и иные корпоративные правила, устанавливаемые в расчете на третьих лиц, не являющихся участниками соглашения акционеров. Их

условия не могут противоречить законодательным, в том числе антимонопольным запретам, природе отношений или публичным интересам, а также служить основанием для признания недействительными решений органов хозяйственного общества.

На корпоративное соглашение как разновидность договора распространяется принцип свободы договора, одним из проявлений которого является свобода в выработке договорных условий. Так, В.Г. Бородкин справедливо рассматривает пределы договорного регулирования корпоративных отношений через призму ограничений свободы договора. Он пишет, что возможность ограничения принципа свободы договора имеет важное значение применительно к корпоративному договору. В силу того, что договор является юридическим фактом, на основе которого возникают правоотношения заключивших его лиц, исследуемый институт может регулировать только внутренние отношения, возникающие в рамках хозяйственного общества, распространяться только на стороны договора, но при этом иметь косвенное влияние на участников, не являющихся сторонами соглашения, на органы общества, а также на само общество [Бородкин: Корпоративный договор в период реформирования, С. 169-170.]. В то же время договорная свобода не может быть безграничной. Более того, в научной литературе иногда встречаются весьма категоричные суждения в отношении необходимости корпоративных договоров в целом. Так, Е.А. Суханов в своем интервью о совершенствовании гражданского законодательства сказал следующее: «считаю, что корпоративное соглашение – это бомба под весь наш оборот. Оно позволяет установить права непропорционально доле участника. Это уже есть в Законе о хозяйственных партнерствах. Что получается? Я вношу 20 коп., а вы – 2 млн. И я получаю 90% голосов, право вето и все прибыли, а вы – один голос и все убытки» [Пискунов; Интервью с Е.А. Сухановым, С. 10.]. Возможно, данное суждение излишне категорично, однако нельзя не признать справедливость утверждения о необходимости объективных ограничений свободы корпоративных договоров.

Проработка вопросов о пределах договорного регулирования корпоративных отношений должна основываться на общих методических подходах ограничений в этой сфере. В первую очередь, обращает на себя внимание судебная практика последнего десятилетия. Она обнаруживает, что в случаях признания корпоративного соглашения в целом или же в отдельных его частях, суды, зачастую, ссылаются на их противоречие публичному порядку. Правовая категория «публичный порядок» впервые появилась в Кодексе Наполеона 1804 г, где в ст. 6 определено следующее: «Отступление от законов, касающихся публичного порядка и добрых нравов, путем соглашений частных лиц не допускается». В дальнейшем данная правовая категория получила достаточно широкое распространение, в том числе, и в законодательстве современной России. Так, к примеру, ст. 1193 ГК РФ устанавливает, что нормы иностранного права, которые могут быть применимы в соответствии с правилами международного частного права, не применяются в случаях, «когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации с учетом характера отношений, осложненных иностранным элементом». Ссылки на нарушение публичного порядка как основания к недействительности корпоративного соглашения были неизменны в тех случаях, когда участники пытались обойти императивные положения законодательства о структуре корпораций путем подчинения акционерных соглашений, изменявших уставную структуру корпоративного управления, иностранному праву. Так, в деле по иску об оспаривании акционерного соглашения ЗАО «Русский Стандарт Страхование» арбитражный суд отметил, что «российское законодательство не разрешает участникам хозяйственных обществ заключать договоры, направленные на урегулирование их прав и обязанностей в обществе с подчинением их иностранному праву. В соответствии со ст. 1214 ГК РФ договоры о создании юридического лица с иностранным участием императивно подчиняются праву страны учреждения юридического лица» [Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу №А40-62048/06-81-343]. Тем самым можно говорить о том, что основным аргументом признания соглашения недействительным явилось его противоречие публичному порядку Российской Федерации. Сказанное позволяет определить одно из возможных ограничений в содержании корпоративного договора, а именно, его соответствие публичному российскому порядку.

Дополнительным аспектом изучения проблемы ограничения корпоративных договоров являются принципы корпоративного права (иногда говорят о принципах акционерного права). В этом отношении считаем, что содержание корпоративных договоров не должно нарушать правовые принципы как основополагающие начала построения системы корпоративного права. Действительно, в результате заключения и реализации корпоративного договора возможна ситуация, когда фактический контроль над корпорацией будут осуществлять вовсе не те лица, которые сделали основные вклады в их имущество. Е.А. Суханов в этой связи говорит о возможном грубом нарушении основного принципа акционерного права – соответствия или прямой зависимости влияния на управление акционерным обществом от объема участия в его капитале [Суханов: Сравнительное корпоративное право, С. 125.]. Ужесточение правового регулирования в этой сфере в зарубежных странах (прежде всего,

США) произошло в начале 30-х годов прошлого века, после окончания «великой депрессии». Однако в России в настоящее время, наоборот, расширяется возможность заключения соглашений, основанных на исключении принципа пропорциональности, т.е. прямой зависимости между вкладами в капитал корпорации и возможностью участвовать в управлении ею. «Речь, следовательно, вновь идет об отходе от основных постулатов акционерного права, открывающем дорогу различным злоупотреблениям и аферам» [Суханов: Сравнительное корпоративное право, С. 126.].

Соответствующее положение гражданского законодательства выглядит двойственно. С одной стороны, абз. 2 п. 1 ст. 66 ГК РФ определяет, что «объем правомочий участников хозяйственного общества определяется пропорционально их долям в уставном капитале общества». Однако уже следующим предложением предусматривается возможность закрепления иного объема правомочий участников уставом общества, а также корпоративным договором. Е.А. Суханов объясняет это инициативой представителей Минэкономразвития РФ, которые активно настаивали на том, что корпоративным соглашением участников хозяйственного общества (и даже не всех, а только некоторых из них) должны допускаться любые изменения принципа пропорциональности. Только такая ситуация, по мнению ее инициаторов, вполне соответствует зарубежному опыту венчурного финансирования и принципу свободы договора акционеров – частных собственников своего имущества, а также ставшему остро необходимым принципу преобладающей «диспозитивности» норм корпоративного права [Суханов: О частных и публичных интересах ..., С. 7-8.]. Причем такой подход полностью реализован в ФЗ «О хозяйственных партнерствах» [Собрание законодательства РФ. 2011. №49 (ч. 5). Ст. 7058.], который предусматривает появление новой организационно-правовой формы юридического лица, находящийся вне пределов современной системы юридических лиц. По мнению Д.В. Ломакина, хозяйственные партнерства можно сравнить с автономным самодостаточным организмом, существующим по своим собственным правилам, далеким от нормы. В этом законе «получила воплощение одна из обозначенных ранее несостоятельных идей, заключающаяся в подчинении общего механизма правового регулирования исключительно решению частных, узкопрофильных задач отдельных участников гражданского оборота, что неизбежно оказывает отрицательное влияние на устойчивость оборота в целом» [Ломакин: Хозяйственные партнерства и параллельная «реформа» гражданского законодательства, С. 63-64.].

Цель данной статьи не охватывает углубленное изучение данного вопроса и формирование соответствующего вывода о возможности или невозможности отхода от принципа пропорциональности. Однако изложенное позволяет выделить второе направление изучения пределов корпоративного договора, а именно, его соответствие принципам корпоративного права в целом.

Сказанное дает лишь поверхностный взгляд на основную проблему, затрагиваемую в данной статье – пределы договорного регулирования корпоративных отношений. В силу объемности и многогранности данной проблематики ее детальное рассмотрение возможно только в рамках самостоятельного монографического исследования. Однако в качестве основных выводов, на основе которых можно продолжать дальнейшее научное изучение, можно сформулировать следующие. Во-первых, договорное регулирование корпоративных отношений возможно. Это соответствует как зарубежным традициям, так и потребностям экономического развития России. Во-вторых, необходимы четкие законодательно установленные ограничения свободы таких договоров. Сфера корпоративных отношений, хотя и составляет предмет гражданско-правового регулирования, но объективно в большей мере подвержена императивному воздействию со стороны права. И, в-третьих, ограничения свободы корпоративных договоров (их изучение и нормативное закрепление) обусловлено: 1) действием публичного порядка Российской Федерации; и 2) принципами корпоративного права как подотрасли гражданского права. В тоже время следует заметить, что с учетом отсутствия детальной разработки категорий «публичного порядка» и «принципов корпоративного права» вопрос о пределах договорного регулирования корпоративных отношений еще очень далек от своего окончательного разрешения.

Список литературы References

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 23.05.2015) // Собрание законодательства РФ. 1994. №32. Ст. 3301.
Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 №51-FZ (red. ot 23.05.2015) // Sbranie zakonodatel'stva RF. 1994. №32. St. 3301.
2. Федеральный закон от 03.12.2011 №380-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О хозяйственных партнерствах» // Собрание законодательства РФ. 2011. №49 (ч. 5). Ст. 7058.
Federal'nyy zakon ot 03.12.2011 №380-FZ (red. ot 23.07.2013) «O hozyajstvennyh partnerstvah» // Sbranie zakonodatel'stva RF. 2011. №49 (ch. 5). St. 7058.

3. Федеральный закон от 08.02.1998 №14-ФЗ (ред. от 06.04.2015) "Об обществах с ограниченной ответственностью" // Собрание законодательства РФ. 1998. №7. Ст. 785.
Federal'nyj zakonot 08.02.1998 №14-FZ (red. ot 06.04.2015) "Ob obshchestvah s ogranichennoj otvetstvennost'yu" // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1998. №7. St. 785.
4. Федеральный закон от 26.12.1995 №208-ФЗ (ред. от 06.04.2015) «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 1996. №1. Ст. 1.
Federal'nyj zakonot 26.12.1995 №208-FZ (red. ot 06.04.2015) «Ob akcionernyh obshchestvah» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. №1. St. 1.
5. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 4 – 592.
Grazhdanskij kodeks Francii (Kodeks Napoleona). М.: Infotropik Media, 2012. S. 4 – 592.
6. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 31.03.2006 по делу №А75-3725-Г/04-860/2005 // СПС Консультант Плюс: Судебная практика.
Postanovlenie FAS Zapadno-Sibirskogo okruga ot 31.03.2006 podelu №А75-3725-G/04-860/2005 // SPS Konsul'tant Plus: Sudebnayapraktika.
7. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 26.12.2006 по делу №А40-62048/06-81-343 // СПС Консультант Плюс: Судебная практика.
Reshenie Arbitrazhnogosuda g. Moskvy ot 26.12.2006 podelu №А40-62048/06-81-343 // SPS Konsul'tant Plus: Sudebnayapraktika.
8. Алиев Т.Т. О сущности правовой природы корпоративного договора // Гражданское право. 2015. №1. С. 19 – 22.
Aliev T.T. O sushchnostipravovoj prirody korporativnogodogovora // Grazhdanskoepravo. 2015. №1. S. 19 – 22. (in Russia)
9. Бородкин В.Г. Корпоративный договор в период реформирования Гражданского кодекса РФ // Закон. 2014. №3. С. 160-174.
Borodkin V.G. Korporativnyj dogovor v period reformirovaniya Grazhdanskogokodeksa RF // Zakon. 2014. №3. S. 160-174. (in Russia)
10. Ломакин Д.В. Хозяйственные партнерства и параллельная «реформа» гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. 2012. №4. С. 57 – 77.
Lomakin D.V. Hozyajstvennyepartnerstvaiparallel'naya «reforma» grazhdanskogozakonodatel'stva // Vestnik VAS RF. 2012. №4. S. 57 – 77. (in Russia)
11. Пискунов Я. Корпоративное соглашение – это бомба под весь наш оборот [Интервью с Е.А. Сухановым] // Закон. 2014. №7. С. 6 – 13.
Piskunov YA. Korporativnoesoglashenie – ehtobomba pod ves' nashoborot [Interv'yu s E.A. Suhanovym] // Zakon. 2014. №7. S. 6 – 13. (in Russia)
12. Суханов Е.А. О частных и публичных интересах в развитии корпоративного права // Журнал российского права. 2013. №1. С. 5-9.
Suhanov E.A. O chastnyhipublichnyhinteresah v razvitiikorporativnogoprava // Zhurnalrossijskogoprava. 2013. №1. S. 5-9. (in Russia)
13. Суханов Е.А. Опасные юридические лица // ЭЖ-Юрист. 2008. №47.
Suhanov E.A. Opasnyeyuridicheskielica // EHZH-Yurist. 2008. №47. (in Russia)
14. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с.
Suhanov E.A. Sravnitel'noekorporativnoepravo. М.: Statut, 2014. 456 s. (in Russia)
15. Bebchuk L.A. The Debate on Contractual Freedom in Corporate Law // 89 Columbia Law Review. 1989.
16. Molano-Leon R. Shareholders' Agreements in Close Corporation and Their Enforcement in the United States of America. Bogota (Colombia). 2008. №117.

УДК 615.21

**СУДЕБНО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАЯ КРИМИНАЛИСТИКА
В РАБОТЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ УКРАИНЫ,
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ
ПО БОРЬБЕ С НАРКОПРЕСТУПНОСТЬЮ И КАННАБИСНОЙ НАРКОМАНИЕЙ**

**FORENSIC AND PHARMACEUTICAL CRIMINALISTICS IN POLICING OF UKRAINE,
RUSSIAN FEDERATION AND THE UNITED KINGDOM AGAINST DRUG CRIMINALITY
AND DRUG ADDICTION OF CANNABIS**

**В.В. Шаповалов
V.V. Shapovalov**

*Департамент здравоохранения Харьковской областной государственной администрации, Украина, 61022,
г. Харьков, площадь Свободы, 5*

Department of healthcare of Kharkiv regional state administration, 5 Freedom Square, Kharkiv, 61022, Ukraine

e-mail: krisa83@bk.ru

Ключевые слова: фармацевтическое право; судебно-фармацевтическая криминалистика; психоактивные вещества, наркотические средства, каннабис, марихуана.

Key words: pharmaceutical law; forensic and pharmaceutical; criminalistics; psychoactive substances; narcotic drugs; cannabis; marijuana.

Аннотация. В данной статье проведены судебно-фармацевтические исследования наркопреступности, связанной с незаконным оборотом наркотического средства каннабиса. Установлены причинно-следственные связи незаконного оборота каннабиса и каннабисной наркомании в Российской Федерации, Украине и Великобритании. Отмечены закономерности незаконного оборота психоактивных веществ среди школьников и молодежи. Проведен анализ нормативно-правовых документов Украины, Российской Федерации и Великобритании, регламентирующих оборот препаратов конопли (каннабиса, марихуаны и др.). Показано, что тенденции 2009-2014 г.г. в мире свидетельствуют о сохранении высокого уровня незаконного оборота и злоупотребления препаратами каннабисной группы среди различных слоев населения.

Resume. In this article conducted a forensic and pharmaceutical research of drug crimes related to illegal circulation of narcotic drug cannabis. Established causal links between the illegal cannabis circulation and cannabis addiction in the Russian Federation, Ukraine and the United Kingdom. Marked patterns of illegal circulation of psychoactive substances among schoolchildren and youth. The analysis of legal documents of Ukraine, the Russian Federation and the United Kingdom government concerning the circulation of cannabis (cannabis, marijuana, and others). Shown that the trends of 2009-2014 years in the world suggest maintaining a high level of illegal circulation and abuse of drugs of cannabis group among the various segments of the population.

В последние годы незаконное потребление наркотических средств, относящихся к препаратам каннабисной группы, продолжает оставаться на высоком уровне, что подтверждается данными анализа, проведенного в 2004 г. и 2008 г. экспертами ООН. Отмечено, что во всех странах мира (Африки, Ближнего Востока, Европы, Океании, Северной Америки) население в возрасте от 15 до 64 лет незаконно употребляет каннабис: в 2004 г. – 162 миллиона граждан (составляет 4% всего населения) [ЮНОДК, Всемирный доклад о наркотиках за 2004 г.]; в 2008 г. – 191 млн. граждан (составляет 4,3% всего населения) [ЮНОДК, Всемирный доклад о наркотиках за 2010 г.].

Как отмечает Е.Е. Тонков, исследование уровня борьбы правоохранительных органов Российской Федерации (РФ) с наркобизнесом вскрывает причинно-следственные связи между распространением заболеваемости (наркомания, токсикомания, ВИЧ/СПИД), организованной наркопреступностью и наркокоррупцией, связанными с незаконным оборотом психоактивных веществ (ПАВ) – каннабис, опий и героин [Тонков, Государственно-правовая деятельность... С. 18-24; Тонков, Особенности правовой природы... С. 5-8]. Акцентируется внимание государства и общества на том, что наркомания является серьезнейшим заболеванием и представляет социальную опасность для наиболее трудоспособной части населения, к которой относится молодежь. Являясь потенциально опасным заболеванием, наркомания способствует тому, что наркопреступниками совершаются и другие тяжкие и особо тяжкие преступления (убийства, кражи, грабежи, хулиганство и т.д.). Потребители ПАВ, являясь одновременно и преступниками, и пациентами, требующими соответствующей медико-фармацевтической помощи, на протяжении своей непродолжительной жизни (в среднем до 30 лет), вовлекают в незаконный оборот (потребление) ПАВ от 10 до 20 здоровых граждан, которые становятся частью криминальной среды, что вызывает необходимость усиления государственной политики в

противодействию наркотизации общества, молодежной, студенческой и школьной среды [Тонков, Принципы деятельности государства... С. 22-26].

Цель работы: изучить проблему наркопреступности и каннабисной наркомании с учетом опыта России, Украины и Великобритании в рамках судебно-фармацевтической криминалистики.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования выступали данные судебно-фармацевтического мониторинга преступлений, связанных с незаконным оборотом каннабиса в Украине, Российской Федерации (РФ) и Великобритании, а также законодательная и нормативно-правовая база Украины, РФ и Великобритании. При проведении исследований использованы методы нормативно-правового, документального, системного анализа и судебно-фармацевтического мониторинга.

Результаты исследования и их обсуждение. Оборот наркотических средств в мире регулируется Единой Конвенцией о наркотических средствах 1961 г. ООН [Единая Конвенция ООН о наркотических средствах 30.03.1961 с изменениями от 25.03.1972], которая ратифицирована РФ, Украиной и Великобританией и является фундаментом борьбы с каннабисным наркобизнесом. В приведенной Конвенции ООН оборот растения «конопля» должен отвечать следующим внутригосударственным требованиям: включение в список наркосодержащих растений; строгий контроль ее оборота (выращивание, производство, хранение, учет и т.д.); установление уголовно-правовой ответственности за ее незаконный оборот. Для исполнения Конвенции ООН в РФ, Украине и Великобритании приняты следующие нормативно-правовые документы: А) в России – Закон РФ «О наркотических средствах», по которому препараты каннабиса включены в Список 1, т.е. в список наркотических средств, оборот которых в РФ полностью запрещен и регулируется [ФЗ РФ о наркотических средствах и психотропных веществах]. При совершении действий, связанных с незаконным оборотом каннабиса, возникает состав преступления, предусмотренного ст. 228-233 УК РФ. Например, за действия, квалифицируемые ч.5 ст. 228.1 УК РФ (незаконный сбыт конопли в особо крупном размере, совершенное организованной группой) предусмотрено лишение свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет или без такового и со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового или пожизненным лишением свободы [УК РФ. Незаконные приобретение, хранение...]; Б) в Украине – Закон Украины «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах», постановление Кабинета Министров Украины от 06.05.2000 № 770 «Об утверждении Перечня наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров», приказ Министерства здравоохранения Украины от 01.08.2000 г. № 188 «Об утверждении таблиц небольших, больших и особо крупных размеров наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, находящихся в незаконном обороте» и др. [Закон Украины «О наркотических средствах...»; Иванов, Безнаркотическая конопля...; Постановление КМУ от 06.05.2000 №770; Приказ МЗ Украины от 01.08.2000 г. № 188]. При совершении преступления образуется состав преступления, предусмотренный ст. 305-320 УК Украины [Кримінальний кодекс України, ст.131]. Например, за действия, квалифицируемые ч.3 ст. 307 УК Украины (незаконный сбыт конопли в особо крупном размере, совершенное членами организованной преступной группой) предусмотрено лишение свободы на срок от 9 до 12 лет с конфискацией имущества; В) в Великобритании – Закон Великобритании «Наркотики» (далее – Закон), которым официально запрещено сбывать (перевозка, импорт, экспорт, производство, хранение и др.) препараты каннабиса, но использование наркотических средств каннабиса в личных целях (употребление) не наказуемо [Мнушко, Бабичева: Комплексний підхід до визначення]. Действие данного Закона позволяет полиции при подозрении на операции, связанные со сбытом каннабиса, задерживать граждан и останавливать транспортные средства для досмотра. Следует отметить, что Законом ПАВ, находящиеся в обороте на территории Великобритании, классификационно-правовая группа «наркотические средства» делится на три класса [Marijuana laws in the UK and its legal implications]:

– Класс А (кокаин, экстази, героин, ЛСД, метадон, метамфетамин, волшебные грибы (содержащие эфир псилоцин), любой класс В инъекционных препаратов) – уголовное наказание до 7 лет лишения свободы и штраф; при совершении преступления повторно – пожизненное лишение свободы.

– Класс В (амфетамин, барбитураты, кодеин) – уголовное наказание до 5 лет лишения свободы и штраф; при совершении преступления повторно – уголовное наказание до 14 лет и штраф.

– Класс С (анаболические стероиды, транквилизаторы, каннабис) – уголовное наказание до 2 лет лишения свободы и штраф; при совершении преступления повторно – лишение свободы до 14 лет и штраф.

В Великобритании марихуана (далее М) является одним из препаратов, классификация которого изменилась совсем недавно, что привело к некоторой путанице в правовом статусе и Законе, ко-

торым регламентирован ее оборот. Кроме того, М имеет и другое применение и поставляется в различных формах. Эти различные типы М являются производными от одного вида растений, но имеют разные степени наркотического воздействия на организм человека. Например, «хэш» выглядит как коричневый или черный комочек и производится из смолы каннабиса, в то же время как «сорняк» производится непосредственно из сушеных листьев. При этом «сорняк» относится к особо сильному виду растений и часто импортируется со стеблями, которые хорошо переносят перевозку и не портятся долгое время. Транспортировка каннабиса влечет за собой 14 лет тюремного заключения и штраф в неограниченном размере [Marijuana laws in the UK and its legal implications].

Важно отметить, что оборот препаратов конопли в некоторых странах мира (Нидерланды, Чехия, США, Финляндия) имеет исключение отдельных мер государственного контроля, что позволяет осуществлять их лицензионный оборот – применение сутобо в медицинских целях в отведенных и контролируемых государством для этого местах [Які бувають види конопель], что способствует экономико-правовому и медико-фармацевтическому путям решения проблемы, при этом исключается уголовное преследование лиц, употребляющих медицинские препараты конопли или М в установленных государством местах, что вызывает дискуссии в обществе и государстве. Изучение ситуации в странах мира свидетельствует о том, что отдельные граждане, организации и движения (например, в Украине) предлагают легализовать наравне с табачными изделиями и алкогольными напитками оборот медицинских препаратов на основе сырья конопли [Ковалевская, Интервью начальника РУ ФСКН], что позволит: уменьшить уровень наркокоррупции и наркопреступности в стране; уменьшить количество М, находящейся в незаконном обороте; применять препараты конопли в медицинских целях (онкология, боли различного генеза); разработать новые жизненно важные лекарственные средства (ЛС); обеспечить создание новых рабочих мест в сельском хозяйстве, легкой промышленности и фармацевтической отрасли, росту ВВП и др. показателей.

Согласно исследованиям британского медицинского журнала Lancet, М занимает 11-е место по вредности в списке вредных наркотических средств (алкоголь и табак занимают 5-е и 9-е место соответственно). В М содержится более 400 химических соединений, но основное психоактивное вещество – каннабиноиды [Пресс-центр СБ України]. Наркотические средства, относящиеся к препаратам каннабисной группы (каннабис, марихуана) в среде наркозависимых лиц имеют несколько синонимов и сленговых названий. При этом эти граждане в процессе совершения преступных действий, для скрытия истинного смысла своего разговора о М ее шифруют, употребляя сленговые словосочетания (конопля, каннабис, план, анаша, ганджа, трава, травка, шмаль, шалушка, ганджубас, ганя, гравицап, дурь, драп, дубас, дуст, гага, косяк, шала, зелень, зеленка, МариВанна, Мэри Джейн, хэш, стафф, дудка, дудло, дурь, петрушка, махорка, книжка, сено, бамбук, бошки, шишки, пон, поника, гидра, головы, сканк, пышка, дядя, дед) [Фармацевтичне і медичне право України]. Поэтому сотрудникам правоохранительных органов и лечебных учреждений, ведущих борьбу с наркобизнесом, наркокоррупцией и осуществляющих лечебную практику, необходимо владеть терминологическим аппаратом (сленгом) наркопациентов-преступников, связанных с незаконным оборотом М и являющимися ее потребителями. Знание сленговой терминологии должно базироваться на нормах международного фармацевтического права, являющегося внутрисударственной правовой основой фармацевтического и уголовного законодательства, которые базируются на Единой Конвенции (ООН) о наркотических средствах 1961 г.

Установлено, что злоупотребление препаратами М влияет и воздействует на организм человека, а именно на следующие органы:

– мозг: М влияет на мыслительные способности, алгоритма понимания, абстрактному мышлению, обучению и память. В зависимости от количественного содержания каннабиноидов в М и восприимчивости организма конкретного человека препарат может вызвать сильное головокружение, потерю ориентации в пространстве, состояние паники, депрессии, беспокойство, токсические психозы. Долговременное потребление М как правило приводит к структурным и функциональным изменениям;

– легкие: М вызывает бронхиты, фарингиты, синуситы, рак легких, способствует развитию ОРВИ, гриппа, заболеваний верхних дыхательных путей и отеков;

– сердце: М усиленное сердцебиение, учащение пульса и повышение кровяного давления, артериальную гипертензию и др.;

– половую систему у мужчин: М снижает содержание тестостерона, изменяет гормональный фон, уменьшает числа сперматозоидов и их подвижности и увеличивает число аномальных клеток.

– половую систему у женщин: продукты распада М накапливаются в женских репродуктивных органах, изменяет мозговую деятельность, оказывает токсическое действие на развитие плода во время беременности, вызывая отклонения при вынашивании, тяжелое протекание родов и раннюю смерть младенцев. Так называемый «фетальный синдром марихуаны», характеризующийся сниже-

нием веса рожденных детей и отклонениями развития, наблюдается в 5 раз чаще, чем «фетальный алкогольный синдром». Вместе с молоком матери М переходит в детский организм при кормлении.

– двигательные функции: влияние на умственные и физические реакции, нарушает координацию и увеличивает время реакции и принятия решения, ухудшается способность к выполнению последовательных операций и степень восприятия. Появляется сильная потребность двигаться, ходить, разговаривать, смеяться, шутить, характерны неестественные позы в состоянии покоя. Длительное злоупотребление М приводит к увеличению дозы и частоты приема, а в последствии – к употреблению более мощных «тяжелых» особо опасных наркотических средств оборот которых запрещен и преследуется уголовным законодательством РФ, Украины и Великобритании.

Судебно-фармацевтические исследования уголовной, оперативно-розыскной, экспертно-криминалистической и судебной практики свидетельствуют о том, что население, которое нелегально выращивает в сельских регионах М ориентируется главным образом на незаконный оборот, включающий в себя культивирование, переработку, хранение, употребление, сбыт и контрабанду запрещенной к обороту М, являющуюся особо опасным наркотическим средством растительного происхождения. Судебно-фармацевтическая криминалистика свидетельствует о том, что оперативные работники, следователи, эксперты-криминалисты и судьи на этапе расследования и рассмотрения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом препаратов каннабиса и М, часто сталкиваются с проблемой оценки судебно-фармацевтических экспертиз, определяющих разовый объем М, процент содержания в ней активных веществ [Фармацевтическое право в наркологии, 2004; Фармацевтичне і медичне право України...; Шаповалов: Сучасний стан забезпечення... С. 5-7; Шаповалова: Судово-фармацевтичне вивчення... С. 35-42; Шаповалова, Шаповалов, Халін, 2010]. По мнению Ю.В. Васиной, на основании проведенных судебно-фармацевтических исследований установлены закономерности незаконного оборота ПАВ среди школьников и молодежи в Харьковской области Украины [Васіна: Організаційні дослідження судової фармації..., 2009]. Аналогичные исследования, проведенные А.Г. Данилиным, показывают, что в РФ среди школьников наблюдается высокий уровень знаний, связанных с оборотом каннабиса [Данилин: Проблема марихуаны...]. Так, в результате проведенных анонимных опросов (в период с 1999 по 2000 годы) школьников 4-х классов пяти московских школ установлено, что каждый 6-й из опрошенных хотя бы один раз пробовал курить марихуану, а практически все остальные «не знали», что «каннабис (анаша)» является наркотическим средством, при этом учащиеся (как мальчики, так и девочки) ничего не знали о негативных последствиях злоупотребления этого ПАВ для организма человека²⁸. Установлено, что последствия каннабисной наркомании в г. Москве и г. Санкт-Петербурге также стоят остро, о чем свидетельствует пример того, что на российском телевидении канала НТВ в программе «Принцип домино» один из самых авторитетных среди молодежи специалистов по рок-музыке, знаменитый «тусовщик» А. Троицкий в течение 15 минут эфирного времени без цензуры и представителей государства (нарколога и специалиста ФСКН РФ) с интересом рассказывал телезрителям о своем опыте «вредной привычки», связанной с курением марихуаны, то есть откровенно рекламировал и призывал слушателей фактически к ее незаконному обороту (незаконному приобретению, хранению и употреблению), что само по себе уже является уголовно наказуемым деянием и преступлением, регламентируемым статьей 228 УК РФ⁸. Другим примером незаконной пропаганды и рекламы каннабиса является продажа маек, рубашек и других вещей со всевозможными рисунками листьев каннабиса, которые продаются на вещевых рынках городов, что является скрытой рекламой запрещенного продукта, которая проводится при попустительстве государственных контролирующих и правоохранительных органов.

Выявление, фиксация, документирование и уничтожение преступной системы наркооборота является одной из форм работы Служб УБНОН МВД Украины, ФСКН РФ, УБОП МВД Украины, УИМ (участковые) МВД Украины, ГЭНИКЦ МВД Украины, (досудебного следствия), СБУ, Следственного комитета РФ, ФСБ РФ, что способствует исполнению государственной программы Украины и РФ, а именно:

– Распоряжения Кабинета Министров Украины от 22.11.2010 № 2140-р «Об утверждении плана мероприятий по выполнению Концепции реализации государственной политики в сфере противодействия распространению наркомании, борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров на 2011-2015 годы» [Розпорядження Кабінету Міністрів України від 22.11.2010 № 2140-р];

– Распоряжения Кабинета Министров Украины от 28.08.2013 г. № 735-р «Об утверждении Плана мероприятий на 2014 год по реализации Стратегии государственной политики в отношении наркотиков на период до 2020 года» [Розпорядження Кабінету Міністрів України 28.08.2013 № 735-р];

– Постановления Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 299 «Об утверждении государственной программы РФ Противодействие незаконному обороту наркотиков» [Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 299];

– Указа Президента РФ №690 от 09.06.2010 года «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики РФ до 2020 года» [Указ Президента РФ №690 от 9 июня 2010 года].

С другой стороны, во всех регионах Украины, РФ и Великобритании проживает большое количество населения, нуждающееся в современной, качественной, эффективной и экономически доступной медицинской и фармацевтической помощи.

Однако, примеры из судебно-фармацевтической практики свидетельствуют о том, что Украины (пример 1-2), России (пример 3) и Великобритании (пример 4) действуют организованные преступные наркогруппировки, осуществляющие незаконный оборот наркотических средств (М).

Пример 1. Следователем СВ Попаснянского РО ГУМВД Украины в Луганской области расследуется уголовное дело, предусмотренное ч. 2 ст. 310, ч. 3 ст. 307 УК Украины [Пресс-центр СБ Украины]. В ходе досудебного следствия установлено, что 06.07.2013 сотрудниками СБУ в Луганской области совместно с работниками службы УБНОН в ходе реализации оперативной информации о незаконном выращивании запрещенных растений обнаружены, задокументированы и изъяты из незаконного обращения 3500 кустов растения, которое в соответствии с судебно-фармацевтической экспертизой отнесено к растению конопли, являющимся особо опасным наркотическим средством. Как установлено, большая плантация конопли была незаконно высажена частным предпринимателем гр. Б, который замаскировал поле конопли под подсолнечник. Сотрудниками службы БНОН при осмотре места преступления выявлено наличие специальных шлангов для полива, а также следы подъезда к полю автомобилей с водой, что свидетельствует о том, что работники сельхозпредприятия причастны к незаконному выращиванию 3,5 тыс. кустов конопли. Уголовное дело закончено и направлено в суд.

Пример 2. Следователем СВ ГУМВД Украины в Харьковской области расследуется уголовное дело по ч. 1 ст. 320, ч. 2 ст. 310 УК Украины [Неймирок: Харьковской области милиция...]. В ходе досудебного следствия установлено, что 10.07.2013 сотрудниками службы УБНОН в сельской местности обнаружено поле (площадью 19 га), задокументированы и изъяты из незаконного оборота растения, которые согласно судебно-фармацевтической экспертизы отнесены к растению конопли более чем 13 млн. кустов (122,5 тыс. кг), которая является особо опасным наркотическим средством и оценивается на сумму 1,5 млрд. грн. Как установлено в ходе расследования должностные лица во главе с гр. И, является руководителем регионального общества с ограниченной ответственностью, которое имеет лицензию на осуществление деятельности по перевозке, хранению и культивированию мака и конопли, не имея квоты на культивирование растений, содержащих ПАВ наркотические средства, самовольно засеяли наркoплантации конопли. В ходе досудебного следствия установлено, что сотрудники при выращивании конопли выполняли действия, связанные с ее оборотом: высушивание, упаковка в пакеты по 5 г., сбыт наркодилерам (реализовывали на «черном» рынке 1 пакет стоимостью от 80 до 200 гривен за каждую пачку). Решением Киевского районного суда сотрудники правоохранительных органов уничтожили все наркосодержащие растения, которые были в незаконном обороте.

Пример 3. Следователем СУСК РФ Краснодарского края расследуется уголовное дело по ст. 228.1 УК РФ [Мартынова: Сбытчиков марихуаны...]. В ходе досудебного следствия установлено, что сотрудниками СУСК РФ Краснодарского края в сельской местности задержан 45-летний житель Кубани гр. М. и его 30-летний товарищ – житель Павловского района гр. В., которые выполняли действия, связанные с оборотом конопли: поиск клиентов, сбыт товара, бесперебойные поставки ПАВ. В ходе обысков в помещениях, где проживают гр. М. и гр. В., была найдена и изъята М. При проведении судебной химико-фармацевтической экспертизы были подтверждены факты незаконного хранения более 1 кг каннабиса. В рамках криминального производства дело направлено в суд.

Пример 4. Следователями полиции города Мерсисайд и города Ливерпуля (Великобритания) [Varlow: Five quizzed after cannabis...] расследуется уголовное дело по факту незаконного оборота каннабиса. В ходе следствия, 18.07.2013 во время реализации оперативной информации и в соответствии с полученными ордерами суда, проведено пять обысков по задержанию преступников, которые на ферме осуществляли незаконный оборот каннабиса (выращивание, культивирование, упаковка, продажа и поставка в незаконные розничные сети к потребителям больных наркоманией). В ходе операции принимали участие 50 офицеров полиции и следователей (в городах Фазакерлей, Клабмур, Эвертон, Биркенхед, Кирби, Сент-Хеленс и Ливерпуль), были задержаны и арестованы 8 преступников, у которых изъято 5 т. наркотического растения конопли. В ходе расследования полицейскими выяснен механизм незаконного выращивания конопли.

Анализируя примеры из судебно-фармацевтической криминалистики, можно дать оценочную характеристику преступлений, связанных с незаконным оборотом каннабиса в РФ, Украине и Великобритании (табл. 1). При этом, необходимо отметить, что уровень борьбы с каннабисной наркопреступностью в Великобритании превышает аналогичные показатели в Украине и РФ. На наш взгляд, правоохранительным органам и экспертам-криминалистам Украины и РФ необходимо обме-

ниваться опытом работы специальных служб, что будет способствовать улучшению сотрудничества, проведению совместных (международных) операций, повышению уровня борьбы с наркобизнесом.

Таблица 1

Table 1

**Судебно-фармацевтические характеристики преступлений,
связанных с незаконным оборотом каннабиса и М в РФ, Украине и Великобритании**
Forensic pharmaceutical characteristics of crimes related to illicit trafficking in cannabis
and M in the Russian Federation, Ukraine and the UK

Показатели	Страна		
	РФ	Украина	Великобритания
Количество привлеченных лиц	5	5	8
Статья уголовного кодекса	ст. 228, 228.1 УК РФ	ст. 310, 307 УК Украины	Класс С
Судебно-фармацевтическая экспертиза ПАВ	Конопля/Марихуана	Конопля	Конопля
Степень опасности ПАВ	Список I «Наркотическое средство, оборот которых, в Российской Федерации запрещен в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации»	Таблица I Список №1 «Особо опасные наркотическое средство, оборот которых запрещен»	Класс С

Среди причин незаконного оборота наркотических средств каннабисной группы в РФ и Украине следует отметить такие:

- 1) Незаконный оборот (выращивание, сбыт) препаратов природного происхождения (конопля, М) дает преступникам прибыль от 500 до 5000%;
- 2) Наличие спроса на каннабисные препараты среди всех слоев населения;
- 3) Низкий уровень медицинского и фармацевтического обследования, вследствие чего у пациентов, страдающих болями, возникает соблазн по употреблению препаратов каннабиса;
- 4) Отсутствие медицинских услуг в аптечных учреждениях;
- 5) Несоблюдение минимального ассортимента анальгетических лекарственных средств в аптеках различных форм собственности.

Современные селекционные сорта конопли занесены в Реестр сортов растений Украины, содержащих 0,03-0,06% наркотически активного ПАВ тетрагидроканнабинола (ТГК), при допустимом содержании согласно законодательству Украины 0,15% и согласно законодательству стран ЕС – 0,20%. Однако, действующее законодательство Украины предусматривает такие условия культивирования конопли [Конопля. Коноплеводство. Техническая конопля в Украине...], которые позволяют выращивать коноплю только при наличии лицензии, выданной Министерством аграрной политики Украины сроком на 3 года [Голобородько, Коротя: Ресурсозберігаюча технологія вирощування..., 2006]. При этом участились случаи, когда граждане пренебрегают правилами легального оборота наркотического сырья каннабиса и выращивают нелегальные плантации конопли, с содержанием ТГК более 20%, с целью их дальнейшего сбыта и быстрого получения заработка, нарушая законодательство Украины и РФ [Конституция РФ]. Поэтому одним из методов борьбы с организованной наркопреступностью является использование сортов безнаркотической конопли, что будет способствовать обеспечению альтернативного замещения наркосодержащих видов конопли за счет более сильного генотипа, не содержит в своем составе ТГК. Как отмечает В.Тимошенко, актуальным является создание на основе разных сортов конопли «медицинской конопли» ЛС (таблетки, капсулы) и других материалов, которые используются в разных отраслях народного хозяйства (авиастроение, судостроение, строительство, парфюмерия и др.) [Тимошенко: «Адекватність відповіді на загрозу...]. При этом важным моментом является проведение селекционных работ по созданию сортов конопли, которые не содержат ТГК или содержат незначительное количество (менее 0,15% ТГК). Следует отметить, что площади посева культуры «безнаркотической конопли» в РФ снизились более чем в 300 раз. При этом РФ стала крупнейшим импортером (до нескольких миллионов тонн) конопляного волокна и пальмового масла. Ученые РФ являются разработчиками 20 селекционных сортов конопли с крайне малым содержанием наркотического алкалоида – ТГК, которые обеспечивают выход с 1 га конопли до 7 тонн высококачественной целлюлозы (для сравнения: с 1га леса (древесина) – до 1тонны целлю-

лозы) В свою очередь, в Великобритании преобладают совершенно иные тенденции выращивания конопли (увеличение посевных площадей, усовершенствование системы переработки конопли). Указанные инновации «безнаркотической конопли» повышают уровень антинаркотической политики страны и выполняют задачи создания рабочих мест и стимулирования общественного развития. Кроме того, безнаркотическая конопля обладает более сильным генотипом, чем дикорастущая, и, по мнению специалистов, вытеснит последнюю, если ее высадить на тех же полях.

Борьбу с незаконным оборотом наркотических средств, как считает Немченко А.С., необходимо сочетать с улучшением фармацевтической помощи по таким направлениям как «фармацевтическая диагностика» и «фармацевтическая профилактика» [Немченко, Панфилова: Теория и практика организации фармацевтической... С. 101-106]. Мнение А.С. Немченко мы поддерживаем, так как она развивает судебно-фармацевтические исследования профильной кафедры медицинского и фармацевтического права, общей и клинической фармации Харьковской медицинской академии последипломного образования (зав. каф. – д.ф.н., проф. Шаповалова В.А.). Именно фармацевтическая профилактика является составной частью судебной фармации и одним из направлений профессиональной деятельности врачей, провизоров, клинических провизоров, включающим организацию рационального использования лекарственных средств (ЛС) всех номенклатурно-правовых и классификационно-правовых групп для конкретных больных путем контроля правильности выписки рецептов при предоставлении медицинских услуг на фельдшерско-акушерских пунктах (ФАП) и амбулаториях общей практики семейной медицины (АОПСМ), качества ЛС при осуществлении входного контроля ответственными лицами на ФАПах и АОПСМ, информационной подготовки пациента по вопросам оборота готовых ЛС (правил приема, условий хранения и др.). Судебно-фармацевтическая профилактика – это одно из направлений профессиональной деятельности провизоров и фармацевтов, имеющих подготовку по фармацевтическому праву, включающее организацию и проведение мероприятий по сохранению и укреплению здоровья граждан и пациентов, повышение уровня качества их жизни и профилактику возникновения рецидивов заболеваний, а также патологических состояний (психических, наркологических и т.д.), что позволит снизить уровень преступности путем уменьшения причин и условий, способствующих нелегальному культивированию конопли в сельских условиях. Производным от фармацевтической помощи является понятие «фармацевтическая услуга», включающее предоставленную фармацевтическую помощь как результат профессиональной деятельности фармацевтических работников, которая имеет стоимостную оценку и осуществляется на основе договорных цен. Данная услуга может быть просчитана, проанализирована и запланирована в соответствующих показателях.

Правовой основой обеспечения населения качественными ЛС, по мнению Толочко В.М., является «Программа борьбы с производством и распространением фальсифицированных лекарственных средств на 2003-2008 годы», утвержденная Постановлением Кабинета Министров Украины от 17.07.2003 г. № 1075 [Постановление Кабинета Министров Украины от 17.07.2003 г. № 1075], а также Концепция развития фармацевтического сектора сферы здравоохранения Украины на 2011-2020 годы, утвержденная приказом МЗ Украины от 13.09.2010 № 769 [Концепция развития фармацевтического сектора... от 13.09.2010 № 769]. В РФ утверждены аналогичные нормативно-правовые акты: Указ Президента РФ от 09.06.2010 г. № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года»; постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 299 «Об утверждении государственной программы РФ "Противодействие незаконному обороту наркотиков"». Как отмечает Мнушко З.М. [Мнушко, Бабичева: Комплексний підхід до визначення...], процессы глобализации рынка, имплементации законодательства Украины к условиям Европейского союза, в настоящее время актуальны и определяют общую потребность применения маркетинговой концепции управления для оказания качественных и безопасных медицинских и фармацевтических услуг. Поэтому каждое учреждение здравоохранения обязано поддерживать баланс между организационной структурой и полномочиями по осуществлению мероприятий для поддержания надлежащего уровня и непрерывного совершенствования качества лекарственных средств. В основе решения этой проблемы лежит наличие квалифицированных кадров, ответственных специалистов [Толочко: Функционирование института уполномоченных... С. 208-2012; Харківська і Белгородська області збільшили...].

Для решения проблемы наркопреступности и каннабисной наркомании необходимо объединение усилий ученых, сотрудников правоохранительных органов, адвокатов, врачей, провизоров для противодействия наркобизнесу, наркопреступности и общей заболеваемости населения на основе: усовершенствования Закона Украины «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах»; разработки государственной программы, направленной на лицензирование предприятий, аптек и лечебных учреждений, которые будут выращивать коноплю, перерабатывать, применять «медицинскую марихуану» в медицинских целях; разработки нормотворческих мероприятий с внесени-

ем изменений и дополнений в действующие нормативно-правовые документы РФ, Украины и др. государств.

Заключение. На основе проведенного анализа нормативно-правовых актов Украины, РФ и Великобритании установлено, что они базируются на Конвенции ООН 1961 г. Приведенные примеры судебно-фармацевтической криминалистики позволяют определить, что борьба с незаконным оборотом препаратов конопли (каннабиса, М и др.), наркопреступностью и наркоманией является составной частью государственной политики Украины, РФ и Великобритании. Усиление борьбы с наркопреступностью обязательно должно сопровождаться повышением уровня доступности для пациентов медико-фармацевтической помощи при заболеваниях. Предложенные нормотворческие инициативы позволят повысить эффективность борьбы с наркокоррупцией и разработать жизненно важные ЛС на основе препаратов конопли.

Список литературы References

1. ЮНОДК, Всемирный доклад о наркотиках за 2004 год // Издание Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: http://www.unodc.org/documents/wdr/WDR_2004/World_Drug_Report_2004_rus_web.pdf.
2. ЮНОДК, Всемирный доклад о наркотиках за 2010 год // Издание Организации Объединенных Наций. – Нью-Йорк, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: http://www.unodc.org/documents/wdr/WDR_2010/World_Drug_Report_2010_rus_web.pdf.
3. Тонков Е.Е. Государственно-правовая деятельность Российской Федерации сфере контроля за оборотом наркотиков // Современное право. – №11, 2004. – С. 18-24.
4. Тонков Е.Е. Особенности правовой природы дискретной функции противодействия наркотизации общества // Законодательство и экономика. – 2006. – № 10. – С. 5-8.
5. Тонков Е.Е. Принципы деятельности государства по противодействию наркотизации общества. // Современное право. – № 12. С. 22-26.
6. Единая Конвенция ООН о наркотических средствах 30 марта 1961 г. с изменениями от 25 марта 1972 г. //ЕСАД Нью-Йорк, 12.08.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: <http://www.ecad.ru/oon/oon61-00.html>.
7. Федеральный закон РФ о наркотических средствах и психотропных веществах // веб-сайт Консультант.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=154942>.
8. Уголовный кодекс РФ. Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // веб-сайт УК РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: <http://www.ukru.ru/code/09/228/>.
9. Закон Украины «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» // официальный сайт Верховна Рада України, 01.07.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/770-2000-%D0%BF>.
10. Иванов В. Безнаркотическая конопля поможет реализации антинаркотической политики – ФСКН // РИА Новости, 28.09.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: <http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/review/2011/0929/054715022/detail.shtml>.
11. Постановление Кабинета Министров Украины от 06.05.2000 №770 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров» // официальный сайт Верховна Рада України [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/60/95-%D0%B2%D1%80>.
12. Приказ Министерства здравоохранения Украины от 01.08.2000 г. № 188 «Об утверждении таблиц небольших, больших и особо крупных размеров наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, находящихся в незаконном обороте» // веб-сайт Закон онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31254795.
13. Кримінальний кодекс України // Відомості Верховної Ради України. – 2001. – № 25-26. – ст.131.
14. Кретова Е.Е. Нормативно-правовое регулирование предупреждения наркомании и наркобизнеса в странах Евросоюза и США //Сейчас.ру, 21.07.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: <http://www.lawmix.ru/comm/640>.
15. Новые приговора вступит в силу с 27.01.12 независимо от того, когда вы впервые были арестованы, 24.01.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: <http://translate.googleusercontent.com>.

16. Marijuana laws in the UK and its legal implications // Criminaldefenceblawg 20.06.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: <http://www.criminaldefenceblawg.com/misuse-of-drugs/marijuana-laws-uk/>.
17. Marijuana laws in the UK and its legal implications // Criminaldefenceblawg, 20.07.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: <http://www.criminaldefenceblawg.com/misuse-of-drugs/marijuana-laws-uk/#sthash.3BOSQMze.dpuf>.
18. Які бувають види конопель // веб-сайт vidpo [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: <http://vidpo.net/jaki-buvajut-vidi-konopel.html>.
19. Ковалевская Е. Интервью начальника РУ ФСКН России по Краснодарскому краю генерал-майора полиции Сергея Ивановича Лаврова «Российской газеты» // ФСКН России по Краснодарскому краю, 14.12.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: <http://www.fskn-kuban.ru/2010-12-14-06-57-57/2011-07-26-11-25-40/35-2011-08-02-06-13-26/1177--l-r-.html>.
20. Чому є попит на коноплю? О вреде марихуаны // Сайт «brosaem.info», 14.07.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: <http://brosaem.info/marihuana.php>.
21. Фармацевтичне і медичне право України (фармацевтичне і медичне законодавство, судова фармація, доказова фармація): матеріали ІХ Міжнар. наук.-практ. конф. (16 листоп. 2012 р., м. Харків) / За ред. О. В. Галацана, В. В. Шаповалова, В. В. Шаповалова (мл.), В. О. Шаповалової. – Х., 2012. – 248 с.
22. Фармацевтическое право в наркологии / В. А. Шаповалова, И. К. Сосин, Г. М. Бутенко и др. – Х.: Факт, 2004. – 800 с.
23. Фармацевтическое и медицинское право: уч. пособ. (серия: Фармацевтическое право) / В.В. Шаповалов, В.В. Шаповалов (мл.), В.А. Шаповалова; под ред. В.В.Шаповалова. – [1-е изд.]. – Х.: Изд-во «Скорпион», 2011. – 208 с.
24. Шаповалов В.В. Сучасний стан забезпечення лікарськими засобами хворих у сільській місцевості: аналіз скарг громадян на засадах медичного та фармацевтичного права / В. В. Шаповалов, В. О. Шаповалова, М. О. Хмелевський // Сборник научных трудов SWorld.-2013.-Т.-48.- С.5-7.
25. Шаповалова В.О. Судово-фармацевтичне вивчення чинників припинення ліцензійної діяльності з обігу лікарських засобів на селі / В.О. Шаповалова, В.В. Шаповалов, М.О. Хмелевський // Фармацевтичний журнал. – 2013. – №3.– С.35-42.
26. Шаповалова В.О., Шаповалов В.В., Халін М.М. та ін. Фармацевтичне законодавство. – Х., 2010. – 142 с.
27. Васіна Ю.В. Організаційні дослідження судової фармації щодо протидії наркотизації молоді психоактивними речовинами. // Автореф.дисертації на соискание вченого звання кандидата фармацевтичних наук. Спеціальність: 15.00.01 – «Технологія ліків, організація фармацевтичної справи та судової фармація» – Х., 2009.– 23с.
28. Данилин А.Г. Проблема марихуаны: очевидное и неясное. Доклад А. Г. Данилина на семинаре ЕСAD // Информационно-публицистический ресурс «Нет наркотикам», 25. 11. 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: http://www.narkotiki.ru/5_5317.htm.
29. Розпорядження Кабінету Міністрів України від 22.11.2010 № 2140-р «Про затвердження плану заходів щодо виконання Концепції реалізації державної політики у сфері протидії поширенню наркоманії, боротьби з незаконним обігом наркотичних засобів, психотропних речовин та прекурсорів на 2011-2015 роки» // офіційний сайт Уряду України [Електронный ресурс]. – Режим доступа до документа: <http://zakono.rada.gov.ua/laws/show/2140-2010-%D1%80>.
30. Розпорядження Кабінету Міністрів України 28.08.2013 № 735-р «Про затвердження плану заходів на 2014 рік з реалізації Стратегії державної політики щодо наркотиків на період до 2020 року» // офіційний сайт Уряду України [Електронный ресурс]. – Режим доступа до документа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/KR130735.html.
31. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 299 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Противодействие незаконному обороту наркотиков» // веб-сайт Наркотики.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: http://www.narkotiki.ru/5_72718.htm.
32. Указ Президента Российской Федерации №690 от 9 июня 2010 года «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» // веб-сайт Наркотики.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: http://www.narkotiki.ru/5_6800.htm.
33. Пресс-центр СБ України. У двох районах Луганщини знищено великі плантації нарковмісних рослин // Офіційний сайт Служби безпеки України, 18.07.2013 [Електронный ресурс]. – Режим доступа до документа: http://www.sbu.gov.ua/sbu/control/uk/publish/article?art_id=118485&cat_id=39574.

34. Неймирок Д. В Харьковской области милиция изъяла конопли на 1,5 миллиарда. // *Mediaport*, 10.07.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: <http://www.mediaport.ua/v-harkovskoy-oblasti-miliciya-izyala-konopli-na-milliard-griven>.
35. Мартынова Т. Сбытчиков марихуаны будут судить в Краснодарском крае. // Пресс-служба РУФСН по Краснодарскому краю, 12.05.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: <http://www.yugopolis.ru/news/incidents/2014/05/12/67905/kriminal-narkotiki>.
36. Barlow E. Five quizzed after cannabis farm suppliers targeted in morning raids across Merseyside // веб-сайт ЕСНО. – Liverpool, 18.07.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: <http://www.liverpoolecho.co.uk/news/five-quizzed-after-cannabis-farm-5136008>.
37. Конопля. Коноплеводство. Техническая конопля в Украине и в других странах // Проблемы и перспективы культивирования, переработки, использования, 28.06.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: <http://tku.org.ua/page/508>.
38. Голобородько П.А., Коротя К.Я. Ресурсозберігаюча технологія вирощування конопель (практичні рекомендації) // Практичні рекомендації Інститут луб'яних культур Української Академії Аграрних Наук: Редакційно-видавничий відділ ГДПУ. – м. Глухів, Сумської обл., 2006. – 6 с. Інститут луб'яних культур, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: http://tku.org.ua/system/files/hemp_growing.pdf.
39. Конституция РФ // веб-сайт Конституция РФ, 05.07.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: <http://www.constitution.ru/>.
40. Тимошенко В.: «Адекватність відповіді на загрозу є головним чинником боротьби з наркоманією» // офіційний сайт Урядовий Кур'єр, 19.09.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: <http://www.ukurier.gov.ua/uk/articles/volodimir-timoshenko-adekvatnist-vidpovidi-na-zagr>.
41. Теория и практика организации фармацевтической помощи населению в условиях медицинского страхования / Немченко А.С. Панфилова А.Л. // *Международный медицинский журнал*, 2010. № 2. С.101-106.
42. Постановление Кабинета Министров Украины от 17.07.2003 р. № 1075 «Про затвердження програми боротьби з виробництвом та розповсюдженням фальсифікованих лікарських засобів.» // офіційний сайт Уряду України [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: www.zakon.rada.gov.ua/laws/show/1075-2003-p.
43. Концепция развития фармацевтического сектора сферы здравоохранения Украины на 2011-2020 годы, утвержденная приказом МЗ Украины от 13.09.2010 № 769 // веб-сайт Лігазакон [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/MOZ11951.html.
44. Мнушко З.М., Бабічева Г. С. Комплексний підхід до визначення маркетингових завдань аптечних мереж // веб-сайт Національна бібліотека України [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: <http://www.masters.donntu.edu.ua/2011/iem/perepadya/library/tez8.htm>.
45. Толочко В.М. Функционирование института уполномоченных лиц как обязательного элемента обеспечения качества лекарственных средств в Украине *Научные ведомости БелГУ. Серия Медицина. Фармация*. 2014. №4 (175) Вып. 25 С. 208-2012.
46. Харківська і Белгородська області збільшили зовнішньоторговельний обіг // УНІАН, 13.09.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документа: kharkiv.unian.ua/541492-harkivska-i-belgorodska-oblasti-zbilshili-zovnishnotorgovelniy-obig.html.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 130.2

ТЕРРОРИЗМ КАК ВОЙНА «ПОД УСЛОВИЕМ»¹

TERRORISM AS A WAR "UNDER CONDITION"

А.В. Артюх, С.Н. Борисов
A.V.Artyuch, S.N. Borisov

*Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, 7
Belgorod state Institute of arts and culture, 7 Korolev St, Belgorod, 308033, Russia*

E-mail: snborisov31@gmail.com

Ключевые слова: война, терроризм, насилие, партизан, политика.

Key words: war, terrorism, violence, partisan politics.

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения войны и терроризма. Война и терроризм рассматриваются как формы насилия, родственные и противостоящие друг другу по ряду параметров. Проводится сравнение терроризма и партизанской войны.

Resume. The problem of the relation of war and terrorism. War and terrorism are considered as a form of violence, family and opposing a number of parameters. A comparison of terrorism and guerrilla warfare.

Сравнение терроризма с войной некогда не вполне явное в настоящее время приобретает не только четкие очертания, но, как нам кажется, раскрывает некоторые аспекты самого терроризма. Даже в первом приближении война в ее стандартном понимании как вооруженное противостояние стран с участием только комбатантов, уже не вполне соответствует реальности, в которой противостояние стран побольшей части разворачивается в так называемых малых формах войны и противостоянии нерегулярных военных образований. Нередко это происходит на территории третьих стран, которые уже начиная с эпохи модерна стали территорией войны. Эта же территория является пространством возникновения и реализации терроризма. Причем мы можем здесь проследить связь войны и терроризма не только с ближайшего времени противостояния сверхдержав в XX веке на территории Афганистана, положившему начало современному международному терроризму с исламско-фундаменталистским идеологическим основанием. Несколько ранее схожие процессы соединения войны и терроризма происходят в результате национально-освободительного движения, череды событий названных войнами в начале того же XX века в северной Африке (Алжир, Марокко), Кипре, Палестине, Юго-восточной Азии (Вьетнам, Корея). Это далеко не полный перечень, который мы приводим не столько с той целью, чтобы перечислить все возникшие в истории связи войны и терроризма, сколько как иллюстрацию нашего тезиса об имплицитно существующей связи войны и терроризма.

Впрочем, некоторые исследователи рассматривают эти процессы как деградацию самой войны, настаивая на том, что она обусловлена внутренней динамикой войны как технического действия. Несмотря на нашу позицию, которая противоположна этой точке зрения, можно согласиться с тем бесспорным фактом, что война в век атомного оружия претерпела свои изменения. В целом война находится в зависимости от техники и технологий, однако, в условиях ядерного паритета и конвенций о нераспространении атомного оружия мы приходим к стандартной ситуации равновесия или баланса ядерных сил, открывающих возможности противоборства другими средствами или имеем ситуацию «как бы» до ядерного противостояния. По аналогии «счастья под условием» (С. Жижек), мы сталкиваемся с войной под условием. Условием мы считаем как раз наличие ядерного оружия в ситуации его неприменения. Именно о наличии такой ситуации говорит мировая практика, которая также знает ситуации угрозы применения ядерного оружия. Пример Северной Кореи, Ирана или Паки-

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-13-31010 и при финансовом содействии Департамента внутренней и кадровой политики Белгородской области (Договор № 7-ВН от 03.08.2015 г.)

стана некоторым образом намечает связь с проблемой терроризма, но скорее в ее спекулятивно-политическом ключе, бесплодном в плане научной критики. Более адекватным нашим задачам будет обращение к войне в ее сущностном плане как феномена политического, феномена в котором актуализируется противоречие между легитимностью и преступностью, дозволенным и запретным, насилием, обусловленным политическими, религиозными, национальными и иными причинами. Такие формы войны как национально-освободительная, гражданская война тесно связаны с терроризмом и нередко не различаются.

С указанных позиций наш анализ следует начинать с обращения к теории войны именно в указанных аспектах проблематизации ее определенности в качестве таковой, по крайней мере, ее классических определений эпохи модерна. Нас будет интересовать метаморфоза таких сложных форм войны, которые изложены Карлом Шмиттом в работе «Теория партизана». Партизан как иррегулярный боец с регулярной армией обращает наше внимание на проблему войны как регулярного действия. Проследившая историю регулярных военных образований со времени Великой Французской буржуазной революции, К. Шмитт, выделяет партизана как оппонента регулярности. Партизан и иррегулярность военного противостояния проявлялась в периоды «разложения», которыми предстает Тридцатилетняя война (1618-1648), гражданские и колониальные войны [Шмитт, 11]. Шмитт оставляет в стороне это утверждение, не рассматривая его подробно и только позднее в беседе с Иоахимом Шикелем возвращается к нему как вопросу о соотношении бедности и партизанства. Оставаясь на той же позиции, которую занимает сам Шмитт, можно продолжить, что война и есть кризис политического, отсутствие возможностей разрешить проблему мирными средствами. Но партизан появляется в тот момент, когда уже внутри самой войны как некоторого организованного процесса возникает кризис. С этой точки зрения партизанство и терроризм близки, а сам терроризм часто действительно есть кризис традиционных методов ведения войны или их невозможность. Шмитт не останавливается на колониальных войнах, поскольку они дают мало оснований для иллюстрации самого партизана, но в отношении связи войны и терроризма они очень показательны. Война вне европейского континента часто ведется не по правилам и конвенциям или, как пишет Шмитт, не «оберегается».

Возвращаясь к Шмитту, отметим, что он сам довольно близко подходит к тому, чтобы рассматривать терроризм, называя его партизанством. Упоминания об «ужаснейших жестокостях» со стороны испанцев партизан и регулярной армии французов (испанская герилья 1808г.), гражданской войны в Вандее, борьбы колонизаторов с аборигенами косвенно указывают на это [Шмитт, 12-20], а далее Шмитт прямо об этом пишет: «Современный партизан не ожидает от врага ни справедливости, ни пощады. Он отвратился от традиционной вражды прирученной и оберегаемой войны и перешел в сферу иной, настоящей вражды, которая возрастает на пути террора и ответного террора вплоть до истребления» [Шмитт, 21]. В этом положении кратко изложена суть концепции партизана К. Шмитта. Партизанская война сближается с такими специфическими формами войны как гражданская война и колониальная война, которые не только маргинальны по отношению к традиционной войне («оберегаемой» войне), но маргинальны также пространственно, поскольку вытеснены из европейского пространства.

Отметим несколько основополагающих тезисов Шмитта. Прежде всего, следует отличать войну «оберегаемую» и партизанскую войну, которые имеют под собой разное основание в виде вражды традиционной, Шмитт пишет о «прирученной» вражде, заключенной в строгие рамки конвенций и правил, носящей игровой характер и настоящей вражды. Настоящая вражда свойственна партизану и выражается в терроре. Также в ответ на террор партизанский возможен и ответный террор со стороны регулярной армии. Здесь Шмитт отмечает не столько обратимость террора, сколько противостояние регулярной и иррегулярной силы. Партизан также как и террорист является иррегулярным бойцом, для которого человек в форме является мишенью [Шмитт, 26-27]. Другой характеристикой партизана Шмитт признает его политический характер, о котором он пишет следующее: «В качестве дальнейшего признака сегодня напрашивается интенсивная политическая вовлеченность, которая отличает партизана от других борцов. На интенсивно политический характер партизана нужно указать уже потому, что его необходимо отличать от обычного разбойника и злостного преступника, чьими мотивами является личное обогащение» [Шмитт, 27]. Как отмечает Шмитт, на политический характер партизана указывает уже этимология слова «партизан», происходящего от слова партия. В контексте революционных ситуаций, когда партия интенсивно ведет борьбу за власть вооруженными методами связь между партизаном, партией и террором становится более очевидной, чем в мирное время. В этом аспекте теория партизана как противостояния регулярного – иррегулярного дополняется противостоянием легитимного – нелегитимного.

Следующей характеристикой, которую выделяет К. Шмитт, является мобильность партизана, в которой он связан с техникой. Последнее особенно говорит в пользу идеи Шмитта о зависимости партизана от регулярных образований. Партизан, также как и террорист не самодостаточен. Он вынужден

сотрудничать с регулярными образованиями, по причине зависимости от поставок техники, медикаментов, оружия и другого. Но также помимо этого материального аспекта он нуждается в признании. Идеи Шмитта здесь согласуются с идеями Кожева о борьбе за признание. Если у Кожева господин и раб находятся в постоянной борьбе за признание, то у Шмитта партизан должен сохранять свой политический характер, чтобы не стать преступником. В отношении террориста это также справедливо. Чтобы не стать преступником или чтобы его не определила в качестве такового противоборствующая сторона, террорист вынужден обращаться за признанием в другой стороне, которая его признает и поддержит. В настоящем мире, который является миром масс-медиа, признание во многом зависит от доступа к последним, от того, насколько представлена информация о событии в мировых СМИ. Политическая интенсивность не только должна быть такой на самом деле, но и в мире медиа.

Четвертым и заключительным признаком партизана, который выделяет Шмитт, является его теллурический характер. Партизан неразрывно связан с той территорией, на которой он обитает и которую защищает. В этом отношении он противоположен универсальным фигурам типа революционера и даже входит в противоречие с техникой, которую он вынужден использовать в борьбе с захватчиками. Отсюда также его борьба носит оборонительный характер и не выходит за пределы строго определенной территории его обитания. Партизан для Шмитта привязан к земле и привостоит морю: «... партизанские сражения Второй мировой войны и последующих годов в Индокитае и других странах, связанные с именами Мао Цзедун, Хо Ши Мина и Фиделя Кастро, дают понимание того факта, что связь с почвой, с автохтонным населением и с географическим своеобразием страны – горы, лес, джунгли или пустыня – остается вполне актуальной. Партизан остается отделенным не только от пирата, но и от корсара в такой же мере, в какой остаются разделенными земля и море как различные стихийные пространства человеческой работы и военного столкновения между народами. Земля и море не только имеют различные способы ведения войны и различного рода театры военных действий, но и развили разные понятия о войне, враге и трофеях» [Шмитт, 36]. Но даже вне развиваемого Шмиттом представления о противостоянии земли и моря, а точнее рядом с ним существует актуальный смысл партизана как черпающего свою легитимность в почве или собственном народе.

В другой своей работе, «Номос земли», Шмитт развивает и обосновывает эту идею. Поскольку земля есть единственная субстанция способная сохранять границы, только она является первичным источником права. Вода лишена такого свойства и потому первые правовые системы рождаются как закрепление собственности на землю, ее разграничение и из необходимости сохранения установленных границ. Номос определяется Шмиттом следующим образом: «Номос – это мера, в соответствии с определенным порядком делящая поверхность Земли и ее локализирующая, а также заданная этой мерой форма политического, социального, религиозного порядка. В акте захвата земли, в основании города или колонии становится зримым тот номос, руководствуясь которым делается оседлым, т.е. привязывается к определенной местности тот или иной народ, племя или отдельная группа, а определенный участок земли становится своего рода силовым полем устанавливающегося порядка» [Шмитт, 52]. Поэтому партизан немислим вне номоса, земли и народа, которые легитимируют его действия. Несмотря на то, что технический прогресс, рост мобильности ставит под вопрос эту характеристику партизана, Шмитт настаивает на ней.

В отношении же террориста эта характеристика выглядит очень проблематично. Террорист может соответствовать этому критерию только в той мере, в какой он соотносится с национально-освободительными движениями и действительно является партизаном. Партизана в таком случае в нем больше, чем террориста. Скорее партизан может брать на вооружение методы террористической борьбы. Шмитт не упоминает в своем анализе известный случай, поскольку работа «Теория партизана» была издана в 1963 году, а активная деятельность Фракции Красной Армии и группы Баадер-Майнхоф осуществлялась позднее, с 1968 по 1972. Наше обращение к истории Фракции Красной Армии обоснованно уже в той мере, в которой участники этого образования называли себя городскими партизанами, а властями определялись как террористы. При этом за довольно короткое время они прошли путь от группы активных участников левого студенческого движения до террористической организации и соответственно от поддержки части населения, студенчества разделявшего левую идеологию, до изоляции [См. Майнхоф, 2004]. Среди причин изоляции можно назвать очевидные насилие и террор, но также саму идеологию Фракции Красной Армии. Уже исходя из «Концепции городской герильи», в которой группа определяла свои цели и задачи, они в большей мере могут быть определены как революционеры. Так, например, в этом тексте мы находим следующее: «Городская герилья означает вооруженную борьбу, так как именно полиция неразборчиво использует оружие, усиливая дискриминацию и оправдывая классовое неравенство, хоронит заживо наших товарищей. Быть городским партизаном значит не позволять жестокости системы деморализовать себя. Цель городского революционера – атаковать государственный аппарат контроля в определенных местах, чтобы вывести его из строя, разрушить миф о вездесущности системы и ее неуязвимости» [Том Вэйг,

32]. Революционеры с претензиями на глобальное изменение мира, которого по объективным причинам произойти не могло и даже в локальном масштабе Германии шестидесятых, семидесятых годов XX века были обречены на провал, а значит признание их не только нелегитимными, но лишенными политической интенсивности через ее отрицание. Криминализация терроризма как стратегия борьбы с ним отражает общую суть партизана и террориста, однако их различие кроется в теллурическом характере, который у террориста отсутствует.

Иными словами террорист не укоренен в земле подобно партизану. Его «почва» должна быть иной природы. Сам Шмитт в анализе партизана движется в этом же направлении через понятие политического. Он прочерчивает линию от Клаузевица к Ленину как последовательную деградацию концепции войны как продолжения политики с сохранением «охраняемой» войны между государствами по установленным правилам. В XX веке ситуация кардинально меняется в связи с массовым революционным движением, которое заменяет борьбу между государствами. Революционная борьба уже не является кодифицированной враждой, а враждой настоящей – «абсолютной враждой» не признающей ограничений: «То, чему Ленин мог научиться у Клаузевица и что он основательно выучил, вовсе не сводится к знаменитой формуле о войне как о продолжении политики. Дальнейшее познание состоит в том, что различие друга и врага в эпоху революции является первичным и первенствующим и определяет как войну, так и политику. Для Ленина только революционная война является подлинной войной, поскольку она происходит из абсолютной вражды. Все остальное – условная игра» [Шмитт, 80-81]. И все это в полной мере справедливо в отношении террориста. Подлинная вражда по отношению к врагу ставит под вопрос как саму легитимность, так и социальный порядок в общем. Конфликт порядков образует старое понятие войны государств, а новое состояние реализуется вне игрового характера, в пространстве «борьбы не на жизнь, а на смерть», абсолютной вражды.

Используя концепт Шмитта «абсолютная вражда» стоит обратить внимание на то, что главной его квантор можно определить как отсутствие ограничений в действии, отсутствие конвенций по использованию насилия, которые есть в случае «охраняемой» войны. Такой можно считать большинство концепций войны и даже довольно ранние из них. Примером такого оберегания в европейском правовом и этическом пространстве могут служить различные конвенции, среди которых актуальная сегодня Женевская конвенция, которая регулирует правила ведения войны и ограничивает ее действиями по отношению к комбатантам [Нравственные ограничения войны..., 39]. Заметим, что статус партизана, как и террориста, в отношении регламента войны представляется двойственным. Распространяется ли на него регламент мирного населения, поскольку он не носит униформу, или же комбатанта. Сегодня эта дилемма довольно остро обсуждается в связи с терроризмом и содержанием террористов в нелегальных тюрьмах США. Даже при сохранении политической интенсивности, признании за террористом претензий на политический характер борьбы, вопрос об этическом статусе остается.

На практике мы видим только правовые ухищрения, поскольку этического решения проблемы пока не найдено. Попытки террористов и незаконное содержание лиц, подозреваемых в терроризме, осуществляется тайно или на территории тех стран, которое находятся вне конвенционального поля, запрещающего это делать. Вместе с тем, дискуссии по поводу допустимости пыток по отношению к террористам достаточно актуальны, поскольку отражают неясный и сложный характер самого террориста, который не является комбатантом, а также с самой легитимностью соотносится сложным образом. Он ее отрицает, но с ней соотносится, поскольку нуждается в признании. Также и в этическом отношении пытки по отношению к террористам не приемлемы с гуманистической точки зрения, но в столкновении с практикой эта позиция становится проблемой, поскольку в реальной ситуации предполагаемого теракта пытки могут быть необходимы. Такую ситуацию в качестве основополагающей рассматривает так называемая парадигма «бомбы замедленного действия», в рамках которой обосновывается необходимость применения пыток в качестве исключения в чрезвычайной ситуации [Терещенко, 120]. Причем такое исключение, как бы оно не обосновывалось с точки зрения чрезвычайности, создает исключение, разрушающее фундаментальные правовые и моральные основания всего политического строя демократических государств.

В концепции Шмитта сделан акцент на изменении субъектов борьбы при переходе от вражды государств к вражде партий. А также изменении характера самой борьбы или вражды от игрового ее характера к абсолютному. Поскольку эти изменения взаимосвязаны, современность характеризуются абсолютной враждой, то есть террором, но также враждой на уровне партий. Партии приходят на смену государству, сохраняя политический характер, который в понимании Шмитта сводится к довольно широкому определению разграничения друга и врага. Но даже на интуитивном уровне современный терроризм есть действительно вражда партий и государства или партий с самими партиями. Причем партии можно понимать также довольно широко и даже в духе самого Шмитта. Современный терроризм раскрывается как «абсолютная вражда» или использование политически мотивиро-

ванного насилия квазигосударственными структурами или трансгосударственными образованиями. Подчас единственный критерий их структуризации идеологический, то есть действительно разделение по признаку «свой» – «чужой» на основе принятия какой-либо идеи. Но только такой идеи, которая носит абсолютный характер и порождает абсолютную вражду.

Остается еще один параметр партизана и присущей ему формы войны – пространство. Карл Шмитт рассматривает партизанскую войну в сравнении с традиционной войной регулярных войск, которые осуществляются на суше и на море, отдавая предпочтение первому. В любом случае регулярность военных формирований и публичность их действий, что находит подтверждение в униформе как обязательном атрибуте военного, позволяет охарактеризовать это пространство как открытое. Партизан же сражается тайно, не имеет знаков отличий или униформы, чем создает новое измерение войны: «В партизанской борьбе возникает сложно структурированное новое пространство действия, поскольку партизан борется не на открытом поле сражения и не в той же плоскости открытой войны с фронтами. Он, скорее, заставляет вступить своего врага в другое пространство. Так он добавляет к поверхности регулярного, обычного театра военных действий другое, более темное измерение, измерение глубины» [Шмитт, 107]. Причем дело не только в технике, которую партизан использует. Шмитт отмечает тот факт, что она также оказывает влияние на пространство войны, что видно на примере добавления к традиционным поверхностям земли и воды подводного пространства, а в современности также космического. В большей мере Шмитт указывает на сам характер действий партизана, в котором он опять сближается с террористом. В этом аспекте он близок к партизану своим иррегулярным характером и пространством действия. И даже более радикально с ним соотносится, чем партизан. Если партизан ограничивает свои действия борьбой с регулярными силами противника, то террорист идет дальше в деле абсолютной вражды и распространяет борьбу на мирное население. Даже в большей степени на некомбатантов, которые становятся жертвами терроризма гораздо чаще.

Если партизан в этой характеристике связывается Шмиттом с землей, своим теллургическим характером, то террорист не может таковым считаться. Вопрос состоит в том, как охарактеризовать террористическое пространство борьбы по аналогии с партизаном. Оно не является глубиной в смысле шмиттовского его понимания и не связывает с землей. Земля как почва, понимаемая также как пространство жизни, характеризует партизана как действующего на своей территории, родной земле. Уже в этих смыслах террорист к земле не привязан и действует как номад. Его пространство, по крайней мере, это верно в отношении современного глобального терроризма, детерриторизировано. Пример Афганистана, по нашему мнению, будет достаточно показателен, поскольку партизанская борьба с советскими войсками переросла в террористическую борьбу, утратившую свой освободительный смысл. Движение Талибан и международная террористическая организация Аль-Каеда носят подчеркнуто интернациональный или глобальный характер. Владимир Никитаев определяет пространственное положение терроризма через концепт экстерриториальности, настаивая на том, что новое пространство носит характер принципиальной инаковости [Шмитт, 107]. По мнению В.В. Никитаева смысловая «непроницаемость» таких миров друг для друга объясняет те затруднения в интерпретации террористических актов, которые произошли 11 сентября 2001 года и даже шире, в объяснении исламского терроризма в целом.

Такая версия пространственного измерения терроризма утверждает принципиальное различие культур или социокультурных миров, подобных замкнутым самодостаточным монадам. Конечно, К. Шмитт в своих определениях партизанской войны опирается на опыт европейских войн. Эпоха глобального терроризма наступила позже. Однако, на наш взгляд, концепция В.В. Никитаева в объяснении терроризма не учитывает несколько моментов. Прежде всего, сам глобальный характер терроризма. Современный терроризм действительно экстерриториален или безразличен к территории борьбы. Но это не территория принципиально разных миров непроницаемых друг для друга. Современный мир глобален и пронцаем. Тем более что борьба между принципиально разными, инаковыми субъектами бытия только по причине их тотального различия выглядит мало вероятной. Скорее борьба разворачивается между схожими субъектами, стремящимися утвердить свою инаковость, которой угрожают реально или иллюзорно. История мировой культуры знает немало именно таких примеров. Тем более, что в это объяснение не вписывается автохтонный европейский терроризм, если использовать критерий социокультурный. В таком случае культурная общность и единство пространства-времени, смысла, ценности ставит терроризм под вопрос как действующий из «иной» территории.

Также в отношении терроризма работают и привычные определения политики, через понятие власти фиксирующие отношения господства и подчинения. Нельзя отрицать тот факт, что террористические акты лишены смысла или он трудно находим. Даже на интуитивном уровне проявления терроризма интерпретируются как проявления насилия нелегитимного. В силу этого террорист вступает в пространство насилия, монополией на которое обладает только государство. Шмитт приходит к тому же выводу через понятие публичности: «Общественный строй существует как *res publica*, как

публичность, и он ставится под вопрос, если в нем образуется пространство не-публичности, действительно дезавуирующее эту публичность... Следует лишь до конца продумать эту логику террора и ответного террора и потом перенести ее на любой вид гражданской войны, чтобы увидеть происходящее сегодня разрушение социальных структур. Достаточно небольшого числа террористов, чтобы оказывать давление на большие массы людей. К узкому пространству открытого террора добавляются дальнейшие пространства ненадежности, страха и всеобщего недоверия...» [Шмитт: 111, 113]. «Ландшафт измены» – так определяет К. Шмитт пространство терроризма. Его нельзя назвать лишенным политического. Здесь не работает логика или – или, а устанавливается диалектическая связь публичного и не-публичного, легитимного и нелегитимного, а также террора и ответного террора государства. Таким образом, мы возвращаемся к нашей концепции терроризма как антисистемного феномена. Терроризм соотносится с публичной властью и легитимным насилием как антисистема и система.

Ж. Бодрийяр помещает современный терроризм в пространство медиа. Именно измерение репрезентации характеризует постсовременную форму террора, после того как реальные события, в том числе и в форме войны, были из нее исключены. Такое понимание терроризма ставит политический характер терроризма под сомнение. С точки зрения Бодрийяра в актах терроризма проявляется симулятивный характер политики, которая таковой уже не является, поскольку социальное ее поглотило [Бодрийяр, 2000]. Социальное в своей анонимности массы поглощает всякое различие, а значит, прежде всего, политическое. С этой точки зрения терроризм есть война, которая носит специфический характер самоуничтожения: «Когда государства уже не в состоянии атаковать и уничтожать друг друга, они почти автоматически берутся за свои народы, свои собственные территории; начинается нечто вроде разновидности гражданской войны или междоусобного конфликта между Государством и его естественным референтом. Не это ли, на самом деле, есть предназначение всякого знака, всякого означения и всякого репрезентативного агента – отменить свой естественный референт?» [Baudrillard, 75–80]. В концепции Ж. Бодрийяра показаны сложные отношения терроризма и политики, опосредованные медиа-технологиями. Терроризм в этом случае носит двойственный характер. С одной стороны он не-политичен в том смысле, что политического вообще нет, оно поглощено социальным. С другой стороны, терроризм является имплозией, взрывом социального, а если оно после поглощения политического и есть политическое хоть отчасти, то терроризм политичен. Даже в том его смысле, что он производит симуляцию политического, которого реально с точки зрения Ж. Бодрийяра нет.

Вполне возможно, в той части, в которой терроризм представлен постсекулярному и постмодернистскому сознанию западных интеллектуалов, анализирующих его в категориях сосюрковского противопоставления и независимости означающего и означаемого, Ж. Бодрийяр прав. Однако вне медийного пространства и терроризма взятого только как репрезентация, он имеет еще и реальное пространство не сводимое к пространству симулякров. Это пространство реальной борьбы и разворачивается скорее в категориях гегелевской борьбы не на жизнь, а на смерть. В целом же, Бодрийяр утверждает специфическое пространство терроризма как гомогенное пространство в пароксизме терактов симулирующее различия. Такая точка зрения противоположна мнению В. Никитаева о непроницаемом пространстве абсолютного различия социокультурных миров из которых к нам приходят «чужие». Наша позиция заключается в том, что пространство терроризма схоже с пространством партизанской войны и представляет собой гетерогенность такого рода, которая взаимодействует по типу дуальноэтнического противостояния – «свой – чужой» с множеством «ландшафтов измены», «серых зон» взаимоперехода и диалектической взаимообусловленности. Антисистемные образования возникают и развиваются внутри системы. Они отличны от нее, но также с ней связаны. Достигают максимума в условиях кризиса и вытесняются на периферию [См. Артюх, Борисов: 12-21].

Как раз на периферии мы не можем оставаться в рамках парадигмы постмодерна, поскольку там не работает тезис об отсутствии противоречия между реальностью и ее символическим воплощением на экране или о поглощении последним реальности. Здесь экран не единственный источник насилия, как то представляется Бодрийяру [Baudrillard, 75-80]. Современные события в Ираке, Ливии и Сирии тому явное подтверждение. В этом пространстве терроризм сугубо политическое явление, поскольку основывается на тотальном разграничении друга и врага. Но ценность трактовок Бодрийяра в том, что он раскрывает сложный характер отношений терроризма и современности через медиа. Для него это отношение сводится к воспроизводству образов или симулякров, которые стали автономными. В большинстве своих работ Ж. Бодрийяр проводит именно такую мысль. Симулякры подменяют собой реальность, и реальное насилие также [Бодрийяр: Прозрачность зла, 2006; Бодрийяр: Общество потребления..., 2006; Бодрийяр: Символический обмен и смерть, 2000; Бодрийяр: В тени молчаливого большинства, 2000]. Но если учесть поверхностный смысл терроризма как вторжения иного мира, который определяется как варварский или архаичный, то возникает парадоксальная связь современности и архаики через медиа-технологии. Во многом о том же в отношении партизана

пишет К. Шмитт: «Партизан провоцирует прямо-таки технократический аффект. Парадоксальность его существования раскрывает несоответствие между индустриально-техническим совершенствованием вооружения современной регулярной армии и доиндустриальной аграрной примитивностью успешно борющихся партизан» [Шмитт, 118]. В этом отношении подобно Бодрийяру не стоит исключать архаический смысл терроризма, который проявляет себя, в том числе, и в войне, которая из «оберегаемой» борьбы регулярных сил между государствами в условиях кризиса скатывается к абсолютной вражде – террору. Антисистемный характер террористических образований позволяет соединять в парадоксальном единстве противоречивые части современных технологий и мифологическое осознание мира.

Список литературы

References

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства. Екатеринбург, 2000. Bodriyyar ZH. V teni molchalivogo bol'shinstva. Yekaterinburg, 2000.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. Bodriyyar ZH. Simvolicheskiy obmen i smert'. M., 2000.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. Bodriyyar ZH. Obshchestvo potrebleniya. Yego mify i struktury. M., 2006.
4. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006. Bodriyyar ZH. Prozrachnost' zla. M., 2006.
5. Майнхоф У. М. От протеста — к сопротивлению. Из литературного наследия городской партизанки. М.: Гилея, 2004. Maynkhof U. M. Ot protesta — k soprotivleniyu. Iz literaturnogo naslediya gorodskoy partizanki. M.: Gileya, 2004.
6. Никитаев В.В. Терророфания // Философские науки. 2002.№1. — С.136. Nikitayev V.V. Terrorofaniya // Filosofskiye nauki. 2002.№1. — S.136.
7. Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры. М., 2002. Nравstvennyye ogranicheniya voynu: Problemy i primery. M., 2002.
8. Терещенко М. О пользе пытки: могут ли демократические общества оставаться пристойными? // Логос № 1 (80) 2011. — С.120. Tereshchenko M. O pol'ze pytki: mogut li demokraticheskiye obshchestva ostavat'sya pristoinymi? // Logos № 1 (80) 2011. — S.120.
9. Том Вэйг Телемечтатели: Фракция Красной Армии. Гродно, 2004. Tom Veyg Telemechtateli: Fraktsiya Krasnoy Armii. Grodno, 2004.
10. Шмитт К. Номос земли. СПб., 2008. Shmitt K. Nomos zemli. SPb., 2008.
11. Шмитт К. Теория партизана. М., 2007. Shmitt K. Teoriya partizana. M., 2007.
12. Baudrillard, J. The Mirror Of Terrorism. In: Baudrillard, J. The Transparency of Evil: Essays on Extreme Phenomena. London: Verso, 1993. Pp. 75-80. // http://www.gumer.info/bogoslov_Buk/Philos/Bodr/zerk_terr.php
Baudrillard, J. The Mirror Of Terrorism. In: Baudrillard, J. The Transparency of Evil: Essays on Extreme Phenomena. London: Verso, 1993. Pp. 75-80. // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodr/zerk_terr.php

УДК 349.6:061

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ БИОСФЕРЫ

LEGAL GROUNDS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT AS A CONSERVATION STRATEGY BIOSPHERE

Ф.Э. Гирусов
F.E. Girusov

*Гуманитарно-социальный институт, Россия, 140050, Московская область, поселок Красково, ул. Карла Маркса, 117
Humanities and Social Institute, 117 Karl Marx St, Kraskovo, Moscow region, 140050, Russia*

E-mail: vuz-gsi@mail.ru

Ключевые слова: биосфера, законы саморегуляции биосферы, культура ресурсопользования, возобновляемая энергетика, правовая культура устойчивого развития, национальная безопасность.

Key words: biosphere, the laws of self-regulation of the biosphere, culture of resource use, renewable energy, legal culture of sustainable development, national security.

Аннотация. В статье обсуждается проблема формирования новых эколого-нравственных норм, социоприродных по-существу.

Экологические законы, в случае их выполнения, могут стать условием сохранения цивилизации на планете, и человек наконец обретет способность к экологическому самосохранению.

В работе в числе конкретных первоочередных направлений деятельности мирового сообщества в сложившейся исторической ситуации рассматривается переход человечества к биосферосовместимой возобновляемой энергетике и формированию новой правовой культуры природопользования.

Resume. The article discusses the problem of formation of substantially socio-natural new ecological and moral standards of the society.

We are talking about the laws of self-regulation of the biosphere that people still crudely violate in the process of usage of natural resources. These laws and the reason for their disregard by humans are discussed in detail in the article. The danger of continuing this practice, as these laws in the case of compliance people are a precondition for environmental security. The non-compliance with environmental laws has led to the ecological crisis and threatens to further its development into an ecological disaster with all its tragedy. This cannot be tolerated.

Environmental laws, if implemented, could be for the preservation of civilization on the planet, and the man finally acquire the ability to environmental self-preservation, which he has lacked to be a sentient being in the full sense of the word.

Экологическая проблема сегодня вдруг заявила о себе как самая опасная, зловещая и наиболее неотложная во всей совокупности глобальных проблем современности. Её нужно решать, как можно скорее, но как решать неизвестно, поскольку люди впервые столкнулись с подобного рода задачей. Необычны не только масштабы проблемы – поверхность планеты во всем многообразии присущих ей сред. Это еще не главная трудность. В конце концов современной науке приходилось сталкиваться с самыми разнообразными условиями среды, вплоть до космической.

Главная трудность экологической проблемы в том, что пришлось столкнуться с новым для науки классом закономерностей, которые во всем их многообразии можно определить, как законы системной организованности природной среды в её глобальной целостности. Именно таковы законы саморегуляции (самосохранения) биосферы, на необходимость учета требований которых вышел человек с той поры, когда масштабы его деятельности стали сопоставимы с процессами, идущими в биосфере.

Об этом писал еще В.И. Вернадский в своих работах, посвященных изучению биосферы, но ему тогда мало кто поверил. Действительно 100 лет назад утверждение ученого о том, что человек становится самой мощной геологической (!) силой на Земле казалось значительным преувеличением, хотя он и доказывал этот тезис большим количеством убедительных примеров и факторов. Слишком мало еще была изучена биосфера, науку о которой Вернадский В.И. и его ученики только начинали создавать своими трудами.

Нужно сказать, что развитие реальности с середины прошлого столетия пошло таким образом, что все большее внимание науки и практики привлекают к себе явления и процессы планетарного

масштаба. Возникли общечеловеческие проблемы, получившие название глобальных, среди которых отводится место и экологической проблеме.

Вместе с тем, до сих пор, к сожалению, остаются в силе исполненные горечи слова В.И. Вернадского: «...историки, вообще учёные гуманитарных наук, а в известной мере и биологи, сознательно не считаются с законами биосферы - той земной оболочкой, где только может существовать жизнь. Стихийно человек от неё неотделим. И эта неразрывность только теперь начинает перед нами точно выясняться» [Вернадский, 351].

С тех пор как почти 80 лет назад эти слова были высказаны учёным в его книге, посвящённой изучению биосферы, ничего существенно не изменилось в отношении людей к биосфере. Если какое-то изменение произошло, то главным образом в направлении ещё более хищнического разграбления и разрушения её безмерно растущим производством и расплозавшимися по всей Земле поселениями людей. Ни о каких законах биосферы или о пределах её хозяйственной ёмкости ни слова не говорится даже в принятой в свое время на международном форуме 1992г. в Рио-де-Жанейро концепции устойчивого глобального развития общества.

Между тем все те проблемы, которые получили название глобальных с середины прошлого века, обрели этот статус именно в связи с тем, что напрямую стали всерьёз затрагивать состояние биосферы, снижая главное её свойство жизнеспособности.

Это очень важный вывод, поскольку он является методологическим ключом к выстраиванию системного единства глобальных проблем и к определению порядка приоритетов в организации глобальной безопасности.

Автор понимает, что приходит в противоречие со сложившейся практикой отведения, как правило, последнего места экологической проблеме во всех официальных документах не только отдельных стран мира, но и большинства международных организаций.

Пора, пока ещё не поздно, изменить эту недальновидную практику. Пора во всём объёме осознать особую витальную значимость экологической проблемы и уделить ей самое серьезное внимание вплоть до приоритетного в решении всей совокупности глобальных проблем.

Такой статус экологической проблемы обусловлен также тем базовым обстоятельством, что в её контексте решается вопрос об экологических законах, которыми являются, на наш взгляд, законы саморегуляции (самосохранения) биосферы, обязательные к выполнению их человеком для того, чтобы в процессе его деятельности не происходило разрушения природной среды. В.И. Вернадский в своих работах о биосфере не дал четкого списка этих законов, но внимательное изучение текстов позволяет сделать вывод, что всё многообразие законов саморегуляции биосферы сводится к трем основным. Это законы обмена веществом, энергией и информацией между компонентами, составляющими биосферу.

Причинами столь небрежного отношения людей к законам биосферы, на наш взгляд, оказались в значительной мере степень сложности законов системной организованности структуры и чем сложнее система, тем выше запас её прочности.

Структурная сложность биосферы в 30 раз превышает структурную сложность человеческого общества. Поэтому люди долго могли строить своё природопользование, даже не подозревая о существовании каких-то законов её саморегуляции.

Возникла ситуация, крайне опасная для самих людей, которая к тому же не может быть разрешена стихийно. Человечество оказалось перед выбором: либо сохранить господствующий способ взаимодействия с природой – и тогда неизбежна экологическая катастрофа, либо радикально изменить сложившийся тип деятельности и сохранить биосферу в состоянии, пригодном для жизни. Очевидно, что второй вариант единственно приемлем. Однако следование ему предполагает беспрецедентную по сложности и масштабам переориентацию всех видов человеческой деятельности и в первую очередь тех, которые исторически сложились как разрушительные для природной среды.

Изменение ориентации деятельности связано с коренной перестройкой мировоззрения и, прежде всего, той шкалы ценностей, которая укоренилась в сознании людей под воздействием противостояния человека природе. Иными словами, предстоит основательная ломка ценностей как материальной, так и духовной культуры и формирование новой – биосферосовместимой жизнедеятельности. По своей масштабности и сложности этот переход вполне может быть квалифицирован как революционный в истории общества.

Культуру принято определять через противопоставление её природе, и это в определенной степени верно, поскольку одним из важнейших проявлений культуры является отпечаток сознательной деятельности субъекта в отличие от естественного бытия природных тел. Однако не следует абсолютизировать отличие культуры от природных явлений. На самом деле и природа, и культура представляют собой такие противоположности, в различии которых содержится тождество. В процессе своего развития они предполагают нарастающее взаимопроникновение и взаимообуславливание друг друга.

Поэтому переход к экологически ориентированной культуре является закономерным, поскольку он был подготовлен всей человеческой историей.

Таким образом, если раньше культура была в значительной мере способом обособления людей от природы и рассматривалась в теории как отличительный признак проявления социальности, то теперь она должна стать способом воссоединения общества и природы на основе более адекватного понимания природной среды. Эту задачу и призваны решать экологическая культура и экологическое право, как характеристики качества человеческой деятельности, обеспечивающей прогресс общества в его гармонии с природной сферой. Если в целом культура отражает меру преодоления человеком природного начала путем его познания и освоения, то экологическая культура и экологическое право обуславливают соответствие социальной деятельности и законов природной целостности (в частности, соответствие человеческой активности и такого качества природной среды, как ее жизнеспособность).

Продолжая лучшие экофильные тенденции предыдущей истории человечества, экологическая культура и экологическое право, в тоже время являются более высокой степенью общей и правовой культуры, поскольку направлены не только на сохранение человека, но и любых форм жизни на земле, учитывая их витальную значимость и незаменимость друг для друга. Человек, сформированный в духе такого экологического императива, становится носителем принципиально новых социальных качеств, в той мере, что он будет восприниматься как новый вид человека, для которого наиболее адекватным окажется термин *Homo ecologus*.

Как известно, концептуально-правовое обоснование данного императива было принято международным сообществом на упоминавшемся ранее саммите «Рио – 92». В тринадцатом принципе одобренной декларации по окружающей среде и развитию указывалось, что государства более решительным образом должны сотрудничать между собой «для дальнейшей разработки международного права, касающегося ответственности и компенсации за негативные последствия экологического ущерба, причиняемого деятельностью, которая ведется под их юрисдикцией или контролем...» [Информобзор, 1992].

Выполнение принципов, изложенных в данной декларации, способствовало дальнейшему формированию международного права в области устойчивого развития. Устойчивое развитие – это такая стратегия управления социоприродными процессами, которая создает возможность роста производства для вполне достаточного удовлетворения сегодняшних потребностей людей при сохранении потенциала жизнеобеспечения будущих поколений.

Переход общества на стратегию устойчивого развития несовместим со стихийностью и невозможен без сознательного управления этим процессом со стороны государственных инстанций, вооруженных научной теорией управления столь сложной системой, как общество в единстве с биосферой. Не следует забывать к тому же, какую разрозненную общность стран и народов представляет собой современный мир, начиная с уровня социального развития различных стран и кончая степенью понимания ими задач дальнейшего прогресса человечества, тем более в единстве с биосферными процессами.

Весьма актуально, с этой точки зрения, решение Всемирного саммита по устойчивому развитию, состоявшемуся в Йоханнесбурге в 2002 году о переходе мирового сообщества к устойчивому развитию в период с 2005 по 2014 годы. Следует отметить, что и пятого августа 2015 года Барак Обама, выступая в Белом доме, охарактеризовал подготовленный специальный план деятельности по сокращению выбросов в атмосферу к 2025 году более чем на четверть [www.metrprice.ru]. Международно-правовое регулирование процесса перехода к новой цивилизационной парадигме отражено в ряде решений и рекомендаций ООН.

В контексте задач по переходу на модель устойчивого развития перед человечеством впервые возникает проблема глобального управления изменением всех параметров социума в их сложной взаимосвязи и зависимости, начиная с экономических и вплоть до идеологических.

В частности, если говорить о решении энергетической проблемы в ее глобальном измерении, в первую очередь речь должна идти о возобновляемой энергетике, поскольку только она позволяет избежать опасного загрязнения биосферы.

Россия в этом отношении отстает от развитых стран в десятки раз. Тем не менее еще в ноябре 2004 года на заседании Комитета Государственной Думы по природным ресурсам и природопользованию в рамках «круглого стола» на тему «Формирование системы государственной поддержки использования возобновляемых источников энергии в Российской Федерации» указывалось наличие в России серьезных экономических, законодательных, технических, информационных и других барьеров, которые мешают осуществить прорыв в области возобновляемой энергетики. Между тем, мы являемся практически единственной страной, которая имеет все виды возобновляемых источников энергии. Главная проблема в этой ситуации – это отсутствие единой государственной программы и

специального органа, отвечающего за развитие возобновляемой энергетики в России. Решению этого вопроса способствует формирование правовой основы устойчивого развития в нашей стране.

Первые шаги в этом направлении нашли отражение, в частности, в принятой в мае 2009 года «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Тем самым Россия подтвердила начало осуществления рекомендаций ООН о готовности перейти с 2005 года на модель устойчивого развития, которое будет способствовать достижению национальной безопасности. Таким образом, этот новый тип социоприродного развития определяет реализацию инновационных типов хозяйствования и всех форм социокультурных практик, в том числе и правовой культуры. В отечественной науке уже начинается складываться традиция исследования нормативно-правовой культуры устойчивого развития, создается его концептуально-теоретическая модель, ориентированная на должное будущее [См. работы: Бринчук, Урсул, Лосев, Экимов, Мاستушкин, Гирусов, и др.].

Список литературы

References

1. Вернадский В.И. Биосфера. М., Наука, 1967.
Vernadskiy V.I. Biosfera. M., Nauka, 1967.
2. Гирусов Э.В. Глобальные проблемы современности в их системном развитии // Философские науки. 2012. №12.
Girusov E.V. Global'nyye problemy sovremennosti v ikh sistemnom razvitii // Filosofskiyе nauki. 2012. №12.
3. Лосев К.С. Несущая емкость экосистем // Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003. С.692.
Losev K.S. Nesushchaya yemkost' ekosistem // Globalistika. Entsiklopediya. M., 2003. S. 692.
4. Урсул А.Д., Экимов А.И. На пути к праву устойчивого развития // Национальные интересы. 2008. №6.
Ursul A.D., Ekimov A.I. Na puti k pravu ustoychivogo razvitiya // Natsional'nyye interesy. 2008. №6.
5. Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро. Июнь 1992г. Информобзор. Новосибирск, 1992.
Konferentsiya ONN po okruzhayushchey srede i razvitiyu. Rio-de-Zhaneyro. Iyun' 1992g. Informobzor. Novosibirsk, 1992.

УДК 17.024

ПРАВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ УЖАСА

MORAL SIGNIFICANCE OF HORROR

А.А. Гришин

A.A. Grichin

Воронежский государственный университет, Россия, 394000, Воронеж, Пр. Революции, 24.
Voronezh State university, 24, Prospect Revolution, Voronezh, 394000, Russia

E-mail: iamaphilosopher@ya.ru

Ключевые слова: ужас, страх, боязнь, грех, смерть, тайна бытия, подлинное бытие, этика.
Keywords: horror, fear, anxiety, sin, death, the mystery of being, authentic being, ethics.

Аннотация. В статье рассматривается этический характер феномена ужаса в контексте русской и западноевропейской философии. Отмечается, что ужас, как правило, воспринимается в контексте философии экзистенциализма, что не способствует раскрытию его нравственного значения. Подчеркивается фундаментальное различие между страхом и ужасом, смешение которых ведет к искажению философского смысла этих понятий. Лингвистический анализ, выявляющий семантические различия между немецкими терминами «Angst» и «Furcht», помогает более точному переводу этих терминов на русский язык. Отмечается, что семантическое богатство русского языка позволяет раскрывать нравственные параметры феномена ужаса как непсихологической категории. Особенность отечественного философского дискурса ужаса в том, что в нем этот феномен связан с «тайной бытия», приобщение к которой носит этически возвышающий характер для личности. Нравственное значение ужаса раскрывается как возможность преодолеть рутину повседневного неподлинного существования и обрести этически достойный смысл бытия.

Resume: The article discusses the ethical character of the phenomenon of terror in the context of Russian and Western philosophy. It is noted that the horror is usually seen in the context of the philosophy of existentialism, that is not conducive for disclosure of its moral values. It emphasizes the fundamental difference between fear and horror, confusion which leads to a distortion of the philosophical meaning of these concepts. Linguistic analysis, identifying semantic differences between the German terms «Angst» and «Furcht», helps more accurate translation of these terms into Russian. It is noted that the semantic richness of the Russian language allows to reveal a moral dimensions of the phenomenon of terror as a non-psychological category. The peculiarity of Russian philosophical discourse of horror that it is related to «mystery of being», introduction to which is ethically uplifting for the person. The moral significance of horror is revealed as an opportunity to overcome the routine of everyday inauthentic existence and attain a worthy ethical meaning of life.

Среди многих явлений духовного мира человека такие феномены как «состояние ужаса», переживание ужаса» имеет особенно важное нравственное значение. Конечно, говорить о нравственной значимости ужаса трудно, учитывая его «деструктивный» характер по отношению к человеческой психике. Лексема «ужас» означает крайне негативную эмоциональную реакцию, и, естественно, что человек стремится избавиться как от предмета ужаса, так и от этого крайне неприятного состояния.

Однако, этический взгляд на эти понятия способен раскрыть в них нравственную глубину, имеющее позитивное значение для формирования полноценного нравственного мира человека. И наоборот, игнорирование этих понятий, или их «эстетизация», имеющая место в современной массовой культуре, наносят нравственный урон личности, поскольку не позволяет ей пережить трагическую глубину бытия, в которой она пребывает.

Безусловно, этими вопросами занимался экзистенциализм, в котором дана системная аналитика этих состояний и разработан определенный категориальный аппарат. Однако аналитика экзистенциалов носит аксиологически и этически нейтральный характер (например, у М. Хайдеггера). Определенный поворот философии экзистенциализма в сторону этики, педагогики и антропологии прослеживается у Отто Ф. Больного; но это скорее исключение. В целом экзистенциализм обладает замкнутым характером и фиксирует лишь негативные свойства «пограничных состояний», придавая им бытийный статус.

Для раскрытия нравственных оснований феномена ужаса имеет смысл обратиться к русской философии, в которой большинство вопросов приобретают этический характер. Среди русских философов Н. А. Бердяев говорил о том, что «тоска и ужас могут иметь чисто нравственное и духовное значение» [Бердяев, с. 260]. Такое мнение встречается не часто, поскольку многие философы склонны негативно трактовать эти понятия. Однако, взгляд Н. А. Бердяева является определяющим в данном вопросе. С нашей точки зрения понятие «ужас» является одним из центральных в структуре этических категорий. Нравственное переживание ужаса способно обогатить личность, раскрыть бытийные измерения, о которых она возможно ранее и не подозревала. В этом смысле становится актуальной этическая ана-

литика феномена ужаса, расширяющая горизонты современной этической теории, которые имеют непосредственное практическое значение для нравственного роста и совершенствования личности.

Для того, чтобы прояснить нравственные измерения ужаса необходимо, прежде всего, отделить его от понятия «страха», которое является ближайшим синонимом ужаса. В обыденном сознании ужас, как правило, мыслится количественно, как высшая стадия страха. Однако, это не так. В философском плане необходимо разделять эти понятия, как это имеет место у Н. А. Бердяева и М. Хайдеггера.

Здесь необходимо сделать некоторые терминологические и лексические уточнения, связанными с трудностями, возникающими при переводе. Дело в том, что в «Бытии и времени» М. Хайдеггер употребляет лексемы «Furcht» и «Angst», которые в переводе В. В. Библихина на русский язык передаются соответственно как «страх» и «ужас». (§ 30. Die Furcht als ein Modus der Befindlichkeit («Страх как модус расположения») и § 40. Die Grundbefindlichkeit der Angst als eine ausgezeichnete Erschlossenheit des Daseins (Основное расположение ужаса как отличительная разомкнутость присутствия)) [Heidegger, S40].

При этом оба слова («Furcht» и «Angst») могут переводиться на русский язык как «страх». «Angst», переводимый на русский как «ужас», в немецком означает «страх». Здесь важны семантические различия этих слов в немецком, которые позволяют Хайдеггеру их строго разделить, употребляя именно эту пару слов. Дело в том, что в тексте «Бытия и времени» встречается слово «Entsetzen», которое тоже переводится как «ужас». Однако Хайдеггер выбирает именно «Angst» для передачи экзистенциального страха (то есть ужаса), поскольку «Furcht» обозначает скорее «боязнь» чего-то, то есть причинный, мотивированный страх. Отечественный исследователь А. Демичев пишет по этому поводу: «В глубине нашего страха – страх фундаментальный, ужас по Хайдеггеру. Нечто родовое. Общечеловеческая родина и рана. Ничто. В ностальгически страшном зове пребывает наша сущность, отпущенная родиной в «чистое присутствие» с целью себя явить» [Демичев, с. 7].

Таким образом, то, что у Хайдеггера терминологически обозначается как «Angst» (экзистенциальный страх) в русском философском сознании воспринимается (и переводится) как «ужас». И соответственно то, что он обозначает словом «Furcht» (просто страх) в русском сознании воспринимается как «боязнь», «страх как боязнь», не имеющие никаких экзистенциальных измерений.

Именно здесь может происходить наложение понятий, которое может сбить с толку в том случае, когда экзистенциальный страх переводится на русский не как «ужас», а как «страх». Как, например, в книге Отто Ф. Больнова «Философия экзистенциализма», в которой VIII глава называется «Страх», а один из разделов «Боязнь и страх» [Больнов, с. 89-101]. Он как раз употребляет слова «Furcht» для «боязни», а «Angst» для экзистенциального страха, и поэтому можно было пару «боязнь и страх» перевести как «страх и ужас».

Это становится понятным из текста Больнова, в котором он указывает, с одной стороны, близость этих понятий, с другой, их фундаментальное отличие. Он пишет: «Своеобразную сущность страха экзистенциальная философия прежде всего отличает от родственного явления простой боязни. Сразу же следует заметить, что страх и боязнь весьма близки, и словоупотребление зачастую их неразличимо роднит. Но все же различие существует – чуткое ухо распознает его уже в обычном словоупотреблении, а экзистенциальная философия выявляет затем при помощи понятийных средств» [Больнов, с. 90-91].

Какие различия находит философ между «боязнью» и «страхом»? Прежде всего, боязнь связана с чем-то определенным, конкретным, зримым. Боязнь имеет предметное содержание, предстает в виде вреда или угрозы индивиду. В то время как какой-либо определенный предмет, вызывающий страх, в страхе отсутствует. Больнов относит «беспочвенность и предметную неопределенность» страха к его глубинной сущности.

На семантическую и даже онтологическую неопределенность отношений между «страхом» и «ужасом» указывает и М. Хайдеггер. В «Бытии и времени» он пишет: «Для анализа ужаса мы не совсем подготовлены. Правда, остается еще темным, как он онтологически взаимосвязан со страхом. Феноменальное родство явно существует. Признаком тому факт, что оба феномена большей частью остаются не разделены и ужасом обозначается то, что оказывается страхом, а страхом именуется то, что имеет характер ужаса» [Хайдеггер 2011, с. 185].

Это очень точное наблюдение; действительно ужас и страх часто оказываются неразличимыми и на уровне речевого употребления даже в текстах философии. Однако между ними существует не просто различие, но различие фундаментальное, на которое указывает М. Хайдеггер в другой работе «Что такое метафизика?» Он говорит о «фундаментальном настроении ужаса», раскрывая сущность ужаса следующим образом: «Под ужасом» мы понимаем здесь не ту слишком частую способность ужасаться, которая, по сути дела сродни избытку боязливости. Ужас в корне отличен от боязни. Мы боимся всегда того или другого конкретного сущего, которое нам в том или ином определенном отношении угрожает. Страх перед чем-то касается всегда тоже каких-то определенных вещей. Посколь-

ку боязни и страху присуща эта очерченность причины и предмета, боязливый и робкий прочно связаны вещами, среди которых находятся...

...ужасу присущ какой-то оцепенелый покой. Хотя ужас это всегда ужас перед чем-то, но не перед этой вот конкретной вещью. Ужас перед чем-то есть всегда ужас от чего-то, но не от этой вот определенной угрозы. И неопределенность того, перед чем и от чего берет нас ужас, есть не просто недостаток определенности, а принципиальная невозможность что бы то ни было определить» [Хайдеггер 1993, с. 20-21].

Это ключевое рассуждение М. Хайдеггера, показывающее, с одной стороны, фундаментальное различие ужаса и страха, а с другой, указывающее на неопределенность, то есть беспричинность (в житейском и психологическом плане) и немотивированность ужаса. Философ связывает ужас с Ничто: «ужасом приоткрывается Ничто». Вот где основа всей бесосновности ужаса, его непостижимый характер. Поскольку, как говорит мыслитель, «ужас делает человека заместителем Ничто», то он как бы спит в человеке, готовый проснуться в любую минуту. Человек испытывает «приступ ужаса», то есть действия в нем Ничто. Но когда приступ отошел, человек остался тем, кем он и был до этого. Ничего в нем не меняется. И Хайдеггер не говорит о духовном и нравственном преобразении человека.

Ужас в этом смысле – аксиологически нейтральное состояние. Он имеет отношение к онтологии, но не к этике. Однако, в «Бытии и времени» можно обнаружить рассуждения про ужас, имеющие отношение к плану этики. Ужасом раскрывается не только Ничто; ужас мыслится Хайдеггером как «бытийная возможность присутствия». Он пишет: «перед чем ужасается ужас, есть само бытие-в-мире» [Хайдеггер 2011, с. 187]. Ужас размыкает присутствие, позволяя последнему сбыться. «Захватченность ужасом размыкает исходно и прямо мир как мир».

Что дает это размыкание ужасом присутствия? Хайдеггер говорит: «в ужасе лежит возможность отличительного размыкания, поскольку он уединяет. Это одиночество возвращает присутствие из его падения и показывает ему собственность и несобственность как возможность его бытия» [Хайдеггер 2011, с. 191]. Человек, тем самым, подпадает, если и не в ситуацию этического выбора, то, по крайней мере, ему высвечиваются этические смыслы его бытия.

Связанность ужаса и бытия отмечают современные авторы. В. В. Варава пишет: «Ужас – как бы *изнанка философского удивления*, его противоположный полюс. По сути, *удивление* и *ужас* – одно состояние: *ужас удивителен*, а *удивление ужасно*. Главное, что перечисленное не имеет отношения ни к психологии (это не аффект), ни к религии (это не «страх Божий»), ни к искусству (это не восторг и вдохновение), ни к повседневности (это не испуг). Оно имеет отношение к *бытию* и к *бытийному в человеке*. В какой мере человек чувствует удивление и ужас бытия, в такой мере он философ, потому что бытие как таковое не удивительно для обыденного сознания (оно удивляется чему-то сверхъестественному) и не ужасно (оно боится чего-то особенного, страшного, а не ужасается тому, что есть)» [Варава, с. 262].

О нравственном значении ужаса, как мы уже отмечали выше, говорит более всего Н. А. Бердяев. Для него также принципиально важным является фундаментальное разделение «ужаса» и «страха». И для того, чтобы понять нравственный характер ужаса, необходимо понять безнравственный характер страха.

Рассмотрим этот аспект подробнее. Н. А. Бердяев вслед за С. Кьеркегором и М. Хайдеггером придерживается различия между «Furcht» и «Angst». При этом философ дает такую уничтожающую картину страха: «Страх есть состояние дрожащей, трепещущей, падшей твари, которая находится в низинах бытия и которую со всех сторон подстерегают опасности. Страх есть ожидание страданий, ударов, лишений, наступления врага, который отнимет блага жизни, отнимет и самую жизнь, ожидание болезни, бедности, беспомощности и незащитности. В переживание страха не входит представление о высоте бытия, которую человек хотел бы достигнуть, и оторванность, от которой его мучит. В переживании сильного страха человек обыкновенно забывает о всякой высоте и склонен жить в низинах, лишь бы освободили его от ожидаемых опасностей, лишений и страданий. Страх – оппортунистичен, и в состоянии сильного страха человек на все бывает согласен. Страх есть состояние унижающее, а не возвышающее человека» [Бердяев, с. 255-256].

Таким образом, согласно Н. А. Бердяеву, страх, который является «самым древним аффектом человеческого природы», оказывает парализующее действие на нравственную волю человека: «Страх искажает все нравственные оценки и извращает все нравственные действия. Страх – оппортунистичен. Этика страха определяется не из духовного источника, она имеет своим источником социальную обыденность. Страх парализует свободу совести и засоряет ее чистоту. И нужно освободиться от аффекта страха, чтобы совесть совершала нравственные оценки и акты» [Бердяев, с. 259].

Из современных авторов о негативном действии страха на человека в схожем с Н. А. Бердяевым духе ярко пишет А. Демичев: «Страхи воздействуют и на материальную, и на духовную сторону жизни. Страх мешает человеку удовлетворять свои основные жизненные потребности – обеспечивать

себя пищей, кровом, одеждой. Страх разрушает в человеке такие качества, как инициатива, энтузиазм, честолюбие. Он подрывает уверенность в себе и душист воображение. Страх делает человека жадным, беспечным, брюзгливым, подлым, жестоким и раздражительным в отношении с другими людьми» [Демичев, с.5].

Таким образом, грех и страх связаны бытийно. Нравственно негативный характер страха Н. А. Бердяев объясняет религиозными причинами: страх есть основа греховной жизни. Можно сказать, что страх – это не столько основа греха, сколько его следствие. Человек испытывает страх, потому что греховен. Страх у христианского мыслителя Н. А. Бердяева является знаком греховности, а значит нравственной порочности. У М. Хайдеггера этого нет; он страх рассматривает скорее психологически, в то время как ужас онтологически.

Для Н. А. Бердяева страх низменен, так как греховен. И страху противостоит духовно и нравственно возвышающий человека ужас. О нем он говорит в самых метафизически приподнятых тонах: «И подлинный ужас можно испытывать только перед тайной бытия или перед темным хаосом, а не перед опасностями обыденной жизни» [Бердяев, с. 257]. Ключевое понятие здесь «тайна бытия», которая вызывает ужас, который иногда Бердяев называет священным ужасом, который обладает несомненно нравственным значением. Об этом он говорит так: «То же, что я называю «ужасом», – бескорыстно, не утилитарно, не эвдемонистично, не означает озабоченности и страха перед будущими страданиями, а чистое переживание бездны, отделяющей наш греховный обыденный мир и нашу низшую природу от высшего, горнего, божественного мира, от бесконечной тайны бытия. Поэтому и тоска и ужас могут иметь чистое нравственное и духовное значение» [Бердяев, с. 260].

Н. А. Бердяев находится в одном русле с Кьеркегором, полагавшим, что грех находится в основе страха. При этом нельзя забывать, что Кьеркегор, чья работа переводится как «Понятие страха», говорит об в нашей терминологии об «ужасе» (работа называется «Der Begriff der Angst»). Бердяев строго разводит греховный страх и священный ужас. Страх – свидетельство падшей, низкой природы человека, в то время как ужас есть свидетельство «высшей, горней, богоподобной природы человека, обличение его призвания к высшей жизни» [Бердяев, с. 257].

У Кьеркегора страх-ужас также как и у Н. А. Бердяева имеет духоносный характер, однако, ход его рассуждений несколько иной. Следующий фрагмент из работы Кьеркегора «Понятие страха» прямо указывает на духовный характер страха-ужаса. Философ говорит, что у животного невозможно обнаружить страх, потому что его природа не определена как дух. Человек же, будучи духовным существом, способен на страх-ужас. Более того, именно страх-ужас и делает человека духовным. Он пишет: «Наблюдение за детьми позволяют обозначить этот страх как жадное стремление к приключениям, к ужасному, к загадочному. То, что бывают дети, в которых этот страх не обнаруживается, еще ничего не доказывает: ведь у животного его тоже нет, и чем меньше духа, тем меньше страха. Такой страх столь существенно свойственен ребенку, что тот вовсе не хочет его лишиться; даже если он и страшит ребенка, он тут же опутывает его своим сладким устрашением. И во всех народах, где детскость сохранилась как грезы духа, этот страх есть; и чем он глубже, тем глубже сам народ. Только прозаическая пошлость может полагать, будто тут содержится какое-то искажение» [Кьеркегор, с. 144].

Эта парадоксальная формула Кьеркегора: «чем меньше духа, тем меньше страха» полностью противоречит установкам здравого (обыденного или героического сознания), которое как раз считает страх проявлением малодушия, слабости у Кьеркегора наоборот: страх является показателем духовности, в то время как именно бездуховные люди не способны испытывать страх.

Апофеозом апологии страха (ужаса) у Кьеркегора можно считать сравнение страха с головокружением. Он пишет: «страх – это головокружение свободы, которое возникает, когда дух стремится полагать синтез, а свобода заглядывает вниз, в свою собственную возможность, хватаясь за конечное, чтобы удержаться на краю» [Кьеркегор, с. 160].

Комментируя эти слова Кьеркегора Отто Ф. Больнов говорит, что только через страх (то есть ужас) открывается подлинное существование. «Собственно лишь в прохождении сквозь страх достигимо подлинное существование. ... Страх подобен огню, поглощающему собой е несущественное, все конечное перед ним вянет, в прохождении сквозь этот болезненный процесс уничтожаются все крепкие, оболочки и гарантии, и человек оказывается целиком отдан незащищенности, лишь только в которой и обретается экзистенциальное существование» [Больнов, с. 94]. Примечательна также характеристика Кьеркегора, данная П. Тиллихом, назвавшим датского философа одной из «пророческих душ XIX в.», которые сформировали ситуацию XX столетия. Американский теолог пишет, что «им всем была свойственна смесь духовного ужаса, пророческого гнева, меланхолической покорности, этической страсти, интеллектуальной агрессивности» [Тиллих, с. 457].

Выражение «духовный ужас» очень точно передает истинный смысл экзистенциальных исканий, главной целью которых является неустанное продвижение к подлинному бытию. Вообще, экзистенциальная категория «подлинного существования» имеет, по сути, этический характер. И то, что она достигается посредством ужаса, свидетельствует в пользу его нравственного характера. Это стано-

вится еще более понятным из следующих слов Больнова: «становится понятным, насколько неверен упрек, полагающий, что страх можно было бы отвергнуть, расценивая как слабость. Слабость выражается скорее в том, что человек бежит от страха, поворачивается назад в шумную суету повседневной жизни, пытаясь заглушить этот предостерегающий голос различного рода рассеянием. Напротив, для того чтобы выдержать страх, всегда уже требуется неслыханное напряжение, поэтому страх представляет собой нечто совершенно иное, нежели простую боязнь.

Отсюда выдерживание страха становится тем требующимся от человека высочайшим достижением, в котором единственно реализуется подлинность его существования» [Больнов, с. 96].

Современный философ Г. Л. Тульчинский пишет о необходимости преодоления ужаса через осмысление бытийной ситуации человека и через поправление смерти как главного «активатора» ужаса: «Ужас и смерть – не формы, а сама ткань бытия. И дело человеческое – формовать из этой ткани его – бытия – осмысленное. Смертью смерть поправ» [Тульчинский, с. 160].

Таким образом, выявляется достаточно четкая оппозиция страх/ужас, которая свойственна не только экзистенциальной философии, но и русской религиозной (главным образом в лице Н. А. Бердяева).

Итак, рассмотрев различные философские построения относительно ужаса, можно сделать некоторые выводы относительно нравственного характера этого феномена:

- феномен ужаса имеет двойственный характер – онтологический и этический; первый в большей мере присущ западной философской традиции (М. Хайдеггер), второй русской философии (Н. А. Бердяев);

- на этическом уровне имеет сущностное значение бинарная оппозиция страх/ужас; если первый трактуется как проявление низменной (греховной) природы человека, то второй имеет однозначно положительный характер («духовный ужас» в терминологии П. Тиллиха), связанный с духовно-нравственным восхождением человека;

- экзистенциальный страх (ужас) имеет немотивированный и беспричинный характер, обусловленный его связанностью с Ничто, что исключает возможность его рационального постижения (в том числе психологического контроля и регуляции). Однако, это открывает возможность его нравственного переживания, что приводит к подлинному бытию (экзистенциализм) или к тайне бытия (русская философия);

- философская лексика русского языка обладает достаточным семантическим богатством, позволяющим раскрывать не только психологические, но этические параметры ужаса. Это способствует более глубокому антропологическому постижению человека.

- игнорирование ужаса, стремление от него избавиться лишает человека собственной бытийной возможности на обретение свободы и смысла, а значит этически осмысленной и нравственно достойной жизни.

Список литературы References

1. Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики. М., 2003.
Berdyayev N.A. Opyt paradoksal'noj ehtiki. M., 2003.
2. Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма. СПб., 1999.
Bol'nov O.F. Filosofiya ehkzistencializma. SPb., 1999.
3. Варава В.В. Адвокат философии. М., 2014.
Varava V.V. Advokat filosofii. M., 2014.
4. Демичев А. Введение // Делюмо Ж. Идентификация ужаса. М., 2009.
Demichev A. Vvedenie // Delyumo Z.H. Identifikaciya uzhasa. M., 2009.
5. Кьеркегор С. Понятие страха // Страх и трепет. М., 1993.
K'erkegor S. Ponyatie straha // Strah i trepet. M., 1993.
6. Тиллих П. Кьеркегор как экзистенциальный мыслитель // Избранное: Теология культуры. М., 1995.
Tillih P. K'erkegor kak ehkzistencial'nyj myslitel' // Izbrannoe : Teologiya kul'tury. M., 1995.
7. Тульчинский Г.Л. Жуть и путь, или Опыт обыденного философствования // Фигуры Танатоса: Искусство умирания. СПб., 1998.
Tul'chinskij G.L. Zhut' i put', ili Opyt obydenного filosofstvovaniya // Figury Tanatosa: Iskusstvo umiraniya. SPb., 1998.
8. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
9. Hajdegger M. Chto takoe metafizika? // Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya. M., 1993.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2011.
Hajdegger M. Bytie i vremya. M., 2011.
11. Heidegger M. Sein und Zeit. Tubingen : 1967.
Heidegger M. Sein und Zeit. Tubingen : 1967.

УДК 94(4)

**ТЁМНЫЙ ЧЕЛОВЕК МРАЧНОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ: ОБРАЗ ПРЕСТУПНИКА
ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ****THE DANGEROUS MAN OF THE DARK MILLENNIUM: A CRIMINAL
OF THE EUROPEAN MEDIEVAL AGES****Э.Н. Гущин
E.N. Gushchin***Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7
State Institute of arts and culture, 7 Queen St, Belgorod, 308033, Russia**E-mail: Eduard.Gushchin@gmail.com***Ключевые слова:** преступник, криминальная субкультура, Средневековье.**Key words:** criminal, criminal subculture, the medieval Ages.

Аннотация. Автор статьи изучает криминальную субкультуру Средневековья и пытается воссоздать образ преступника в истории европейской цивилизации. Криминальная субкультура – архаический феномен. В статье сделана попытка анализа причин преступности, отношения к ней различных кругов общества.

Resume. The author examines the criminal subculture of the middle Ages and trying to recreate the image of the offender in the history of European civilization. Criminal subculture – its archaic phenomenon. The article aims to analyze causes of crime, the relationship to it of various circles of society.

В настоящее время, отечественными и зарубежными исследователями сделан ряд попыток изучения различных субкультурных групп, существовавших в исторической перспективе. Одной из таких, самых древних субкультур, является криминальная субкультура. Изучение этой субкультуры представляется важным практическим моментом, способствующим, пусть и опосредовано, борьбе с криминалом (например, изучение механизмов преступности прошлого может быть источником информации для создания мер, предупреждающих современную преступность).

Тем не менее, российские исследователи посвящают своё внимание вопросам развития современной организованной преступности, значительно меньше касаясь проблемы преступности в монархический период истории России. В русскоязычных источниках ещё более сложно встретить исследования феномена европейской преступности, особенно в её раннем этапе развития. В этом обстоятельстве, видна некоторая несправедливость – отечественные медиевисты, культурологи и философы, как будто отказываются от попыток сравнительного анализа развития криминальной субкультуры на Руси, в России и Европе. Такое историко-культурологическое или антропологическое исследование могло бы оказаться очень интересным, поскольку наглядно раскрывало бы, через возможное сходство криминалитета разных государств, сущность криминала как социокультурного феномена. И уж тем более, такой сравнительный анализ невероятен в зарубежной научной литературе (хотя средневековая повседневность Европы изучена очень хорошо, в частности французскими исследователями). Очевидно, что исследование древней истории и культуры сопряжено со многими организационными трудностями, которые умножаются, если речь идёт о незнакомой, «чуждой», «неродной» исследователю, культуре. Конечно, для полноценного историко-культурологического, философско-антропологического анализа желательно использовать, в сочетании с другими, литературные тексты, хроники, различные записи и современные изданные публикации на оригинальном языке. Но если такой возможности нет, всё же, от этого пути отказываться не стоит. Возможно, такую ситуацию может исправить обращение к большему количеству источников из разных областей знания. Настоящей статьёй, хочется восполнить хотя бы, незначительно, такой научный «пробел», рассмотреть в большей мере криминальную субкультуру западноевропейского Средневековья, и вызвать интерес к дальнейшей разработке темы научной общественностью.

В настоящее время, в науке достаточно подробно описана современная криминальная субкультура. Назовём имена тех отечественных исследователей, которые касались, непосредственно вопроса исторического развития криминального мира и формирования общественной реакции в ответ на него. Это С.А. Ветошкин (тюрьма и общество), О.В. Рогова (телесные наказания на Руси), Ю.А. Романченко («Божий суд» как поиск справедливости), А.Х.-А. Пихов, Н.А. Шеуджен (развитие международного сотрудничества по борьбе с преступностью), М.К. Ивина (проблемы законодательства в Средние века и Новое время), И.С.Ильин (о каторге, организация тюрем в Европе в Средние века), Е.Ю. Антонова (ис-

торико-правовой анализ коллективной уголовной ответственности), Е.Ю. Калинина (кровная месть и смертная казнь), О.Н.Бибик (материальная культура и преступность), Г.Д.Гамбаров (зарождение международного сотрудничества в борьбе с преступностью в финансовой сфере), А.Н. Кондратьева (соотношение понятий «грех» и «преступление» в средневековом праве), и т.д.

В.В. Шемякина, изучая историю криминальной субкультуры, на основе изучения различных теоретических работ и эмпирического материала, определяет её как: *«...образ жизни, систему политических, идеологических, правовых, нравственных, философских, религиозных, эстетических «норм», манеру поведения, образ мышления и традиции лиц, совершивших преступление или отбывавших (отбывающих) наказание в местах лишения свободы, со своими отличительными чертами в зависимости от пола и возраста осужденных, режима исправительного учреждения, тяжести совершенного уголовно-правового деяния»* [Шемякина: Криминальная субкультура современной России, С. 9]. Отметим, что некоторые исследователи стремятся подтвердить мнение о том, что любого человека, относительно оторванного от преступного сообщества, но совершившего преступление, можно причислить к представителям криминальной субкультуры. Такая позиция упрощает определение криминальной субкультуры.

В Средние века преступность представляет собой серьёзную проблему для общества, хотя и была привычным явлением. Наиболее провоцирующие, преступность, факторы – это война и социальная неудовлетворённость общества. Как считает крупный французский историк Проспер Буассонад, варварские бесчинства, разбойничьи набеги сильно сократили производительность и пошатнули экономику в ранний период европейского Средневековья [Буассонад: От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе, С. 33-39]. Можно сказать, что Средневековая цивилизация начинается с насилия и криминала (как, возможно и Античная цивилизация, когда ахейские племена потеснили крито-минойскую культуру, хотя навряд ли тот исторический процесс носил такой же масштабный, по своей драматичности, характер). Автор приводит многочисленные свидетельства бесчинств и замечает, что *«...Все гарантии сохранения жизни и собственности, которые давала человеку умирающая античная цивилизация, исчезли при анархии, которую создали варвары»* [Буассонад, С. 32]. При этом, те варвары, которые не имели опыта знакомства с римской цивилизацией, были более жестокими [Буассонад, С. 34]. *«По свидетельству святого Иеронима (за 406-416 н. варвары уничтожили все признаки цивилизации от Альп до Пиренеев и от океана до Рейна»* [Буассонад, С. 34].

Автор замечает, что преступные набеги шли рука об руку с опустошениями и голодом, а последний – мог сопровождаться случаями людоедства. Средневековая Европа, в метафорическом смысле, напоминала дьявольскую карусель, в которой не было исхода, где постоянно чередовавшиеся беды, вновь и вновь возрождались по одному и тому же пути. Только сверх-насилие, сверх-жертвы, сверх-трагедия (которую средневековый европеец, вероятно, полностью не осознавал) несколько замедляли этот вихрь; это случалось тогда, когда население в большинстве своём вымирало по той или иной причине.

При этом, военные действия и конфликты отнюдь не означали, что в роли преступника обязательно выступает какой-либо враг или захватчик; случалось, что преступниками становились сами защитники тех или иных территорий – воины, наёмники, жители провинции, без всякого гражданского и этического самосознания. Немецкий культуролог Ф.Грегоровиус в фундаментальной работе «История города Рима в Средние века» описывает такой случай с набегом арабов на аббатство в Фарфе, в 890г.: *«...В течение целых семи лет аббат Петр мужественно защищал монастырь, но затем должен был признать, что для аббатства нет спасения. Сокровища монастыря были отправлены в Рим, Фермо и Риети; драгоценный киворий главного алтаря был разрушен, а колонны из оникса зарыты в землю; исполнив все это, Петр покинул аббатство. Пленные красотой зданий аббатства сарацины решили пощадить их и обратили Фарфу в свое пристанище; но хозяйничавшие тут же христианские разбойники подожгли аббатство, и с той поры в течение 30 лет оно представляло одну груды развалин»* [Грегоровиус: История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия), С.437]. Таким образом, даже принадлежность к той или иной вере не определяла расстановку сил в противостоянии «жертва-преступник», «общество-криминал». Сопrotивляться набегам различных разбойников было невозможно, потому что за разрушением монастырей следовало восстановление, а затем снова разрушение.

На наш взгляд, отношение общества к насилию и к тем группам населения, которые могли его творить, во многом определяет всё развитие Средневековой культуры. Насилие настолько становилось привычным, что понятие «преступление» заменяется и затмевается понятием «грех»; а развитие религиозных представлений опережает развитие закона. В таком настойчивом обращении к христианству видна судорожная попытка «перезагрузки» на мирное сосуществование, она как нервная, горячая мольба, как самозакливание общества от зла, как попытка преодолеть, перешагнуть все

ужасное. М.Блок пишет не только о Средневековом насилии, но и о стремлении к миру. В его работе присутствует обратное мнение о том, что насилие, коренившееся в ментальности социума, не разрушало экономику, а сама экономика основывалась на насилии, которое являлось частью права [Блок: Феодальное общество, С.403.]. Откуда же приходил к людям недолгий мир? По мнению М.Блока, «...общества мира зародились на епископских соборах. Чувство человеческой солидарности было обострено у духовных лиц, поскольку они представляли себе христианский мир как мистическое тело Спасителя» [Блок, С.404-405].

М.Блок указывает, что зародилось движение к миру, скорее всего, около 989 года неподалеку от Пуатье на соборе в Шарру [Блок, С.405]. Иногда принуждение к миру имело насильственный характер: «В 1070 году в Мансе французское движение городских коммун началось карательными экспедициями под сенью церковных хоругвей против сеньоров-грабителей» [Блок, С.409].

Автор пишет, что церковники хотели хотя бы немного сократить уровень насилия, взяв под защиту какое-то количество людей. В Шарру были созданы запреты на конкретные виды насилия, погромы, воровство; эти запреты играли роль клятвы для сеньоров. Существовали исключения из этих запретов. Специфика того времени была такова, что часть исключений «...делались из почтения к принуждениям, читай, насилиям, без которых не мыслилось существование власти и которые считались законными.... Специально оговаривалось или признавалось по умолчанию право на месть после совершенного убийства» [Блок, С.405-406].

Учитывая повсеместные проявления насилия в Средние века, становится не совсем ясным, откуда мог родиться культурный стереотип о добром разбойнике, грабящем богатых ради бедных. Возможно, влиятельные и богатые сеньоры, феодалы были настоящим преступным бедствием для своего окружения, или случайных людей, не имеющих высокого социального статуса. Может быть поэтому, бедный преступник противопоставляется богатому преступнику, и это воспринимается как хотя бы какое-то проявление справедливости.

Пожалуй, лишь духовенство, которое имело незначительную возможность наблюдать за общественно-историческими процессами со стороны, отдавало себе отчет в реальном соотношении насилия и мира, преступления и справедливости. Угнетённый крестьянин, ограбленный человек, несчастный разорившийся, сирота, могли обладать всеми проявлениями комплекса жертвы, не воспринимая происходящее явно. А угнетатель-феодал, разбойник, грабитель глубоко не рефлексировал. Каждый класс стремился обвинить в разбоях, грехах и преступлениях чужую, противоположную, враждебную общность (по этническому, социальному признаку). Нам кажется закономерным тот факт, что параллельно существуют и баллады о бедном Робин Гуде и миракли о знатных феодалах и рыцарях, (всех их объединяет *преступление*). В специфике восприятия насилия и криминальной субкультуры видно классовое противостояние, а само насилие – инструмент выживания, используемый всеми слоями населения в большей или меньшей степени. Поэтому криминальную субкультуру Средневековья определить довольно сложно в её границах, – она распространяется на всё общественное устройство. Более того, существуют свидетельства, доказывающие, по крайней мере один случай того, что в банду преступников входил священник (из семьи Фоллвилей. Как утверждают популярные зарубежные источники, позже деятельность этой банды была признана общественным мнением справедливой, словосочетание «закон Фоллвилей» оказалось идентичным понятию «законный грабёж»).

Восприятие преступности средневековым европейцем настолько несовершенно, что его не посещает идея рассматривать криминал как отдельную, организованную общность внутри городской культуры. В доказательство можно привести пример практики окружения города высокими стенами, в то время как общественный враг – преступник – мог оставаться внутри. Попытки влиять на преступления включали в себя ужесточение наказаний, процедуры преследования преступников и ведения следствия (можно вспомнить *Constitutio Criminalis Carolina* – «Каролину», т.е. уголовно-судебное уложение Священной Римской империи), но вряд ли касались изменения каких-либо социокультурных факторов. Например, даже в описываемые времена, могли бы осуществляться попытки изъятия у населения оружия, присмотр за неблагополучными слоями населения, но они не реализовывались в необходимой мере. По сути, существовало лишь физическое противодействие криминалу, подкреплённое написанными позже законами и традициями, а каких-либо действенных социальных механизмов противодействия не существовало. Преступником, в условиях распространённого насилия (в том числе и легитимного), мог оказаться каждый (в пример приведём историю с втягиванием в криминальные круги знаменитого французского поэта Ф.Вийона).

Почему же появлялись жёсткие законы, если, они были не всегда действенны? Ведь, как потом докажет мировая юридическая практика, в профилактике преступлений важнее идея о неотвратимости наказания, а не о его тяжести. Государство, обладая законным правом на насилие, монополизировав его, обеспечивает безопасность социума. Однако, как указывает С.Н.Борисов, пограничное состояние, когда легитимное насилие становится нелегитимным, порождает наиболее разрушитель-

ные формы насилия, а отсутствие критериев в оценке допустимости насилия определяет относительность легитимного насилия [Борисов: Концепт насилия в современном российском самосознании, С.101]. Именно поэтому история закона и права идёт путём уточнения всех возможных критериев, касающихся сферы преступлений и наказаний («Каролина» как раз и имела своей целью уточнение требований пыток, определению преступления, регламентацию наказаний и т.д., так же, как русский Судебник 1497 года стремился точнее определить и классифицировать преступления и преступников).

Главными социальными критериями, регулирующим всё отношение к криминалу и преступлению, была, зачастую, не только тяжесть преступления, но и статус, происхождение преступника, а так же культурные традиции отношения к преступлению, закреплённые в библейских текстах. Личность жертвы не изучалась и не рассматривалась, как будто её не существовало.

Подразумевалось, что человек низкого происхождения, больше способен на преступление, чем благородный (но лишь подразумевалось, реальность отличалась от представлений); целью некоторых законов было защитить привилегированные слои населения, ведь именно такие люди обладали материальным имуществом, иногда значительным. Такую ситуацию можно назвать «юридической близорукостью», совершенным незнанием криминальной субкультуры. Характерно это и для русского общества феодального периода. Примечателен тот факт, что существует достаточно строк, записанных в судебнике 1497 года, о преступлениях против имущества; но о таких преступлениях, которые не несут в себе меркантильные интересы, идею обогащения, а лишь порчи чего-то чужого, (т.е. подлые в прямом смысле слова, преступления) – поджоги, подбрасывание компрометирующих предметов и улики, иногда даже трупов (ради расправы с врагами и соперниками), «головная татьба» [Федорова: Виды правонарушений по судебнику 1497г., С. 176-179]. Судебную систему характеризуют попытки справиться с постоянными наветами, наговорами и крамолой, производимых, иногда, даже самими «судьями» ради личной выгоды.

Парадоксально, что именно усиления наказания (по сути насилия), может его же и породить. Таким образом, в ранней истории и следственные пытки воспринимались как что-то естественное, обычное, и чинилось самоуправство, самосуд.

Недостаточная ясность критерия в определении насилия, да и всякой рефлексии по этому поводу, само по себе может увеличивать число преступлений (ниже будет упомянуто, что насилие без критерия определения степени его допустимости, в системе наказания преступника делало из последнего жертву). Может показаться, что причиной таких «неотработанных» рефлексий является то, что не существует организованной преступности, открыто и цинично противостоящей обществу. Однако это не так: уже в Средние века есть и организованная преступность, и предельный цинизм криминальных кругов. Наибольшую опасность, вероятно, представляли люди, взявшие оружие, изначально с положительными намерениями, но опустившиеся, морально разложившиеся, предавшие всякие правила, законы и условности. Ф.Грегориус приводит следующие сведения и их блестящую интерпретацию: «...С середины XIV века началось все усиливающееся предоминирование странствующего солдачества. Приведенная к распадению английской войной Франция и раздробленная Италия представляли для этого естественные арены. Историки того времени не в состоянии были постигнуть ни того, какая была причина, что столь многие синьоры из старой знати, столь много храбрых воинов, приставали к гнусным разбойничьим шайкам, ни того, откуда эти компании как бы в одну ночь выростали все вновь и осмеливались безнаказанно пронестись по прекраснейшим странам. Этот симптом органического недуга в самом обществе они объясняли влиянием констелляций планет или карающей десницей неба. Тогдашний мир, в котором пришли в упадок великие средневековые устои, империя, церковь, ленная монархия, рыцарство, патрицийский городовоидный строй, находился в разложении и искал новых социальных форм. Банды наемников составляли пролетариат расползавшегося по всем порам европейского общества. Рыцарство, некогда европейская федерация, в котором находили себе законные формы мужская сила и мораль, одолено было возраставшей образованностью и благосостоятельностью гражданства; дух его покинул, и оно обратилось в рыцарскую погоню странствующих авантюристов за фортуной. То же самое гражданство вытеснило родовое дворянство из республик; отсюда явилось последствием, что праздные и честолюбивые дворяне, как Колонна, Орсини и Савелли, искали себе занятий в солдатском ремесле и стали фигурировать в виде кондотьеров. Падение аристократии, консервативного сословия, зиждившегося на наследственном землевладении, явилось вместе с тем и существенной причиной распада старого общинного строя, ибо лишило общины духа рыцарской чести и воинственной силы, утрата которых не могла быть возмещена трудящимся, построенным на подвижных силах капитала, состоянием горожан. С того времени, как Рим и Флоренция низвергли дворян, оборонительные силы обеих республик стали все более и более умяляться. Индустрия и благообеспеченность сделали граждан неуклюжими к самозащите; они стали нанимать

наемников, подобно общинам в античную эпоху упадка Эллады. При помощи тех же наемников тираны обращались во владык. Так повсюду создалось бесправное бытие удачи, права кулака и самоуправства. И вот, когда государства бессильно лежали во прахе, само общество стало складываться в союзы как для нападения, так и для отражения нападений. Водворилось господство ассоциации как в хорошем, так и в дурном значении слова. Одно и то же средство доставляло и гибель, и спасение. Это эпоха лиг политических и социальных, братств по оружию, рыцарских союзов, союзов городов, братств во всяком направлении и в каждой стране Европы» [Грегоровиус: История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия), С.1124-1125].

Немецкий культуролог и историк даёт возможность понять, что криминальная субкультура была организована самым высоким образом: «...постоянного войска не существовало нигде. Войны церкви с Висконти, распри между Монферратом и Миланом, Сиеной и Перуджией, Пизой и Флоренцией доставляли наемным бандам непрерывно новую пищу, ибо всякий синьор и всякий город нуждались в них. Сами они составляли странствующие военные государства, замечательно хорошо организованные. Предводителя этих кругом зашитых в железо барбутов (как они назывались по своим шлемам) окружал совет из четырех капитанов из рейтаров (*cavalieri*) и из стольких же пехотинцев (*masnadieri*). Важные случаи возносились сверх того по республиканскому обычаю, на общее собрание всех капралов. Констабли, маршалы, капралы составляли именно различные градации (*grades*) в военном таком союзе, смотря по тем бандирам или эскадронам, на которые делилась компания. Были судьи, нотариусы, казначеи, выдававшие добычу и жалованье и заведовавшие финансами. Целый гарем женщин, увезенных монахинь и добровольных потаскушек сопровождал эти банды, которым предшествовало паническое бегство и последовали голод и чума. Пестрый их лагерь был рынком, на кагором добыча монастырей и городов продаваема была мириадам торгашей, причем крупные банки Италии состояли в деловых связях с капитанами, помещавшими к ним на проценты награбленную добычу. С государями и республиками компании вели переговоры в дипломатических формах, как равные с равными. Посланцев их принимали они в малом военном совете или на великом парламенте; к государствам отправляли прокураторов и ораторов; принимали и выдавали договорные грамоты, снабжаемые каждым капитаном своей печатью, свинцовой или красного воска. Ядром всех переговоров являлось, всеконечно, одно лишь простое вымогательство денег» [Грегоровиус, С.1125].

О предельной циничности этих кругов, существовавшей ещё в древности, рассказывает эпизод вымогательства у кардинала денег преступными элементами [Грегоровиус, С.1125-1126]. Автор работы замечает, что банды грабителей поднимали на смех Папу и императора в ответ на предложение идти на неприятеля (и превратиться в крестовых рыцарей) [Грегоровиус, С.1125-1126]. Не подействовала и отлучающая булла, которая была воспринята с таким же смехом... [Грегоровиус, С.1125-1127].

Насилие, которое допустимо в руках людей у власти (усиленное властью), описано и в Ветхом Завете. Э.А. Поздняков указывает, что когда Моисей отлучается на гору Синай, его народ сотворяет нового кумира – Золотого тельца. Обнаружив это, Моисей велит приближенным пройти по стану с оружием. В результате этого совершается 3000 убийств [Поздняков: Философия преступления, С.144]. Такая христианская идеология могла способствовать закреплению в сознании средневекового человека самых разных идей: верховное лицо противодействует преступности и насилию, но его же может и сотворить, против циничности и предательства должна действовать сила, а не убеждение и т.д. Такая стратегия способствует выживанию общества в сложных условиях хоть войны, хоть мира (известно, как много предательств совершалось в Средние века, и какими жестокими средствами с этим боролись).

Пожалуй, в наибольшей степени криминальную субкультуру Средние века отличает двойственность. Во-первых, преступником мог быть как исключительно бедный, опустившийся человек (например, среди крестьян могло быть широко распространено браконьерство), так и властный, богатый феодал. Именно в Средние века, появляется фольклор, обличающий социальное неравенство, произвол лиц, обладающих властью и богатством. Во-вторых, трактовка преступления и личности преступника (в народном и индивидуальном творчестве) резко отличалась от реальности. Например, в жанре миракля, преступник зачастую, мог настолько искупить свою вину, явить миру добродетельные душевные качества, что становился праведным христианином; чуть ли, не равным святым. Преступник может стать героем после преступления, работая над своей нравственностью и искупая грех; тогда как в Античности персонажи мифов (в некоторых случаях – тоже преступники) становятся героями в момент совершения условного преступления. Впрочем, есть разница и в тяжести преступлений – Средневековье уже способно рисовать мрачные картины возможного реального насилия. «Рождающийся» и обретающий «культурную» силу европеец, представляет физическое насилие и само-насилие (как христианскую покорность насилию) важной частью культуры и духовного развития. В-третьих, образ преступника Средних веков сочетает в себе и насилие и жертвенность. Можно

сказать, что перед нами преступник-жертва, преступник-грешник («больной» грехом человек). Приведём несколько примеров и доводов.

1. Средневековая мораль обещает преступнику, как и всякому грешнику, после смерти страдание. Следовательно, преступник сам посылает себе страдания, становится жертвой своего неблагочестия, христианской неразумности, обрекает душу на погибель. Мысленная фантазия о возможном физическом «поражении грехом», видна в средневековых суевериях и представлениях о болезнях, в трактовке эпидемий, сопровождающихся какими-либо высыпаниями на коже.

2. Зачастую, даже такие сферы, как смех и веселье, праздность и отдых могли таить в себе опасность преступления, и это вовсе не интерпретация смеховой культуры пуританским сознанием. Известен такой образец старинного фольклора, когда «весёлые ребята» крадут у бабы деньги, да ещё и насмеваются:

*«...Он и руку протянул
И кубышечку стянул.
«Пойдемте-тка, ребята, под ракитов частый куст,
Станем денежки делить,
Стару бабушку хвалить:
Ты живи, баба, подоле,
Ты копи денег поболее!
И мы твой двор знаем, опять зайдем;
Мы кубышку твою знаем, опять возьмем;
А тебя дома не найдем, — и двор сожжем!»* [См. Песенникъ 1780 года, часть II, стр. 203].

Английский историк П.Акройд, исследуя биографию В.Шекспира, указывает на «неблагополучные» районы и места Лондона. К таким местам можно отнести пространства недалеко от театров. Так, один из первых театров, «Роза», был выстроен на месте борделя: «...«розами» на жаргоне назывались проститутки, роза изображалась на их вывесках; в окрестностях было много домов свиданий. Некоторые из них принадлежали Филиппу Хенслоу» [Акройд: Шекспир. Биография] (театральному антрепренёру). Театральные представления привлекали воров-карманников. Итак, в криминальной субкультуре прошлого мы снова находим двойственность: обращение к смеху в сочетании с циничностью; веселье на фоне преступления, преступление на фоне веселья.

Если преступники наказывались обществом, то оно едва ли руководствовалось гуманными соображениями (пытки, мучительные казни). Таким образом, наказание могло не соответствовать преступлению, и носить более тяжёлый характер и последствия. При этом, наказание могло избираться таким образом, что бы воспроизводить преступление, но уже на самом преступнике. В результате, и роль жертвы, и роль преступника — были фактически идентичными. Средневековый европеец был способен увидеть преступника даже в животном и вершил правосудие над ним (хотя, возможно, это всего лишь психологический механизм переноса агрессивного поведения, который в Средневековье был нагляден, символичен и наиболее приемлем как вариант замены настоящего насилия). М. Пастуро описывает жестокую казнь Фалезской свиньи, виновной в смерти мальчика (потом это событие, относительно рядовое, увековечили в виде панно, в церкви Св. Троицы) [Пастуро: Символическая история европейского Средневековья, С.29-30]. Другой французский историк, Р.Фоссье приводит такие сведения: «...Столкнувшись с запутанным делом, судья мог прибегнуть к божественному волеизъявлению, что освобождало его от необходимости самому делать непростой выбор: обычай «ордали», то есть физического испытания (раскаленным железом или кипящей водой), которое предлагали пройти предполагаемому преступнику, чтобы он перед лицом Господа доказал свою невиновность, продержался до XII века» [Фоссье: Люди средневековья, С.244].

3. Для преступника существовал риск оказаться жертвой мести родственников того человека, который потерпел оскорбление, убыток или расстался с жизнью. Месть была своего рода обязательной и само собой подразумевающейся. Череда случаев проявления мести между семьями могла быть очень длинной и растягиваться на десятилетия. Это выглядит как неконтролируемая, стихийная практика, нарушающая принципы справедливости, ведущая к беззаконию. Однако, на этот счёт есть свидетельства о том, что месть была желательна, и не так уж осуждалась законодательно. Р.Фоссье указывает, что люди Средневековья «...задетые в чувствах обиженной гордости, пострадав от кражи имущества или простого унижения, не обращали внимания на смягчающие обстоятельства оскорбления. И потому месть должна быть полной, без условий «мира», даже если их предлагали «друзья» [Фоссье, С.240-241]. Автор издания указывает: «...это неистовое стремление отомстить за обиду, «файда», вендетта буквально переполняют грамоты о помиловании эпохи позднего Средневековья, в которых эти мотивы приводятся в оправдание применения силы. В вен-

детте участвовали как принцы, так и простые крестьяне, и она могла длиться годами, омрачая политический небосклон магнатов и мешая профессиональной деятельности простолюдинов» [Фоссье, С.252]. Способ и время мести были целиком определяемыми мстителем, что делало преступника беззащитным, абсолютно неподготовленным к акту возмездия. В иных случаях короткий период после преступления, за которым следовала месть, не давал возможности осознать свой проступок, и сама месть оказывалась бессмысленной в этическом, моральном плане.

Сочетание чести, преступления и жертвенности в одной личности наглядно представляется в трагедии "Сид" Пьера Корнеля. Хотя момент создания этого классического произведения французской драматургии относится к 1637 году, в поведении персонажей пьесы угадывается средневековое сознание; этические установки и традиции мщения, берущие своё начало, скорее в древности, нежели в веке Просвещения. В главном герое Родриго можно угадать сочетание образов преступник-жертва.

Двойственное отношение к преступнику, который выступал в некоторых ситуациях жертвой, могло быть подготовлено, в сознании средневекового европейца, допущениями христианской идеологии. С точки зрения многих участников распятия Христа, Он – преступник; но в христианском, верующем понимании, на самом деле – жертва, самый безгрешный из всех людей. Тем не менее, народ, толпа определяют в нём преступника и просят предать казни. Между тем, настоящий преступник – Варавва отпущен на свободу. В русской культуре также закреплена традиция сочувствия заключённым людям, то есть – аналогичное восприятие преступника как жертвы. Такое отношение закреплено в пословицах ("От сумы, да от тюрьмы не зарекайся"), в традициях милосердия к заключённым (выражающееся в подавании им милостыни, передачи каких-то вещей), в традиции молиться за них в праздник Покрова (14 октября) и т.д.

Ещё одним отличительным моментом криминальной субкультуры и восприятие её обществом является отношение к визуальному проявлению насилия. Средневековый человек оказывался как будто нечувствительным к изображению мучений и страдания. При этом, сокрытое преступление воспринималось как большее зло. А. Я. Гуревич указывает, что «...Преступление, содеянное под покровом ночи, каралось особенно строго... На протяжении всего средневековья ночь осталась символом зла и греха...» [Гуревич: Категории средневековой культуры. «Что есть время?»]. Насилие могло не просто совершаться открыто, публично (даже самые гнусные преступления) безо всякого развитого чувства стыда, оно, как правило должно было и наказываться открыто – публичными пытками и казнью, провозом преступника в клетке через весь город. Г. фон Белов указывает, что специализированные тюремные здания появляются лишь в позднем Средневековье. Происхождение названия этих тюрем в немецком языке основывается на слове «Stock» – позорный столб, колодки. Потребность в тюрьмах была не так уж велика, и под арест сажали с целью провести дознание. Существовали позорные камни, столбы или клетки, преступнику могли надевать железный ошейник. Стояние у позорного столба – самостоятельный вид наказания. Иногда, около столба могли совершать другие виды казни – сечение розгами, вырывание языка. Позорный столб всегда помещался на рыночной площади, а вот смертная казнь совершалась за пределами города [Белов: Городской строй и городская жизнь в Средневековой Германии, С. 62]. Другие историки упоминают, что свидетелями страшных пыток и мучений часто становились такие же преступники, как и те, что претерпевали муки. И хотя в этой практике угадывается попытка предупредить о возмездии и наказании всех возможных оступившихся, нашему современнику сложно понять обязательную демонстрацию насилия и мучений.

Лишь в эпоху модерна постепенно начинают отказываться от публичных истязаний преступников, под идеей аморальности таких практик. Но только лишь отсутствие этической рефлексии заставляла средневекового человека предаваться подобным зрелищам? Только лишь в целях профилактики демонстрировалось насилие над преступником? Визуально подтверждённое насилие – специфическая черта культуры Средневековья. Как нам представляется, одно из главных чувств человека Средневековья – подозрение (обратная сторона веры и наивности). Любой человек мог подозреваться в грехе и преступлениях. Средневековый социум хотел чувствовать уверенность в искоренении зла, и публичные казни обладали катарсическим воздействием.

Остаётся удивительным тот факт, что в течении тысячи лет было произнесено и написано так мало мыслей о человеке и его страданиях (не о божественном, а о человеческом страдании), и достаточно создано идей о нравственности, грехе добродетелях.

Итак, отношение к насилию, преступности и криминальной субкультуре в средневековом обществе только начинало формироваться. Гораздо раньше, чем может представляться, были выработаны типичные преступные схемы организации криминальной группы, вымогательства денег, дележа добычи, стратегии преступного выживания. Этика и отношение к преступности не носили устойчивый характер, несмотря на довлеющую христианскую мораль. В криминальную субкультуру могли входить самые разные группы и слои населения; она отличалась особенной жестокостью,

«всеядностью» и нелогичностью насилия. Несмотря на ясно выраженную позицию христианской идеологии в отношении убийств и других преступлений, человек европейского Средневековья допускал возможность кровавых и многочисленных жертв, с лёгкостью относясь к чужим страданиям и смерти. Средневековой была не чужда организованная преступность, криминал проникал всюду. В их взаимных обвинениях в насилии усматривается развернувшаяся классовая борьба. Двойственное, сострадательное отношение к преступнику могло формироваться под влиянием христианства, но произошло это, скорее всего в период позднего Средневековья, когда этическая мысль стала более пристально присматриваться к Человеку. Существовали, (правда, крайне неэффективные), практики противодействия насилию и преступности (помимо физического сопротивления). К одной из таких практик можно отнести лишение рыцарского звания того рыцаря, который особенно жестоко угнетал население какой-либо территории, отличался значительными поборами с путников и т.д. Процедура лишения рыцарского звания носила постановочно-символический характер, но конкретное наказание, сколь – либо существенное, вероятно не следовало. Как замечают многие исследователи, античный гуманизм рождался изнутри человека, тогда как средневековый был порождён ужасным внешним разгулом насилия и преступности.

Список литературы References

1. Шемякина В.В. Криминальная субкультура современной России. – Автореф. дисс. на соискание уч. ст. кандидата юридических наук. – Челябинск. 2010. С. 9
Shemjakina V.V. Kriminalnaja subkultura sovremennoj Rossii. – Avtoref. diss. na soiskanie uch. st. kandidata juridicheskikh nauk. – Cheljabinsk. 2010. S. 9
2. Буассонад П. От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе // Пер. с англ. И.А. Петровской. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. 33-39 с.
Buassonad P. Ot nashestvija varvarov do jepohi Vozrozhdenija. Zhizn i trud v srednevekovoj Evrope // Per. s angl. I.A. Petrovskoj. – М.: ЗАО Izdatelstvo Centrpoligraf, 2010. 33-39 s.
3. Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия) (Полное издание в одном томе) / Пер. с нем. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА». 2008. С.437
Gregorovius F. Istorija goroda Rima v Srednie veka (ot V do XVI stoletija) (Polnoe izdanie v odnom tome) / Per. s nem. – М.: «Izdatelstvo ALFA-KNIGA». 2008. S.437
4. Блок М. Феодалное общество // Пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С.403.
Blok M. Feodalnoe obshhestvo // Per. s fr. M.U. Kozhevnikovoj. – М.: Izdatelstvo im. Sabashnikovyh, 2003. S.403.
5. Борисов С.Н. Концепт насилия в современном российском самосознании // Проблемы российского самосознания: патриотизм, гражданственность и отечественная культура (к 200-летию со дня рождения Н.В.Станкевича) : материалы 10-й Международной научной конференции (Москва, 3 октября 2013 г., Белгород, 8-10 октября 2013 г.) ; под общ.ред. С.А.Никольского / Ин-т филос. Рос. акад. Наук, Белгородский гос.нац.исслед. ун-т. – М. : Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ». 2013. С.101
Borisov S.N. Koncept nasilija v sovremennom rossijskom samosoznanii // Problemy rossijskogo samosoznaniya: patriotizm, grazhdanstvennost i otechestvennaja kultura (k 200-letiju so dnja rozhdenija N.V.Stankevicha) : materialy 10-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 3 oktjabrja 2013 g., Belgorod, 8-10 oktjabrja 2013 g.) ; pod obshh.red. S.A.Nikolskogo / In-t filos. Ros. akad. Nauk, Belgorodskij gos.nac.issled. un-t. – М. : Belgorod : ID «Belgorod» NIU «BelGU». 2013. S.101
6. Федорова А. Н. Виды правонарушений по судебнику 1497г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. II. С. 176-179.– [Эл. ресурс]. – Код доступа: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/49.html
Fedorova A. N. Vidy pravonarushenij po sudebniku 1497g. // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kulturologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2011. № 6 (12): v 3-h ch. CH. II. S. 176-179.– [JEl. resurs]. – Kod dostupa: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/49.html
7. Поздняков Э.А. Философия преступления. – М. : 2001. 144С.
Pozdnjakov J.A. Filosofija prestuplenija. – М. : 2001. 144S.
8. Акройд П. Шекспир. Биография. [Эл. ресурс]. – Код доступа: <http://knizhnik.org/piter-akrojd/shekspir-biografija/14>

Akrojđ P. Shekspir. Biografija. [E. resurs]. – Kod dostupa: <http://knizhnik.org/piter-akrojđ/shekspir-biografija/14>

9. Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья. – СПб. : Alexandria. 2012. С.29-30

Pasturo M. Simvolicheskaĵa istorija evropejskogo Srednevekovja. – SPb. : Alexandria. 2012. S.29-30

10. Фоссье Р. Люди средневековья / Пер. с франц. А. Ю. Карачинского, М. Ю. Некрасова, И. А. Эгипти. – СПб.: ЕВРАЗИЯ. 2010. С.244

Fosse R. Ljudi srednevekovja / Per. s franc. A. JU. Karachinskogo, M. JU. Nekrasova, I. A. Jegipti. – SPb.: EVRAZIA. 2010. S.244

11. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М. : Прогресс-академия. 1992. С.40

Le Goff J. Civilizacija srednevekovogo Zapada. – M. : Progress-akademija. 1992. S.40

12. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. «Что есть время?» – [Эл. ресурс] . – Код доступа: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/gurevich/что-est-vremya.htm>

Gurevich A.J. Kategorii srednevekovoj kultury. «Chto est vremja?» – [El. resurs] . – Kod dostupa: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/gurevich/что-est-vremya.htm>

13. Белов Г. Городской строй и городская жизнь в Средневековой Германии // под ред. Д.Петрушевского. – пер. с нем. Е.Петрушевской . – М. : изд. М. и С. Сабашниковых. – 1912. С. 62

Belov G. Gorodskoj stroj i gorodskaja zhizn v Srednevekovoj Germanii // pod red. D.Petrushevskogo. – per. s nem. E.Petrushevskoj . – M. : izd. M. i S. Sabashnikovyh. 1912. S. 62.

УДК 37.062.1

**СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ****THE SPECIFICITY OF SOCIAL AND PROFESSIONAL INTEGRATION
OF ECONOMIC SPECIALTIES STUDENTS****И.А. Коденко
I.A. Kodenko***Белгородский университет кооперации, экономики и права, Россия, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, 116 А
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Russia, 308023, Belgorod, Sadovaya st. 116A**E-mail: irinamedvo201@mail.ru*

Ключевые слова: адаптация, студент, социальная адаптация, профессиональная адаптация, уровень профессиональной адаптации, структура профессиональной адаптации, профессиональная деятельность, методы обучения.

Key words: adaptation, student, social adaptation, professional adaptation, level of professional adaptation, structure of professional adaptation, professional activity, teaching methods.

Аннотация. В статье рассматривается проблема социальной и профессиональной адаптации студентов экономических специальностей. Обосновывается необходимость перестройки системы подготовки специалистов в современных условиях. Для повышения уровня социальной и профессиональной адаптации студентов экономических специальностей предлагается: формирование системы комплексного психолого-педагогического сопровождения студентов в процессе обучения; разработка учебных программ, способствующих социальной адаптации к профессии; совершенствование программ производственной практики. Сделан вывод о том, что условием качественной подготовки специалиста является формирование адаптивных качеств личности, которые необходимы в профессиональной деятельности.

Resume. The article is devoted to the problem of social and professional adaptation of economic specialties students. Training of a specialist can't meet modern requirements, if he has mastered only knowledge and skills, but has not developed a need for creative and professional activity. So the condition of high quality training is the development of the ability to adapt which is necessary in professional activity.

Понятие адаптации пришло в социально-экономические науки из биологии, в которой трактовалось как результат (и процесс) взаимодействия живых организмов и окружающей среды, способствующего их оптимальному приспособлению к жизни и деятельности. Позднее его стали применять не только к различным сторонам жизнедеятельности организмов, но и к личности человека и даже коллективному поведению.

Основы научной теории адаптации были заложены в процессе двух направлений в биологии. Представители первого объясняли ее природу как результат жесткого детерминизма среды (Ж. Б. Ламарк) [Ламарк Жан-Батист, 1959]; второго – как статическую закономерность, обусловленную естественным отбором (Ч. Дарвин) [Яблоков А.В., Юсуфов А.Г., 1989].

Мировая социологическая наука изучением вопросов адаптации стала заниматься в конце XIX – начале XX вв. К настоящему времени в западной научной традиции накоплен немалый опыт и имеется большое число конкретных исследований адаптации личности и социальных групп к различным социальным обстоятельствам. Основы теории адаптации были заложены работами М. Вебера, Ф. Знанецкого, Р. Мертона, Г. Спенсера, Г. Тарда, Дж. Томсона, У. Томаса. В российской социологической науке интерес к проблеме адаптации был связан с распространившимися в XIX веке идеями социал-дарвинизма. Основы научной теории адаптации в российской социологической науке были заложены работами – В.Н. Шубкина, С.Д. Артемова, позднее – В.А. Ядова, И.А. Милославовой [История социологии в Западной Европе и США, 2001].

В самом распространенном своем значении адаптация в социологии понимается как приспособление индивидов к новой системе социальных условий, к новым отношениям, требованиям, видам деятельности, режиму жизнедеятельности. Это приспособление происходит по-разному в отдельных социальных группах. В силу данного обстоятельства вызывает особый интерес анализ групповой специфики адаптационных процессов.

Следует отметить, что проблема социальной и профессиональной адаптации студентов высших учебных заведений редко становится объектом внимания социологов. Анализ работ показывает, что исследователи основное внимание уделяют учебной адаптации, рассматриваемой ими как процесс включения студентов в учебную среду, а также определению характеризующих его критериев и показателей. Роль социальной и профессиональной адаптации в процессе обучения

рассматривается в той или иной мере в работах П.Р. Атутова, Н.Н. Захарова, Н.Н. Калугина, И.И. Назимова, В.Д. Симоненко.

Рассматривая адаптацию студентов, следует учитывать, что одной из приоритетных задач современного образования является формирование личности, способной к успешной социализации в обществе и активной адаптации на рынке труда. Основная цель профессионального образования – подготовка квалифицированного работника соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности [Трошихин В.В.: Актуальные проблемы гуманитарного..., 2013].

Степень достижения этой цели существенно зависит от того, насколько быстро, продуктивно и качественно смогут вчерашние выпускники школ адаптироваться к новым условиям обучения, к новой социальной ситуации, а также, адекватно использовать новые технологии в своей дальнейшей жизни. Тем более, что большая часть современной молодежи не способна самостоятельно приспосабливаться и развиваться в условиях изменяющейся деятельности. Ослабление внимания в последнее десятилетие к проблеме воспитания личности привело к росту алкоголизма, наркомании, агрессивности, насилия, цинизма, сексуальной распущенности, которые создают затруднения для успешной адаптации.

Следовательно, выявление трудностей, выступающих, перед студентами ВУЗа на первом курсе и определение пути их преодоления позволит повысить академическую активность студентов, успеваемость и качество знаний [Трошихин В.В., Медведева И.А.: Формирование профессиональной культуры..., 2013].

Основными причинами, вызывающими трудности адаптации к обучению являются:

- специфическое отношение к себе, к своим возможностям и способностям, к своей деятельности и ее результатам;

- высокий уровень контроля учебной деятельности. Учебная деятельность предполагает высокий уровень контроля, который должен базироваться на адекватной оценке своих действий и возможностей. Для того чтобы студент был способен лучше адаптироваться к изменившимся условиям его жизни, ему необходимо иметь положительное представление о себе;

- отрицательная самооценка студентов. Студенты с отрицательной самооценкой склонны в каждом деле находить непреодолимые препятствия, у них высокий уровень тревожности, они хуже приспосабливаются к учебной жизни, трудно сходятся со сверстниками, учатся с явным напряжением, испытывают трудности в овладении знаниями [Трошихин В.В.: Актуальные проблемы гуманитарного..., 2013].

Трудности адаптации к учебе могут быть обусловлены недостаточно развитой способностью к взаимодействию с другими людьми: со сверстниками и педагогами. Студент вынужден подчиняться новым правилам учебной жизни, новым требованиям. Они порой идут вразрез с его непосредственными желаниями и побуждениями.

Социальная адаптация продолжается от 2-3 недель до нескольких месяцев в зависимости от социальной зрелости студента. Поэтому, необходимо минимизировать издержки адаптационного периода обучения, повысить стрессоустойчивость студентов. В дальнейшем это должно положительно сказаться на психоэмоциональном состоянии, здоровье, интеллектуальном и творческом потенциале и соответственно успеваемости, что снизит «отсев» студентов в течение учебного года [Бабинцев В.П., Реутов Е.В., 2008].

Способствовать минимизации издержек может система комплексной психолого-педагогической поддержки (группового сопровождения) студентов в процессе адаптации. Система состоит из обязательных психологических развивающих и диагностических процедур, проводимых в течение первого месяца обучения в качестве внеаудиторной работы.

Так, в течение первого полугодия исследуется уровень социальной и профессиональной адаптации, уровень профессиональной и учебной мотивации; определение уровня выработки профессионально-важных качеств обучающихся. Мы полагаем, что в начале учебного года в группах 1 курса экономических специальностей ВУЗа необходимо проводить: анкетирование на тему (Адаптация в ВУЗе), диагностику уровня адаптации студентов первого курса к условиям обучения в ВУЗе. Для изучения межличностных отношений, групповой сплоченности и качества социально-психологического климата можно воспользоваться следующими методиками: (Диагностика межличностных отношений в группе Т. Лири), (Опросник «Я среди людей» И.В. Дубровина). Эффективной остается методика «Социометрия», позволяющая не только определить статус студента в группе, но также многообразие всех внутригрупповых сопровождений.

Ежегодно для студентов 1 курса экономических специальностей ВУЗа необходимо проводить тренинги на сплочение: «Коммуникативно-двигательный адаптационный тренинг», «Будем знакомы», «Тренинг общения», «Тренинг саморегуляции психоэмоциональных состояний»; тренинговые

упражнения: «Мы группа», «Я-студент», «Познай себя и сделай первый шаг», «Лабиринты общения», «Аплодисменты», «Это здорово» [Евтихов О.В., 2007].

Например, такие классные часы, как «Здравствуйте, я – психолог!», «Я в мире взрослых» позволят познакомить студентов экономических специальностей с работой социально-психологической службы ВУЗа и с психологическими особенностями подросткового периода. Беседы на такие темы, как «Экзамен на отлично», «Как справиться со стрессом», «Как сформировать желание учиться», «Развитие общительности», «Преодоление неуспеваемости», «Вредные привычки» облегчат адаптацию студентов к новой социальной среде, подготовку к экзаменам.

На основе практики и анализа научных исследований нами были определены рекомендации, реализация которых способствует успешной адаптации. Среди них:

- создание благоприятного эмоционального климата на учебных занятиях в группах, по сплочению коллектива;
- оказание помощи студентам в нахождении своего места в коллективе сверстников, в решении конфликтных ситуаций;
- конструирование «ситуации успеха»: поощрение проявления учебной и социальной активности, настойчивости, выдержки, самостоятельности; поддержка положительного настроения на взаимодействие;
- предоставление студентам возможности проявить себя, самоутвердиться;
- использование педагогами щадящего оценочного режим в сферах неуспеха;
- активизация внеаудиторной воспитательно-образовательной работы для создания благоприятных условий взаимодействия студентов с однокурсниками и преподавателями;
- создание обстановки взаимопомощи и поддержки.

Одним из элементов социальной адаптации является профессиональная адаптация. Она предполагает вхождение в профессиональную деятельность, освоение профессиональных знаний, умений, профессиональных ролей.

Структура профессиональной адаптации студентов включает в себя три элемента – процесс приспособления к условиям системы профессионального становления (характеризующийся своими пространственно-временными механизмами), результат этого процесса (характеризующийся степенью итоговой адаптированности человека), источник новообразований (характеризующийся уровнем профессиональной компетентности), взаимосвязанных на психическом, дидактическом, социальном, физическом и производственном уровнях. От степени соответствия этих трех компонентов зависит модель профессионального поведения индивида, степень эффективности его взаимодействия в системе «человек – профсреда», психологические и физиологические состояния при осуществлении профессиональной деятельности [Старосотникова В.Ю., 2010].

Профессиональная адаптация студентов может рассматриваться как процесс формирования интериоризированной модели профессиональной деятельности, обеспечивающей равновесие между требованиями профессиональной среды и адаптационными ресурсами конкретного человека, детерминированный особенностями социального пространства вуза. Однако, следует заметить, что степень соответствия адаптационного капитала индивида требованиям профессиональной среды не является единственным фактором успешной профессиональной адаптации. Для достижения высшего уровня адаптированности как результата профессиональной адаптации необходимо обладать инструментом управления адаптационными ресурсами, в качестве которого выступает стратегия профессиональной адаптации. Реализация стратегии предполагает решение нескольких задач:

- выявление организационно-педагогических условий работы ВУЗа, которые будут способствовать психологической и социальной перестройке личности студентов и помогут сформировать адекватную позицию в новом коллективе;
- формирование высокого уровня профессиональной компетентности студентов экономических специальностей;
- развитие необходимых личностных качеств, способствующих успешной социальной адаптации к профессии;
- воспитание интереса и формирование ценностного отношения к выбранной профессии.

Решение этих задач, повышающих уровень профессиональной адаптации студентов экономических специальностей ВУЗов, предполагает реализацию следующих средств:

- разработку учебных программ, способствующих социальной адаптации к профессии;
- совершенствование программ производственной практики;
- формирование системы комплексного психолого-педагогического сопровождения студентов в процессе обучения;
- организацию психолого-педагогических тренингов, способствующих повышению профессиональной компетентности студентов.

Для более эффективной социальной и профессиональной адаптации студентов экономических специальностей ВУЗов нами был разработан курс «Социальная адаптация к профессиональной деятельности». Он относится к предметам профессиональной подготовки и направлен на усиление личностной и социально-психологической адаптации к будущей профессиональной деятельности экономистов.

Необходимость разработки курса «Социальная адаптация к профессиональной деятельности» обусловлена тем, что: во-первых, в учебных дисциплинах не в полной мере представлен модуль практической подготовки, способствующей социальной адаптации к профессиональной деятельности, а, во-вторых, в профессионально-ориентированных дисциплинах модуль практической подготовки не учитывает мотивационные механизмы адаптации к будущей профессии.

Предложенный курс позволяет развить следующие компетенции у студентов экономических специальностей ВУЗов:

- готовность применять теоретические и практические знания в области социальной адаптации к профессиональной деятельности;
- умение адаптироваться в изменяющихся условиях профессиональной деятельности;
- умение применять полученные знания в интересах профессионального развития;
- способность ответственно относиться к процессу и результату труда.

Курс предусматривает самостоятельную работу студентов, связанную с подготовкой реферативных сообщений, контрольных заданий, раскрывающих различные аспекты особенностей социальной адаптации к профессиональной деятельности.

В процессе освоения курса студент должен знать:

- основные категории и понятия, связанные с вопросами адаптации человека;
- теоретические аспекты проблемы социальной адаптации человека;
- закономерности, механизмы и условия социальной адаптации студентов к профессиональной деятельности.

Студент должен уметь:

- различать основные психические состояния человека;
- анализировать собственные психические состояния;
- владеть техниками аутогенной тренировки и стрессоустойчивости;
- применять методы психической саморегуляции в профессиональной деятельности и быденной жизни.

На наш взгляд, одним из наиболее эффективных методов, способствующих повышению уровня профессиональной компетентности и успешной адаптации к профессии, является занятие в форме тренинга. Как пишет А.В. Серый, именно тренинговые занятия позволяют студентам «более качественно усваивать знания, поскольку базируется на личном участии и эмоциональном опыте» студентов [Серый А.В., 2005].

В ходе тренинга у студентов появляется возможность:

- актуализировать и осмыслить получаемые в ходе обучения знания;
- развивать внутреннюю, а не внешнюю мотивацию, направленную на личностный рост студента;
- быстро и качественно овладеть определенными профессиональными навыками;
- по новому воспринимать профессиональные связи и формировать навыки конкретных действий;
- сохранить свободу выбора студента [Трошихин В.В., Медведева И.А.: Специфика профессиональной адаптации студентов..., 2012].

Тренинг является наиболее результативным методом создания условий для самораскрытия студентов. В этом случае, проходя подобного рода обучение, студенты учатся самостоятельно искать способы решения актуальных проблем [Римский В.П., Калинина Г.Н., 2012].

Таким образом, в настоящее время в системе ВУЗов актуализируется проблема, обусловленная противоречием между существующими формами и методами организации учебно-воспитательного процесса и возрастающими требованиями учащейся молодежи по оказанию ей необходимой помощи в социальной и профессиональной адаптации к новым условиям. Адаптация студентов в ВУЗе выступает важнейшим этапом личностного развития и профессионального становления специалиста. От того, насколько успешно будет протекать адаптационный процесс студентов, во многом зависит качество и эффективность образовательной деятельности, дальнейшая профессиональная мобильность выпускника вуза.

Список литературы References

1. Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Кадровые ограничения государственной молодежной политики / В.П. Бабинцев, Е.В. Реутов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. №8 (48). Вып. 4. Белгород, 2008. С. 163-169.
Babintsev V.P., Reutov Ye.V. Kadrovyye ogranicheniya gosudarstvennoy molodezhnoy politiki / V.P. Babintsev, Ye.V. Reutov // Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. №8 (48). Вып. 4. Belgorod, 2008. S. 163-169.
2. Евтихов О.В. Практика психологического тренинга / О.В. Евтихов. – СПб.: Речь, 2007. – 256 с.
Yevtikhov O.V. Praktika psikhologicheskogo treninga / O.V. Yevtikhov. – SPb.: Rech', 2007. – 256 s.
3. История социологии в Западной Европе и США: Учебник для вузов / Отв. ред. Г.В. Осипов. – М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА-Инфра М), 2001. – 576 с.
Istoriya sotsiologii v Zapadnoy Yevrope i SSHA: Uchebnik dlya vuzov / Otv. red. G.V. Osipov. – M.: Izd-vo NORMA (Izdatel'skaya gruppa NORMA-Infra M), 2001. – 576 s.
4. Ламарк Жан-Батист. Избранные произведения в двух томах. Том 2. – М., 1959. – 896 с.
Lamarck Zhan-Batist. Izbrannyye proizvedeniya v dvukh tomakh. Tom 2. – M., 1959. – 896 s.
5. Римский В.П., Калинина Г.Н. Самополагание науки и превращённые формы знания / В.П. Римский, Г.Н.Калинина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. №20. Т. 22. – Белгород, 2012. С. 28-39.
Rimskiy V.P., Kalinina G.N. Samopolaganiye nauki i prevrashchonnyye formy znaniya / V.P. Rimskiy, G.N.Kalinina // Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. №20. T. 22. – Belgorod, 2012. S. 28-39.
6. Серый А.В. Становление компетентности практического психолога / А.В. Серый // Высшее образование в России, 2005. – №5. – С. 63-66.
Seryu A.V. Stanovleniye kompetentnosti prakticheskogo psikhologa / A.V. Seryu // Vysseye obrazovaniye v Rossii, 2005. – №5. – S. 63-66.
7. Старосотникова В.Ю. Стратегии профессиональной адаптации студентов в социальном пространстве высших учебных заведений: Дис ... канд. соц. наук: спец. 22.00.04 / В.Ю. Старосотникова. – Н. Новгород, 2010. – 178 с.
Starosotnikova V.YU. Strategii professional'noy adaptatsii studentov v sotsial'nom prostranstve vysshikh uchebnykh zavedeniy: Dis.... kand. sots. nauk: spets. 22.00.04 / V.YU. Starosotnikova. – N. Novgorod, 2010. – 178 s.
8. Трошихин В.В. Актуальные проблемы гуманитарного и социально-экономического образования / В.В. Трошихин // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права, 2013. – №1. – С. 33-39.
Troshikhin V.V. Aktual'nyye problemy gumanitarnogo i sotsial'no-ekonomicheskogo obrazovaniya / V.V. Troshikhin // Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava, 2013. – №1. – S. 33-39.
9. Трошихин В.В. Культура управления социально-политическими и экономическими процессами: монография / В.В. Трошихин. – Москва: РИОР; ИНФРА-М (Научная мысль), 2012 – 248 с.
Troshikhin V.V. Kul'tura upravleniya sotsial'no-politicheskimi i ekonomicheskimi protsessami: monografiya / V.V. Troshikhin. – Moskva: RIOR; INFRA-M (Nauchnaya mysl'), 2012 – 248 s.
10. Трошихин В.В., Медведева И.А. Специфика профессиональной адаптации студентов экономических специальностей / В.В. Трошихин, И.А. Медведева // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2012. – №4 (44). – С. 63-66.
Troshikhin V.V., Medvedeva I.A. Spetsifika professional'noy adaptatsii studentov ekonomicheskikh spetsial'nostey / V.V. Troshikhin, I.A. Medvedeva // Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava. – 2012. – №4 (44). – S. 63-66.
11. Трошихин В.В., Медведева И.А. Формирование профессиональной культуры студентов экономических специальностей / В.В. Трошихин, И.А. Медведева // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2013. – №2 (46). – С. 48-55.
Troshikhin V.V., Medvedeva I.A. Formirovaniye professional'noy kul'tury studentov ekonomicheskikh spetsial'nostey / V.V. Troshikhin, I.A. Medvedeva // Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava. – 2013. – №2 (46). – S. 48-55.
12. Трошихин В.В., Теплов В.И. Культура политического процесса – М.: Изд-во РДЛ, 2001. – 224 с.
Troshikhin V.V., Teplov V.I. Kul'tura politicheskogo protsessa – M.: Izd-vo RDL, 2001. – 224 s.
13. Яблоков А.В., Юсуфов А.Г. Эволюционное учение. – М., 1989. – 318 с.
Yablokov A.V., Yusufov A.G. Evolyutsionnoye ucheniye. – M., 1989. – 318 s.

УДК 82-1

**ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАТРИОТИЗМ А.С. ХОМЯКОВА:
ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И БОГОСЛОВСКИЕ КОНТЕКСТЫ****THE ORTHODOX PATRIOTISM OF A. S. KHOMYAKOV:
PHILOSOPHICAL CULTURAL AND THEOLOGICAL CONTEXTS****Т.И. Липич, С.И. Рубежанский
T.I. Lipich, S.I. Rubezhansky**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: Lipich@bsu.edu.ru

Ключевые слова: славянофилы, западники, патриотизм, русская религиозная философия
Key words: Slavophiles, Westernizers, patriotism, Russian religious philosophy

Аннотация. В данной статье дается авторская интерпретация понимания личности и творчества Алексея Степановича Хомякова. Автор не пытается разрешить «загадку Хомякова», но хочет показать всю нетривиальность его мировоззрения, рассмотреть его философское, социальное и богословское видение мира и человека в нем. В статье анализируется его уникальный православный патриотизм, основанный на самостоятельном, освобожденном от схоластики, видении соборных принципов организации православной церкви и общества в целом.

Resume. The article presents the author's understanding of A. S. Khomyakov's personality and works. The author doesn't intend to puzzle out a mystery of A. S. Khomyakov but he wants to show his unconventional view of the world, to study his philosophical, social and theological standpoint of the world and human position in this world. The author analyzes his orthodox patriotism based on his individual non-scholastic view of collegiate principles of the orthodox church set-up and the society.

Сегодня мы все чаще обращаем свои взоры в прошлое русской культуры, пытаемся там отыскать ответы на вопросы, которые ставит перед нами современный глобализирующийся мир. В каком направлении развиваться России? Каково ее предназначение в истории. Эти же вопросы ставили в XIX веке славянофилы и западники. Они так же пытались найти ответы на эти и другие вопросы. Все чаще привлекает наше внимание личность основателя славянофильства А.С. Хомякова.

Алексей Степанович Хомяков, философ и богослов, говорит, как кажется с первого взгляда, о простых вещах. Но, вчитываясь в его труды, осознаешь сложность представленного в них мировоззрения. О нем написано много работ, которые рассматривают эту уникальную личность с разных сторон. Возможно, именно поэтому обилие литературы и говорит нам о том, что адекватного понимания мировоззрения данной личности достичь, пока не удалось. Священник Павел Флоренский, рецензируя огромный трехтомный труд профессора В.З. Завитневича «Алексей Степанович Хомяков», отмечает, что «он дает не уразумение Хомякова, а лишь конспект его; это – как бы пересказ Хомякова, но почти без интонации» [Флоренский: Около Хомякова, 278]. Монография Н.А. Бердяева «Алексей Степанович Хомяков» лучше, но и она, по мнению священника Флоренского, не раскрывает всей глубины идей Хомякова. Работа Л.Е. Владимирова «Алексей Степанович Хомяков и его этико-социальное учение» и работа В. Лясковского «Алексей Степанович Хомяков, его жизнь и учение» далеки от адекватного понимания идей философа. С тех пор мало что изменилось в интерпретаций философского, богословского и литературного наследия А.С. Хомякова.

Статьи А.С. Хомякова направлены не просто на выработку доказательств истинности «славянофильского» мировоззрения, но и поиск универсальной Истины. Это и обусловило тот факт, что его творчество имеет огромный пласт философских, богословских, социальных, исторических и мировоззренческих идей, весьма оригинальных и часто противоречивых, до сих пор рационально не вписанных в историко-философский контекст и не до конца эксплицированных – без идеологических, философских и мировоззренческих спекуляций.

Опираясь на биографический метод историко-философской реконструкции, рассмотрим его жизнь, которая включает в себя две стороны удивительного «феномена Хомякова» – мирскую и церковную, личную и общественную, основываясь на высказываниях его современников и трудах самого Хомякова.

Алексей Степанович обладал удивительным разнообразием талантов и увлечений. Он входил в блестящую плеяду поэтических имен времен Пушкина и лично был знаком с Александром Сергеевичем.

Он был знаком не понаслышке и с тяготами воинской службы. В восемнадцать лет идет на службу в кирасирский полк. Его командир Д.Е. Остен-Сакен писал: «В физическом, нравственном и духовном воспитании Хомяков был едва ли не единица... Ездил верхом отлично. Прыгал через препятствия в вышину человека. На эскадронах дрался превосходно. Обладал силою воли не как юноша, но как муж, искушенный опытом. Он не позволял себе вне службы употреблять одежду из тонкого сукна, даже дома, и отвергнул позволение носить жестяные кирасы вместо железных полупудового веса, несмотря на малый рост и с виду слабое телосложение. Относительно терпения и перенесения физической боли обладал, в высшей степени, спартанскими качествами» [Воспоминания М.А. Хомяковой: 12]. В русско-турецкой войне Хомяков участвовал в качестве гусара и отличается удивительной, хладнокровной храбростью. Получил ранение и был награжден орденом Святой Анны и орденом Святого Владимира.

А.С. Хомяков проявил себя и как изобретатель, и как хозяйственник-предприниматель. На свою паровую машину с «сугубым давлением» он получил патент в Англии – это было время, когда юридическое оформление интеллектуальной собственности только начиналось, и Россия во многом опережала континентальные европейские государства, опираясь на английский опыт. Им изобретена специальная машина для улучшения зимних дорог, ружье, которое по своим характеристикам превосходило другие ружья, стреляя вдвое дальше обычного. Им был предложен принцип и форма современного снаряда с усовершенствованным взрывателем. Из комментариев, сделанных А.С. Хомяковым к своим изобретениям, видно, что это плод зрелого инженерного подхода к решению актуальных задач.

Он славился и в качестве рачительного хозяйственника. Привел в порядок многочисленные имения, доставшиеся ему по наследству. В Тульской, Рязанской и Смоленской губерниях Хомяковым было введено много усовершенствований, в том числе и на его заводах винокурения и сахароварения.

А.С. Хомяков – талантливый лингвист и полиглот. В юности выучил восемь языков и свободно говорил на основных европейских наречиях. В процессе самосовершенствования Хомяков овладевает двадцатью четырьмя языками. Интересуется словообразованием как способом прояснения сложных вопросов по возникновению народностей. Отдельным вопросом до сих пор стоит освещение его вклада в отечественную словесность – поэзию, драматургию, литературную критику.

Художественному изобразительному искусству Алексей Степанович учился в Париже, известен его автопортрет. Сохранилось еще несколько акварельных и карандашных работ, икона, которую приписывают руке Хомякова, выполненная в несколько манерном стиле западной живописи.

А.С. Хомяков обладал необычайно широким кругозором, имел феноменальную память и был непобедимый спорщик. Всех удивляла скорость его чтения, об этом писал Кошелев: «Обширности его сведений особенно помогала, кроме необходимой живости ума, способность читать чрезвычайно быстро и сохранять в памяти навсегда им прочитанное» [Кошелев: 274].

В начале 1836 года Хомяков женится на Екатерине Михайловне Языковой, сестре известного поэта Николая Языков, которая оказала на его духовное развитие решающее воздействие. Именно после женитьбы он создает славянофильский кружок и пишет свои знаменитые философские, литературные и богословские работы.

Впоследствии вокруг А.С. Хомякова образуется компания единомышленников – славянофилов. Само это слово придумали их противники – западники, но Хомяков с ним согласился: «Некоторые журналы называют нас насмешливо славянофилами, именем, составленным на иностранный лад, но которое в русском переводе значило бы: славянолюбцев. Я со своей стороны готов принять это название» [Хомяков: 128]. Истины ради, надо отметить, что славянофилы были, прежде всего, *руссофилами*, сторонниками уникального русского культурно-цивилизационного пути. Статья «О возможности русской художественной школы» фактически явилась манифестом славянофилов. В этой статье А.С. Хомякова говорится о том, что русским должно быть не только наше художественное творчество, но и все мировоззрение, начиная с Церкви и заканчивая бытом: «Мы должны, мы обязаны сказать свое, великорусское, слово в мире – только тогда мы станем великим народом» [Хомяков: 210]. Интересный факт: славянофилы всегда признавали формулу «Православие, самодержавие, народность», но правящая верхушка их все-таки недолюбливала. Когда в 1849 году императрица Александра Федоровна выразила желание увидеть одного из славянофилов, то граф С.Г. Строганов ее предупредил: «Вашему Величеству не следует их видеть, это люди опасные» [Бердяев: 142]. Дело в том, что все три слова формулы они понимали иначе, чем официальные власти. Говоря о православии, они говорили о свободной церкви, способной защищать истину. Защищали самодержавие, но опирающееся на об-

щество, а не на бюрократию. Говорили о народности, но не безгласной, а укоренённой в общине, осуществляющей местное самоуправление и открыто выражающей свое «общинное» мнение, т.е. фактически утверждали необходимость «гражданской народности», не какой-то надуманно-фиктивной и «нутряной», как часто примитивно трактуют позицию славянофилов в этом вопросе до сих пор, а вполне *цивилизованной гражданственности*.

Именно из-за этих расхождений во мнениях с официальной политико-идеологической доктриной печатались они с большим трудом. Цензура либо запрещала их статьи, либо убирала из статей ненужные строки. Попытки организовать работу своих журналов, таких как «Москвитянин», «Русская беседа», не принесли желаемых результатов.

Условно все творчество А.С. Хомякова можно разделить на два периода. В начале он занимается разработкой социальных и культурно-исторических вопросов, а после 1852 года его мысли перемещаются в богословие. И уже в результате своих богословских проработок, он корректирует и свои философско-культурологические воззрения.

В своих записках по мировой истории, условно и иронически названных с лёгкой руки Н.В. Гоголя «Семирамида», А.С. Хомяков (задолго до Ницше, Шпенглера или Ф. Тенниса!) не без влияния романтиков, немецких и русских, вводит в дискурс философского осмысления истории человечества две *культурные парадигмы-опозиции: иранство и кушитство*. Иранство – это свобода, естественность, органичность, творчество; кушитство – это насилие, искусственность, закон, необходимость. Вся история культуры движется посредством взаимодействия этих двух начал. На множестве исторических примеров, взятых независимо от культурных контекстов и периода времени, он показывает борьбу этих начал. Несмотря на все старания сохранить объективность, прослеживаются его симпатии к свободному и органичному иранству, что роднит его с зарождающейся философией жизни, ведущей начало от велико Гёте. А.С. Хомяков придает философскую универсальность этим категориям и указывает, что они присутствуют в любой сфере человеческой деятельности.

Приведем пример: русская крестьянская община очень органична, она естественна и является продуктом самодеятельности самих крестьян, возделывающих природу – отсюда вытекает, что она *свободна*. Община составляет основу общества, а государство играет роль искусственной надстройки над обществом. Следовательно, государство является «мертвой» структурой в отличие от «живой» общины. Однако А.С. Хомяков признает необходимость государства как *совокупности самоуправляемых общин*, которые развиваются в тесном сотрудничестве друг с другом. Он действительно первым из философов и учёных предложил этот принцип противоборства двух культурных архетипов-дихотомий: *органичности и искусственности*.

Самодержавие А.С. Хомяков так же понимает по-своему. Источником власти является народ, и только он может делегировать её представителю самодержавия. Самодержец, будучи в априори православным, ответственен не только перед Богом, но и перед народом. Но такой подход очень сильно критикуют монархисты, которые считают необходимым для монарха быть ответственным только перед Богом. При всем гуманистическом воззрении, А.С. Хомяков признает духовный детерминизм (промысел Божий), но делает акцент на дарованной человеку *свободе воли*. Имея в себе образ Божий, человек сам способен созидать свою историю и влиять на свою судьбу. Он принципиально исповедует принцип активности и ответственности человека, что более соответствует принципам первоначального христианства, нежели последующие схоластические размышления богословов по поводу соотношения промысла Божия и свободы воли человека. А раз народ может творить свою судьбу, значит, он имеет и власть. В этом «двойном подчинении» для самодержца и заключается вся сложность его положения.

Следует отметить, что *национально-религиозный либерализм* А.С. Хомякова становится адекватным проявлением и манифестацией *патриотизма*: «Строго осуждается человек, без крайней нужды бросающий свою родину... влачит он грустную и бесполезную жизнь... Кто оторвался от своего народа, тот создал кругом себя пустыню» [Хомяков: 256]. Но патриотизм для него обязательно соединен с православием, для России возможна только одна задача: сделаться самым христианским из человеческих сообществ. Россию он ставил выше Запада именно по основаниям религиозно-мистическим, а не неким политико-идеологическим, верил во всемирное ее призвание и предрекал России великое будущее в грядущем духовном преобразовании народов. Поэтому и о русской истории А.С. Хомяков рассуждал достаточно критически в отличие от неославянофилов всех разрядов, исторических и современных. В «подражательности» он видел главную болезнь нашей страны, нашей культуры и цивилизации. К петровским реформам он относился крайне негативно, указывая, что Петр не смог направить русское общество на путь преобразования, но только надломил его.

Вспоминается стихотворение, написанное им во время Крымской компании:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Несмотря на свое русофильство, Хомяков любил Запад, его культуры и цивилизационные достижения – ему очень нравилась Англия, он называл ее «страной святых чудес» (он побывал в Англии в 1847 году); нравились её традиции и народные обряды. В своем «Письме к Сербам» Хомяков, суммируя свои впечатления, выдвигает такой афоризм: «Учитесь у западных народов, это необходимо; но не подражайте им, не веруйте в них» [Хомяков: 280]. Он видел в англичанах универсальное свойство активно сохранять свою идентичность. Из всех европейских стран он только Англию причислял к государствам «иранского» типа.

Рассматривая современное ему общество, задачи его преобразования на путях «просвещения», он отмечал: «Перевоспитать общество, оторвать его от вопроса политического и заставить его заняться самим собою, понять свою пустоту, свой эгоизм и свою слабость: вот дело истинного просвещения» [Хомяков: 178]. При этом для него очень важна не форма, а содержание. А.С. Хомяков издает мнение общества, считая его решающим для судьбы России.

Он затрагивал также и вопросы собственности: «Всякая частная собственность есть только более или менее пользование, только в разных степенях... юридическая антиномия... может разрешаться в будущем только духовным тождеством собственников и владельцев. Если же собственники не решатся на это, то они, становясь в прямой вражде с другим более строго-историческим правом, должны наперед раскланяться со своим правом» [Хомяков: 274]. Из этого следует, что Хомяков был за частную собственность у работников, несмотря на приверженность философа идеям общины. Можно сказать, что он был за «народный капитализм». Этот взгляд, как типично славянофильский, развил известный русский экономист С.Ф. Шапаров.

Говоря о проблематике социализма, столь актуальной в то время, А.С. Хомяков выражал следующую мысль: «Все эти системы, порожденные, по видимому, вещественными болезнями общества и имевшие, по видимому, целью исцеление этих болезней, были действительно рождены внутренней болезнью духа и устремлены к пополнению пустоты, оставленной в нем падением прежней веры или прежнего признака веры. Все они пали или падают вследствие одной и той же причины, именно той субъективности и произвольности, на которой они основаны» [Хомяков: 143]. Хотя о социализме он судит весьма умозрительно, ставя мировоззрение славянофилов выше социалистического: «По сущности мысли своей мы не только выше политики, но даже выше социализма, который есть почти не что иное как вывод, и вывод односторонний, из общего воспитания человеческого духа» [Хомяков: 393]. Следует подчеркнуть, что А.С. Хомяков, являясь человеком докапиталистической формации, совершенно не представлял себе к какой капиталистической аморальности приводит эта самая «инициатива», и в этом вопросе с ним можно не согласиться.

Исходя из вышесказанного, можно с уверенностью сказать, что Алексей Степанович был неординарной личностью и в дополнение к этому имел ряд своеобразных черт.

Н.А. Бердяев, говоря о феноменальной универсальности А.С. Хомякова, подчеркивал, что она мешала ему развивать литературное творчество. С этим взглядом Николая Александровича мы не можем полностью согласиться и думаем, что Бердяев прав только на половину, потому что эта универсальность также и помогала А.С. Хомякову. Мировоззрение Хомякова рождалось в деятельности в общении с людьми, а не в кабинетной тишине, и поэтому выражает собою сочетание высших идей с реалистичным прагматизмом, что делает идеи жизненными и в нашем контексте.

К середине пятидесятых годов, во втором периоде своей философско-литературной работы, А.С. Хомяков становится хорошо известен самым широким кругам русской и западной интеллигенции. В своей статье «Славянофильство и его вырождение» Владимир Соловьев писал: «В 1853 г. начинается новый фазис славянофильской деятельности. Вместо бытовой борьбы против нашего домашнего западничества на почве сюртуков и кафтанов выступает теперь на первый план духовная борьба против самого настоящего Запада на почве религиозной» [Флоренский: 278]. В этом же году печатается первая «французская» брошюра А.С. Хомякова «Церковь одна», посвящённая критике западных вероисповеданий, католичества и протестантизма.

«Церковь одна» является одним из лучших его богословских сочинений. Вера в Церковь декларируется им безграничной, не требующей доказательств. Священник Георгий Флоровский говорит об этом так: «Хомяков сознательно не доказывает и не определяет, – он свидетельствует и описывает. Вместо логических определений он стремится начертать образ Церкви. Он старается изобразить ее во всей ее духовной жизненности и самоочевидности» [Флоровский: 214]. В своих богословских рассуж-

дениях А.С. Хомяков отталкивается от православного Символа Веры «Во Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь». Алексей Степанович пишет: «Церковь, видимая и земная, живет в совершенном общении и единстве со всем телом церковным, глава которого есть Христос. Она имеет в себе пребывающего Христа и благодать Духа Святого во всей их жизненной полноте, но не в полноте их проявлений, ибо творит и ведает не вполне, а сколько Богу угодно. Церковь же видимая не есть видимое общество христиан, но дух Божий и благодать таинств, живущих в обществе» [Бердяев: 38].

О Святой и Соборной Церкви Хомяков говорит с большей уверенностью и описывает это более подробно: «Церковь и ее члены знают внутренним знанием веры единство и неизменность своего духа, который есть дух Божий... Посему не была и не могла быть Церковь измененною, помраченною или отпадшею, ибо тогда она лишилась бы духа истины. Не могло быть никакого времени, в которое она приняла бы ложь в свои недра, в которое бы миряне, пресвитеры и епископы подчинились предписаниям и учению, несогласному с учением и духом Христовым... Церковь знает не отчасти – истину и отчасти – ложь, а полную истину без примеси лжи. Живущий же в Церкви не покоряется ложному учению, не принимает таинства от ложного учителя, зная его ложным, не следует ложным обрядам. И Церковь не ошибается сама, ибо есть истина; не хитрит и не малодушничает, ибо свята» [Бердяев: 45]. Но уже в письме к Аксакову он говорит следующее, подразумеваемая «видимую Церковь» и её «схоластическое» мнение: «Так называемое мнение (Церкви) есть весьма часто пустая или неясная формула, допущенная в обиход для устранения мнений, которые под нею притаиваются, нередко разногласия между собою и связываясь с формулами тонкими нитями диалектики, допускающими почти совершенное отрицание. Вот причина, почему я позволяю себе не соглашаться с так называемым мнением Церкви... Убеждения или мнения и формулы обиходные далеко не совпадают друг с другом, и я считаю себя в праве быть смелым в отношении к формуле, вполне преклоняясь перед убеждением. Верую Церкви, в которой нет, и не может быть ошибки или лжи [Хомяков: 320]. Здесь А.С. Хомяков делает различие между «мнением» Церкви и между «убеждением» Церкви. И сам говорит, что отличить эти понятия можно только Духом Святым.

К формальным критериям в виде решений Вселенских соборов он относится очень скептически. Если есть Дух Святой, то это Церковь, во всей своей полноте, а если нет, то от Церкви остается ее «кушитская» оболочка и больше ничего. А.С. Хомяков очень ценит свободу в Церкви и, как следствие, старается избежать принуждающего понятия «авторитет». В «французской» брошюре эта мысль сформулирована так: «Нет: Церковь не авторитет, как не авторитет Бог, не авторитет Христос; ибо авторитет есть нечто для нас внешнее. Не авторитет, говорю я, а истина и в то же время жизнь христианина, внутренняя жизнь его» [Владимиров: 19].

Основным свойством Церкви А.С. Хомяков считает соборность в Духе Святом, Который объединяет всех членов Церкви в истине и любви, в единый мистический организм. Соборность, так же, является и основным сотериологическим понятием: «Мы знаем, когда падает кто из нас, он падает один, но никто один не спасается. Спасоющийся же спасается в Церкви как ее член, и в единстве со всеми другими ее членами» [Бердяев: 149]. В своих рассуждениях Хомяков говорит о тождественности таких понятий как соборность и непогрешимость Церкви. Соборность выступает критерием истинности Церкви. Можно сказать так, что соборность является индикатором здоровья церковного тела.

Следует также заметить, что, читая богословские труды А.С. Хомякова, мы видим в некоторой степени идеализированную картину «видимой» Церкви. Говоря об «иранской» стороне Церкви, он игнорирует «кушитскую» оппозицию, а она ведь порой более очевидна. Железная дисциплина, полная зависимость иерея от епископа, жесткая иерархия, приказ, называемый «благословением», являются неотъемлемой частью Церковной жизни. И А.С. Хомяков будто не замечает всего этого... Хотя в своей историософии он четко указывает на постоянную борьбу иранства с кушитством, которая и является двигателем истории. Видимо, Алексей Степанович был убежден, что ограниченно человеческая сторона в Церкви всегда пребывает под властью Божественно Абсолютной. В итоге, говоря о богатом организме, он описывает только половину Церкви, не затрагивая ее «иранской» стороны.

Возвращаясь к характеристике «французских» брошюр, рассмотрим, что об этом говорит Самарин: «С виду они имеют характер по преимуществу полемический; на самом же деле полемика занимает в них второстепенное место, или, говоря точнее, полемики в строгом смысле слова, то есть опровержений чисто отрицательного свойства, в них почти вовсе нет. Нельзя никак взять из его сочинений одну отрицательную сторону (возражения и опровержения), не забыв стороны положительной (то есть уяснения православного учения); нельзя потому, что у него одна сторона от другой не отделяется: обе составляют одно неразрывное целое. Не найдется у него ни одного довода против латинян, заимствованного у протестантов, и ни одного довода против протестантов, взятого из латинского арсенала; не найдется ни одного, который бы не был обоюдоострым, то есть не был бы направлен как против латинства, так и против протестантства; и это оттого, что каждый его довод, в сущности, не есть отрицание, а прямое положение, только заостренное для полемической цели» [Самарин:

98]. Основное, в чем Хомяков обвиняет протестантов и католичество, это в утрате «живого единства Церкви» и погружение их в глубокий рационализм.

Прибегая к своей диалектике, он обличает западное христианство, но уж слишком в высокомерно-уничжительной форме. И такой вид обличения удовлетворяет далеко не всех. Владимир Соловьев говорил следующее: «Вся сила этой полемики состоит в следующем весьма простом приеме. Берется западная религиозная жизнь в ее конкретных исторических явлениях, односторонность и недостатки в этих явлениях обобщаются, возводятся в принцип, а затем всему этому противопоставляется «православие», но не в его конкретных исторических формах, а в том идеальном представлении о нем, которое создали славянофилы. Это идеальное представление резюмируется в формуле «церковь как синтез единства и свободы в любви», – и эту отвлеченную формулу славянофилы выставляют в обличение действительного католичества и действительного протестантства, старательно умалчивая или затейливо обходя те явления в религиозной истории Востока, которые прямо противоречат такой формуле» [Соловьев: 241]. Для Хомякова православная Церковь – это «иранская» церковь. Соборное единство в Святом Духе: «Она требует единства полного, и только полное равенство она может дать взамен, ибо знает братство, но не знает подданства» [Хомяков: 25].

Для священника Павла Флоренского суть Церкви заключается не столько в «братстве», сколько в «подданстве», и главную роль играют «чудо, тайна и авторитет». П. Флоренский говорит: «Хомяковская мысль уклончиво бежит от онтологической определенности, переливаясь перламутровой игрой. Но эта игра поверхностных тонов, блестящих, но не субстанциональных, и потому меняющихся и изменяющих свои очертания при малейшем повороте головы, не дает устойчивого содержания мысли и оставляет в сердце тревогу и вопрос» [Флоренский: 251]. Следует отметить, что, понимая зыбкость аргументации А.С. Хомякова, П. Флоренскому не удается опровергнуть его доводы: «Редкая по силе диалектика, – всем известная «хомяковская» диалектика, – придавала положением Хомякова такую гибкость и такую убедительность, при которых самое сомнительное и самое опасное кажется притупившим острые углы» [Флоренский: 253]. Отношения со священноначалием у А.С. Хомякова складывались не самым лучшим образом. Свой основной труд «Церковь одна» он пересылает святителю Филарету с попыткой добиться у него аудиенции, но митрополит посчитал эти богословские сочинения «неудобными и сомнительными» и препятствовал его изданию.

Со своей стороны А.С. Хомяков тоже не очень хорошо относился к современному ему богословию. Он дал не лестный отзыв учебнику митрополита Макария (Булгакова) «Догматическое богословие», указав на его недостатки: «Макарий провонял схоластикой... Я бы мог его назвать восхитительно-глупым, если бы он писал не о таком великом и важном предмете... Стыдно будет, если иностранцы примут такую жалкую дребедень за выражение нашего православного богословия, хотя бы даже в современном его состоянии» [Хомяков: 189]. Но, не смотря на это, Алексей Степанович продолжал общаться с духовенством. Он был знаком с епископом Тульским Димитрием, переписывался со священником Евгением Поповым, служившим в посольской церкви в Лондоне, и продолжал вести церковный образ жизни, периодически исповедуясь у своего духовника протоиерея Павла Беневоленского, который в свое время преподавал логику в Московской духовной академии.

Итак, в творчестве Алексея Степановича Хомякова, не смотря на его постоянство взглядов, можно заметить определенную периодизацию. В молодости, как основу общества, он выделял любовь; затем, на первое место вышла идея органичности; позже разрабатывается идея соборности. По сути А.С. Хомяков становится рафинированным православным патриотом, ратующим за то, чтобы христианство стало «высшим общественным началом». Он одним из первых высказывается о том, что русская культура, духовность, традиции являют собой величайшую ценность, прекрасную жемчужину, которую мы должны возвышать и беречь. В православии, А.С. Хомяков был первым светским религиозным мыслителем. Он открыл путь свободной религиозной философии, освобожденной от школьно-академической схоластики. Он показал на своем примере, что дар учительства, в своей соборности, принадлежит каждому члену Церкви, а не только духовной иерархии.

Следует отметить и тот факт, что творчество А.С. Хомякова для русской мысли и культуры имело освобождающее значение, а славянофильство для России стало совершенно необходимым этапом на пути духовного развития и обретения культурно-цивилизационной идентичности, впервые прервав господство западного мировоззрения и философии среди русской интеллигенции и положив основания самобытной русской философской и богословской мысли.

Список литературы References

1. Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. – М., 1912.
Berdyayev N.A. Aleksey Stepanovich Khomyakov. – М., 1912.

2. Владимиров Л.Е. Алексей Степанович Хомяков и его этико-социальное учение / Л.Е. Владимиров. – М., 1904.
Vladimirov L.Ye. Aleksey Stepanovich Khomyakov i yego etiko-sotsial'noye ucheniye / L.Ye. Vladimirov. – М., 1904.
3. Воспоминания М.А. Хомяковой // Хомяковский сборник. Т.1. Томск, 1998.
Vospominaniya M.A. Khomyakovoy // Khomyakovskiy sbornik. T.1. Tomsk, 1998.
4. Герцен А.И. Былое и думы / А.И. Герцен. – СПб.: Наука, 1996.
Gertsen A.I. Byloye i dumy / A.I. Gertsen. – SPb.: Nauka, 1996.
5. Кошелев А.В. Алексей Степанович Хомяков. Жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. – М.: Новое литературное обозрение, 2000.
Koshelev A.V. Aleksey Stepanovich Khomyakov. Zhizneopisaniye v dokumentakh, rassuzhdeniyakh i razyskaniyakh. – М.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2000.
6. Лясковский В. Алексей Степанович Хомяков, его жизнь и учение / В. Лясковский. – М., 1907.
Lyaskovskiy V. Aleksey Stepanovich Khomyakov, yego zhizn' i ucheniye / V. Lyaskovskiy. – М., 1907.
7. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. Т.5. – М., 1958.
Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: V 10-ti tt. T.5. – М., 1958.
8. Самарин Ю.Ф. Предисловие к первому изданию богословских сочинений А.С. Хомякова. – М., 1907.
Samarin YU.F. Predisloviye k pervomu izdaniyu bogoslovskikh sochineniy A.S. Khomyakova. – М., 1907.
9. Соловьев В. Ответ Н.Я. Данилевскому. – М.: АСТ: Астрель, 2011.
Solov'yev V. Otvet N.YA. Danilevskomu. – М.: AST: Astrel', 2011.
10. Флоренский П.А. Около Хомякова // Флоренский П.А., священник. Сочинения. В 4 томах. Т.2. М., 1996. С. 278-336.
Florenskiy P.A. Okolo Khomyakova // Florenskiy P.A., svyashchennik. Sochineniya. V 4 tomakh. T.2. М., 1996. S. 278-336.
11. Хомяков А.С. О возможности русской художественной школы. – М.: Новое литературное обозрение, 2000.
Khomyakov A.S. O vozmozhnosti russkoy khudozhestvennoy shkoly. – М.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2000.
12. Хомяков А.С. Полн. собр. соч. – М., 1900-1914.
Khomyakov A.S. Poln. sobr. soch. – М., 1900-1914.
13. Хомяков А.С. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. Работы по богословию. М., 1994.
Khomyakov A.S. Sochineniya v 2-kh tt. T. 2. Raboty po bogosloviyu. М., 1994.

УДК 1.091.470

ФИЛОСОФСКИЙ ИДЕАЛ И ТВОРЧЕСТВО В.С. СОЛОВЬЕВА

THE PHILOSOPHICAL IDEAL AND THE WORKS OF V. S. SOLOVYOV

В.В. Лыткин¹, М.А. Артамонов²

V.V. Lytkin, M.A. Artamonov

¹Калужский государственный университет им.К.Э.Циолковского,
Россия, 248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, 26

²Министерство образования и науки Калужской области, Россия, Калуга, 248030, ул. Пролетарская, 111

Kaluga state University of Konstantin Tsiolkovsky, 26 Stepana Razin St, Kaluga, 248023, Russia
The Ministry of Education and Science of Kaluga region, 111 Proletarian St, Kaluga, 248023, Russia

E-mail: vlad-lytkin@yandex.ru, artamonov_ma@adm.kaluga.ru

Ключевые слова: философская антропология, идеал, человек, личность, всеединство, ценность добра, В.С. Соловьев.

Key words: philosophical anthropology, ideal, person, personality, unity, good value, V. S. Solovyov.

Аннотация. В статье анализируются философско – антропологические идеалы В.С. Соловьева. Одной из самых противоречивых фигур в русском национальном дискурсе XIX в. являлся В.С. Соловьев. Личность философа оказало большое влияние на современников, философское наследие являлось и является сферой интересов большого числа исследователей, среди которых классики русской философской мысли Н.А. Бердяев, А.Ф. Лосев, С.Н. Булгаков. Мыслитель рассматривал проблемы нации через призму движения человечества к единству на основе христианства. Творческое наследие В.С. Соловьева необходимо рассматривать как нравственную основу, на пути к единению общества.

Resume. This article analyzes the philosophical – anthropological ideals of V. S. Solovyov. One of the most controversial figures in Russian national discourse of the XIX century was V. S. Soloviev. The identity of the philosopher had a great influence on his contemporaries; philosophical heritage was and is the sphere of interests of a large number of researchers, among them classics of Russian philosophical thought N. And. Berdyaev, A. F. Losev, S. N. Bulgakov. Thinker considered the problems of the nation through the prism of the movement of humanity towards unity on the basis of Christianity. Creative heritage of V. S. Solovyov must be viewed as a moral foundation, on the way to unity in society.

Актуальность темы исследования объясняется современной ситуацией в России, которая, пройдя через коллизии и потрясения XX века, вновь оказалась на распутье перед выбором пути, остро нуждаясь в общественном идеале. Идеал – это тот высший образец, по которому отдельный человек и общество в целом сознательно и целенаправленно строят свою жизнь. Понятие идеала, выделяя человека из животного мира, давая смысл его существованию, имманентно самой природе человеческой. Поэтому очевидно, что кризис идеалов в обществе, характерный для переходных исторических периодов, а именно к такому относится наша современная ситуация – явление социально опасное.

Следует подчеркнуть, что в отечественном соловьеведении не было специальных исследований проблемы идеала в философии В.С. Соловьева, что приводит к ее противоречивым, а иногда и упрощенным интерпретациям. Тем не менее, своеобразным рубежом и эпохой в изучении мировоззрения и философии В.С. Соловьева, в том числе и его антропологических идеалов, стала работа А.Ф. Лосева «Владимир Соловьев и его время» [Лосев, 1990]. Большинство исследователей (Н.А. Бердяев, В.И. Болдырев, В.А. Кувакин, К.В. Мочульский, Е.Н. Трубецкой, Г.П. Федотов, Г.В. Флоровский, В.Ф. Эрн и др.), признавая идеал свободной теократии утопичным, считают его самым слабым звеном соловьевской системы [Бердяев: Проблема Востока и Запада..., 1997; Бердяев: Русская идея. Основные проблемы..., 1990]. По их мнению, осознание этого привело В.С. Соловьева к разочарованию в теократическом учении и перелому в мировоззрении. Эволюция историософской концепции понимается названными исследователями как движение от оптимистических построений к «философии конца».

Философия В.С. Соловьева не может быть понята без ее важнейшей составляющей – историософии [Амелина, 122-128], центральной мыслью которой, как справедливо заметил Ф.В. Асмус, является «мысль об осуществимости идеи и об идеальности осуществляющегося, иначе вера в то, что жизнь доступна преобразованию, а мысль – исполнению и осуществлению» [Асмус, 1994]. Таким образом, вопрос об общественном идеале становится краеугольным камнем в понимании соловьевской историософии [Лыткин, 181-183].

Все мировоззрение В.С. Соловьева исходило из основной интуиции – положительного всеединства, понимаемого философом как «полная свобода составных частей в совершенном единстве целого» [Галактионов, 29]. Всеединство стало в философии В.С.Соловьева основным критерием в представлениях об идеале. Именно из принципа всеединства он выводит различие между идеальным,

или другими словами достойным, должным бытием и бытием не должным. Критерием идеального или должного бытия является, с точки зрения философа, наибольшая самостоятельность частей при наибольшем единстве целого. Это должно выражаться, по его мнению, во-первых, в том, что частные элементы не исключают друг друга, а, напротив, взаимно полагают себя один в другом, солидарны между собою. Во-вторых, они не исключают целого, а утверждают свое частное бытие на единой всеобщей основе. В-третьих, эта всеединая основа или абсолютное начало не подавляет и не поглощает частных элементов, а, раскрывая себя в них, дает им полный простор в себе [Соловьев, 305-316].

Осознание того, что представление об идеальном бытии далеко не соответствует действительности, стало отправной точкой в философствовании В.С. Соловьева. Эта установка на возможное преобразование действительности в соответствии с идеалом останется у В.С. Соловьева на всю жизнь. В статье «Идеал», написанной для словаря Брокгауза и Ефрона в 90-е годы, философ подчеркивает, что совокупность космического и исторического опыта заказывает на идеалы осуществимые и осуществляемые и на действительность преобразуемую. Вся история мира и человечества, с его точки зрения, представляет собой «лишь постепенное воплощение идеала и преобразование худшей действительности в лучшую» [Флоровский, 265-292].

Мысль В.С. Соловьева о постепенном воплощении идеала соответствует пониманию этого феномена в немецком идеализме [Киреевский: О необходимости и возможности..., 238-272; Киреевский: О характере просвещения..., 199-238; Кошелев: Парадоксы Хомякова, 3-14; Лосский: Вл. Соловьев и его преемники..., 11-21]. По Г.В.Ф. Гегелю идеал конкретен и постепенно реализуем в истории, а любая достигнутая ступень развития предстает с этой точки зрения как его частичная реализация. В виде идеала, по мнению немецкого мыслителя, может оформляться образ конкретной цели деятельности человечества на данной ступени его духовного и интеллектуального развития. И как только «идеал реализован, – продолжает гегелевскую мысль Ф.В.И. Шеллинг, – идея может устремляться далее, и так до бесконечности [Хомяков, 39-57]. Следовательно, идеал значим всегда только для данного момента действия, сама же идея может быть реализована только в бесконечности [Шапошников, 1996; Шеллинг, 1987].

В.С. Соловьев называет свой взгляд на идеал практическим идеализмом. Раскрывая его суть, он отмечает в статье «Судьба Пушкина», что не нужно закрывать глаза на дурную сторону действительности, но необходимо «замечать в том, что есть, настоящие задатки того, что должно быть» [Бондарев, 1996]. Опора на эти, хотя и неполные, но действительные проявления добра поможет, с точки зрения В.С.Соловьева, торжеству этих добрых начал и воплощению откровений высшей жизни в низшей. Философ считает, что такой практический идеализм, приближающий действительность к идеалу, одинаково применим и обязателен как для общественных, так и для частных отношений.

Итогом многолетних размышлений В.С.Соловьева над смыслом и перспективами истории явилось понимание того, что человек не может разом подняться до небесного совершенства, а Бог не хочет разом сообщить всю полноту истинных даров, потому что принять разом эту полноту невозможно для существа, назначенного к свободному и рассудительному действию. «Лестница человеческого совершенствования утверждена на земле, – отмечает философ, – и только голова ее достигает небес. Утверждена на земле... значит земля не есть противоположность небес, а их основание... значит не правы те, кто отделяют небесный идеал как недостижимый» [Соловьев, 319-323].

В статье «Идолы и идеалы» В.С. Соловьев подчеркивает, что подлинные идеалы имеют безусловное достоинство и всеобщее значение, поэтому они должны стать не только целью исторического процесса, но и руководящим принципом деятельности, нормой, по которой следует исправлять действительные общественные неправды. Верить в такой идеал, по мнению философа, – значит, во-первых, признавать, что он не есть пустая фантазия, а имеет объективные основания в самой природе вещей; во-вторых, признавать возможность его окончательного осуществления, принимать его как задачу разрешимую в историческом процессе; в-третьих, смотреть каждому человеку на его реализацию как на собственное дело, требующее трудов, усилий и подвигов [Соловьев: Идолы и идеалы, 604-637]. Объективные основания идеала и его онтологичность В.С.Соловьев, как платонист, видит в многомерном и иерархическом мироустройстве. Он подчеркивает, что «наша наличная действительность не может быть всею действительностью и что то, что здесь представляется долженствующим быть и будущим, есть вечно сущее и настоящее в другой сфере» [Соловьев: Общий смысл искусства, 390-404]. Следовательно, движение к идеалу есть закономерный и детерминированный космический процесс. Мир торжествующих созвучий и есть обетованное вечно сущее Царство Божие, совершенное в божественной идее и потенциально присущее человеку, ибо, по словам Христа, оно «внутри нас». Вечно действительное совершенство, с точки зрения В.С. Соловьева, во всей полноте воплощено в Боге, в человеке же оно есть потенциально: в человеческом сознании, вмещающем в себе абсолютную полноту бытия как идею, и в человеческой воле, ставящей ее как идеал и норму для себя.

Занимая особое положение, человек, с точки зрения В.С. Соловьева, получает при этом и свое всемирное преимущество, и свои всемирные обязанности. Преимущество человека в мире состоит, прежде всего, в том, что ему дана власть и господство над земною природой. Философ считает, что только через посредничество человека Божество, несоизмеримое по внутренней сущности своей с земными созданиями, может проявлять себя, потому человек есть необходимое подлежащее истинного владычества Божия или теократии не только для себя, но и для прочего творения. В статье «О подделках» В.С.Соловьев продолжает эту мысль: «Царствие Божие, совершенное в вечной божественной идее («на небесах»), потенциально присущее нашей природе, необходимо есть вместе с тем нечто совершаемое для нас и через нас. С этой стороны оно есть наше дело, задача нашей деятельности» [Соловьев: О подделках, 305-316].

Таким образом, по убеждению В.С.Соловьева, личного совершенствования недостаточно, потому что человек – существо социальное, и высшее дело его жизни, окончательная цель его усилий лежит не в его личной судьбе, а в социальных судьбах всего человечества. Поэтому достижение Царства Божьего, с точки зрения мыслителя, должно стать целью исторического процесса.

Добрую весть о Царствии Божием, которая и составляет главную идею Евангелия, В.С. Соловьев понимает как руководство к действию. Он считает, что христианство дает человечеству не только идеал, но и пути к его достижению. Сущность истинного христианства философ видит в перерождении человечества и мира в духе Христовом и в превращении мирского царства в Царство Божие, которое не от мира сего. С точки зрения В.С.Соловьева, состояние земли и ее отношение к невидимому миру определяется нравственным состоянием существ, которые на ней живут, ибо безусловной границы между «здесь» и «там» нет. Поэтому обетованная «новая земля», о которой говорится в Священном Писании, «означает вовсе не утилитарное благоденствие людей на теперешней земле, а именно начало той новой земли, в которой правда живет» [Соловьев: Жизненная драма Платона, 236-182]. Ключевую роль в ее созидании, по мнению философа, играет человек, который как существо богоземное, совершенствуясь сам, совершенствует окружающий мир. Однако достижение Царства Божьего – это долгий и сложный процесс, недаром он в Евангелии сравнивается с ростом дерева, горчичного зерна, созреванием жатвы, скисанием теста. С точки зрения В.С. Соловьева, движение к нему невозможно без путеводной звезды – идеала общественной правды и всеобщего блага. Ставя его впереди, в будущем, не признавая его совершившимся фактом, мы тем самым не отрицаем его осуществимости. Этот взгляд на идеал, по мнению В.С.Соловьева, «не только не отказывается от лучших евангельских упований, выраженных в молитве Господней о пришествии к нам царства правды, о совершенном исполнении воли Божией на земле, но и заставляет нас собственным трудом содействовать осуществлению этих упований» [Соловьев: Заметка в защиту Достоевского..., 319-323].

В.С. Соловьев подчеркивает, что на тернистом пути общественных преобразований одинаково важны два вопроса: что делать и кто делает. Но он с сожалением вынужден констатировать, что человечество больше задается первым вопросом и ожидает Царствия Божия на земле, которое должно наступить в силу внешних причин, включая и насильственные действия. Такой идеал, называемый философом внешним, вступает в противоречие с несовершенной действительностью и всецело обращается на разрушение существующих общественных отношений, приводя к насилию над людьми и целым обществом [Письмо Вл. Соловьева к Л. Толстому. О воскресении Христа, 75-77]. По мнению В.С. Соловьева, внешний идеал стоит на почве господствующего в мире зла, не предъявляя своим служителям никаких нравственных условий, «ему не нужны духовные силы, а физическое насилие, он требует от человечества не внутреннего обращения, а внешнего переборота» [Соловьев: Три речи в память Достоевского, 289-323].

С точки зрения В.С. Соловьева, любой общественный строй должен опираться на какое-нибудь положительное основание, которое имеет или характер безусловный, сверхприродный и сверхчеловеческий, или же оно принадлежит к условной сфере данной человеческой природы. Таким образом, общество, по мнению философа, опирается или на воле Божией, или на воле человеческой, народной. В.С. Соловьев находит множество подтверждений своим мыслям в истории. Так, например, великая французская революция, опираясь на волю народную, начала с провозглашения идеала, заключающегося в трех словах: свобода, равенство и братство, воплощение которых было мечтой человечества. По мнению В.С.Соловьева, многие люди ошибочно считают идеалы объединяющим началом, вкладывая в это понятие единство цели общества, принципы общинности, братства, потому что общее, отвлеченное понятие общественного единства, лишненное положительного содержания, остается лишь на словах.

Провозглашенные великой французской революцией безусловные права человека, принадлежащие ему по природе, в силу его человеческого достоинства, означали равенство всех людей и, соответственно, принадлежность законодательной власти народу. Но в нашем мире, свидетельствует философ, основанном на борьбе, на неограниченном соревновании личности и конкуренции равен-

ство прав ничего не значит без равенства сил. И на деле оказалось, что революция, утверждавшая демократию, породила только плутократию. В действительности, верховная власть принадлежит ничтожной части народа – богатой буржуазии, капиталистам. Социализм, по мнению В.С. Соловьева, представляет собой закономерное следствие предшествующего ему западного исторического развития [Новиков, 136-155]. Он также отвергает безусловное божественное начало, но основывается не просто на воле народной, а, прежде всего, классовой. Осознавая всю губительность этого учения, выдвигающего внешний общественный идеал, В.С. Соловьев подвергал его критике во многих своих трудах: «Чтениях о богочеловечестве», «Философских началах цельного знания», «Оправдании добра», «Трех речах в память Достоевского». С точки зрения философа, социализм не способен реализовать совершенное общественное устройство, быть высшей нравственной силой, хотя и имеет притязание на осуществление безусловной правды в области общественных отношений. Он вступает в неизбежное противоречие с самим собою, видя правду в осуществлении равномерного распределения материального благосостояния. В.С. Соловьев считает, что если материальное благосостояние есть цель сама по себе для социализма, то в таком случае утверждение этого стремления как принципа не может иметь никакого нравственного значения, поскольку провозглашение прав материи как нравственного принципа равносильно провозглашению прав эгоизма [Самарин, 5-39]. Но если материальное благосостояние не есть цель для социализма, а целью является только справедливость в распределении этого благосостояния, то она, по мнению философа, должна выражаться в самоограничении, пожертвовании своих притязаний в пользу чужих прав. Поэтому невозможно придавать никакого нравственного значения требованию со стороны рабочего класса равномерного распределения материального благосостояния, так как в этом случае справедливость является своекорыстной. Широкое распространение социалистических идей к концу 90-х годов спровоцировало В.С. Соловьева к более резким высказываниям в «Оправдании добра»: «Хотя бы социалистические декламации против богатых, внушаемые низменной завистью, противны до тошноты, требования уравнивания имуществ неосновательны до нелепости» [Соловьев: Оправдание добра, 47-54].

Отмечая диаметрально противоположность между социализмом и христианством, В.С. Соловьев вынужден констатировать их «срастание» в «христианский социализм». Действительно, многие христианские мыслители, видя задачу христианства в спасении человечества, в осуществлении правды Божией на земле, находили в социализме, который, по их мнению, ставил сходные цели, союзника. Так, например, С.Н. Булгаков, посвятивший этому вопросу несколько работ («Христианство и социализм», «Два града», «Неотложная задача», «Церковь и социальный вопрос»), признавая непротиворечивость и принципиальную возможность христианского социализма, пишет: «Христианство дает для социализма недостающую ему духовную основу, освобождая его от мещанства, а социализм является средством для выполнения велений христианской любви, он исполняет правду христианства в хозяйственной жизни» [Булгаков, 1996]. Однако, С.Н. Булгаков, указывая на возможную односторонность социализма, отмечает, что если социализм проникается антихристианским духом и отдается чарам первого искушения, то он не может быть соединен с христианством, которое требует всего человеческого сердца.

В.С. Соловьев видел специфическое понимание социализма и у Ф.М. Достоевского, подчеркивая, что его «русский социализм» абсолютно отличен от европейского социализма. Если европейские социалисты требуют насильственного низведения всех к одному чисто материальному уровню сытых и самодовольных рабочих, требуют низведения государства и общества на степень простой экономической ассоциации, то «русский социализм», о котором говорил Ф.М. Достоевский, напротив, «выше всех до Нравственного уровня Церкви как духовного братства, хотя и с сохранением внешнего неравенства социальных положений, требует одухотворения всего государственного и общественного строя чрез воплощение в нем истины и жизни Христовой» [Соловьев: Три речи в память Достоевского, 289-323]. Но сам В.С. Соловьев был принципиально убежден в сущностном отличии христианства и социализма. Христианство, по его мнению, хочет, чтобы богатые давали бедным, а социализм требует, чтобы бедные отнимали у богатых. Социализм полагает высшее благо и блаженство именно в богатстве, только иначе распределенном. Таким образом, богатство – препятствие в христианстве для нравственного совершенствования, становится целью для социализма, причем достижение его предполагает насильственные методы. К сожалению, ни современники, ни последующие поколения философа не прислушались к его предостережениям относительно бездуховной природы социализма. Потребовались десятилетия, чтобы через горький опыт убедиться в недостаточности требований социализма для достижения идеала.

Задаваясь вопросом о корне общественной неправды, В.С. Соловьев видит его, прежде всего, в эгоизме. Объединить человечество, с точки зрения философа, вопреки совершенно реальной и могучей силе эгоизма, разъединяющей людей, посредством отвлеченных идеалов невозможно. Правда общественная, по его глубокому убеждению, должна основываться на принципах самоотрицания,

жертвенности и любви, на том, что выше человека и природы и чему сам человек по своему вечному началу принадлежит. Таким образом, социализм своим требованием общественной правды и невозможностью осуществить ее на конечных природных основаниях логически приводит к признанию необходимости безусловного начала в жизни, т.е. к признанию религии. Для В.С. Соловьева религия представляет собой воссоединение человека и мира с безусловным и всецелым началом. А так как это начало всецелое и всеобъемлющее, то оно ничего не исключает и не подавляет, и истинная религия призвана воссоединить все человеческое бытие с ним, а через него и все частные элементы жизни человечества.

В.С. Соловьев убежден, только основываясь на религиозном начале возможно осуществить в обществе принципы свободы, равенства и братства. Как отмечает Н.О. Лосский, справедливость этого убеждения русского мыслителя стало очевидной уже после печального опыта двух революций, который красноречиво свидетельствовал, что «безрелигиозный гуманизм есть самоутверждение человека, обоготворившего себя, своеволие, которое должно привести к распаду общественности» [Лосский, 11-21]. Считая вопрос о религии самым важным, В.С.Соловьев с горечью отмечает, что современная религия есть вещь очень жалкая, что собственно религии как объединяющего, связующего начала, как центра духовного тяготения нет. Эти тенденции выхолащивания истинно религиозного и подмены его внешним приводят к тому, что группы, классы и целые народы становятся средством для чьих-нибудь «внешне благих» целей.

Видя преобладание материальных интересов в современной цивилизации, В.С. Соловьев подчеркивает в своей докторской диссертации «Критике отвлеченных начал», что нравственное значение общества, не зависит полностью ни от материального начала в человеке, практически выражающегося в отношениях экономических, ни от его рационального начала, практически выражающегося в отношениях юридических и государственных. Оно определяется религиозным, или мистическим, началом в человеке, в силу которого «все члены общества составляют не границы друг для друга, а внутренне восполняют друг друга в свободном единстве духовной любви, которая должна иметь непосредственное осуществление в обществе духовном, или церкви».

Таким образом, по убеждению В.С. Соловьева, в основе нормального (идеального) общества должна лежать церковь, определяющая собою его безусловные цели. А государственные и экономические сферы должны служить формальной и материальной средой для осуществления божественного, всеединого начала в обществе. Это всеединое начало призвано давать место и назначение всему, имея в каждом особое средство или орудие для своего осуществления, сохраняя при этом свободу отдельных элементов и их внутреннее единство. В.С.Соловьев называет такой всеобъемлющий и всеединящий общественный строй свободной теократией, считая, что она должна стать конечной целью общественной деятельности. Обращая особое внимание на характер ее осуществления, он подчеркивает, что в силу принципа всеединства «осуществление божественного начала в обществе человеческом должно быть свободно и сознательно, а не основываться на слепой вере и внешнем авторитете» [Соловьев: Критика отвлеченных начал, 581-756].

В.С. Соловьев отмечает, что в нормальном (идеальном или теократическом) обществе признается ценность и свобода каждого человека. Но это не значит, что все члены нормального общества могут быть равны. С его точки зрения, место каждого лица должно определяться высотой его внутреннего достоинства, проявляющегося в преобладании идеи всеединства над эгоизмом. Такие лица, владея богатством, руководствуясь в своей деятельности нравственным началом, будут употреблять его по справедливости на благо других. Осознание того, что богатство не есть цель, а лишь средство для более полной реализации высшего религиозного начала, по мнению философа, устранил в обществе неограниченную конкуренцию, с вытекающими из нее бедствиями и эксплуатацией людей. В.С. Соловьев убежден, что в условиях свободной теократии, хозяйственная область соединит в высшем синтезе общинность и индивидуализм. А три сферы (церковь, государство и земство), связанные внутренним органическим единством, будут взаимно дополнять друг друга. Церковь, утверждая безусловное начало любви как всеобщую цель, будет все же зависима от государства, которое устанавливает справедливый порядок в обществе, и от земства, дающего материальные средства к существованию.

Однако, изображая идеальное (теократическое) общество, В.С. Соловьев подчеркивает, что его достижение – это длительный и постепенный процесс, основанный на нравственном подвиге, неустанном совершенствовании и труде, требующий преобразования общества в духе Христовом. Поэтому в «России и Вселенской Церкви» он определяет свободную теократию как истинную солидарность всех наций и всех классов, как христианство, осуществленное в общественной жизни, как политику, ставшую христианской, как свободу для всех угнетенных, покровительство для всех слабых, как социальную справедливость и добрый христианский мир [Соловьев: Славянский вопрос, 311-326]. Осуществление свободной теократии, по мнению В.С. Соловьева, возможно только в окончательном фазисе исторического развития. А до тех пор «пока Бог не будет все во всех, пока каждое человеческое

существо не будет вместилищем Божества, до тех пор Божественное управление человечеством требует особых органов или проводников своего действия в человечестве» [Соловьев: Еврейство и христианский вопрос, 1989]. Такие особые органы Божественного управления должны, по глубокому убеждению В.С. Соловьева, находиться во всех сферах человеческой жизни: религиозной, политической и социальной. Религиозная сфера жизни должна иметь своим теократическим органом священника, сфера политическая имеет своим теократическим органом царя как помазанника Божия, а социальная жизнь народа имеет свой теократический орган в лице пророка – свободного праведника. Каждый из этих трех представителей теократии, с точки зрения философа, должен иметь свою самостоятельную сферу действия, но по самому характеру этих сфер они должны находиться в определенном взаимоотношении друг к другу: «Священник направляет, царь управляет, пророк исправляет. В порядке Божественного правления священству принадлежит авторитет, основанный на предании, царь обладает властью, утвержденной на законе, пророк пользуется свободой личного почина» [Достоевский: Пушкин, 136-146]. Простейшее отличие трех служений, по мнению В.С.Соловьева, состоит в том, что священническое держится на преданности истинным преданиям прошлого, царское – верным пониманием истинных нужд настоящего, а пророческое – верою в истинный образ будущего. Философ подчеркивает, что полнота теократического идеала требует равномерного и согласного развития этих трех орудий Божественного правления.

Преобразование общества, как считает философ, может осуществляться только изнутри – из ума и сердца человеческого. Ведь люди управляются своими убеждениями, а, следовательно, нужно действовать на убеждения людей, потому что человеческое сознание «имеет и способность, и обязанность не только следовать за фактами, но и предвещать их» [Соловьев: Мнимая критика, 74-87]. По мнению В.С. Соловьева, общественный и нравственный прогресс тесно связаны. Те личности, которые нравственно превосходят свое окружение, задают более высокие нормы существования, тем самым, изменяя мир вокруг себя. Такое нравственное изменение приводит к изменению общественных норм. Обновленное общество способствует нравственному совершенствованию больших масс. С точки зрения философа, такая инициация, происходит постоянно, что постепенно и неуклонно ведет человечество к осуществлению идеала – свободной теократии. Таким образом, вопрос «кто делает» имеет определяющее значение для общественных преобразований. Но, как отмечает В.С. Соловьев, пока темная основа нашей природы – злая в своем исключительном эгоизме и безумная в своем стремлении осуществить этот эгоизм – у нас налицо, невозможно никакое настоящее дело и вопрос что делать не имеет разумного смысла. С точки зрения христианского мыслителя, «преобразователи», основывающие свое право действовать и переделывать мир на своем собственном недуге, на своей злобе и безумии, по существу есть убийцы. Очевидно, что слепые, глухие, увечные и бесноватые не могут вести к идеалу, сначала они должны исцелиться.

Первый шаг к спасению, по убеждению В.С. Соловьева, – почувствовать свое бессилие и свою неволю и признать совершенство Бога. Вера в Бога дает человеку осознание силы Божьей в себе, ибо сотворен человек по образу и подобию Божьему. А изменение себя по этому Образу станет, по словам Христа, изменением мира. Только поверившие в духовное Царствие Божие и воспринявшие слова Иоанна: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может видеть царствия Божия» [Иоан. 3:3], могут, по мнению В.С. Соловьева, стать истинными преобразователями общества. «Рыцарь Софии» видит в человеке Демиурга, божественного сотрудника, а не раба Божьего. Как отмечает Е.Н. Трубецкой, В.С. Соловьев не чувствовал бездны греховной между миром божественным и земным. И именно в пантеистическом смешении Бога и мира Е.Н. Трубецкой видит источник его земных утопий [Трубецкой: Миросозерцание Вл. С. Соловьева, 1995]. В.С. Соловьев действительно искал человеческие пути воссоединения Бога и мира, считая, что процесс творения мира не завершен. Может быть, поэтому русскому мыслителю был близок образ Прометей, напомнившего людям о сокрытом в них божественном творческом начале, способном созидать «миры». Согласно версии Эсхила, Прометей, лишив людей дара предвидения, вселил в них при этом «слепые надежды». Надежда на лучшее будущее, стремление воплотить идеал в жизнь побуждает людей к постоянной созидательной деятельности.

По мнению В.С. Соловьева, именно появление людей «прометеевского типа» продвигало человечество на протяжении всей его истории к заветному идеалу, потому что они не преклоняются пред силой факта и не служат ей. Философ считает, что против этой грубой силы того, что существует, у них есть духовная сила веры в истину и добро – в то, что должно быть. Подвиг людей «прометеевского типа», с его точки зрения, состоит в том, что, признавая видимое господство зла, они верят в невидимое добро [Соловьев: Идолы и идеалы, 604-637]. В.С. Соловьев убежден, что именно в этой вере и заключена вся сила человека. А кто не способен на этот подвиг, тот ничего не сделает и ничего не скажет человечеству. «Люди факта живут чужой жизнью, но не они творят жизнь. Творят жизнь, – подчеркивает философ, – люди веры. Это те, которые называются мечтателями, утопистами, юриди-

выми, – они же пророки, истинно лучшие люди и вожди человечества» [Соловьев: Чтения о Богочеловечестве, 5-172].

Существование мыслителя в двух мирах, стиравшее грань для него между небесным и земным, отмечали все его современники: В.В. Величко, Э.Л. Радлов, М.С. Безобразова, Д.П. Цертелев, М.М. Ельцова, Е.Н. Трубецкой и другие. По мнению К.В. Мочульского, в таком крайнем идеализме есть опасность смешения двух планов бытия, временного и вечного. Временным исследователь считает теократическую идею, служению которой В.С.Соловьев посвятил свои «лучшие годы», что и стало его жизненной трагедией. Внутренняя закономерность этой трагедии, с точки зрения К.В. Мочульского, заключается в том, что философ видит за исторической организацией Церкви Царствие Божие, «вводит в нее такие относительные явления человеческой жизни, как государство и экономическое общество; считает «врата истории» вратами Царства Божия» [Мочульский, 556-829].

Действительно, теократический идеал В.С. Соловьева остался непонятым современниками и из-за своей практической направленности и признается большинством исследователей утопическим, оказывающим негативное воздействие на всю философскую систему великого мыслителя. По мнению Е.Н. Трубецкого, теократия В.С. Соловьева – «это прах земной, прилипший к крыльям, – то самое, что отягощает полет его мысли и служит в ней источником противоречий. Таково же значение и всех прочих утопий нашего мыслителя, с которыми его теократическая мечта неразрывно связана» [Трубецкой: Мирозерцание Вл. С. Соловьева, 1995]. Но с нашей точки зрения, теократическая концепция В.С. Соловьева укоренена в его метафизике, поэтому, разрушая теократию, Е.Н. Трубецкой лишает целостности всю философскую систему.

Русская философия эпохи В.С. Соловьева и в предшествующее время находилась под большим влиянием немецкой классической философии [Лыткин, 233-237]. Большинство исследователей идеала вслед за И. Кантом понимают его как «максимум совершенства», недостижимую на практике, но служащую своего рода путеводной звездой общественного прогресса, Кенигсбергский мыслитель сравнивал идеал с линией горизонта, которую люди никогда не могут достичь, но без которой они утратили бы чувство перспективы в своем развитии. Он предлагает оценивать идеал не по его достижимости, а по той роли, которую он выполняет в жизни человека и общества. Главным для И. Канта является значение идеала как регулятивного принципа, обеспечивающего возможность совершенства человеческих поступков, в этом случае идеал выступает и как критерий их оценки, и как ориентир совершенствования личности. «У нас нет единого мерила для наших поступков, – пишет он, – кроме поведения божественного человека в нас, с которым мы сравниваем себя и благодаря этому исправляемся. Никогда, однако, не будучи в состоянии сравниться с ним» [Кант, 1964].

Вопрос о соотношении абсолютного и относительного начал в природе идеала был и остается одним из самых дискутируемых в истории его философского осмысления. С точки зрения П.И. Новгородцева, как смешение, так и полное разделение их теоретически ошибочны и практически опасны. Он, как и В.С.Соловьев, видит закон исторического развития в стремлении к абсолютному через относительные ступени возвышения, через частичные проявления нравственного начала. П.И. Новгородцев подчеркивает, что только безусловный идеал может служить последней целью для каждой относительной ступени. Брать же эти ступени отдельно от общего идеала, обособлять и замыкать их в себе «значило бы принимать временные и проходящие требования, может быть, ошибочные и ложные, за окончательные и безусловные» [Новгородцев, 1991]. Примером такого обособления может служить, на наш взгляд, представление современного исследователя А.А. Новикова, который считает, что содержание идеала и его качественное насыщение всегда носят временной и конкретный характер. По его мнению, печатью вечности не отмечены даже нравственные идеалы-заповеди. Размышляя о человечестве, А.А. Новиков восклицает; «Сколько новых идеалов предстоит ему создать и вновь отвергнуть» [Новиков, 136-155]. Другой стороной проблемы идеала является отождествление абсолютного и относительного. В связи с этим П.И. Новгородцев отмечает, что каждая временная и относительная ступень имеет свою ценность лишь как одно из звеньев возвышения к идеалу и требовать от них безусловного совершенства, значит исказить их природу. В.С. Соловьев, на наш взгляд, прекрасно осознавал опасность подобного отождествления, что было отмечено В.Я. Ивановым, который подчеркивает, что «какими бы ни представлялись Соловьеву звенья теократического развития, он умеет различать подготовительные ступени от действительных мистических осуществлений грядущей теократии» [Иванов, 337-345].

Но именно отождествление относительного с абсолютным, понимание идеала как ближайшей практической цели, реализуемой через конкретный проект или общественный строй, превращает его в утопию. Г.П. Флоровский, исследуя метафизические предпосылки утопизма [Флоровский, 265-292], выразил его суть как превращение «категорического императива в историческое предсказание», как принципиальное «приравнение ценности и факта», когда «мысль предвосхищает идеальный предмет в порыве конструктивного воображения, и здесь предвидимо и предвычислено все», а «аб-

страктные схемы заслоняют конкретную действительность и кажутся утописту более «реальными», чем действительный мир» [Флоровский, 265-292]. Утопия как проект выражает «технический», «инженерный» подход к миру, не ориентированный на исследование реального положения дел, поскольку ни в своих целях, ни в выборе средств не опирается на действительность, а противостоит ей.

Но утопические проекты нередко выходят не только за пределы действительного, но и возможного. Понимаемую таким образом трансцендентность К. Манхейм считает одной из определяющих характеристик утопического сознания. По его мнению, утопическое сознание «в переживании, мышлении и деятельности ориентируется на факторы, которые реально не содержатся в этом «бытии» [Манхейм, 1994]. Именно в подобной трансцендентности многие исследователи обвиняли идеалистическую философию В.С.Соловьева и его идеал свободной теократии. Однако С.Н. Булгаков считает, что утопизм психологически скорее связан «с позитивизмом вследствие того, что в последнем абсолютное ищется в относительном, между тем как в идеализме соблюдается правильная философская перспектива» [Булгаков: О социальном идеале, 1999].

В.С. Соловьев в «Критике отвлеченных начал» отмечает, что нелепо требовать невозможного, не имеющего связи с действительностью, потому что в таком случае идеальное содержание не имеет никакой основы для своего осуществления. Философ обосновывает метафизичность и онтологическую закрепленность теократического идеала, как в мироздании, так и в человеческой природе. С его точки зрения, мир образуется нисхождением Бога в «другое», необходимое Богу для обнаружения полноты Его существования. Это «другое» – Абсолютное становящееся или София, отпад от Бога и, распавшись, само в себе на множество враждующих элементов, движется в направлении собирания множественности во всеединство, иными словами, к воплощению абсолютного организма. «Главная цель мирового процесса – считает философ, – есть действительное обнаружение единства, или божественной духовности, во всей реальности, или воплощение Бога во всех существах, что может быть также определено как материализация божества» [Соловьев: Критика отвлеченных начал, 581-756]. Исторический процесс в его концепции, также имеющий в своей основе становление Абсолютного в «другом», и являющийся частью богочеловеческого, движется к положительному всеединству и рождению Богочеловечества. Подчеркивая объективную закономерность этого процесса, В.С. Соловьев, отвечая своему оппоненту Б.Н. Чичерину, пишет: «Не тот настоящий утопист, кто хочет преобразовать общество, а тот, кто мечтает остановить ход истории» [Соловьев: Общий смысл искусства, 390-404].

Посвящая сотни страниц своих трудов («Чтения о богочеловечестве», «Религиозные основы общества», «История и будущность теократии», «Россия и Вселенская Церковь», «Оправдание добра») доказательству развития теократической идеи в истории человечества, В.С. Соловьев прекрасно знал о подводных мелях своего учения, о сложности его воплощения. «Но есть ли это идеально-желательное вместе с тем и реально-возможное? – вопрошает В.С. Соловьев в «Критике отвлеченных начал», – Существуют ли на самом деле воистину те условия, которые необходимы для осуществления этого идеала? Не есть все это этическое построение один из тех воздушных замков или, попросту, мыльных пузырей, из-за которых практические люди, а равно и люди точной науки привыкли презирать умозрительную философию?» [Соловьев: Критика отвлеченных начал, 581-756].

Философ признает, что идеал свободной теократии выведен из высшего нравственного требования, а потому вопрос его осуществления остается вполне открытым, относящимся к области возможного. В работе «Еврейство и христианский вопрос» В.С. Соловьев подчеркивает, что для успешного выполнения теократической задачи необходимы три условия: 1) полная самостоятельность религиозного начала в обществе, потому что если религиозный элемент занимает в общей жизни подчиненное или зависимое положение, то теократия не имеет никакого смысла; 2) правильное расчленение общественного тела и твердый порядок в его управлении, потому что без этого религия не имеет способностей проводить свое влияние в жизнь; 3) свободная и энергичная деятельность личных сил, потому что без такой деятельности самая лучшая общественная организация останется пустою формой [Соловьев: Еврейство и христианский вопрос, 1989]. Именно от человеческих усилий, по мнению В.С.Соловьева, зависит осуществление свободной теократии, ибо только руками и ногами человеческими можно в Царствие Небесное войти.

В русской религиозной философии, основывающейся на категориях соборности и всеединства, отмечается, что общество реально только в живых конкретных лицах. Именно свободная и творческая личность представляет собой нравственную основу, которая является источником прогресса и осуществления идеала. В.С.Соловьев считает, что никакой человек ни при каких условиях и ни по какой причине, не может рассматриваться только как средство для каких бы то ни было посторонних целей. Человек не может быть «только средством или орудием ни для блага другого лица, ни для блага целого класса, ни, наконец, для, так называемого общего блага, т.е. блага большинства других людей». [Соловьев: Мнимая критика..., 74-87]. Общее благо понимается философом как благо всех без исключения, а тем самым и благо каждого. Служа такому общественному благу как цели, человек не

становится при этом только средством или орудием чего-то внешнего и чуждого, а осуществляет свое безусловное достоинство, имеющееся у него как у отдельного лица только в возможности, которая становится действительностью лишь через внутреннее соединение каждого со всеми. И это есть, с точки зрения В.С.Соловьева, единственная нравственная норма в нормальном (идеальном) обществе.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что представления В.С. Соловьева об идеале, четко сформированные уже в начале творческого пути, и являющиеся органичной составной частью философии всеединства, не претерпели значительных изменений в течение всей его жизни. Философ, называя свой взгляд на идеал практическим идеализмом, подчеркивал, что исторический и космический опыт свидетельствует об идеалах осуществляемых, и о действительности преобразуемой. Но воплощение идеала – процесс длительный и постепенный, проходящий определенные этапы. Ключевую роль в общественных преобразованиях, по мнению В.С. Соловьева, играет человек. Как существо богоземное, он является проводником Божественной воли и способен, совершенствуясь сам, совершенствовать окружающий мир. Философ считал, что идея идеала отражается в сознании отдельных людей, которые, нравственно превосходя свое окружение, задают более высокие нормы существования, изменяя тем самым мир вокруг себя. Это приводит к изменению общественных норм. Обновленное общество в свою очередь способствует нравственному совершенствованию больших масс. С точки зрения В.С. Соловьева, такая инициация, происходит постоянно, постепенно и неуклонно ведя человечество к осуществлению общественного идеала – свободной теократии. Философ убежден, что теократическое устройство способно воплотить образ Божественной Троицы в общественной жизни человечества. Церковь, лежащая в основе теократического общества, определяет собою его безусловные цели, а государственные и экономические сферы призваны служить формальной и материальной средой для осуществления Божественного, всеединого начала в обществе. Идеал свободной теократии укоренен в метафизике В.С. Соловьева, поэтому, признание многими исследователями его утопичности лишает целостности всю философскую систему.

Анализ сущности и природы общественного идеала В.С. Соловьева позволил сделать вывод о его отличии от утопических концепций, что может способствовать пересмотру наиболее распространенной точки зрения и на теократическое учение, и на эволюцию творчества русского мыслителя.

Список литературы References

1. Амелина Е.М. В.С. Соловьев: теократическая концепция // Социально-политический журнал. – 1993. № 7. – С. 122-128.
Amelina Ye.M. V.S. Solov'yev: teokraticheskaya kontseptsiya // Sotsial'no-politicheskiy zhurnal. – 1993. № 7. – S. 122-128.
2. Асмус В.Ф. Владимир Соловьев. -М.: «Прогресс», 1994. – 206с.
Asmus V.F. Vladimir Solov'yev. -M.: «Progress», 1994. – 206s.
3. Бердяев Н.А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева // О Владимире Соловьеве. – Томск: «Водолей», 1997. – 192с. -С.96-116.
Berdyayev N.A. Problema Vostoka i Zapada v religioznom soznanii Vl. Solov'yeva // O Vladimire Solov'yeve. – Tomsk: «Vodoley», 1997. – 192s. -S.96-116.
4. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: «Наука», 1990. – 527с. – С.43-271.
Berdyayev N.A. Russkaya ideya. Osnovnyye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka // O Rossii i russkoy filosofskoy kul'ture. Filosofy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya. – M.: «Nauka», 1990. – 527s. – S.43-271.
5. Бондарев П.Б. Философия истории В.С. Соловьева: Диссертация канд. филос. наук: 09.00.03. – Краснодар, 1996. – 136с.
Bondarev P.B. Filosofiya istorii V.S. Solov'yeva: Dissertatsiya kand. filos. nauk: 09.00.03. – Krasnodar, 1996. – 136s.
6. Булгаков С.Н. О социальном идеале // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2 т. Т.1. От марксизма к идеализму. – М.: Наука, 1999. – (Социологическое наследие) – 336с.
Bulgakov S.N. O sotsial'nom ideale // Bulgakov S.N. Trudy po sotsiologii i teologii: V 2 t. T.1. Ot marksizma k idealizmu. – M.: Nauka, 1999. – (Sotsiologicheskoye naslediyе) – 336s.
7. Булгаков С.Н. Христианство и социализм // Христианский социализм: Споры о судьбах России / Редактор-составитель, автор предисловия и комментариев В.Н. Акулинин. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 350 с.

Bulgakov S.N. Khristianstvo i sotsializm // Khristianskiy sotsializm: Spory o sud'bach Rossii / Redaktor-sostavitel', avtor predisloviya i kommentariyev V.N. Akulinin. – Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-niye, 1991. – 350 s.

8. Галактионов А.А., Шкандров П.Ф. Русская философия XI-XIX веков. – Л.: Наука, 1970.-651с. Galaktionov A.A., Shkandrov P.F. Russkaya filosofiya XI-XIX vekov. – L.: Nauka, 1970.-651s.

9. Достоевский Ф.М. Пушкин // Русская идея / Сост. и авт. вступ. статьи М.А.Маслин. – М.: Республика, 1992. – 496с. – С. 136-146.

Dostoyevskiy F.M. Pushkin // Russkaya ideya / Sost. i avt. vstup. stat'i M.A.Maslin. – M.: Respublika, 1992. – 496s. – S. 136-146.

10. Иванов В.Я. Религиозной дело Владимира Соловьева // Иванов В.Я. Родное и вселенское / Сост., вступ. ст. и прим. В.М.Толмачева. – М.: Республика, 1994. – 428с. (Мыслители XX века). – С.337-345.

Ivanov V.YA. Religioznoy delo Vladimira Solov'yeva // Ivanov V.YA. Rodnoye i vselenskoye / Sost., vstup. st. i prim. V.M.Tolmacheva. – M.: Respublika, 1994. – 428s. (Mysliteli XX veka). – S.337-345.

11. Кант И. Критика чистого разума // Соч. в шести томах / Под общ. Ред. В.Ф.Асмуса, А.В.Гулыги, Т.И.Ойзермана. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – 799с.

Kant I. Kritika chistogo razuma // Soch. v shesti tomakh / Pod obshch. Red. V.F.Asmusa, A.V.Gulygi, T.I.Ouzermana. T. 3. – M.: Mysl', 1964. – 799s.

12. Киреевский И.В. В ответ А.С.Хомякову // Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984. – 383с. – С.117-127.

Kireyevskiy I.V. V otvet A.S.Khomyakovu // Kireyevskiy I.V. Izbrannyye stat'i. – M.: Sovremennik, 1984. – 383s. – S.117-127.

13. Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984. – 383с. – С.238-272.

Kireyevskiy I.V. O neobkhodimosti i vozmozhnosti novykh nachal dlya filosofii // Kireyevskiy I.V. Izbrannyye stat'i. – M.: Sovremennik, 1984. – 383s. – S.238-272.

14. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984. – 383с. – С.199-238.

Kireyevskiy I.V. O kharaktere prosveshcheniya Yevropy i yego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii // Kireyevskiy I.V. Izbrannyye stat'i. – M.: Sovremennik, 1984. – 383s. – S.199-238.

15. Кошелев В.А. Парадоксы Хомякова // Хомяков А.С. Сочинения в 2 т. Т.1. – М.: Медиум, 1994. – 590с. – С.3-14.

Koshelev V.A. Paradoksy Khomyakova // Khomyakov A.S. Sochinyeniya v 2 t. T.1. – M.: Medium, 1994. – 590s. – S.3-14.

16. Лосев А.Ф. Владимир В.С. Соловьев и его время. – М.: Прогресс, 1990. – 720с.

Losev A.F. Vladimir V.S. Solov'yev i yego vremya. – M.: Progress, 1990. – 720s.

17. Лосский И.О. Вл.Соловьев и его преемники в русской религиозной философии // Путь. – 1926. – № 3. – С.11-21.

Losskiy I.O. Vl.Solov'yev i yego preyemniki v russkoy religioznoy filosofii // Put'. – 1926. – № 3. – S.11-21.

18. Лыткин В.В. Русский космизм и проблема формирования антропологического идеала в общественной мысли России на рубеже XIX – XX веков // Казанская наука. – №4. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2012. – С. 181-183.

Lytkin V.V. Russkiy kosmizm i problema formirovaniya antropologicheskogo ideala v obshchestvennoy mysli Rossii na rubezhe XIX – XX vekov // Kazanskaya nauka. – №4. – Kazan': Izd-vo Kazanskiy Izdatel'skiy Dom, 2012. – S. 181-183.

19. Лыткин В.В. Проблема влияния немецкой философии на формирование социально-антропологических идеалов русского космизма // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». Федеральный научно-практический журнал. – №5 (25). – Орел, 2012. – С. 233-237.

Lytkin V.V. Problema vliyaniya nemetskoй filosofii na formirovaniye sotsial'no-antropologicheskikh idealov russkogo kosmizma // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Novyye humanitarnyye issledovaniya». Federal'nyy nauchno-prakticheskiy zhurnal. – №5 (25). – Orel, 2012. – S. 233-237.

20. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – 700с.

Mankheym K. Diagnost nashego vremeni. – M.: Yurist, 1994. – 700s.

21. Мочульский К.В. Владимир Соловьев: Жизнь и учение //Соловьев Вл.С: pro et contra / Сост., вступ. статья и примечания В.Ф.Бойкова. – СПб.: РХГИ, 2000. – 896с. – С.556-829.

Mochul'skiy K.V. Vladimir Solov'yev: Zhizn' i ucheniye //Solov'yev Vl.S: pro et contra / Sost., vstup. stat'ya i primechaniya V.F.Boykova. – SPb.: RKHGI, 2000. – 896s. – S.556-829.

22.Новгородцев П.И. Об общественном идеале / Сост., вступит, статья А.В.Соболева. – М: Пресса, 1991. – 638с.

- Novgorodtsev P.I. Ob obshchestvennom ideale / Sost., vstupit, stat'ya A.V.Soboleva. – M: Pressa, 1991. – 638s.
- 23.Новиков А.А. О парадоксах идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия. М.: РОССПЭН, 1996. – 302с. – С.136-155.
- Novikov A.A. O paradoksakh ideala // Ideal, utopiya i kriticheskaya refleksiya. M.: ROSSPEN, 1996. – 302s. – S.136-155.
- 24.Письмо Вл.Соловьева к Л. Толстому. О воскресении Христа // Путь. – 1926. № 5. – С.75-77. Pis'mo Vl.Solov'yeva k L. Tolstomu. O voskresenii Khrista // Put'. – 1926. № 5. – S.75-77.
- 25.Самарин Ю.Ф. Предисловие // Хомяков А.С. Сочинения богословские. – СПб: Наука, 1995. – 479с. – С. 5-39.
- Samarin YU.F. Predisloviye // Khomyakov A.S. Sochineniya bogoslovskiye. -SPb: Nauka, 1995. – 479s. – S. 5-39.
- 26.Сербиненко В.В. Владимир Соловьев: Запад, Восток и Россия: Учебное пособие для вузов. – М.: Наука, 1994. – 205с.
- Serbinenko V.V. Vladimir Solov'yev: Zapad, Vostok i Rossiya: Uchebnoye posobiye dlya vuzov. – M.: Nauka, 1994. – 205s.
- 27.Соловьев В.С. Еврейство и христианский вопрос // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. / Сост., подготовка текста и примечания Н.В. Котрелева и Е.Б. Рашковского. – М.: «Правда», 1989. – 687с.
- Solov'yev V.C. Yevreystvo i khristianskiy vopros // Solov'yev V.C. Sochineniya v 2 t. T. 1. / Sost., podgotovka teksta i primechaniya N.V. Kotreleva i Ye.B. Rashkovskogo. – M.: «Pravda», 1989. – 687s.
28. Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения / Сост., вступ. ст., коммент. Н.И.Цимбаева. – М.: Современник, 1991. – 525с. С.236-182.
- Solov'yev V.C. Zhiznennaya drama Platona // Solov'yev V.C. Smysl lyubvi: Izbrannyye proizvedeniya / Sost., vstup. st., komment. N.I.Tsimbayeva. – M.: Sovremennik, 1991. – 525s. S.236-182.
- 29.Соловьев В.С. Заметка в защиту Достоевского от обвинения в «новом» христианстве // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Сост., общ. ред. и сост. А.Ф.Лосева и А.В.Гулыги. – М.: Мысль, 1990. – 822с. – (Философское наследие). – С.319-323.
- Solov'yev V.C. Zametka v zashchitu Dostoyevskogo ot obvineniya v «novom» khristianstve // Solov'yev V.C. Sochineniya v 2 t. T. 2 / Sost., obshch. red. i sost. A.F.Loseva i A.V.Gulygi. – M.: Mysl', 1990. – 822s. – (Filosofskoye naslediye). – S.319-323.
30. Соловьев В.С. Идолы и идеалы // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. / Сост., подготовка текста и примечания Н.В.Котрелева и Е.Б.Рашковского. –М.: «Правда», 1989. – 687с. – (приложение к журналу «Вопросы философии»). – С.604-637.
- Solov'yev V.C. Idoly i idealy // Solov'yev V.C. Sochineniya v 2 t. T. 1. / Sost., podgotovka teksta i primechaniya N.V.Kotreleva i Ye.B.Rashkovskogo. -M.: «Pravda», 1989. – 687s. – (prilozheniye k zhurnalu «Voprosy filosofii»). – S.604-637.
- 31.Соловьев В.С. История и будущее теократии // Соловьев В.С. Собрание сочинений: В Ют. / Под ред. и с примеч. С.М.Соловьева и Э.Л.Радлова. – 2-е изд. – СПб.: Просвещение, 1914. Т. 4. – 656с. – С.243-633.
- Solov'yev V.C. Istoriya i budushchnost' teokratii // Solov'yev V.C. Sobraniye sochineniy: V Yut. / Pod red. i s primech. S.M.Solov'yeva i E.L.Radlova. – 2-ye izd. – SPb.: Prosveshcheniye, 1914. T. 4. – 656s. – S.243-633.
- 32.Соловьев В.С. Красота в природе // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Сост., общ. ред. и сост. А.Ф.Лосева и А.В.Гулыги. – М.: Мысль, 1990. –822с. – (Философское наследие). – С.351-389.
- Solov'yev V.C. Krasota v prirode // Solov'yev V.C. Sochineniya v 2 t. T. 2 / Sost., obshch. red. i sost. A.F.Loseva i A.V.Gulygi. – M.: Mysl', 1990. -822s. – (Filosofskoye naslediye). – S.351-389.
- 33.Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Сост., общ. ред. и сост. А.Ф.Лосева и А.В.Гулыги. – М.: Мысль, 1990. – 892с. – (Философское наследие). – С.581-756.
- Solov'yev V.C. Kritika otvlechennykh nachal // Solov'yev V.C. Sochineniya v 2 t. T. 1 / Sost., obshch. red. i sost. A.F.Loseva i A.V.Gulygi. – M.: Mysl', 1990. – 892s.
- 34.Соловьев В.С. Мнимая критика. Ответ Б.Н. Чичерину // Философские науки. – 1990. № 3. – С.74-87.
- Solov'yev V.C. Mnimaya kritika. Otvet B.N. Chicherinu // Filosofskiye nauki. – 1990. № 3. – S.74-87.
- 35.Соловьев В.С. О подделках // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. / Сост., подготовка текста и примечания Н.В.Котрелева и Е.Б.Рашковского. –М.: «Правда», 1989. – 687с. – (приложение к жжфналу «Вопросы философии»). – С.305-316.
- Solov'yev V.C. O poddelkakh // Solov'yev V.C. Sochineniya v 2 t. T. 1. / Sost., podgotovka teksta i primechaniya N.V.Kotreleva i Ye.B.Rashkovskogo. -M.: «Pravda», 1989. – 687s. – (prilozheniye k zhjfnalu «Voprosy filosofii»). – S.305-316.

36. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 21 Сост., общ. ред. и сост. А.Ф.Лосева и А.В.Гулыги. – М.: Мысль, 1990. – 822с. – (Философское наследие). – С.390-404.
Solov'yev V.C. Obshchiy smysl iskusstva // Solov'yev V.C. Sochineniya v 2 t. T. 21 Sost., obshch. red. i sost. A.F.Loseva i A.V.Gulygi. – М.: Mysl', 1990.
37. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Сост., общ. ред. и сост. А.Ф.Лосева и А.В.Гулыги. – М.: Мысль, 1990. – 892с. – (Философское наследие). – С.47-548.
Solov'yev V.C. Opravdaniye dobra // Solov'yev V.C. Sochineniya v 2 t. T. 1 / Sost., obshch. red. i sost. A.F.Loseva i A.V.Gulygi. – М.: Mysl', 1990. – 892s. – (Filosofskoye naslediyе). – S.47-548.
38. Соловьев В.С. Славянский вопрос // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. / Сост., подготовка текста и примечания Н.В.Котрелева и Е.Б.Рашковского. – М.: «Правда», 1989. – 687с. – (приложение к журналу «Вопросы философии»). – С.311-326.
Solov'yev V.C. Slavyanskiy vopros // Solov'yev V.C. Sochineniya v 2 t. T. 1. / Sost., podgotovka teksta i primechaniya N.V.Kotreleva i Ye.B.Rashkovskogo. – М.: «Pravda», 1989. – 687s. – (prilozheniye k zhurnalu «Voprosy filosofii»). – S.311-326.
39. Соловьев В.С. София // Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 2. – М.: Наука, 2000. – 394с. – С.9-161.
Solov'yev V.C. Sofiya // Solov'yev V.C. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 20 t. T. 2. – М.: Nauka, 2000. – 394s. – S.9-161.
40. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Сост., общ. ред. и сост. А.Ф.Лосева и А.В.Гулыги. – М.: Мысль, 1990. – 822с. – (Философское наследие). – С.289-323.
Solov'yev V.C. Tri rechi v pamyat' Dostoyevskogo // Solov'yev V.C. Sochineniya v 2 t. T. 2 / Sost., obshch. red. i sost. A.F.Loseva i A.V.Gulygi. – М.: Mysl', 1990. – 822s. – (Filosofskoye naslediyе). – S.289-323.
41. Соловьев В.С. Три силы // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1.1 Сост., подготовка текста и примечания Н.В.Котрелева и Е.Б.Рашковского. – М.: «Правда», 1989. – 687с. – (приложение к журналу «Вопросы философии»). – С.19-31.
Solov'yev V.C. Tri sily // Solov'yev V.C. Sochineniya v 2 t. T. 1.1 Sost., podgotovka teksta i primechaniya N.V.Kotreleva i Ye.B.Rashkovskogo. – М.: «Pravda», 1989. – 687s. – (prilozheniye k zhurnalu «Voprosy filosofii»). – S.19-31.
42. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. / Сост., подготовка текста и примечания Н.В.Котрелева и Е.Б.Рашковского. – М.: «Правда», 1989. – 735с. – (приложение к журналу «Вопросы философии»). – С.5-172.
Solov'yev V.C. Chteniya o Bogochelovechestve // Solov'yev V.C. Sochineniya v 2 t. T. 2. / Sost., podgotovka teksta i primechaniya N.V.Kotreleva i Ye.B.Rashkovskogo. – М.: «Pravda», 1989. – 735s. – (prilozheniye k zhurnalu «Voprosy filosofii»). – S.5-172.
43. Трубецкой Е.Н. Мирозерцание Вл.С. Соловьева. Т. 1. – М.: Медиум, 1995. – 604с. – (приложение к журналу «Вопросы философии»).
Trubetskoy E.N. Mirsozertsaniye V.I.S. Solov'yeva. T. 1. – М.: Medium, 1995. – 604s. – (prilozheniye k zhurnalu «Voprosy filosofii»).
44. Федотов Г.П. Об антихристовом добре // Путь. – 1926. № 5. – С.42-50.
Fedotov G.P. Ob antikhristovom dobre // Put'. – 1926. № 5. – S.42-50.
45. Флоровский Г.П. Метафизические предпосылки утопизма // Георгий Флоровский Из прошлого русской мысли. – М.: «Аграф», 1998. – 432с. – (серия «Путь к очевидности»). – С.265-292.
Florovskiy G.P. Metafizicheskiye predposylki utopizma // Georgiy Florovskiy Iz propshogo russkoy mysli. – М.: «Agraf», 1998. – 432s. – (seriya «Put' k ochevidnosti»). – S.265-292.
46. Хомяков А.С. Письма к В.Пальмеру (X-XII) // Хомяков А.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Медиум, 1994. – 477с. – С.244-308.
Khomyakov A.C. Pis'ma k V.Pal'meru (X-XII) // Khomyakov A.C. Sochineniya v 2 t. T. 2. – М.: Medium, 1994. – 477s. – S.244-308.
47. Хомяков А.С. Церковь одна // Хомяков А.С. Сочинения богословские. – СПб: Наука, 1995. – 479с. – С.39-57.
Khomyakov A.C. Tserkov' odna // Khomyakov A.C. Sochineniya bogoslovskiyе. – SPb: Nauka, 1995. – 479s. – S.39-57.
48. Шапошников Л.Е. Философия соборности: Очерки русского самосознания. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996. – 200с.
Shaposhnikov L.Ye. Filosofiya sobornosti: Ocherki russkogo samosoznaniya. – SPb.: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 1996. – 200s.
49. Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма // Сочинения в двух томах / Сост., ред. изд., вступ. статья А.В. Гулыги. Т.1. – М.: Мысль, 1987. – 637с.
Shelling F.V.Y. Sistema transtsendental'nogo idealizma // Sochineniya v dvukh tomakh / Sost., red. izd., vstup. stat'ya A.V. Gulygi. T.1. – М.: Mysl', 1987. – 637s.

УДК 159.923

ЭТИКА CONTRA ИДЕОЛОГИЯ: ОПЫТ СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ**ETHICS CONTRA IDEOLOGY: THE EXPERIENCE OF SOVIET PHILOSOPHY****А.В. Ляхов****A.V. Lyahov**

*Воронежский государственный университет, Россия, 394006, г. Воронеж, Университетская площадь, 1
Voronezh State university, 1 University Square, Voronezh, 394006, Russia*

E-mail: ier-andrey.phyus@yandex.ru

Ключевые слова: этика, философия, идеология, советская культура, человек, экзистенциальная рефлексия.
Key words: Ethics, philosophy, ideology, Soviet culture, human being, existential reflection.

Аннотация. В статье анализируется «этический субстрат» советской философии, который менее всего был подвергнут диктату официальной идеологии, сохранив универсальные духовные принципы. В качестве примера берутся воззрения Г. С. Батищева, Н. Н. Трубникова, А. Н. Чанышева, на основании чего делается вывод о том, что этический дискурс советской неофициальной философии сохранил преемственность с традициями отечественной нравственной философии. Неидеологическая этика дала образец экзистенциальной рефлексии над фундаментальными смыслами человеческого бытия.

Resume. The article analyzes the "ethical substratum" of Soviet philosophy, which is less likely been subjected to the dictates of the official ideology, maintaining universal spiritual principles. As an example, taken the views of G.S. Batishchev, N.N. Trubnikov, A.N. Chanishev, on what basis it is concluded that the ethical discourse of Soviet unofficial philosophy has kept continuity with the traditions of Russian moral philosophy. Nonideological Ethics gave a sample of existential reflection on the fundamental meaning of human existence.

Советская культура вызывает сегодня значительный исследовательский интерес. Многие стереотипы относительно советской идеологии сами становятся идеологиями. Во многом это объясняется изменением исследовательской стратегии советского прошлого. Современный взгляд на опыт прошлых культурных эпох отличается большей открытостью, стремлением объективно оценить «темные» моменты истории. В этом контексте представляется важным выявление «фундаментальных параметров» советской культуры, имеющих перспективу развития в современной России. Общее изменение этой исследовательской стратегии фиксируют Н. А. Купина и О. А. Михайлова в предисловии к монографии «Советское прошлое и культура настоящего»: «Если для 1990-х годов прошлого века были характерны прямые идеологические, языковые поведенческие, эстетические конфронтации с советским опытом, примеривание альтернативных моделей, то в 2000-х годах происходит более сложное взаимодействие новых общественных и идеологических структур. ...Российская культура новейшего времени формируется на фоне рефлексивного переосмысления традиционной русской культуры, советского наследия и активного освоения ценностей западного мира» [Советское прошлое и культура..., 7].

Явная конфронтация с советским опытом соседствует с его недооценкой. Особенно это касается философии и культуры. Говоря о Серебряном Веке, С. С. Хоружий пишет, что «...этот мир талантлив и ярк, увлекателен и красив, и особенно – в сравнении с тем, что в России пришло на смену» [Хоружий, 25]. Думается, что известный исследователь исихастской традиции не совсем справедлив по отношению к советскому периоду советской истории и культуры, и в нем также было много «талантливое и яркое, увлекательное и красивое». Нужно конечно согласиться с тем, что идеологизация науки, философии и культуры в советский период достигала невероятных масштабов. Порой, казалось, что уходит элементарный здравый смысл, уступая место идеологическим штампам и конструктам. Особенно гуманитарные науки повергались сильной идеологизации: «Все гуманитарии – от лингвистов до философов – должны были вырабатывать методологические принципы своих научных дисциплин на основе марксизма-ленинизма и делали это под бременем официальных решений и постановлений выраженного политического характера» [Блажес, 221].

При этом необходимо учитывать, что данный процесс не является исключительно отечественным феноменом; он вписывается в логику *инструменталистской позиции*, сформировавшейся в общеевропейской ситуации вмешательства государственной власти в дела науки в XIX – XX вв. З. А. Сокулер отмечает: «Устанавливается утилитаристски-прагматическое представление об истине. От развития научного познания ожидают пользы, прежде всего – для укрепления военной мощи государства» [Сокулер, 168].

Можно согласиться с исследователем, что структура государственной идеологии во многом была подчинена милитаристским целям, что не исключало внутренних, сугубо идеологических установок на создание нового общества и нового человека. Этот процесс был тщательно изучен в последнее время. Особенно примечательная фигура Андрея Платонова, который наиболее сильно выразил идею нового общества, используя литературно-художественный метод. Можно сказать, что писатель также находился под действие идеологии, но его художественный мир отнюдь не бледен и не интересен, и совершенно не проигрывает по сравнению с эстетическими достижениями Серебряного века.

Нам хотелось бы выявить такой субстрат философской культуры советского периода, который не подчинился, по крайней мере, менее всего подчинился диктату официальной идеологии, сохранив универсальные духовные принципы, сохранив, тем самым духовную преемственность со всей предшествующей отечественной культурной традицией.

В качестве такого «субстрата» мы выделяем «этический дискурс» советской философии, который естественно не совпадал с марксистско-ленинской этикой. Здесь обнаруживается интересный парадокс советской этики, о котором В. В. Варава пишет следующее: «Основной парадокс советской этики заключается в том, что именно этика была наиболее сильным проводником марксистско-ленинской идеологии, задававшей основополагающую матрицу коммунистического воспитания личности. И нельзя сказать, что такая личность не состоялась. С другой стороны, именно этика, которая отошла в сторону от официальной идеологии, смогла в большей степени, чем другие разделы философии передать подлинные смыслы и ценности философии как таковой» [Варава, 122].

Официальная этика, безусловно, являлась наиболее мощным инструментом идеологической пропаганды. Философия в своей целостности была подвергнута в советскую эпоху сильным деформациям. Если смотреть на этику как на дисциплинарную часть философии, то есть как на часть, которая занималась обслуживанием идеологии в советский период, то, такой вариант этики вряд ли может отразить все многообразие духовных связей, образующих целостность культурного бытия.

Современный исследователь русской этики В. Н. Назарова выделяет следующие официально проявленные направления этической мысли в 60-80 гг.: «этический концептуализм» О. Г. Дробницкого, «нормативный структурализм» А. И. Титаренко, «этический неоспинозизм» А. Я. Мильнера-Иригина, «этоника и моралеведение», этика генетического альтруизма В. П. Эфроимсона, «этический натурализм» (Д. П. Филатов, А. А. Любищев, С. В. Мейен), «этика экзистенциального эгоизма» А. А. Зиновьева [Назаров, 224-265].

Эти направления при всей их авторитетности и значимости, все же не в полной мере выразили глубину и своеобразие нравственной рефлексии, которой отмечена неофициальная этика советского периода. Однако, нужно сказать, что и в официальных курсах этики были темы, которые для любого мыслящего человека были сигналом для самостоятельного размышления. Так, обязательно в общей структуре марксистско-ленинской этики наличествовали такие разделы как «Смысл жизни, идеал, счастье», «Страдания, смерть и бессмертие». Безотносительно к тому, каким идеологическим содержанием наполнялись данные темы, важна была сама постановка этих вопросов. И здесь проявляется двойственность и советской этики и советской культуры как таковой.

Во многом это связано с тем, что этика является одновременно наиболее сильным идеологическим инструментом, и в то же время, именно этика сильнее всего препятствует идеологизации, стремясь выразить наиболее универсальные ценности человеческой культуры. Здесь можно сослаться на А. Швейцера, максимально сблизившего этику и культуру. Примечательны идеи мыслителя, считавшего, что *этическое* является «конституирующим началом культуры», поскольку содержит в себе и подлинное рациональное начало, и идеалы [Швейцер, 65]. В этом смысле только этика может создать прочный фундамент для создания нормальных взаимоотношений с действительностью вопреки всем идеологическим наслоениям времени.

Идеи А. Швейцера получили достаточное подтверждение в истории философии и культуры. Этика, пожалуй, является наиболее инвариантным и универсальным элементом культуры. Универсальность этического коренится в «этосе», который, как показала Е. Анчел, имеет общечеловеческий характер, поскольку содержит в себе *традиции человеческой общности*, имеющие исторически неизменное содержание. Сила этоса как нравственного миропорядка в том, что он, даже в скрытом виде продолжает властвовать и управлять и невозможно прекратить ни его существование, ни его деятельность. Выявляя этос в его невидимом, скрытом состоянии, философ пишет: «...предполагается, что существует нечто большее, чем мораль всех времен, что это «нечто», потенциально заложено в каждом человеке. Другими словами, предполагается, что в каждом человеке, в людях вообще изначально задана возможность этоса» [Анчел, 16].

Универсальный характер этических ценностей объясняется еще и тем, что именно этика формирует то, без чего невозможна никакая социальная организация, поскольку «традиции человеческой общности» образуют основу социального как такового. Этика формирует систему ценностей и

идеалов, являющихся первоэлементами социального бытия. И в этом смысле, идеология ориентируется на этику, в тоже время именно в ней находит свое поражение.

Этика, таким образом, обладает способностью синтезировать различные элементы культуры, образующие в конечном счете ее ценностно-смысловое единство, ее дух и стиль. В этом смысле постичь своеобразие советской культуры значит реконструировать ее этический пласт. Свообразие отечественной этики, по словам В. Н. Назарова: «выразилось, прежде всего, в ее глубинной *мировоззренческой ориентированности*. Речь идет не просто о морально-ценностном начале, присущем различным типам мировоззрений, в особенности религиозно окрашенным, но о фундаментальной укорененности этики в системе мировоззрения» [Назаров, 8].

Каким же образом этический дискурс советской философии противостоял дискурсу власти официальной идеологии? Для этого найти общее с предшествующей религиозно-философской традицией. Сложность здесь в том, что досоветский период преимущественно религиозен, в то время как советский – явно атеистичен. Несмотря на это, можно обнаружить общие фундаментальные экзистенциальные смыслы, присущие обоим периодам. Хранителем и носителем этих экзистенциальных смыслов является этика.

Обратимся к некоторым, с нашей точки зрения, наиболее характерным примерам. В работах Г. С. Батищева представлена фундаментальная философская рефлексия над предельными смыслами жизни и смерти. Этическая доминанта прорывается через груз идеологических напластований. Философ обращается к теме «духовной смерти» как «эгоистической самопотери» личности. Диалектика творчества апеллирует к наиболее мировоззренчески ответственным категориям, которые определяют достойное место человека во Вселенной. Этим местом оказывается «вовсе не некое неподвижной *Точкой*, не Вершиной, но незавершимым *путем* вглубь неисчерпаемой и беспредельной своими богатствами объективной диалектики, царящей во всей Вселенной» [Батищев, 122].

Эта принципиальная открытость и незавершенность человека, взывающая к его непрестанному нравственному росту и самосовершенствованию, противопоставляет догматической окончательности идеологической доктрины.

Особое место принадлежит работе Н. Н. Трубникова «Притча о Белом Ките». Это эссе – образец высочайшей экзистенциальной рефлексии. Очень важно, что философу свойственна острая экзистенциальная напряженность над смертью: «наша собственная смерть ... ставит нас перед проблемой, труднее и главнее которой для нас быть не может» [Трубников, 64].

Такая постановка вопроса явно противоречит официальной идеологии, для которой смерть вовсе не проблема. Здесь же мы видим явное заострение духовной проблематики и попытку вернуть теме смертного человека ее исконный философский статус. Это соответствует общей этикоцентричной направленности русской мысли, которая всегда остро ставило проблему человеческой смерти.

В этом контексте представляют интерес философские построения А. Н. Чанышева, изложенные в его «Трактате о небытии», которые казались бы вписывающимися в «диаматиовский дискурс» диалектике бытия и небытия, в тоже время явно выходят за его пределы, поскольку в пространство неумолимых диалектических законов попадает живой конкретный человек. Поэтому возникают такие ощущения: «Небытие повсюду и всегда: в дыхании, в пении соловья, в лепете ребенка ... Оно – сама жизнь!» [Чанышев, 162]. «Человек приходит из небытия и уходит в небытие, так ничего и не поняв» – таковы заключительные слова этого с своей сути апофатического трактата, который находится вне всякой связи с официальной идеологией. Здесь возникает ощущение философской тайны, пронизывающей человеческое бытие, которые далеко выходит за всякие идеологические конструкции.

Говоря о философии советского периода, очевидно, необходимо выделять две этики – этику официальную и проекции этики в культуре. Тема пребывания человека в бытии, сопровождаемая острой смысловозженной рефлексией, вызванной конечностью человеческого существования, такова этическая установка отечественной философии, в полной мере проявившаяся и в советский период, сохранившей преемственность и целостность отечественной культуры как таковой. «Этический дискурс советской культуры, проявившейся в экзистенциальной рефлексии над темой о человеке, – отмечает В. В. Варава, – сохраняет преемственность с традициями отечественной нравственной философии, которая религиозно осмыслила человека во всей полноте и глубине. Идеология официального атеизма парадоксальным образом способствовала углублению этической рефлексии над человеческим существованием, которое, оказавшись лишены религиозной санкции и поддержки, вынуждено было обретать подлинное нравственное достоинство из глубин самого бытия» [Варава, 19].

Таким образом, представленные философские идеи Г. С. Батищева, Н. Н. Трубникова, А. Н. Чанышева являются наиболее показательными, поскольку в них осуществляется связь с предшествующей традицией нравственно-религиозных исканий. Эти воззрения далеко не единичным. Многие философы советского периода (В. Н. Шердаков, Н. Д. Зотов-Матвеев, В. П. Фетисов и др.) в своих построениях не следовали официальным установкам идеологии, но стремились сохранить подлинный

нравственный импульс философии как таковой. Это подтверждает мысль, что этика как определяющая установка отечественной философии развивалась и благодаря и вопреки существующим идеологическим канонам, способствуя сохранению наиболее важных духовных тем о человеке и его бытии.

Список литературы References

1. Анчел Е. Этнос и история. – М.: Мысль, 1988. – 126 с.
Anchel Ye. Etos i istoriya. – M.: Mysl', 1988. – 126 s.
2. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. – СПб.: РХГИ, 1997. – 464 с.
Batishchev G.S. Vvedeniye v dialektiku tvorchestva. – SPb.: RKhGI, 1997. – 464 s.
3. Блажес В.В. Советская идеология и фольклор // Вестник научной сессии факультета философии и психологии. ВГУ. Воронеж: ВГУ, 2010. Вып. 11. – С. 220-235.
Blazhes V.V. Sovetskaya ideologiya i fol'klor // Vestnik nauchnoy sessii fakul'teta filosofii i psikhologii. VGU. Voronezh: VGU, 2010. Vyp. 11. – S. 220-235.
4. Варава В.В. Этический дискурс советской культуры и вопрос о ценностно-смысловом единстве отечественной философии // Советское прошлое и культура настоящего: монография : в 2 т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 1. – С. 15-20.
Varava V.V. Eticheskiy diskurs sovetskoj kul'tury i vopros o tsennostno-smyslovom yedinstve otechestvennoy filosofii // Sovetskoye proshloye i kul'tura nastoyashchego: monografiya : v 2 t. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2009. T. 1. – S. 15-20
5. Варава В.В. Парадоксы советской этики // Вестник научной сессии факультета философии и психологии. ВГУ. Воронеж: ВГУ, 2010. Вып. 11. – С. 118-123.
Varava V.V. Paradoksy sovetskoj etiki // Vestnik nauchnoy sessii fakul'teta filosofii i psikhologii. VGU. Voronezh: VGU, 2010. Vyp. 11. – S. 118-123.
6. Назаров В.Н. История русской этики. – М.: Гардарики, 2006. – 319 с.
Nazarov V.N. Istoriya russkoj etiki. – M.: Gardariki, 2006. – 319 s.
7. Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: РХГИ, 2001. – 240 с.
Sokuler Z.A. Znaniye i vlast': nauka v obshchestve moderna. – SPb.: RKhGI, 2001. – 240 s.
8. Советское прошлое и культура настоящего: монография : в 2 т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 1. – 244 с.
Sovetskoye proshloye i kul'tura nastoyashchego: monografiya : v 2 t. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2009. T. 1. – 244 s.
9. Трубников Н.Н. О смысле жизни и смерти / Н.Н. Трубников. – М.: РОССПЭН, 1996. – 383 с.
Trubnikov N.N. O smysle zhizni i smerti / N.N. Trubnikov. – M.: ROSSPEN, 1996. – 383 s.
10. Хоружий С.С. Опыты из русской духовной традиции. М.: Издательский дом «Парад», 2005. – 448 с.
Khoruzhiy S.S. Opyty iz russkoj dukhovnoy traditsii. M.: Izdatel'skiy dom «Parad», 2005. – 448 s.
11. Чанышев А.Н. Трактат о небытии / А.Н. Чанышев // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 158-166.
Chanyshev A.N. Traktat o nebytii / A.N. Chanyshev // Voprosy filosofii. – 1990. – № 4. – S. 158-166.
12. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992. – 576 с.
Shveytser A. Blagogoveniye pered zhizn'yu. – M.: Progress, 1992. – 576 s.

УДК 130.3

Л.Н. ТОЛСТОЙ: НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ**L. TOLSTOY MORAL FOUNDATIONS OF CULTURE****Е.Д. Мелешко, И.А. Рождественская**
Ye.D. Meleshko, I.A. Rozhdestvenskaya*Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 300026, Тула, пр. Ленина, 125*
*Tula State Pedagogical University of L.N. Tolstoy, 125 Lenina St, Tula, 300026, Russia**E-mail: phileo@tspu.tula.ru*

Ключевые слова: культура, цивилизация, массовая культура, культурный симулякр, поддельное искусство, религиозный тип культуры, любовь как центральное понятие религиозного искусства.

Key words: culture, civilization, popular culture, cultural simulacrum, fake art, religious type of culture, love as the central concept of religious art.

Аннотация. В статье представлена модель культуры в творчестве Л.Н. Толстого, представляющего собой религиозно-нравственный тип культуры, в основе которого – подлинность художественного идеала, искренность, чистота и гармония как выражение духовных смыслов подлинного искусства. В статье анализируется критика Толстым современной массовой культуры как выражения поддельного искусства, культурного симулякра.

Resume. The article presents a model of culture in the work of L. Tolstoy, which is a religious and moral type of culture, based on – the authenticity of the artistic ideal, sincerity, purity and harmony as an expression of the spiritual meanings of true art. The article analyzes the criticism of Tolstoy modern mass culture as an expression of counterfeit art, cultural simulacrum.

Критика массовой культуры. Толстой был один из мыслителей, который в начале прошлого XX столетия раскрыл истоки смыслов современной массовой культуры, назначение которой, по его мнению, создает суррогаты искусства и науки, или, так называемое, «поддельное искусство». Подделываясь под истинное искусство, массовая культура создает культурный симулякр, в основе которого дешевые эффекты, отсутствие духовного смысла, искренности. Именно поэтому Толстой использует такие определения современного искусства как «поддельное искусство», «безразличное искусство», «продажное искусство» и т.д. В этом смысле Толстой был один из первых мыслителей, который уловил процессы перерождения культуры в цивилизацию. В своей статье «Что такое искусство?» он обнаруживает черты перерождения культуры в цивилизацию: профанирование ценностей, массовое тиражирование предметов искусства, отсутствие личностного начала в искусстве, подчинение творчества материальным целям и т.д.

Толстой связывает истоки поддельного искусства, прежде всего, с тем, что оно опирается на низменные инстинкты человека, ориентировано не на высшие идеалы, а на потребительские интересы как создателя так и общества: «производству в нашем обществе предметов поддельного искусства, – подчеркивает он, – содействуют три условия...: 1) значительное вознаграждение художников за их произведения и потому установившаяся профессиональность художника, 2) художественная критика и 3) художественные школы».

Смысл поддельного искусства, как культурного симулякра, состоит, по мнению мыслителя, в подмене религиозного назначения искусства, которое определяется подменой истинной цели – вызывать духовный катарсис, а не дешевое наслаждение, которое связано с социальным разделением: «Пока искусство не раздвоилось, а ценилось и поощрялось одно искусство религиозное, безразличное же искусство не поощрялось, – до тех пор вовсе не было подделок под искусство; если же они были, то, будучи обсуживаемы всем народом, они тотчас же отпадали. Но как только совершилось это разделение и людьми богатых классов было признано хорошим всякое искусство, если только оно доставляет наслаждение, и это искусство, доставляющее наслаждение, стало вознаграждаться больше, чем какая-либо другая общественная деятельность, так тотчас же большое количество людей посвятило себя этой деятельности, и деятельность эта приняла совсем другой характер, чем она имела прежде, и стала профессией. А как только искусство стало профессией, то значительно ослабилось и отчасти уничтожилось главное и драгоценнейшее свойство искусства – его искренность».

Современное массовое искусство уродует природу, деформирует социальную и нравственную жизнь людей. Суррогатное искусство лишено культурного смысла, демонстрируя отсутствие религиозно-нравственного чувства, искренность, оно склонно к подражательности, занимательности, к дешевым эффектам и манифестации. Отличие суррогатного искусства от истинного, по мнению Толстого, в том, что истинное искусство создавалось творцами, подобными «пророкам еврейским, сочи-

телям псалмов, Франциску Ассизскому, сочинителю Илиады и Одиссеи, всех народных сказок, легенд, песен», истоки творчества которых обусловлено свободной волей творца, «не только не получившими никакого вознаграждения за свои произведения, но даже не связывавшими с ними своего имени» [Толстой: Что такое искусство, 137].

Достоинство искусства его **ценность** определяется **религиозностью**, которое благодаря творческой способности создателя выражает культурные смыслы *высшего абсолютного идеала*, изображенные с чувством глубокой искренности, ведь «религиозное сознание в обществе все равно, что направление текущей реки. Если река течет, то есть направление, по которому она течет. Если общество живет, то есть религиозное сознание, которое указывает то направление, по которому более или менее сознательно стремятся все люди этого общества».

Определяя достоинство искусства, Л.Н.Толстой подчеркивает, что «в каждое данное историческое время и в каждом обществе людей существует высшее, до которого только дошли люди этого общества, понимание смысла жизни, определяющее высшее благо, к которому стремится это общество. Понимание это есть религиозное сознание известного времени и общества. Религиозное сознание это бывает всегда ясно выражено некоторыми передовыми людьми общества и более или менее живо чувствуемо всеми. Такое религиозное сознание, соответствующее своему выражению, всегда есть в каждом обществе. Если нам кажется, что в обществе нет религиозного сознания, то это кажется нам не оттого, что его действительно нет, но оттого, что мы не хотим видеть его. А не хотим мы часто видеть его оттого, что оно обличает нашу жизнь, несогласную с ним» [Толстой: Так что же нам делать?, 159].

Лев Толстой убежден, что «религиозное сознание всегда было и есть в каждом обществе. И соответственно этому религиозному сознанию всегда и оценивались чувства, передаваемые искусством. Только на основании этого религиозного сознания своего времени всегда выделялось из всей бесконечно разнообразной области искусства то, которое передает чувства, осуществляющие в жизни религиозное сознание данного времени, такое искусство всегда высоко ценилось и поощрялось; искусство же, передающее чувства, вытекающие из религиозного сознания прежнего времени, отсталое, пережитое уже, всегда осуждалось» [Толстой: Так что же нам делать?, 159].

Пафос отрицания Л.Н. Толстым искусства, как части утилитаристской культуры и цивилизации связан не с отрицанием искусства вообще, а с тем, что такого рода искусство не выражает его *подлинного* культурного значения, которое должно быть, по мнению мыслителя, средством *духовного* преобразования личности. «Я не только не отрицаю науку и искусство, – пишет он, – но я только во имя того, что есть истинная наука и истинное искусство, и говорю то, что я говорю; только для того, чтобы была возможность человечеству выйти из того дикого состояния, в которое оно быстро впадает, благодаря ложному учению нашего времени, только для этого я и говорю то, что я говорю» [Толстой: Так что же нам делать?, 161]. Именно духовное преобразование личности должно стать *целью* искусства и *культурного делания* художника как провозвестника подлинной культуры. Критика Толстым массовой культуры, которая парадоксальна именно тем, что она в своем религиозно-моралистическом отрицании отвергает творения Рафаэля, Шекспира и т.д., тем не менее, представляет собой *модель религиозного типа культуры*.

Религиозный тип культуры Л.Н. Толстого в литературе обозначен как: *переход от язычества к христианству* (В.В.Розанов); [Розанов: 230] *возврат к язычеству* (И.М. Концевич) [Концевич: 4]; *радикальное христианство* (Р. Нибур) [Концевич: 4]; *теократизм* (С.Н. Булгаков, В. Зеньковский), обнаруживает глубокую и коренную связь толстовского мировоззрения с Православием, констатирует позитивную наличность этой связи в «возврате к религиозной культуре, имеющей дать синтез исторической стихии и вечной правды, раскрыть в земной жизни Царство Божие». При этом согласно Зеньковскому, «теократическая идея у Толстого решительно и категорически чужда моменту этатизма (столь типичному в течениях Запада). Толстой, – пишет Зеньковский, – отвергал Церковь в ее исторической действительности, но *он только Церкви и искал*, искал «явленного» Царства Божия, Богочеловеческого единства и вечного и временного» [Зеньковский; 208].

Религиозный тип культуры Л.Н. Толстого как аскетический тип (В. Иванов, С.Н. Булгаков) обнаруживает такие характерные черты как *универсальная проверка ценностей* через отказ от всех культурных ценностей *критика цивилизации*, «*рационализм иррационального*», который реализуется в критике церковных институтов и христианской догматики; *моральный утилитаризм*, проявляющийся в хозяйственной и нравственной деятельности (моральное самосовершенствование). «Нравственную и религиозную основу культурного делания, содержит в себе отказ от всех культурных ценностей производного, условного или иррационального порядка; он неизбежно приводит к попытке подчинить моральному утилитаризму инстинкт, игру и произвол творчества, и зиждется он на глубоком недоверии к природному началу, на неверии в мировую душу, на механическом представлении о

природе, хотя и склонен указывать на преимущество жития "сообразно с природой", стремясь утвердить этим тождество "насущенного" с "полезным" и нравственно-правовым» [Иванов: 280].

С.Н. Булгаков считает, что религиозный тип культуры Л.Н. Толстого представляет собой ценность только потому, что в ней был отражен аскетизм как «нерв» и содержание христианства: «Огромное значение толстовства как мировоззрения аскетического состоит в обострении этой проблемы, заглохшей в общественном сознании в наш век утилитаризма, эвдемонизма и материализма. В этом пункте толстовство, по-видимому, наиболее сближается с христианством, притязая быть подлинным, очищенным от исторических наростов христианским учением, но в нем же оно глубоко отличается от христианства, несмотря на всю видимость этого сближения. Провести разграничительную линию между толстовством и христианством в этом вопросе представляется делом далеко не легким. Вместе с тем с этим учением неразрывно связан огромной важности вопрос о религиозной ценности культуры. Вот почему учение об опрощении мы считаем самой важной и интересной стороной мировоззрения Толстого, нервом всего его религиозного дела» [Булгаков: 282]. В то же самое время С.Н. Булгаков, что опрощение Л.Н. Толстого «получает огромное и совершенно самостоятельное значение – оно притязает быть единственным разрешением проблемы культуры. Аскетизм подменяется, таким образом, физиократизмом. Критика современной цивилизации, содержащаяся в этом учении, имеет огромное и притом чисто культурное значение..., ибо религиозная критика цивилизации есть истинно культурное деяние. Это уже не опрощение (о каком опрощении можно говорить мировому писателю, каждое слово которого по телеграфу, телефону, почте распространяется в отдаленные концы мира), это есть критика гнилой, негодной, мещанской культуры во имя идеала истинной, высокой духовной культуры. Ведь Толстой, громя культуру, в действительности громит буржуазность этой культуры, и эта отрицательная сторона гораздо существеннее в этой критике, нежели прямые его утверждения культурно-нигилистического характера» [Булгаков: 282].

Выводы: Искусство является частью философии культуры, отражая *эстетические положения позиций* Л.Н. Толстого. Понимание целей и задач подлинного искусства, его места и назначения в культуре связано с *критикой Толстым современного искусства*. Критикуя современную цивилизацию, мыслитель выделяет ее главные характеристики в *социально-культурном (разделение труда, специализация, эксплуатация, прогресс, наука),* и в *религиозно-нравственном (бездуховность, отсутствие совести, потребительская мораль, стремление к наслаждению и подчинение всех видов деятельности данной ценности)* аспектах. В социально-экономическом плане Л. Н. Толстой выделяет такие характерные черты как *утилитаризм,* в религиозно-нравственном – *безрелигиозность и насилие.* *Критика Л.Н. Толстым современного искусства* концентрируется в следующих положениях: а) критика условности искусства; б) отсутствие в искусстве подлинности художественного и духовного выражения; в) стандартизация искусства; г) потребительский характер современного искусства. Толстой подчеркивает, что искусство выполняет задачи современной потребительской и утилитарной культуры и цивилизации, в нем отсутствует идеал духовного и нравственного преобразования человека.

3) Критика современного искусства приводит Л.Н. Толстого к построению *эстетической системы,* в которой: а) достоинство искусства, его **ценность** определяется **религиозностью,** стремлением к абсолютному идеалу, который художник изображает с чувством глубокой искренности:

4) Главной ценностью культуры является, по мнению Л.Н. Толстого, – *понятие любви,* в основе которого – принцип непротивления. Именно эти духовные понятия определяют смысл культурного и нравственного делания и являются теми *духовными скрепками,* которые скрепляют человеческую культуру, определяя ее божественное и гуманистическое значение.

4) Культура, в основе которой проявление духовности и нравственности противостоит, по мнению мыслителя, современной цивилизации, в которой царствуют идеалы насилия. Культура насилия связана с желанием обладания и удовольствия, что, в свою очередь, порождено, по мнению мыслителя, человеческим эгоизмом и жадностью, стремлением к наслаждениям.

5) критикуя утилитаризм современной ему цивилизации, Л.Н. Толстой приходит к идее *морального утилитаризма.* Моральный утилитаризм в философии культуры мыслителя связан с рационализмом и идеей нравственного опрощения. Моральный утилитаризм Толстого определяется тем, что культура должна быть ориентирована, прежде всего, на нравственные ценности.

Список литературы References

1. Толстой Л.Н. Что такое искусство? Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 24 томах. М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1913. Т.20.

Tolstoy L.N. Chto takoye iskusstvo? Tolstoy L.N. Polnoye sobraniye sochineniy v 24 tomakh. M.: Izdaniye T-va I.D. Sytina, 1913. T.20.

2. Толстой Л.Н. Так что же нам делать? Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 24 томах. М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1913. Т. 17.

Tolstoy L.N. Tak chto zhe nam delat'? Tolstoy L.N. Polnoye sobraniye sochineniy v 24 tomakh. M.: Izdaniye T-va I.D. Sytina, 1913. T. 17.

3. Бердяев Н.А. О религиозном значении Льва Толстого // Вопросы литературы, 1989, №4. С. 269-274.

Berdyayev N.A. O religioznom znachenii L'va Tolstogo // Voprosy literatury, 1989, №4. S. 269-274.

4. Булгаков С.Н. Простота и опрощение. // Лев Толстой: pro et contra.СПб., 2000.

Bulgakov S.N. Prostota i oproshcheniye. // Lev Tolstoy: pro et contra.SPb., 2000.

5. Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2

Zen'kovskiy V.V. Istoriya russkoj filosofii. L., 1991. T. 1. CH. 2

6. Иванов В. Толстой и культура. Лев Толстой и культура // Иванов Вяч. И. Родное и вселенское. М., 1994.

Ivanov V. Tolstoy i kul'tura. Lev Tolstoy i kul'tura // Ivanov Vyach. I. Rodnoye i vselenskoye. M., 1994.

7. Розанов В.В. Толстой между великими мира // Соб. Соч. О писателях и писательстве. М.: Республика.

Rozanov V.V. Tolstoy mezhdru velikimi mira // Sob. Soch. O pisatelyakh i pisatel'stve. M.: Respublika.

8. Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. М., Наука, 2006.

Meleshko Ye.D. Khristianskaya etika L.N. Tolstogo. M., Nauka, 2006.

9. Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райхонда Нибура. М.: Юрист, 1996.

Khristos i kul'tura. Izbrannyye trudy Richarda Nibura i Raykhonda Nibura. M.: Yurist", 1996.

УДК 371.1.07

**«ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ» И «ОБЩЕСТВО ЗНАНИЙ»:
НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ****"KNOWLEDGE ECONOMY" AND "KNOWLEDGE SOCIETY",
SOME CONTROVERSIAL ISSUES****В.И. Соловьёва, Н.Н. Шамардин
V.I. Solovyova, N.N. Shamardin**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: SolovevaLV@live.bukep.ru, shamardin_n@mail.ru

Ключевые слова: экономика знаний, общество знаний, духовное производство, наука, образование, интеллектуальная собственность.

Key words: knowledge economy, knowledge society, intellectual production, science, education, intellectual property.

Аннотация. В статье предпринят предварительный философско-методологический, науковедческий и политико-экономический анализ «экономики знаний» и «общества знаний» как культурно-цивилизационного феномена, поставлены проблемы взаимодействия технологий, экономики, «знаний политики» и духовного производства, прежде всего, науки и образования на рынке интеллектуальных услуг и производства интеллектуальных продуктов.

Resume. The article makes a preliminary philosophical and methodological, naukovedchesky and politico-economic analysis of the "knowledge economy" and "knowledge society" as a cultural and civilizational phenomenon, put the problem of interaction of technology, economy, "knowledge-policy" and spiritual production, first of all, science and education the market of intellectual services and production of intelligent products.

О преимуществах экономики и общества, основанных на знаниях, много говорить не приходится: современное общество и человек в нем становятся ареной преобразований и кардинальных перемен, связанных с революцией новых информационных и коммуникационных технологий и с основополагающей ролью «знаниевого» ресурса. Размах технологических преобразований, коснувшийся средств создания, передачи и обработки знаний, позволяет человечеству небезосновательно думать: оно стучится в дверь новой эры – эры цифрового знания. На фоне информационного века это достаточно очевидно.

Исследование проблемы «экономики знания» и «общества знания» сравнительно недавно получило свое развитие в специальной литературе. Занимая определенную междисциплинарную область в социально-гуманитарных науках и философии она носит междисциплинарный и комплексный характер.

В трудах К. Маркса берёт начало традиция социально-философского критического анализа экономических теорий в сопряжении с изменениями самого общества. Исследования социальной роли знания и науки в инновационном развитии экономики и общества впервые начаты в работах, М. Вебера, В. Зомбарта, О. Конта, К. Маркса, П.А. Сорокина и других классиков экономической теории, социально-гуманитарного знания и философии. Особое место в осмыслении проблемного поля работы занимают исследования науки и научного творчества в классической и современной социологии знания, социологии науки и образования, которые развивались в русле марксизма. Здесь наиболее значимы идеи Маркса о роли интеллектуального труда, духовного производства и науки в экономике и обществе индустриализма, развитые в русле критики феноменов отчуждения при капитализме.

Основу концепции «экономики знания» и «общества знания» составили исследования главным образом американских ученых-экономистов и социологов П. Друкера и Ф. Махлупа («экономика знания»). Так, Ф. Махлуп, изучая вопрос влияния роли знания на структуру занятости и выделяя основные тенденции развития «экономики» знаний», заявлял о наличии определенных количественных характеристиках в сфере образования для обоснования перехода к новой фазе общественного развития, качественного отличающейся от предшествующей. П. Друкер особую роль правомерно отводит сфере образования, считая его главной задачей – научить индивида учиться.

В 70-х годах XX века Д. Бэлл исследует проблематику новой социально-политической роли научного знания в экономике и процессах социальных трансформаций. В дальнейшем концепция «общества знания» получает свое развитие в работах Н. Штера, Р. Райха, П. Вайнгарта (последний автор исследует динамический рост роли и значения науки по мере становления «общества знания»).

Концепции «обучающихся обществ» и самообучающихся организаций» разрабатывали Р. Хатчесон, Т. Хусен, П. Сенге. В русле современных теорий общества знания рассматривается роль университетов в обществе нового типа (Д. Фрэнк, Дж. Майер, Г. Ицковиц и др.).

Теория, позволяющая дать качественную оценку фундаментальных следствий воздействия информации на современный мир, предложена М. Кастельсом, по мнению которого информационная эпоха порождает глобальное сетевое общество. Помимо собственно неонституционалистских экономических теорий, данное направление анализа в дальнейшем породило также и другие направления, представлены, как мы частично указали, работами Д. Белла, Дж. Гэлбрейта, У. Ростоу, О. Тоффлера, Э. Гидденса. В них социально-экономические процессы рассматриваются сквозь призму изменений, производимых экономическими системами. Институционально-антропологический подход к анализу экономических теорий реализован К. Поланьи.

В России исследования по темам «экономики знаний» и «общество знания» начались относительно недавно. В работах А.В. Бузгалина, А.И. Колганова, Б.Г. Клейнера представлен спектр вопросов на стыке экономической теории, социальной философии и философии науки. В работах Р.Н. Нуриева дается анализ проанализ развития экономических систем, их роли в жизни общества; Г.Б. Клейнером проведены исследования философско-методологических проблем институциональной экономики; В.С. Автономов рассматривает модели человека в экономической науке. Эту же проблематику развивают И.Ю. Алексеева, А.А. Гусейнов, К.Х. Делокаров, Ф.Д. Демидов, Д.В. Ефременко, В.Л. Иноземцев, В.А. Колпаков, В.С. Степин, В.Г. Федотова и др. Новые тенденции в стратегии образования в обществе знаний рассматриваются Ф.Д. Демидовым, К.А. Зуевым, И.Е. Москалевым, Е.О. Соломатиной, выявляется специфика российской модели общества знаний в сфере образования. Соотношение знаний и информации как доминанты динамики социума, инженерии знаний как фактор развития современности анализирует Е.А. Сильянов. Базовое понимание культурных трансформаций на пути к обществу знаний, дает концепция техногенной цивилизации В.С. Степина.

Проблема «общества знания» вышла на уровень международных форумов: ООН свой традиционный доклад «О развитии человеческого потенциала в России» посвятила рассмотрению темы «На пути к обществу, основанному на знаниях». Этой проблематике посвящен и Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знания». В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года» в качестве приоритетных выделены сферы профессионального образования и российской науки.

Мы обратились также к основным концепциям «общества знания» в современной социальной теории [24], в которых освещаются целый ряд аспектов: практическая реализация идеала «общества знаний» в сферах науки, образования, культуры; проблемы развития человеческого потенциала; качественные характеристики социальных трансформаций; научно-техническая политика; информационное пространство РАН как интегрированная профессионально-интеллектуальная среда. Особое внимание уделяется роли и месту представлений об обществе знания в ряду теорий модернизации (К.Х. Делокаров, Г. Бехманн, Д.В. Ефременко, И.Е. Москалёв, В.Г. Горохов, М.Е. Соколова и др.).

Проведенное нами исследование проблем позволило нам подвести определенные итоги и сформулировать некоторые выводы.

Первая группа выводов связана с аналитикой концепта «общество знаний» с позиции его философско-методологической критики и интерпретации как сложного и многомерного культурно-исторического феномена, в ходе чего было выявлено следующее. В фокус исследовательского интереса многих зарубежных и отечественных авторов попадает парадигма «общества знаний», от оригинальных историко-философских концепций второй половины XX в. до интегрального понимания «общества знаний» как современного этапа общественного развития, характеризующего переход к новой форме постиндустриального общества, где доминирующей ценностью, экономической и ресурсной, становится «знание» как таковое.

Критический обзор теорий, объясняющих общество знания показал, во-первых, что в современных теориях информационного общества просматривается большое разнообразие в подходах к его определению. Классификацию точек зрения обобщил английский исследователь Ф. Узбстер в работе «Теории информационного общества». Представленный им спектр трактовок включает: постиндустриальное общество (Д. Белл), постфордизм и информационная инфраструктура (Р. Райх), информационный капитализм и сетевое предпринимательство (М. Кастельс), корпоративный и потребительский капитализм (Г. Шиллер), управление с помощью информации (Ю. Хабермас), общество организации, наблюдения и контроля (Э. Гидденс), общество потребления, в том числе информационного (Ж. Бодрийяр), индивидуализированное общество (З. Бауман). Во-вторых, эти трактовки не выступают как альтернативные, а раскрывают многообразие черт нового типа общества. В его интегральной оценке научные и технологические инновации рассматриваются как распространяемая и

используемая информация. Исходя из наличия такого источника информации, как знание, возникает тенденция считать термин «общество знания» тождественным термину «информационное общество», раскрывающим при этом главные источники производства и распространения информации. В третьих, есть и более радикальная точка зрения, настаивающая на замене термина «постиндустриальное общество» термином «общество знания» как наиболее адекватного специфике сегодняшнего этапа. Мы, со своей стороны, считаем, что «общество знаний» не сводятся к информационному обществу. Становление мирового информационного пространства – плода новых революционных технологий, являются лишь средством создания «настоящих обществ знания».

При этом теории, призванные подчеркнуть переход общества на новую ступень развития, обращают внимание больше на смену базовых социально-экономических и политических параметров, что вызывает соответствующие изменения и в институциональной сетке общества [1, с. 104]. Иначе говоря, формирующееся сегодня общество знания принципиально амбивалентно. С одной стороны, оно рассматривается как производное от информационного общества, когда в центр внимания попадают возможности и перспективы производства и доступности информации, обеспечивающие новые информационные и коммуникационные технологии. А с другой стороны, общество знаний должно рассматриваться с точки зрения возникающих при этом рисков в горизонтах познавательных и жизненных стратегий.

Наш собственный подход базируется том, что логика генезиса понимания и трактовок общества знания, а также идей, выдвигаемых в русле исследования данного феномена, во многом определяется логикой изменения социально-экономических структур, на фоне которых происходит стремительное развитие технологий и новых тенденций в культуре. Такие изменения затрагивают сущностные интересы людей, стран и народов, побуждая наших современников переосмысливать собственную роль в меняющемся мире, заново определять перспективы реализации имеющихся возможностей, личных способностей и талантов. В целом же исследование политико-экономических смыслов и коннотаций концепта «общество знаний», предпринятое нами с учетом общепланетарных социокультурных трансформаций, показало: на настоящий момент (отчасти по причине сложности и многоплановости самого объекта изучения – феномена «общество знаний») речь идет лишь о начальной стадии экзemplификации новых методологических идей и представлений в данном направлении. Но сам факт наличия и роста такого слоя исследований говорит, что он уже сейчас отражает достаточно общие тенденции, аккумулирующие в себе наиболее «свежие» изменения в области методологического мышления.

Мы думаем, что на стадии индустриальной цивилизации и вхождения мирового сообщества в общество будущего (общество знаний) активное участие науки в формировании мировоззрения в рамках достижения объективного истинного знания о мире, мягко говоря, неоспоримо. А оформление ее прагматической ценности – это возможность постоянного и систематического внедрения в производство своих результатов, реализующихся в виде новой техники и технологий.

Предшествующий исторический опыт доиндустриальной эпохи по практическому использованию научных знаний (хотя и не систематический) способствовал пониманию практической значимости науки. Неслучайно ведь радикальные изменения статуса, места и роли науки в обществе позволили К. Марксу отметить применительно к данному периоду истории, что «научный фактор впервые сознательно и широко развивается, применяется и вызывается в таких масштабах, о которых предшествующие эпохи не имели никакого понятия» [29, с. 556]. В XIX в. научное знание становится не только ведущей интеллектуальной силой, но и ядром цивилизационного развития, ценностно-мировоззренческой основой техногенной западной цивилизации. Уровень развития науки и техники в данный период обретает значение доминанты, оказывающей значительное воздействие на характер общественных отношений. Здесь продукты интеллектуального труда становятся специфическим товаром и далее, через становление правовых форм интеллектуальной собственности, включаются в целостную систему капиталистического (индустриального) товарно-денежного производства.

Вторая группа выводов базируется на результатах, полученных в ходе анализа «общества знаний» на этапе постиндустриализма или так называемого научно-инновационного индустриализма.

Здесь мы выделяем систему основных (но не являющихся завершенными) характеристик данного типа общества, подчеркивающих его качественную специфику, отмечая, что с переходом к техногенной цивилизации, в недрах которой наука превратилась в социальный институт, важной особенностью научного знания является его специализация, ставшая прелюдией для обретения проблематикой знания ее особой остроты в начале XXI в., когда основным системообразующим ресурсом цивилизационного развития становятся знание и информация, подлежащая цифровому кодированию и передаче от источника к получателю через средства связи.

В этой связи становится понятным, почему данная проблематика с новой силой выступает областью повышенной напряженности, «полем битвы» за обладание знаниями, придавая новые смыслы беконовскому «знание – сила» и не менее известному «знание – это власть» М. Фуко. В сегодняш-

нем «когнитивном капитализме» эти тезисы связываются с актуализацией понятия «человеческий», «культурный», «интеллектуальный» капитал, а также используются для обоснования концепта «практики себя» и прогресса человеческих «практик свободы».

Выявление качественной специфики формирующегося «общества знаний» включает в себя: признание радикальных изменений, привносимых формирующимся обществом в само ядро существующей социальной структуры, и оценки этих изменений как иницирующих новый способ производства; признание процессов создания принципиально нового механизма непосредственного применения информации и знания как в производственной, так и сервисной сферах, что выражается в фокусировании внимания на процессе непрерывного обучения при ведущей роли университетской культуры как важнейшего инструмента инновационного развития общества; признание процессов создания «виртуального предприятия» саморефлективной системой, способной самоперестраиваться и переструктурироваться в соответствии с запросами и колебаниями

Специфику научного производства знаний на современном этапе, а также факторы, оказывающие влияние на изменение характера научной деятельности, мы резюмируем тезисно, центрируясь на инновационном сегменте в образовательной мировой системе. Здесь философской рефлексии подвергаются организационные трансформации европейской «высшей школы», поскольку они отражают возрастающий дисбаланс между требованиями, предъявляемыми обществом к университетам, с одной стороны, и их способностью отвечать на эти требованиям, с другой.

С этих позиций интерес представляет экспериментальный опыт зарубежных ученых по анализу реформирования университетской образовательной системы посредством предпринимательской деятельности. Общий лейтмотив перемен на данном поле – воспитание интегрированной предпринимательской культуры как культуры деятельности, ориентированной на изменения в институциональной перспективе.

Интерес представляет и проблема конвертации знания в интеллектуальную собственность и превращенные формы измерения интеллектуального труда. В целом аналитика «общества знания» подводит нас к выводу о проблемной непрозрачности его содержательной стороны. Это иллюстрируется рядом «узких мест», аспектов, требующих не только практических, но, что важно, нравственных ракурсов их решения (в их ряду проблема гегемонии научно-технической модели в определении производительного знания, дисбаланс, в области доступа к знанию в национальном и в глобальном масштабе; новые возможности манипулирования сознанием людей посредством создания мнимых/иллюзорных ценностей (особенно – моральных и этических), ложных образов, маскирующих действительность.

Особую тревогу вызывают, на наш взгляд, те стороны «нового» общества, которые направлены на дезинтеграцию личности человека и традиционных для европейской культуры ориентиров. Именно в отношении к «феномену человека» наиболее ярко «высвечивается» разрушительная роль новых информационных технологий, привносимых новыми технологиями в социокультурную среду.

Спектр этих проблем еще недостаточно четко артикулирован и не стал предметом систематического обсуждения, что опять-таки открывает пространство для новых исследований в данном проблемном поле. Нам представляется, что, поскольку сегодня парадигма «общества знаний» приобретает черты нового социального идеала, определяющего направленность познавательных и жизненных стратегий третьего тысячелетия, постольку возникает необходимость в рефлексивном использовании этой идеи в качестве операционального инструментария применительно к характеристикам нового этапа развития.

В целом мы видим, что впервые в истории культуры знание из подчиненного элемента человеческой деятельности стало определять вектор течения общественной жизни, наряду с другими основаниями позволяя говорить о формировании «общества знаний». Но речь идет не о сроках: «Сто или двести лет представляются большой дистанцией по сравнению с длительностью человеческой жизни, но на часах мировой истории это просто миг» [28, с. 232]. Разумеется, все эти аспекты и ракурсы исследования «общества знаний» не исчерпывают полноты и сложности данного феномена, заявившего о себе в самых разных политико-экономических смыслах и и рациональных философско-научных значениях.

Список литературы References

1. Аникин А.Д. Топосы социальной памяти в обществе риска. Саратов, 2011.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева ; Центр исслед. постиндустр. о-ва, журн. «Свободная мысль». М., 2002.

3. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну; пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М., 2000.
4. Бехманн Г., Горохов В.Г. От знания к действию: трансформация научных и технических исследований в современном обществе знания // Эпистемология и Философия науки. 2008. Т. XVI, № 2. С. 188-194.
5. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний; пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Г.В. Гороховой, Д.В. Ефремова, В.В. Кагаечук, С.В. Месяц. 2-е изд. М., 2012.
6. Бондаренко Е.А. Интеллектуалы, интеллектуальный труд и культурный капитал в исторических системах духовного производства. Дисс. ... к. филос. н. / 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры. Белгород: НИУ «БелГУ», 2014.
7. Бурдьё П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования [пер. Н. А. Шматко]; Моск. высш. шк. социал. и экон. наук. М., 2007.
8. Бурдьё П. Практический смысл; пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб., 2001.
9. Бэлл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.
10. Гидденс Э. Последствия современности. Пер. с англ. Г.К. Ольховникова; Д.А. Кибальчича; вступ. Статья Т.А. Дмитриева. М., 2011.
11. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капита; пер. с нем. и фр. М.М. Сокольской. М., 2010.
12. Духовное производство: Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., 1981.
13. Ефременко Д.В. Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // Вопросы философии. 2010. №1. С. 49-61.
14. Игнатова В.С., Римский В.П. Генезис науки, инноваций и научного университета (к девяностолетию со дня рождения М.К. Петрова) // Наука. Культура. Искусство / БГИИК. Белгород, 2012. № 2. С. 61-75.
15. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000.
16. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе/ Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. Екатеринбург, 2004.
17. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
18. Кларк Б.Р. Поддержание изменений в университетах: преемственность кейс-стади и концепций; пер. с англ. Е. Степкиной. М., 2011.
19. Кларк Б.Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-нац. перспективе; пер. с англ. А. Смирнова. М., 2011.
20. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации; пер. с англ. А. Смирнова. М., 2011.
21. Клейнер Б.Г. Становление общества знаний в России: социально-экономические аспекты // Общественные науки и современность. 2005. №3. С. 59-69.
22. К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Изд-во ЮНЕСКО. Париж, 2005.
23. Колпаков, В.А. Эволюция экономической теории: от А. Смита к неосмитианству // Вопросы философии. 2006. №11. С. 73-84.
24. Концепции «общества знания» в современной социальной теории. Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. М., 2010.
25. Корчагин, Ю.А. Человеческий капитал и инновационная экономика России. Воронеж, 2012.
26. Лауреаты Нобелевской премии по экономике: автобиографии, лекции, комментарии; Рос. акад. наук; ред. В. В. Окрепилов. Т.1: 1969-1982. СПб., 2007.
27. Лауреаты Нобелевской премии по экономике: автобиографии, лекции, комментарии; Рос. акад. наук; ред. В. В. Окрепилов. Т.2 : 1983-1996. СПб., 2009.
28. Мареева Е.В., Мареев С.Н., Майданский А.Д. Философия науки. М., 2010.
29. Маркс К. Экономическая рукопись 1861-1863 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1974. Т. 47.
30. Режабек Е.Я. Капитализм: проблема самоорганизации. Ростов н/Д, 1993.
31. Ридингс Б. Университет в руинах; пер. с англ. А. Корбута. М., 2010.
32. Румизен М.К. Управление знаниями: пер. с англ. М., 2004.
33. Соломатина Е.О. «Общество знания»: новые тенденции в стратегии образования: социально-филос. анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. М., 2011.
34. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI в. М., 2001.
35. Юдин Б.Г. Человек и наука в обществе знаний // Человек в интеллектуальном и духовном пространствах. М., 2010. С. 231-253.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

УДК 343.359.2

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ (ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 70-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ УСТАВА ООН)

UNITED NATIONS: PAST, PRESENT AND FUTURE (REVIEW OF MATERIALS INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE, THE 70-TH ANNIVERSARY OF THE ADOPTION OF THE UN CHARTER)

Е.Е. Тонков, М.В. Маркгейм, Л.А. Пожарова
E.E. Tonkov, M.V. Markheim, L.A. Pozharova

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: E.Tonkov@bsu.edu.ru, markheim@bsu.edu.ru, pozharova@bsu.edu.ru

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, право, экономика, международное взаимодействие, глобализация, реформирование, модернизация, правозащитные риски.

Key words: United Nations, law, economics, international cooperation, globalization, reform, modernization, human rights risks.

Аннотация. В обзоре конференции представлена серия пленарных докладов, иллюстрирующих гуманитарные аспекты деятельности Организации Объединенных Наций, вопросы повышения эффективности международного взаимодействия, способы выявления социально-экономических противоречий и кризисов современности, их сущности и духовно-нравственных истоков, проблемы институционального, кадрового, и функционального реформирования ООН, глобализации и перспектив развития международного права, его влияния на процесс политико-правовой модернизации в России, международной корректировки правозащитных рисков. Сделан вывод, что реформирование ООН должно служить благородным и практически значимым общим целям, изложенным в Уставе Организации, а не выступать средством, ориентированным на испытание аксиологических уставных конструкций.

Основной задачей данной статьи является обзор материалов Международной научно-практической конференции «Организация Объединенных Наций: прошлое, настоящее и будущее», посвященной 70-летию принятия Устава ООН

Resume. The review conference is a series of plenary lectures illustrate the humanitarian aspects of the United Nations, the issues of increasing the effectiveness of international cooperation, ways to identify the socio-economic contradictions and crises of our time, their nature and the spiritual and moral roots, the problems of institutional, human and functional reform of the United Nations, globalization and the prospects of development of international law and its impact on the process of political and legal modernization in Russia, an international human rights risk adjustment. It is concluded that the UN reform should be a noble and practical significance of the general objectives set out in the Charter of the Organization and not constitute a means-oriented test axiological statutory structures.

The main objective of this article is to review the materials of the International scientific-practical conference «United Nations: Past, Present and Future», dedicated to the 70th anniversary of the adoption of the UN Charter.

Международная научно-практическая конференция «Организация Объединенных Наций: прошлое, настоящее, будущее», посвященная 70-летию принятия Устава ООН, прошла 23-24 октября 2015 г. в Белгородском государственном национальном исследовательском университете (НИУ «БелГУ»). Она была организована Юридическим институтом НИУ «БелГУ», а также Варминско-Мазурским университетом в Ольштыне (Польша) и Великотырновским университетом Святых Кирилла и Мефодия (Болгария).

В конференции приняли участие более 70 ученых, государственных и общественных деятелей из 11 стран и 20 субъектов федерации, а также студенты и аспиранты белгородских вузов.

Пленарное заседание открыла первый проректор НИУ «БелГУ», доктор экономических наук, профессор **Т.В. Балабанова**, которая рассказала участникам конференции о Белгородском государственном университете, отметив высокие достижения коллектива вуза в научной, образовательной, культурной и международной деятельности. Т.В. Балабанова подчеркнула, что НИУ «БелГУ» стремится к тому, чтобы войти в число глобальных университетов и взаимодействовать с ведущими мировыми организациями. «Мы уже подписали ряд соглашений с представителями Организации Объединенных

Наций и наметили дальнейшие мероприятия по взаимодействию НИУ «БелГУ» и ООН. Конференция, которую мы проводим сегодня – это один из тех шагов, который выводит наш университет на мировой уровень», – отметила Татьяна Валерьевна.

От имени губернатора Белгородской области и органов законодательной власти региона к участникам обратился первый заместитель председателя Белгородской областной Думы, доктор технических наук, профессор **А.И. Скляров**. Он отметил, что в современном мире стираются границы между национальным и международным правом, а проблемы, возникающие в мировом сообществе, должны решаться только сообща.

Уполномоченный по правам человека в Белгородской области **А.Г. Панин** отметил, что результаты научной конференции помогут научному сообществу работать над улучшением ситуации в мире.

Участников конференции приветствовала начальник управления профессионального образования и науки департамента внутренней и кадровой политики Белгородской области, доктор психологических наук, профессор **А.А. Бучек**. «Мы все живём в большом доме, где тенденции мирового развития заставляют нас думать глобально, и поэтому наша конференция посвящена построению мостов взаимодействия между странами. Желаю всем участникам конференции плодотворного сотрудничества, интересной работы и новых идей», – отметила Альбина Александровна.

После официального открытия конференции участники перешли к пленарному заседанию. Его модератором стал заместитель председателя Оргкомитета, директор Юридического института НИУ «БелГУ», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ **Е.Е. Тонков**.

Вице-председатель Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, заведующий кафедрой международного права РУДН, профессор, доктор юридических наук, председатель Комиссии международного права Российской Ассоциации содействия ООН **А.Х. Абашидзе** не совсем обычно назвал свой доклад: «**ООН была создана не для того, чтобы привести человечество в рай, а скорее для того, чтобы спасти человечество от ада**». Он отметил, что в целом мы наблюдаем заметные изменения в мировой политике и международных отношениях. Международное сообщество в чем-то модифицируется, однако оно в целом остается неизменным [Roberts, Kingsbury: 1] во многих аспектах. Прежде всего, стержнем мировой политической системы и основным субъектом международных отношений и международного права по-прежнему остаются суверенные государства: за ними по-прежнему сохраняется исключительное право в деле принятия решений в мировой политике и в рамках международных организаций; суверенные государства по-прежнему стремятся к реализации национальных интересов в международных отношениях без потери существенных элементов суверенитета, прежде всего суверенных прав. Безусловно, глобализация влияет на суверенитет государств, однако нет никаких оснований говорить о стирании государственных границ, о «конце географии» [O'Brien, 1992]. По-прежнему для ООН краеугольным остается требование п. 7 ст. 2 Устава, согласно которому Устав не дает ООН прав вмешиваться в дела, «по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от Членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава».

По мнению А.Х. Абашидзе, сегодняшний мир похож на «анархию» суверенных государств. При наличии ООН, Специализированных учреждений системы ООН, региональных объединений государств с наднациональными полномочиями (например, Европейский союз), разнообразных концепций о «глобальном управлении» [Murphy, 1994] и т.д. мы, тем не менее, не можем говорить о каких-либо признаках «мирового правительства». Парадокс заключается в том, что ООН изначально поставлена в такую ситуацию, когда она должна одновременно выступать и за триумф, и за эрозию суверенитета государств-членов. Однако она доказала свою способность быть центром согласования действий суверенных государств и выступать в качестве универсального инструмента коллективной безопасности. Ей нет альтернативы в условиях, когда ключевая роль в решении различных вопросов международных отношений отводится суверенным государствам. Следовательно, вывод однозначный: государства-члены ООН должны проявить политическую волю для того, чтобы «превратить» ООН в еще более эффективную Организацию, отвечающую всем требованиям современного развития в условиях все более взаимосвязанного мира.

Представитель Верховного комиссариата ООН по делам беженцев в России **Баиса Вак-Войя** в своём докладе осветил гуманитарные аспекты деятельности организации объединённых наций и роль Управления Верховного комиссариата ООН по делам беженцев в международной политике. По его словам, в 19 лет он приехал в СССР из Эфиопии в составе целой группы из 500 человек, которых отправило правительство на учебу в РУДН им. Патриса Лумумбы. «Я выражал своё мнение, что наш правитель убил всех, кто против него. Я сам был марксистом, но убивать за то, что человек не любит марксизм, это неправильно. Меня лишили гражданства Эфиопии, забрали паспорт. У меня было студенческое удостоверение, и я по нему 6 лет жил без паспорта», – рассказал Баиса Вак-Войя.

По его мнению, чиновники во многих странах не очень понимают, что это долг государства защищать беженцев. Нет искреннего желания помогать. А беженцы – самые незащищенные, поэтому с добрым сердцем надо к ним отнестись. Мигранты могут всегда вернуться домой, а беженцы не могут. Здесь будет их будущий дом. Надо относиться, как священник, с хорошим духом, но это отсутствует. Внутри страны совсем другое – люди добрые, но для всего мира это неизвестно, потому что ваше лицо закрыто.

Декан юридического факультета Великотырновского университета, доктор юридических наук, профессор **Ц.Г. Сивков** (Болгария) остановился на необходимости реформирования Совета безопасности ООН. Практически почти все государства в ООН разделяют взгляд, согласно которому реформа состава СБ необходима и полезна, но естество такой реформы является проблемой, для решения которой не хватает консенсуса. Более того, изменение состава СБ немыслимо без изменения УООН, т.е. чтобы оно состоялось, нужно достигнуть не только широкого консенсуса в Генеральной Ассамблее (2/3 членов-государств ООН), но и полного согласия со стороны пяти постоянных членов СБ. Несмотря на множество внесённых проектов резолюций и проведенных дискуссий, уже больше двух десятилетий реформа числа членов СБ не проводится. Болгария рассматривает реформу СБ в качестве части целостной реформы ООН, без которой эта реформа была бы незаконченной. Болгария поддерживает такое расширение Совета Безопасности, которое в состоянии генерировать возможно наиболее широкий консенсус, и в этом контексте поддерживает расширение СБ в обеих категориях – в принятии постоянных и непостоянных членов. В качестве члена восточно-европейской региональной группы в ООН Болгария категорично настаивает (при всех возможных вариантах расширения СБ) на обеспечении как минимум одного дополнительного непостоянного места страны-представителя той группы, чьи члены удвоились в последние годы. Время реформы Совета Безопасности ООН давно наступило. Новые глобальные угрозы миру и безопасности обязывают мировое сообщество искать компромисс, ведущий к превращению Совета Безопасности в широко представленный и эффективный орган, способный обеспечить выполнение цели ООН, не случайно указанной в ч. 1 ст. 1. Устава ООН – принимать эффективные коллективные меры предотвращения и устранения угроз миру и подавления действий агрессии или других нарушений мира.

Заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института НИУ «БелГУ», доктор юридических наук, профессор **М.В. Мархгейм** выступила с докладом «**Устав ООН: испытание переоценкой ценностей**». Она обратила внимание на опасность подвергать пересмотру такой общий для всех государств знаменатель как ценность равенства государств в своем суверенитете. По ее мнению, это единственный корректный критерий сравнения столь разных стран. Государственные деятели государств-членов ООН в сложившемся миропорядке могут стать мишенью ввиду неугодности «сверхдержаве». Разрушается ценность общей договоренности, добросовестное выполнение которой адресовано всем государствам-членам ООН как императив. Реформирование ООН не должно приводить к ослаблению ценностной основы уставных целей и принципов.

Профессор кафедры международной экономики и мирового хозяйства Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, доктор экономических наук **В.В. Компаниец** (Украина) подчеркнула, что две страшные мировые войны и отчаянные попытки западной цивилизации зафиксировать свое привилегированное положение путем установления на всей планете глобальной диктатуры в рамках той или иной модели «нового мирового порядка» подтверждают горькую правоту оценок «русского американца» Питирима Сорокина. Следующий признак упадка западной цивилизации, закономерно вытекающий из неверия, уничтожения духовной жизни, традиций – это угасание духовного творчества, угасание культуры. Еще в начале XX века, характеризуя западную цивилизацию, О. Шпенглер отмечал, что для западноевропейского человечества уже поздно ждать большой живописи или музыки. Все силы угасающей культуры сосредоточиваются в технике [Шпенглер, 2009]. Человечество теряет смысл своего существования и наступает нусогенный кризис – кризис осмысления бытия всего человечества и каждого человека в условиях динамично изменяющейся реальности и нарастания числа локальных и мировых вызовов. Сегодня человек, «заикливаясь на материальном», перестает чувствовать себя личностью, чувствует себя беспомощным и незащищенным от внешней быстро изменяющейся среды. Но чувствуя все это (часто это выражается в хронической депрессии), он становится неспособным понять причину катастрофы, происходящей с ним и со всем миром. Человек не только не успевает осмыслить суть происходящего, потому что у него не хватает времени и сил для этого (необходимо зарабатывать, чтобы выжить или хорошо жить – для кого как, а также потреблять, заботиться о своем здоровье – а все это требует огромного времени), он уже почти не способен понять, что происходит, поскольку его отучают думать. Кстати, современные реформы в образовании нацелены именно на то, чтобы отучить человека думать, различать добро и зло, системно и целостно воспринимать окружающий мир, правильно ориентироваться в происходящем.

Профессор кафедры административного и международного права Юридического института НИУ «БелГУ», доктор юридических наук **Е.В. Сафронова** в своем докладе «**Глобализация и перспективы развития международного права**» остановилась на основных противоречиях между различными государствами, которые сосредоточены в экономической, технологической и финансовой сферах. При этом в настоящее время в условиях глобализации и интернационализации международной хозяйственной жизни появляется новый узел противоречий: между транснациональными корпорациями и национальными государствами. Современная финансовая олигархия ТНК стремится вывести передовые производства из-под контроля государственных режимов, а государственная политическая элита пытается закрепить космополитические сгустки капиталов на своей национальной почве. Столкновение этих противоположных устремлений порождает острые противоречия.

Новые тенденции в развитии базисных отношений не могут не отражаться на развитии надстройки – международного права, которое тоже развивается весьма противоречиво. С одной стороны, стандартизация международного права оказывает влияние на развитие внутригосударственного права, иницируя явления унификации и правовой аккультурации. С другой стороны, серьезную обеспокоенность вызывает появление автономных норм, правовых институтов и отраслей правовой практики, происходящее при относительном игнорировании правотворческой и институциональной активности в смежных областях и общих принципов и методов международного права. Это явление, получившее название фрагментации международного права, приводит к коллизиям между нормами или комплексами норм, и грозит утратой общей международно-правовой перспективы.

Признавая тенденцию формирования многополярности мира, Е.В. Сафронова считает, что будущее международного права зависит от множества факторов, среди которых важнейшим выступают международные экономические отношения. В условиях экономического доминирования США, ЕС, Японии, а также крупнейших ТНК, связанных с политическими элитами этих «центров экономической силы» требования международного признания транснационального экономического (квази-международного) права будут звучать все настойчивее. Послужит ли это обеспечению государственных и общенациональных интересов? Скорее нет. Деятельность ТНК может и должна регулироваться путем взаимодействия международного и внутригосударственного права. В связи с этим, задачей международного сообщества в настоящее время выступает сохранение согласительного (координационного) характера международного права, служащего гарантом суверенных прав государств и их народов. Прогрессивное развитие международного права возможно только в условиях баланса интересов между государствами различных цивилизационных типов.

Директор Юридического института НИУ «БелГУ», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ **Е.Е. Тонков** в докладе «**Влияние международного права на процесс политико-правовой модернизации в России**» сделал вывод, что современная международная обстановка иницирует ускоренное развитие процесса политико-правовой модернизации, однако не в ущерб суверенитету России. Если рассматривать модернизацию как универсальный процесс адаптации к меняющимся условиям, то сущность политико-правовой модернизации заключается в приведении содержания политики и права не только в соответствие с международным правом, но, в первую очередь, в соответствие с потребностями российского общества. Целесообразность решения данной проблемы в условиях кризиса объясняется не только потребностями собственно научного анализа, но и необходимостью совершенствования политической и юридической практики.

Правовое положение граждан всегда определялось внутренним правом и рассматривалось как внутреннее дело государства. После принятия в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека и разработки в рамках ООН международных пактов и других договоров о правах человека постепенно сформировался принцип, согласно которому права человека хотя и регулируются в основном внутригосударственным правом, но не являются исключительно внутренним делом государства.

Более того, законодательства стран должны соответствовать международным стандартам о правах человека, а участники договоров и международные организации имеют право выступать в защиту прав граждан других государств, используя при этом политические или дипломатические средства. Теперь это не считается, как прежде, вмешательством во внутренние дела, хотя некоторые государства, в том числе и Россия, нередко с раздражением реагируют на такие акции. По мнению Е.Е. Тонкова, применение мер по защите прав человека в другой стране допустимо только при нарушении норм, содержащихся в международных договорах. Сложившаяся ситуация, которая сопровождается усилением интереса к рассмотрению региональных и глобальных проблем в различных сферах правового регулирования, требует качественно иных видов анализа, выявления и прогнозирования тенденций развития права, по сути дела, новой методологии, способной в определенной степени упорядочить формирующиеся новые направления научного знания.

Доцент кафедры теоретической и практической психологии Казахского государственного женского педагогического университета **В.В. Чистов** отметил, что Казахстан заслужил широкое

признание в ООН как государство, имеющее взвешенный и конструктивный подход к решению мировых проблем. Он всецело поддерживает миротворческую деятельность ООН. Свидетельством этому является подписанный в 2003 г. Меморандум о создании Казахстанского миротворческого батальона «Казбат», который предоставляет персонал, бронетехнику и транспорт для миротворческих операций, участвуя в системе ООН для операций по поддержанию мира. Казахстан также выступает за укрепление партнерских связей между странами-членами ООН в борьбе с организованной преступностью, наркоугрозой, незаконной миграцией, религиозным экстремизмом, бедностью и распространением ВИЧ/СПИДа. В связи с этим Казахстан активно участвует в деятельности, связанной с реализацией Целей развития тысячелетия и принципов устойчивого развития. Приверженность Казахстана своим обязательствам по реализации данных целей и принципов является краеугольным камнем в основе дальнейшего расширения сотрудничества Республики с ООН и организациями ее системы.

Заместитель директора Юридического института НИУ «БелГУ» по научной и международной деятельности, кандидат юридических наук, доцент **А.Е. Новикова** в докладе «**Международная корректировка правозащитных рисков: универсальный уровень**» привела обоснование того, что одним из определяющих векторов обновленной конституционной стратегии России является право личности в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации) [Конституция РФ (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках от 05.02.2014 № 2-ФКЗ)]. Вводимые в национальное законодательство общепризнанные принципы, нормы, а в соответствии с ними и механизмы, должны опираться и взаимодействовать с оправдавшими себя традиционными правозащитными институтами России. Указанное направление предполагает наличие возможности для личности использовать наряду с нормами национального законодательства международно-правовые нормы. Конституционно-правовая политика должна быть направлена на создание прецедентов применения норм международного права, предоставления организационно-материальных условий и правовых гарантий для осуществления декларируемых в Конституции РФ положений. Универсальный уровень международного правового регулирования представлен большим количеством актов, касающихся человека, его прав и свобод и использующих в своем тексте дефиниции. С одной стороны, данную практику следует признать положительной, так как она оказывает позитивное влияние на последующую унификацию и гармонизацию норм национального и международного права. Вместе с тем, разработчики международных правовых актов допускают ошибки в применении правил юридической техники при построении норм-дефиниций, что в конечном итоге затрудняет уяснение ключевых положений, смысла предписаний и в конечном итоге способствует развитию рисковей ситуации, в которой из-за неверной терминологической интерпретации будут нарушены субъективные права.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета, доктор юридических наук **В.П. Беляев** (г. Курск) считает, что систематизация накопленного правотворческого и правоприменительного опыта, выработка предложений, направленных на оптимизацию правозащитного законодательства, в совокупности с общетеоретическими разработками в данной сфере позволит обеспечить законное и обоснованное применение субъектами средств правовой защиты и плодотворно решать задачи по стабилизации современного российского общества. Тенденцией последних лет является признание отраслевыми науками (в частности конституционным, административным, гражданским и уголовным правом) правовой защиты гражданина в качестве межотраслевого юридического института. Нельзя также не сказать и о том, что при изучении юридического механизма применительно к правам и свободам человека мы неизбежно сталкиваемся с конкуренцией таких понятий, как «механизм обеспечения прав и свобод», «механизм охраны прав и свобод» и «механизм защиты прав и свобод». Существование параллельно данных понятий объясняется достаточно просто. Так, ст. 45 и 46 Конституции РФ содержат формулы: «государственная защита прав и свобод человека и гражданина», «судебная защита прав и свобод», «внутригосударственные средства правовой защиты». Кроме данных терминов, в действующем законодательстве содержатся дефиниции «охрана» и «обеспечение» прав и свобод человека, «правовая» и «юридическая защита». Во многих нормативно-правовых актах предусмотрена презумпция охраны и защиты прав человека.

Директор Дипломатической академии **Ц. Свобода** (Чехия) в своем выступлении рассмотрел пути укрепления авторитета Совета безопасности ООН, а его коллега, директор по международным образовательным программам и маркетингу Центрального университета Богемии **А. Лесник** охарактеризовал международные стандарты в сфере образования. Ученые факультета права Вармин-

ско-Мазурского университета в г. Ольштыне (Польша) **К. Фраковяк** и **М. Петкевич** рассказали о правовых мерах борьбы с морским пиратством в контексте Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Доцент кафедры конституционного, муниципального и административного права Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **А.П. Забайкалов** подчеркнул, что наиболее четко основные стандарты избирательного права сформулированы в Руководящих принципах относительно выборов, принятых Венецианской комиссией на 51-й пленарной сессии 5-6 июля 2002 года [Проведение выборов: Европейские стандарты...]. В частности, они предусматривают, что в основе избирательного наследия Европы лежат следующие принципы: всеобщее, равное, свободное, тайное и прямое избирательное право; кроме того, выборы должны проводиться регулярно. Причем указанные принципы касаются не только выборов в органы государственной власти, но и в органы местного самоуправления. Статья 3 Европейской хартии местного самоуправления, подписанной в г. Страсбург 15 октября 1985 г. [СЗ РФ, ст. 4466] предполагает, что право местного населения регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею под свою ответственность осуществляется советами или собраниями, состоящими из членов, избранных путем свободного, тайного, равного, прямого и всеобщего голосования. Российская избирательная система отличается существенным динамизмом. Практически каждая избирательная компания проходит по новым правилам. С учетом относительной молодости современного российского государства поиски оптимального механизма реализации народовластия оправданы. В тоже время закрепление универсальных принципов избирательного права на высшем уровне позволили бы придать избирательной системе определенную стабильность. Тем более, что это соответствует практике ведущих мировых держав. Иначе на определенном этапе может возникнуть риск их игнорирования.

Доцент кафедры теории государства и права и конституционного права Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, кандидат юридических наук **М.В. Ишанова** исследовала роль международных судов и высказала мнение, что во многом благодаря усилиям отечественных правоведов международные суды стали особым явлением и ознаменовали новый этап в истории международных отношений. Их деятельность не должна сводиться только к разрешению юридических конфликтов, возникающих между государствами. От международных судебных учреждений ожидают содействия утверждению международного права, позитивного влияния на дальнейшее развитие национального законодательства.

Подводя итоги конференции, ее научный руководитель, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института НИУ «БелГУ», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ **Г.А. Борисов** в докладе «Устав ООН как правовое ядро соглашения добрых волей государств» отметил актуальность рассмотренной темы, а также творческий характер научных выступлений и на основании их обобщения подвел основные итоги форума.

Список литературы References

1. Roberts A., Kingsbury B. Introduction: The UN's Roles in International Society Since 1945 // United Nations: Divided World (2nd ed.) / A. Roberts, B. Kingsbury (eds.). – Oxford: Oxford University Press, 1993. – P. 1.
2. O'Brien R. Global Financial Integration: The End of Geography. – London: Pinter, 1992.
3. Murphy C.N. International Organization and Industrial Change: Global Governance Since 1850. – Cambridge: Polity Press, 1994.
4. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. – М. Эксмо, 2009. – 800 с.
Shpengler O. Zakat Yevropy / O. Shpengler. – M. Eksmo, 2009. – 800 s.
5. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2014. – № 9. – Ст. 851.
Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12 dekabrya 1993 g. (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 05.02.2014 № 2-FKZ) // SZ RF. – 2014. – № 9. – St. 851.
6. Руководящие принципы относительно выборов, приняты Венецианской комиссией на 51-й пленарной сессии 5-6 июля 2002 г. // Проведение выборов: Европейские стандарты и процедуры оценки (По материалам, предоставленным Европейской Комиссией за Демократию через Право Совета Европы) // http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/25539 (дата обращения 20.09.2015).

Rukovodyashchiye printsiipy otnositel'no vyborov, prinyaty Venetsianskoy ko-missiyey na 51-y plenarnoy sessii 5-6 iyulya 2002 g. // Provedeniye vyborov: Yevropeyskiye standarty i protsedury otsenki (Po materialam, predostavlennym Yevropeyskoy Komissiyey za Demokratiyu cherez Pravo Soveta Yevropy) // http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/25539 (data obrashcheniya 20.09.2015).

7. Европейская хартия местного самоуправления (совершено в г. Страсбург 15 октября 1985 г.) // СЗ РФ. –1998. –№ 36. – Ст. 4466.

Yevropeyskaya khartiya mestnogo samoupravleniya (soversheno v g. Strasburg 15 oktyabrya 1985 g.) // SZ RF. –1998. –№ 36. – St. 4466.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Артамонов М.А.** – начальник управления молодежной политики Министерства образования и науки Калужской области
- Артюх А.В.** – кандидат философских наук, сотрудник Белгородского государственного института искусств и культуры
- Батова О.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Беляев Д.А.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Липецкого государственного педагогического университета
- Борисов С.Н.** – доктор философских наук, проректор по научно-исследовательской и инновационной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры
- Варава В.В.** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Воронежского государственного университета
- Гирусов Ф.Э.** – кандидат юридических наук, старший преподаватель Гуманитарно-социального института
- Голубовский В.Ю.** – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского
- Гришин А.А.** – аспирант кафедры философии Воронежского государственного университета
- Гуцин Э.Н.** – аспирант кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Дятченко Л.Я.** – доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Иванский В.П.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Юридического института Российского университета дружбы народов
- Карачаров И.Н.** – кандидат искусствоведения, доцент кафедры музыкального образования Белгородского государственного института искусств и культуры
- Карачарова Т.И.** – кандидат педагогических наук, доцент заведующая кафедрой музыкального образования Белгородского государственного института искусств и культуры
- Кильдяшова Т.А.** – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова
- Ковальчук О.В.** – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Коденко И.А.** – ассистент кафедры таможенных операций и таможенного контроля Белгородского университета кооперации, экономики и права
- Козяр Н.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Комаров И.М.** – доктор юридических наук, профессор юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- Королева К.Ю.** – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Косолапова Н.А.** – экстерн кафедры конституционного и муниципального права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Липич Т.И.** – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета

-
- Лыткин В.В.** – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой религиоведения, социально-культурной антропологии и туризма Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского
- Ляхов А.В.** – соискатель кафедры культурологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета
- Маркова Н.М.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
- Мархгейм М.В.** – доктор юридических наук, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Мелешко Е.Д.** – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Мельников И.А.** – доктор социологических наук, профессор кафедры политологии, государственной и муниципальной службы Воронежского института экономики и социального управления
- Мельникова Р.И.** – доктор социологических наук, профессор кафедры политологии, государственной и муниципальной службы Воронежского института экономики и социального управления
- Надуткина И.Э.** – кандидат социологических наук, профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Невлева И.М.** – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы и психологии Белгородского университета кооперации, экономики и права
- Никодимов И.Ю.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского
- Ницфанов А.Н.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Новопавловская Е.Е.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
- Озерова М.М.** – аспирант кафедры социальных технологий Белгородский государственный национальный исследовательский университет
- Пожарова Л.А.** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Рождественская И.А.** – кандидат философских наук, доцент кафедры международного сотрудничества Тульского государственного им. Л.Н. Толстого
- Рубежанский С.И.** – аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Серищева В.С.** – аспирант кафедры гражданского права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Серкина Я.И.** – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры управления персоналом Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Сибирцева Ю.А.** – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова
- Синюкова Т.Н.** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского
- Соловьёва В.И.** – ассистент кафедры мировой экономики Белгородского государственного национального исследовательского университета

-
- Тонков Е.Е.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Худобин И.И.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шамардин Н.Н.** – аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шаповалов В.В.** – начальник отдела фармации управления по вопросам фармации и организационной работы Департамента здравоохранения Харьковской областной государственной администрации
- Шаповалова И.С.** – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шовгеня С.А.** – старший преподаватель кафедры управления персоналом Белгородского государственного национального исследовательского университета